

СКАЗКИ
НАРОДОВ
РОССИИ

Annotation

В книге собраны сказки 34 народов России. Из них можно узнать о быте, образе жизни каждого народа. Сказки прославляют ум, честность, смекалку, трудолюбие, героизм, товарищескую взаимопомощь.

В конце книги помещена этнографическая справка о каждом народе.

- [«Сказки народов России»](#)
 -
 - [СКАЗКА ЛОЖЬ, ДА В НЕЙ НАМЁК](#)
 - [РУССКИЕ СКАЗКИ](#)
 - [ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ И МОРСКОЙ ЦАРЬ](#)
 - [КАК ИВАН — КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН БАРИНЮ ДА БАРИНА ПРОВЁЛ](#)
 - [АЛТРАПКА](#)
 - [НЕБЫЛИЦЫ](#)
 - [КАРЕЛЬСКИЕ СКАЗКИ](#)
 - [ЛИСА, ВОЛК И МЕДВЕДЬ](#)
 - [БЕДНЯК И СУДЬЯ](#)
 - [ЧЁРНАЯ УТОЧКА](#)
 - [СААМСКИЕ СКАЗКИ](#)
 - [ЖЕНИХ ИЗ ЧУЖОЙ ЗЕМЛИ](#)
 - [КАК БЕДНЯК ЗИМОВАЛ](#)
 - [КАК ПРИХОДИЛА ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ](#)
 - [НЕНЕЦКИЕ СКАЗКИ](#)
 - [БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ И БУРЫЙ МЕДВЕДЬ](#)
 - [ТРИ СЕСТРЫ — ТРИ НЕВЕСТЫ](#)
 - [ДВА БРАТА И ВЕЛИКАН](#)
 - [КОМИ СКАЗКИ](#)
 - [ПЕРЯ-БОГАТЫРЬ](#)
 - [СТАРУХА ЙОМА И ДВЕ ДЕВУШКИ](#)
 - [МОРДОВСКИЕ СКАЗКИ](#)
 - [ДУБОЛГО ПИЧАЙ](#)
 - [ДЕВУШКА-БЕРЁЗКА](#)
 - [ТАТАРСКИЕ СКАЗКИ](#)
 - [ШУРАЛЕ](#)
 - [ТРИ СОВЕТА ОТЦА](#)

- ЧТО ДОРОЖЕ?
- КАЛМЫЦКИЕ СКАЗКИ
 - КТО СИЛЬНЕЕ?
 - ВЕЛИКИЙ ХАН И ДРАГОЦЕННЫЕ ЕГО ДРУЗЬЯ
- АДЫГЕЙСКИЕ СКАЗКИ
 - МЕДВЕДЬ, ВОЛК, ЛИСА И КАБАН
 - КТО БОЛЬШЕ?
- НОГАЙСКИЕ СКАЗКИ
 - МУДРОСТЬ СТАРИКОВ
 - ДВА ТОВАРИЩА
- КАБАРДИНСКИЕ СКАЗКИ
 - ОХОТНИК И ХАНСКАЯ ДОЧЬ
 - МАЛЫШ И ВЕЛИКАН
- БАЛКАРСКИЕ СКАЗКИ
 - ВЕРБЛЮД, ЛИСА И ВОЛК
 - ДВА ХАНА
- ОСЕТИНСКИЕ СКАЗКИ
 - АЛЫП
 - СТО ЛОШАДЕЙ ИЛИ СТО ДРУЗЕЙ?
- ЧЕЧЕНСКИЕ СКАЗКИ
 - ВЕЛИКИЕ ШЕЙХИ
 - КОГО ВЫБРАТЬ?
- ИНГУШСКАЯ СКАЗКА
 - КАК ФУШТ-БЕЙГ ЗАРАБОТАЛ У ВЕДЬМЫ ЖЕРЕБЕНКА
- АВАРСКИЕ СКАЗКИ
 - ЛЕВ, ВОЛК И ЛИСА
 - СУД
 - ЖЕНА ГОРЦА
- МАНСИЙСКИЕ СКАЗКИ
 - ЭКВА-ПЫРИСЬ И ПТИЦА ТОВЛЫН-КАРС
 - ЭКВА-ПЫРИСЬ И ЖУРАВЛЬ
- НГАНАСАНСКИЕ СКАЗКИ
 - ЧИНА-БАРАНГУЙ
 - СИЛАЧ САНГУДЫ
- ЭНЕЦКИЕ СКАЗКИ
 - БЕЗГОЛОВЫЕ ЛЮДИ
 - ВОЙНА С ЮРАКАМИ
- СЕЛЬКУПСКИЕ СКАЗКИ
 - ИЧЕКОЧКО И БОГАТЫЙ КУПЕЦ КОРСЭ

- [КАК ИЧЕКОЧКО ВЕРНУЛ СТАРИКУ ГЛАЗА](#)
- [КЕТСКИЕ СКАЗКИ](#)
 - [УНЬГЕТ И ТИЛЬГЕТ](#)
 - [ЖЕНЩИНА И ФЫРГЫНЬ](#)
- [ТУВИНСКИЕ СКАЗКИ](#)
 - [БОГАТЫРЬ КУЛЮГ](#)
 - [ОСКЮС-ООЛ И ДОЧЬ КУРБУСТУ-ХАНА](#)
 - [ОСКЮС-ООЛ, ПОСТИГШИЙ ТРИ НАУКИ](#)
- [ТОФАЛАРСКИЕ СКАЗКИ](#)
 - [КАК НАКАЗАЛИ МЕДВЕДЯ](#)
 - [УМНАЯ ДЕВУШКА И ХАН УЛУЗУН](#)
 - [ЖИВАЯ ВОДА](#)
- [ЭВЕНКИЙСКИЕ СКАЗКИ](#)
 - [ПРОЙДОХА-ЛИС](#)
 - [ПАРЕНЬ-СИРОТА](#)
 - [ЭВЕНК И ЧАНГИТ](#)
- [БУРЯТСКИЕ СКАЗКИ](#)
 - [СТАРИК ЛОВКАЧ](#)
 - [ОХОТНИК И ДОКУЧЛИВАЯ ЖЕНА](#)
 - [КАК ЛЕНИВОМУ СТАРИКУ ТРИЖДЫ ПОВЕЗЛО](#)
- [ЯКУТСКИЕ СКАЗКИ](#)
 - [ПОЧЕМУ У ГОРНОСТАЯ КОНЧИК ХВОСТА ЧЕРНЫЙ](#)
 - [ЧИРОК И БЕРКУТ](#)
 - [ДЕВУШКА-ХВОЩИНКА](#)
- [ЮКАГИРСКИЕ СКАЗКИ](#)
 - [КАК БРАТЯ ЖЕН СЕБЕ ИСКАЛИ](#)
 - [ОХОТНИК И ГРАБИТЕЛИ](#)
- [ОРОЧСКИЕ СКАЗКИ](#)
 - [СЕРДИТЫЙ УДЯКА](#)
 - [КРАСАВИЦА И ЗЛАЯ ПЭГЭЛИКТУ](#)
 - [ЛИСА И НЕРПЫ](#)
- [НИВХСКИЕ СКАЗКИ](#)
 - [ПАРЕНЁК И ТИГР](#)
 - [БЕЛЫЙ ХОРЁК](#)
- [ИТЕЛЬМЕНСКИЕ СКАЗКИ](#)
 - [БЕСКРЫЛЫЙ ГУСЕНОК](#)
 - [ЛЕНИВАЯ, СТРОПТИВАЯ СИРИМ](#)
 - [УДАЛОЙ ЭМЕМКУТ И ЗАВИСТЛИВЫЙ СИСИЛЬХАН](#)
- [КЕРЕКСКИЕ СКАЗКИ](#)

- [ЖЕЛЕЗНЫЙ КАЛА](#)
- [ЛИСА ЧАЧУЧАНАВУТ И ВОРОН КУККИ](#)
- [КУККИ И МЫШИ](#)
- [КОРЯКСКИЕ СКАЗКИ](#)
 - [МЛАДШИЙ БРАТ ОЁ](#)
 - [КАК СТАРУХА КЫТНА ВЕРНУЛА ДОМОЙ СВОЮ ДОЧЬ](#)
 - [МИВИТ](#)
- [ЧУКОТСКИЕ СКАЗКИ](#)
 - [БЕЛАЯ МЕДВЕДИЦА](#)
 - [ОЛЕНЕВОД И КЭЛЕ](#)
 - [ВАПЫРКАН](#)
- [ЭСКИМОССКИЕ СКАЗКИ](#)
 - [КИЦИНИКУ](#)
 - [СИЛАЧ КАКАЛЯХАК](#)
- [ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)

- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)

- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)

«Сказки народов России»

ThankYou.ru: «Сказки народов России»

Спасибо, что вы выбрали сайт ThankYou.ru для загрузки лицензионного контента. Спасибо, что вы используете наш способ поддержки людей, которые вас вдохновляют. Не забывайте: чем чаще вы нажимаете кнопку «Благодарю», тем больше прекрасных произведений появляется на свет!

СКАЗКА ЛОЖЬ, ДА В НЕЙ НАМЁК

Скажи народов России... А сколько в России народов?

Только в Российской Федерации, самой большой из наших союзных республик, живёт более 80 народов^[1] и народностей.

И у каждого народа своя история, свои обычаи, своя древняя культура. До Великого Октября, который объединил все народы нашей страны в единую семью, они стояли на самых разных ступенях развития. Одни могли гордиться многовековой письменностью, шедеврами мировой литературы, у других — на далёких окраинах России — не было даже письменности. Но у всех был фольклор — устное народное творчество. У всех народов были сказки — их любили во все времена, любят их и сегодня, любят одинаково и взрослые и дети.

Многое можно узнать из сказок. В них отражается дух народа, его быт, образ жизни, национальный характер. Сюжет может быть сколько угодно фантастическим, но детали повествования всегда реальные, точные, соответствующие той земле, где живёт сказка, соответствующие культуре народа — её творца. Историкам и этнографам удаётся по фольклорным материалам — по сказкам, эпосу — восстановить картины далёких времён.

Обратим внимание, например, на то, как «населены» сказки. Сравним эвенкийскую «Парень-сирота» и чеченскую «Великие шейхи». В северной сказке парня-сироту преследуют людоеды, а он, принимая образы разных животных, убегает. Какое долгое бегство по бескрайним и безлюдным просторам! И наоборот, как густо населена южная земля, какое огромное количество людей присутствует в сатирической сказке о «великих» шейхах!

А возьмём такую подробность, как еда. В привычных нам сказках (русских и западных) само собой разумеется, что герои едят, об этом специально не говорится, кроме тем случаев, когда еда является чем-то значащим в сюжете (царский пир, например, или богатырская трапеза, когда в один присест съедается бык). Иван-царевич странствует по земле, совершает свои подвиги, и сказителя мало заботит, чем он питается. Сказки народов Севера отражают другой образ жизни. Там человек жил в окружении суровой природы, в постоянной борьбе за существование. Охота была сопряжена со смертельным риском, а жизнь людей зависела от удачной охоты. Поэтому-то эскимосский сказитель не забывает о еде. «Когда поели, легли спать. Проснулись — опять стали есть». В другой сказке говорится предельно жгато: «Ели. Жили».

В наиболее древних сказках запечатлены мифологические представления народов о происхождении и строении мира. У всех народов существовала вера в загробную жизнь, в бессмертие души. По представлениям большинства народов, мир делился на верхний, в котором живут боги, небожители, средний мир — землю, где живут люди, и нижний мир, подземный (а также подводный). Все эти миры существенно друг от друга не отличались. Так, небожители в тувинской сказке обитают в юртах и пьют чай с лепёшками. Иван-царевич, попав в подводный мир, должен выполнить крестьянскую работу: выкорчевать пни, поднять целину, вырастить хлеб... Человек создавал богов по своему образу и подобию, создавал и потусторонние миры по образу и подобию своего мира. А свой мир населял фантастическими существами, олицетворявшими непонятные, часто враждебные силы природы. Злые духи существуют в сказках всех народов, они обычно очень страшны на вид, человекоподобны, но человеческий облик их искажён. Это, например, великан, покрытый шерстью, обладающий огромной силой, как гарбаш в ингушской сказке или одноглазый мус в калмыцкой. Народная фантазия стремится сделать их ещё более страшными, непонятными, и вот перед нами баруси из нганасанской сказки: он одноногий, однорукий, одноглазый. Абаасы из якутской сказки — восьминогий, а единственная кручёная рука растёт у него из груди. Ещё страшней Гуин-падчах из чеченской сказки: у этого лешего из груди торчит широкий топор, и леший наваливается грудью на спящего в лесу человека. Но какими бы страшными и сильными ни были разнообразные чудовища, великаны, лешие, — человек в сказке всегда их побеждает своим умом, смекалкой, и, кроме того, герою помогают животные, которые платят ему добром за добро.

Учёные давно обратили внимание на подобие сюжетов в сказках разных народов, живущих друг от друга очень далеко. Это объясняется не только взаимным влиянием, но и сходным историческим развитием разных народов. Основные сказочные сюжеты интернациональны: борьба героя с многоголовым змеем (драконом), встреча мальчика с великаном людоедом, мачеха и падчерица (Золушка), но сами сказки всегда национальны, наполнены многочисленными деталями быта того народа, той земли, где живёт сказка. Сравним две сказки этой книги: калмыцкую — «Великий хан и драгоценные его друзья» и ороцкую — «Красавица и злая Пэгэликту». На первый взгляд как мало в них общего! Но если отбросить подробности, оказывается, что в основе лежит один и тот же сюжет: герой изгоняет оклеветанную жену. Нас же интересует не столько этот часто встречающийся сюжет, сколько именно подробности, воссоздающие

картину жизни народа.

Пока говорилось о познавательной стороне сказки, об этнографической информации, которая в ней заключена. Но это лишь малая доля её полезного груза, главное в ней — идейное наполнение: высокая нравственность, патриотизм, гуманизм, доброта. Сказки прославляют верность и честность, доблесть, стойкость, героизм, стремление служить народу. Герой волшебной сказки всегда добр, великодушен. Он не только спасает животных, которые потом помогают ему победить злую силу, он даже способен расположить злую силу к себе, как это делает Иван-царевич при встрече с Бабой-Ягой («Василиса Премудрая и морской царь»). Симпатии народа всегда на стороне обездоленного. Героем волшебной сказки обычно выступает бедняк, человек притесняемый другими: парень-сирота, падчерица, младший брат, который слывёт у старших дурачком. Народ верит в победу добра, и его герои всегда выходят победителями в поединке со злой силой, побеждают они и угнетателей, сами порой становятся царями, ханами. Так наивно воплощал народ вековую мечту о справедливости.

Героем сказки может быть и царь, но если он не противник героя, то это условный, сказочный царь, ничего общего не имеющий с реальным самодержцем. Чаще всего это дань сказочной традиции. Характерна балкарская поговорка: «Нет сказки без хана». При этом история балкарского народа не знает ханов.

Особый интерес представляют наиболее архаичные, то есть древние сказки народов Севера. Мораль тех времён не всегда совместима с нашей сегодняшней моралью, и нас не могут не отталкивать жестокие поступки некоторых героев. Но сказки и тех отдалённых времён донесли до нас образцы высокого гуманизма. Так, в нганасанской сказке «Силач Сангуды» здоровое народное сознание не приемлет войны, бессмысленного уничтожения. Герой говорит: «Зачем слабым людям воевать? Зачем им умирать?» Он предлагает сразиться двум богатырям, пусть их поединок решит исход войны. Народ порицает и высмеивает войну. Поэтому поединку предшествует состязание: кто из богатырей больше съест мяса.

Подлинный гуманизм отразился и в нганасанской сказке «Чина-Барангуй». Главная мысль её в том, что все имеют право на жизнь, ни для кого нельзя жалеть еды, даже для нечистой силы, для баруси, который приходил ночью и воровал самые жирные куски оленины. Чина-Барангуй выследил и убил его и за это поплатился тремя людьми своего племени. «Если бы он не пожалел еды для баруси, если бы не стрелял в него, были бы люди живы», — говорит сказитель.

Замечательно отношение древних северных охотников к животным. Убитую нерпу охотник «кормил» и «поил», то есть подносил к её морде остатки своей еды и обливал морду пресной водой; он просил у неё прощения за то, что убил, объяснял, что вынужден был это сделать, чтобы накормить людей своего племени; он верил, что убил нерпу не совсем, убил только её тело, а душа её вернётся в море и обретёт новое тело.

В более позднее время сформировались бытовые, сатирические сказки. В них народ, как и в волшебных сказках, прославляет трудолюбие, смекалку, товарищескую взаимопомощь, а также знание ремёсел и вообще знание, высмеивает лень, жадность, зазнайство, обжорство, осуждает обман, трусость, предательство.

В бытовой сказке мы видим картины жизни недавнего прошлого. Так, в превосходной русской сказке «Алтрапка» действие происходит, по всем приметам, совсем недавно, в XIX веке. Эта сказка — остросатирическая, бичующая взяточников.

В бытовой сказке народ мстит угнетателям: помещикам, купцам, служителям культа (попам). Мужик или солдат в столкновении с ними всегда выходит победителем. В нашей книге есть селькупская сказка, где паренёк Ичекочко побеждает богатого купца Корсэ. Особенно интересна нивхская сказка «Белый хорёк». Купцы нещадно эксплуатировали неграмотных охотников, обманывали их, за бесценок скупали дорогую пушнину. В сказке охотник берёт долгожданный реванш. Он сам ловко и умело торгует драгоценными собольими шкурками и забирает у купца сначала все его деньги, потом все дома и лодки с товарами, потом слуг, потом детей и жён и наконец за последнюю, самую лучшую шкурку покупает самого купца!

Особняком в фольклоре стоят сказки о животных. Их возникновение относится к далёким временам первобытно-общинного строя, ко временам тотемизма, когда группа людей — обычно род — связывала своё происхождение, родство с каким-нибудь животным — тотемом. Тотем был покровителем рода. Охотники перед началом охоты рассказывали о нем сказки, чтобы им повезло. Этот обычай сохранился в некоторых местах вплоть до нашего века. Тувинский фольклорист Д. С. Куулар пишет о том, что сказитель Тулуш Баазанай, даже если охотился один, всю ночь, сидя у костра, рассказывал сказки. Он говорил: «Хозяин тайги послушает сказку и пошлёт мне навстречу зверя». Первобытный человек не выделял себя из природы, он ставил себя в ряд с животными и поэтому в древних сказках нет резкой грани между человеком и животным. Некоторые персонажи сказок являются одновременно и животными и людьми. Так, герой

керекской сказки ворон Кукки одновременно и ворон и человек, он ведёт человеческий образ жизни — живёт в яранге, добывает нерпу, ему нужны оленьи шкуры для одежды и постели. Обратим внимание на лиса из эвенкийской сказки «Пройдоха-лис». Сюжет этой сказки широко распространён, встречается у всех на родов, нам хорошо известна русская сказка о лисе, обманувшей волка у проруби. Но в русской сказке лиса и есть лиса. Мужик, увидев её на дороге, обрадовался: вот лиса старухе на воротник. Эвенкийский лис ничем не отличается от человека. Характерный эпизод: лис, спасаясь от мести волков, убегает; он проголодался, погрыз валявшиеся оленьи рога, сломал зуб, после этого заходит в чум и садится вместе с пирующими людьми. Волки прибегают к чуму. Как узнать, кто из сидящих — лис? Оказывается, его можно отличить от людей только по сломанному зубу. Вожак решает всех рассмешить, чтобы увидеть, у кого не хватает зуба. Но хитрый лис, когда смеётся, прикрывает рот. Волчий вожак тоже хитрый, он понимает: кто прикрывает рот, тот и есть лис!

В сказке «Ленивая, строптивая Сирим» героиня пришла в землянку, где живут медведи, но они одновременно и люди, — сказитель говорит: девушки-медведицы. Сама Сирим несомненно человек, и при этом она — дочь ворона Кутха, главного героя всего ительменского сказочного эпоса. Ещё характерней старуха Кытна из корякской сказки, свободно принимающая облик то человека, то волчицы.

У других народов сказки о животных на протяжении веков преображались и дошли до нас в виде аллегорических рассказов, басен, сказок для малышей, а также этиологических сказок, то есть объясняющих те или иные особенности внешнего вида или поведения животных («Почему у горноста кончик хвоста чёрный»).

Кроме познавательной и воспитательной сторон есть у сказки и третья сторона — эстетическая. Народные сказки — это произведения высокой поэзии. Они создавались творческим воображением многих талантливых сказителей, шлифовались от поколения к поколению и обрели безукоризненную, совершенную форму, благодаря которой сказка пленяет нас в любом возрасте.

Здесь собраны сказки 34 народов Российской Федерации. О каждом из них в конце книги можно найти короткую этнографическую справку.

Марк ВАТАГИН

РУССКИЕ СКАЗКИ

ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ И МОРСКОЙ ЦАРЬ

На море, на океане, на острове Буяне стоит дерево — золотые маковки. По дереву ходит вещий кот Баюн. Вверх идёт — песню поёт, вниз идёт — сказку рассказывает. Вот бы поглядеть да послушать! Это ещё не сказка, только присказка. А сказка-то вся впереди!

В тридевятом царстве, в тридесятом государстве жил-был царь с царицею. Царь на охоту ходил, дичь стрелял. Вот идёт он раз по лесу, видит: на дубу молодой орёл сидит. Царь, не долго думая, лук вскинул,

прицелился. Вдруг орёл говорит:

— Не стреляй, царь-государь. Придёт время — я тебе пригожусь.

Царь думает: «На что ты годишься?» И снова прицеливается. Орёл говорит:

— Опустит лук, царь-государь. Придёт пора — тебе полезным буду.

Царь думает: «Какая от тебя польза!» И снова стрелу на орла наводит. Орёл говорит:

— Я ранен. Возьми меня домой, дай поправиться. Три года корми, а уж я в долгу не останусь.

Опустил царь свой лук, взял орла домой. Начал его кормить. А орёл зараз барана съедает, на три дня быка ему не хватает!

Год прошёл. Стадо царское поредело. Царь думает: «Что сами-то есть будем?» Орёл говорит:

— Отвези меня, царь, к лесу, к высоким дубам. Силу свою хочу испробовать.

Царь отвёз его к лесу. Поднялся орёл к тёмной туче, а потом кинулся вниз и с разгону ударил грудью в могучий дуб. Дуб раскололся надвое. Орёл говорит:

— Нет, царь, не обрёл я прежней силы. Корми ещё год.

Второй год прошёл. У царя не осталось ни овцы, ни коровы. Говорит он орлу:

— Нечем больше тебя кормить. Всю мою живность ты прибрал.

Орёл говорит:

— Отвези меня, царь, к лесу, снова силу свою испробую.

Там взвился он к белому облаку, а потом ринулся вниз — ударил грудью в могучий дуб. Раскололся дуб на мелкие части.

— Нет, царь, — говорит орёл, — не набрал я ещё прежней силы. Корми последний год.

Третий год прошёл. Царь отвёз орла к лесу, к высоким дубам. Взвился орёл выше белого облака, а потом со свистом ринулся вниз — ударил в самый могучий дуб, расшиб его в щепки с верхушки до корня! Лес кругом зашатался. Орёл говорит:

— Спасибо тебе, царь-государь, выкормил ты меня, выходил, обрёл я прежнюю силу. Время пришло расплачиваться. Садись-ка на меня, полетим вместе.

Сел царь на орла, они полетели. Внизу остались леса зелёные, потом горы белые, а вот и море синее. Летят над морем, орёл спрашивает:

— Скажи-ка, царь, что позади, что впереди, что вверху, что внизу?

Царь отвечает:

— Позади — земля, впереди — вода, вверху — небо, внизу — море.

Тут орёл вострепнулся и царь свалился. Только он ногами воды коснулся, подошвы намочил, орёл его подхватил, на крыло взял. И спрашивает:

— Что, царь-государь, увидел страх?

— Ох, увидел, — отвечает царь, — думал, конец мне пришёл.

Дальше летит орёл, до середины моря долетел и спрашивает:

— Скажи-ка, царь, что там позади, что впереди, что вверху, что внизу?

Царь отвечает:

— Позади — вода, впереди — вода, вверху — небо, внизу — море.

Опять орёл вострепнулся, царь свалился, долго падал, по пояс в воду ушёл, и тут орёл снова его подхватил. И спрашивает:

— Что, царь-государь, видел страх?

— Ох, видел, — отвечает царь. — Когда падал — сердце зашло. Я всё думал: «Авось не пропаду, авось орёл меня поймает».

Дальше летит орёл. Другой берег моря уже виден.

В третий раз орёл вострепнулся, свалил царя, тот в воду упал, с головой ушёл, воды хлебнул, и тут орёл его выхватил, на крыло взял. И снова спрашивает:

— Что, царь-государь, каков он, страх?

— Ох, страшен твой страх, — отвечает царь. — Я падал и всё судьбу молил, чтоб ты меня подхватил, от смерти спас. За что ж мука такая?

— За старое, царь-государь, за старое. Я трижды смертному страху в глаза глядел, когда ты в меня, раненого, целился. Теперь за зло мы в расчёте. Давай за добро рассчитаемся. Полетим в гости к моей старшей сестре. Живёт она в медном городе. Захочет тебя сестра моя одарить, будет предлагать золото-серебро, а ты ничего не бери — ни золота, ни серебра, ни камня самоцветного, проси только медный ларчик с медным ключиком.

И полетели они за тридевять земель. Орёл спрашивает:

— Скажи-ка, царь, что справа, что слева?

— Справа — лес, слева — город, — отвечает царь.

— Вот туда нам и надобно. Это — медный город, там царствует моя старшая сестра.

Опустились они у медного города. Орёл о землю ударился, обернулся добрым молодцем, и вошли они с царём в город. Направились прямо к царице, к сестре орла. Увидела его сестра — стала обнимать-целовать:

— Братец ты мой родимый, свет ты мой ненаглядный! Где ж ты пропадал, где странствовал? Больше трёх лет мы тебя не видели! Уж мы по тебе сокрушались — слезами горячими обливались!

Брат-орёл отвечает:

— Век бы вам сокрушаться да слезами горячими обливаться, кабы не мой спаситель. Он меня, раненого, подобрал, три года досыта кормил, на ноги поставил.

Посадила их царица за столы дубовые, за скатерти узорчатые, устроила пир великий, от души угощала-потчевала. А потом повела в кладовые, показала богатства несметные.

— Вот, — говорит, — золото-серебро, вот камни самоцветные. Бери, царь-государь, всё, что ни приглянется.

Царь отвечает:

— Не надо мне ни золота, ни серебра, не надо мне и камня самоцветного. А подари ты мне медный ларчик с медным ключиком.

В лице переменилась царица и говорит:

— Нет, царь, не тот сапог ты берёшь, не на ту ногу надеть пытаешься!

Осерчал брат-орёл на такие слова, обернулся орлом-птицею, подхватил царя, и полетели они прочь.

— Воротись, братец любезный! — кричит сестра. — Всё отдам и за ларчиком медным не постою!

— Поздно, сестрица! — крикнул орёл и взмыл за белые облака. Улетели они за тридевять земель. Орёл говорит:

— Не печалься, царь. Полетим теперь к средней моей сестре, она правит серебряным городом. Есть у неё серебряный ларчик с серебряным ключиком. Только его и бери, ничем другим не прельщайся. Скажи-ка мне, что там вверху, что внизу, что справа, что слева?

— Вверху — небо, внизу — земля, справа — горы, слева — город.

— Вот туда нам и надобно. Это — серебряный город, царство моей средней сестры.

Опустились они у серебряного города. Увидела их царица — обрадовалась:

— Братец мой любезный, где пропадал, где странствовал? Больше трёх лет в гости не залётывал! Чем тебя угощать-потчевать?

— Не меня надо угощать-потчевать, а моего доброго спасителя. Он меня вылечил-выходил, раненого от смерти спас, три года кормил, всю скотину извёл.

Царица посадила их за столы дубовые, за скатерти узорчатые, от души угощала-потчевала. А потом повела в подвалы заветные, где лежали богатства несметные: грудями — золото-серебро, горками — камни самоцветные.

— Не надо мне, — говорит царь, — ни золота, ни серебра, не надо и

камня самоцветного, а подари ты мне серебряный ларчик с серебряным ключиком.

— Э, нет, царь, — говорит царица, — не тот кусок ты хватаешь, гляди — подавишься!

Снова осерчал брат-орёл, обернулся птицей, подхватил царя, взмыл за белые облака.

— Воротись, брат мой любимый! — кричит сестра-царица. — Всё отдам и за ларчиком не постою!

— Поздно, сестрица! — крикнул орёл.

Полетели они к младшей сестре орла в золотой город.

— У младшей моей сестры, — говорит орёл, — есть золотой ларчик с золотым ключиком. Только его и бери. Больше тебе ничего не надо...

Младшая сестра орла принимала гостей с почестями, хорошо угощала-потчевала, а потом повела в подвалы, где лежало золото-серебро да камни самоцветные! Царь говорит:

— Ничего мне не надо, а дай только золотой ларчик с золотым ключиком.

Царица говорит:

— Отчего не дать! Я для брата любимого ничего не пожалею. Бери золотой ларчик с золотым ключиком. Одно только помни: не отмыкай ларчика, пока домой не воротишься.

Царь распрощался с орлом и его сестрою, сел на корабль и поплыл по синему морю. Долго ли, коротко ли — подплыл к острову Буяну. Вышел на берег, думает: «Отчего это орлова сестра запретила мне ларчик открывать, пока домой не ворочусь? Больно охота открыть, заглянуть, что там такое спрятано». Поставил он ларчик на землю, отомкнул золотым ключиком, крышку приподнял, а оттуда как повалит скот несметный: лошади, коровы, овцы, козы... Скоро весь остров заполнили, ступить негде. Сел царь у воды и заплакал. Тут вода против него забурлила, и вылез из моря-океана морской царь — борода в зелёной тине.

— Что, царь-государь, плачешь? — спрашивает.

— Как мне не плакать, — отвечает царь, — получил я в подарок чудесный золотой ларчик, да открыл его до срока, до времени и выпустил скот несметный. Как я теперь его назад в ларчик загоню?

— Я беде твоей помогу, — говорит морской царь, — соберу стадо в ларчик, но с уговором: отдай мне то, чего дома не знаешь.

Царь думает: «Чего я дома не знаю? Всё знаю.

А чего не знаю — то, верно, пустое, того не жаль». И согласился.

Морской царь взмахнул рукой, и весь дарённый скот собрался в золотом

ларчике. Царь замкнул его золотым ключиком, сел на корабль и поплыл домой.

Пока он странствовал, царица родила сына. Обнял царь Иванушку и залился горькими слезами. «Вот чего я дома не знал, вот кого у меня выманило проклятое морское чудище!»

— Что же ты плачешь, слёзы проливаешь, царь-государь мой любезный? — спрашивает царица.

Побоялся царь правду сказать.

— От радости, — говорит, — плачу.

Вышел он из дворца, отомкнул ларчик золотым ключиком, крышку приподнял, а оттуда повалил скот несметный: лошади, коровы, овцы, козы... Царь так обрадовался, что и о чудище морском забыл.

Прошли годы. Вырос Иванушка, стал добрым молодцем. Однажды говорит он отцу:

— Приснился мне, батюшка, нынешней ночью морской царь, посмеялся он и говорит: «Давненько ты, Иван-царевич, мне обещан. Скажи-ка отцу, пора и честь знать, пора должок отдавать!»

Заплакал царь-государь и рассказал царице и сыну, что с ним случилось в море-океане, на острове Буяне.

Иван-царевич говорит:

— Раз такое дело — пойду к морскому царю.

И пошёл добрый молодец в дальний путь, на чужую сторону. Долго шёл и добрался до леса дремучего. Видит: избушка на курьих ножках стоит к лесу передом, к нему задом.

— Избушка, избушка! Стань ко мне передом, к лесу задом!

Избушка повернулась, стала к Ивану-царевичу передом. Он вошёл, а там лежит Баба-Яга, костяная нога, из угла в угол ноги протянула, нос в потолок упёрла. Увидела гостя и говорит:

— Русского духа в этих краях и слыхом никто не слыхивал, а нынче он сам ко мне пожаловал! Откуда идёшь, добрый молодец? По делу спешишь, аль от дела бежишь?

Иван-царевич всё без утайки рассказал. Бабе-Яге это по нраву пришлось, она говорит:

— Счастье твоё, добрый молодец, что сперва ты ко мне зашёл. Морской царь давно на тебя сердится. Долгонько вы с батюшкой его ждать заставили. Я научу тебя, что делать, как быть. Иди к морю. Утром спрячься в кустах и жди, когда прилетят двенадцать белых голубиц. Они обернутся красными девицами и побегут купаться. Все они — дочери морского царя. Ты утащи платье младшей из них, Василисы Премудрой, у неё крылышки

пёстренькие. Не отдавай платья, пока девушка не согласится стать твоей женой. Поладишь с ней — ты спасён, а нет — пропал. У морского царя вокруг дворца частокол стоит, на каждом колу голова торчит. Один только кол остался, твоей головы, видать, дожидается. Ну, не мешкай, иди к морю.

Иван-царевич попрощался с Бабой-Ягой и пошёл к морю. Там он спрятался в кустах и стал ждать. Прилетели двенадцать белых голубиц. Опустились у самого берега, обернулись красными девицами и побежали в море купаться. Иван-царевич тихонько утащил одежду с пёстрыми крылышками.

Вот красные девицы выбежали из воды, взяли свои одежды, обернулись голубицами и улетели. Одна только не может найти своих крылышек, бегаёт туда-сюда по берегу. Бегаёт и плачет:

— Отзовись, человек, кто моё платье взял, буду тебе дочкой послушною!

Иван-царевич не отзывается.

— Отзовись, кто моё платье взял, буду тебе сестрой ласковой!

Иван-царевич молчит.

— Выйди, человек, кто моё платье взял, буду тебе женою верною!

Иван-царевич вышел из кустов:

— Вот твои крылышки.

Девушка спрашивает:

— Кто же ты такой, мой жених, куда путь держишь?

— Я — Иван-царевич, иду к морскому царю, давно я ему батюшкой обещан.

— Это тебя, значит, морской царь дожидается да гневается. Вот дорога в подводное царство. Иди смелее, я тебя в беде не оставлю.

Василиса Премудрая обернулась голубицей и улетела.

Иван-царевич вошёл в подводное царство. Видит: всё там, как у нас — и поля, и леса, и солнышко светит. Приходит он к морскому царю. Говорит ему морской царь:

— Что-то долго ты ко мне собирался! Что-то долго я тебя дожидался! Вину надобно искупить — службу мне сослужить. Служба сперва будет лёгкая: есть у меня лесок — пятьсот шагов вдоль, пятьсот — поперёк. Надо его за ночь вырубить, строевые брёвна сложить, остатки в кучи собрать да сжечь, а пни — выкорчевать. Не управишься — голова долой. Есть у меня в изгороди один кол, твоей, видать, головы дожидается.

Иван-царевич думает: «Где это видано, чтоб такую работу за одну ночь сработать?!» Идёт — буйную голову повесил. Увидала его Василиса Премудрая из своего терема.

— Что, Иванушка, пригорюнился? Беду свою мне поведай.

— Никто моей беде не поможет, — говорит Иван-царевич.

— Как знать. Не зря ведь меня зовут Василисой Премудрой.

Иван-царевич ей всё рассказал.

— Ну, это не беда, — говорит Василиса Премудрая, — наша беда впереди. А пока спать иди. Утро вечера мудренее. К утру всё будет сделано.

В полночь вышла Василиса Премудрая на крылечко, перекинула с руки на руку своё колечко, и появилось триста молодцев с топорами. Дружно взялись за дело — к утру легко управились. Василиса Премудрая разбудила Ивана-царевича и говорит:

— Не пора тебе спать, а пора вставать. Вся твоя работа сработана: брёвна скатаны, пни выкорчеваны, костры догорают. Иди последний пенёк разбей да в огонь его брось.

Иван-царевич всё сделал, как сказала Василиса Премудрая, тут и морской царь подошёл. Иван-царевич бросил топор.

Морской царь огляделся и говорит:

— Хороша служба. Только не своей силой ты силён, не своей хитростью хитёр. Ну да ладно, спи-отдыхай. А вечером опять приходи.

Вечером морской царь говорит:

— Ты хорошо мне службу сослужил. Постарайся и в другой раз. Теперь на том расчищенном поле надо целину поднять, землю взборонить и ещё раз пропахать, чтоб стала земля пушистой, мягкой, годной под посев. Всё за одну ночь сделай. Не управишься — голова долой! Тот колышек твоей головы дожидается.

Иван-царевич думает: «Где это видано, чтоб такое поле в одну ночь вспахать?!» Идёт от царя — голова ниже плеч. Навстречу ему — Василиса Премудрая.

— Что теперь, Иванушка, пригорюнился?

Иван-царевич рассказал.

— Не тужи, Иванушка, и это не беда, — говорит Василиса Премудрая. — Наша беда впереди. А пока спать иди. Утро вечера мудренее. Не бойся, к утру всё будет сделано.

В полночь вышла Василиса Премудрая на крылечко, перекинула с руки на руку своё колечко, появилось тридцать молодцев с лошадьми и сохами да тридцать — с лошадьми и боронами. Дружно взялись за работу. К утру всё было сделано. Василиса Премудрая разбудила Ивана-царевича и говорит:

— Не пора тебе спать, а пора вставать. В поле сохи идут — допахивают, за ними бороны идут — доборонивают. Сейчас всё исчезнет,

одна соха останется, вставай, поспеши, за дело возьмись, за обжи^[2] поддержишь, чтобы царь тебя за работой застал.

Иван-царевич в поле прибежал, за обжи ухватился, на соху налёг, тут и царь морской подошёл.

Огляделся он и говорит:

— Горазд работать лёжа на печи! Не ты умён — она мудра, не ты хитёр — она хитра! Ну ладно, вечером снова приходи.

Вечером морской царь говорит:

— Теперь последняя служба. То поле пшеницей засеи, подожди, чтобы выросла, созрела, а потом надо её сжать, обмолотить, зерно на мельнице смолоть. А помощница твоя, Василиса, пускай мне к завтраку пирог из той муки испечёт. Не поспеет пирог к завтраку — голова твоя долой!

Иван-царевич думает: «Где это видано, чтобы пшеница за одну ночь выросла?! Не отпустит чудище — возьмёт мою голову. Тут уж и Василиса не поможет».

Навстречу идёт Василиса Премудрая.

— Что опять, Иванушка, пригорюнился?

Иван-царевич рассказал.

— И это не беда, Иванушка. Наша беда впереди, — говорит Василиса Премудрая. — А пока не печалься, спать ложись, утро вечера мудренее. К утру всё будет сделано.

В полночь вышла Василиса Премудрая на крылечко, перекинула с руки на руку своё колечко, явились молодцы-работники, всё сделали, что она приказала: пшеницу посеяли, она взошла, выросла, созрела, они её сжали, обмолотили, на мельнице зерно смололи, муку Василисе принесли. Она испекла пирог, на золотое блюдо его положила, узорчатым платом прикрыла. Будит Ивана:

— Не пора тебе спать, а пора вставать. Вся твоя работа сработана. Вот и пирог поспел. Неси его морскому царю.

Иван-царевич смотрит — глазам не верит: лежит на золотом блюде пирог высокий, пышный, узорчатым платом прикрытый. Иван-царевич отнёс его морскому царю. Царь говорит:

— Со всеми работами ты справился, а коли так — приходи завтра невесту себе выбирать. У меня двенадцать дочерей, бери любую.

Ушёл Иван-царевич, встречает Василису Премудрую. Она говорит:

— Завтра батюшка всех нас обернёт кобылицами. Все кобылицы будут одна в одну, рост в рост, масть в масть, не отличишь. У всех шерсть будет гладкая, и только у меня на лбу — чуть всклокочена. Ты не сразу меня показывай, а долго думай, долго присматривайся, два раза мимо пройди,

лишь на третий хватай меня за уздечку: «Вот моя невеста!» Потом батюшка обернёт нас белыми лебедями. У всех лебедей пёрышки будут гладкие, и только у меня одно будет чуть скручено. Смотри не прогляди, а то худо будет. А в третий раз он покажет нас девицами — все на одно лицо, все в одинаковых одеждах. Я колечко на пальце трону — так ты меня узнаешь.

Ну вот, вывел морской царь двенадцать кобылиц, все — одна в одну, рост в рост, масть в масть. Поставил их в ряд. Иван-царевич мимо них раз прошёл, другой, на третий раз схватил одну кобылицу за уздечку:

— Вот моя невеста!

— Плохую берёшь, — говорит морской царь, — выбирай получше!

— Мне и эта хороша.

Царь прогнал кобылиц.

— Теперь, — говорит, — пойдём к озеру, там плавают белые лебеди.

Приходят к озеру. Лебеди — перо в перо, залюбуешься! Зорко смотрит Иван-царевич — не может найти, где пёрышко чуть скручено. Два раза мимо прошёл, на третий заметил.

— Вот моя невеста!

— Не тот кусок хватаешь, как бы не подавился! — говорит морской царь. — Выбирай в третий раз!

Вывел царь двенадцать девиц, все на одно лицо, рост в рост, волос в волос. Опять Иван-царевич узнал Василису Премудрую — она колечко на пальце тронула.

— Вот моя невеста!

Что делать морскому царю? Нельзя отступаться от царского слова. Пришлось отдать младшую дочь Василису Премудрую за Ивана-царевича. Сыграли свадьбу. Стали жить Иван-царевич с Василисой Премудрой в её золотом тереме.

Но злой царь не успокоился. «Всё равно сгублю Ивана, — думает он. — Вместе с Василисой сгублю! Это она его всё время спасает, меня, старика, дурачит! Попарю-ка я их в моей царской баньке!» И приказал баню растапливать.

Иван-царевич пришёл в терем и говорит Василисе Премудрой:

— Царь на меня больше не сердится, приглашает нас в свою царскую баньку попариться.

— Ах, напрасно радуешься, милый Иванушка, — говорит Василиса Премудрая. — Вот теперь-то мы с бедою и встретились. Не знаешь ты, что за баня у морского царя. Баня у него вся железная, три дня, три ночи её растапливают, докрасна раскаляют. За сто шагов не подойти. Бежать нам надобно.

Прошло три дня. Баню истопили. Посмотрели утром Иван-царевич с Василисой Премудрой из терема — баня красным-красна, как жар пылает. Страшно им стало. Василиса Премудрая говорит:

— Пора уходить. Будет погоня великая.

Она смастерила трёх говорящих куколок, посадила их по углам, научила, что надо говорить.

Иван-царевич оседлал двух борзых коней, и помчались они с Василисой прочь из морского царства.

В это время царские посыльные к терему Василисы Премудрой пришли, в двери стучат, на два голоса кричат:

— Иван-царевич и Василиса Премудрая, вставайте, собирайтесь, баня готова!

Первая куколка из угла отвечает:

— Рано вы нас разбудили, я не выспалась, скажите батюшке, пусть даст поспать.

Время прошло, снова идут посыльные, в двери терема стучат, на три голоса кричат:

— Не пора вам спать, а пора вставать, царь сердится!

Вторая куколка из другого угла отвечает:

— Подождите, уже встали, одеваемся.

Опять время прошло, опять бегут посыльные, в двери терема стучат, на семь голосов кричат:

— Царь гневается, ногами топает, говорит: «Этак моя баня вовсе простынет!»

Третья куколка из третьего угла отвечает:

— Ступайте себе к царю, мы в баню сами придём.

Вернулись посыльные к царю. А морской царь кричит:

— Зачем ушли? Под руки их взять, в баню силком проводить, иначе сбегут!

Прибежали посыльные к терему, в двери стучат — никто не отзывается. Выбили двери, а в тереме пусто. Доложили царю. Морской царь приказал:

— Снаряжать погоню великую!

Снарядили погоню. А Василиса Премудрая и Иван-царевич уже далеко были. Василиса Премудрая говорит:

— Надо землю послушать, нет ли царской погони.

Они остановились, Иван-царевич припал ухом к земле.

— Ничего не слышу, нет погони.

Тогда Василиса Премудрая послушала землю.

— Слышу, идёт погоня великая. Скоро будет здесь.

Она оборотила коней зелёным лугом, Ивана-царевича — старым пастухом, а сама сделалась белой овечкою. Тут и погоня наехала.

— Эй, старик, не видал ли добра молодца с красной девицей на борзых конях?

— Видал, — отвечает старик, — давненько это было. Я тогда ещё молодой был.

Воротилась погоня к морскому царю.

— На зелёном лугу пропали их следы, мы и туда, мы и сюда — нет следов да и только.

— А что видели на лугу? — спрашивает царь.

— Был там только старый пастух да белая овечка.

— Это они и были, — кричит морской царь. — Это Василиса Премудрая ухитряется! Брать надо было пастуха! Брать надо было овечку!

Царь послал новую погоню.

Опять Иван-царевич слушает землю, ничего не слышит, нет, говорит, погони. А Василиса Премудрая послушала и говорит:

— Идёт погоня великая. К нам приближается.

Она оборотила коней колодцем, Ивана-царевича — старым старичком, а сама сделалась берестяным ковшиком. Тут и погоня наехала.

— Эй, старичок, не видал ли добра молодца с красной девицей на борзых конях? Их следы у твоего колодца теряются.

— Верно, — отвечает старичок, — проезжали тут лет сорок назад добрый молодец с красной девицей. Да ведь и я в ту пору был добрым молодцем...

Воротилась дружина к морскому царю.

— На зелёном лугу у колодца пропали их следы. Мы и туда, мы и сюда — нет следов да и только.

— А что видели возле колодца? — спрашивает царь.

— Лежал возле колодца берестяной ковшик да сидел рядом старый старичок.

— Это они и были! — кричит морской царь. — Брать надо было старичка, брать надо было ковшик!.. Сам поведу третью погоню!

На этот раз Василиса Премудрая оборотила коней озером, Ивана-царевича — сизым селезнем, а сама сделалась серой утицей. Тут и третья погоня наехала.

Морской царь сразу догадался, кто такие утка да селезень. Ударился он о сырую землю, обернулся чёрным коршуном. Хочет коршун убить, заклевать утку и селезня, да не тут-то было! Разлетится он сверху, вот-вот

ударит селезня, а селезень в воду нырнёт; вот-вот ударит утку, а утка под воду уйдёт. Бился, бился, из сил выбился, а ничего не сделал.

Поскакал морской царь назад, в своё подводное царство.

А Василиса Премудрая с Иваном-царевичем переждали время и поехали домой, в тридевятое царство.

Долго ли, коротко ли, а добрались они до дворца, где жили царь с царицей, родители Ивана-царевича.

— Ты подожди меня в этом лесочке, я пойду вперёд, доложусь отцу с матерью, — говорит Иван-царевич.

— Ты меня забудешь, — говорит Василиса Премудрая.

— Как могу я тебя забыть? — удивляется Иван-царевич.

— Как поцелуешь свою сестру, так меня и забудешь. Смотри, целуй только батюшку с матушкой, а сестру не целуй, — говорит Василиса Премудрая.

Пошёл Иван-царевич во дворец. Встретили его царь с царицей, то-то было радости! Поцеловал он батюшку, поцеловал матушку и забыл на радостях наказ Василисы — поцеловал сестрицу. А как поцеловал её — так и забыл Василису Премудрую. Три дня прошло. Царь-отец говорит:

— Надобно тебя женить, Иванушка.

А Иван-царевич согласен, забыл, что женат на Василисе Премудрой. Царь сосватал ему богатую молодую королевну.

Василиса Премудрая прождала три дня в лесочке — не идёт Иван-царевич, так и есть, забыл наказ её, ослушался. Тогда Василиса Премудрая пошла в стольный город и пристала у доброй старушки. Та муку сеет — пирог печь собралась.

— Для кого, бабушка, пирог готовишь? — спрашивает Василиса Премудрая.

— Разве не знаешь? В городе у нас большой праздник: царь женит Ивана-царевича на богатой королевне. Я пирог во дворец отнесу, молодым на стол подам.

— Дай, бабушка, я испеку, может, царь меня чем пожалует, — просит Василиса Премудрая.

— Мне не жаль, пеки, — говорит старушка.

Василиса Премудрая слепила из теста голубя и голубку и посадила их на пирог. А когда пирог был готов, отнесла его во дворец, на царский стол. Только жених и невеста взялись за пирог, как голубь с голубкой взлетели и заговорили. Голубка спрашивает:

— Помнишь, как была я белой овечкой, а ты — старым пастухом?

— Не помню, — отвечает голубь.

— А помнишь, как была я берестяным ковшиком, а ты — старым старичком?

— Не помню, — отвечает голубь.

— А помнишь, как была я серой утицей, а ты — сизым селезнем?

— Не помню, — отвечает голубь.

— У Ивана-царевича тоже память плохая, — говорит голубка.

Тут Иван-царевич всё вспомнил, выскочил из-за стола и побежал разыскивать свою милую жену Василису Премудрую. Нашёл он её у доброй старушки, поцеловал в сахарные уста, взял за белые руки и привёл во дворец к отцу, к матери. И начался там пир на весь мир, и я там был, мёд-пиво пил, по усам текло, в рот не попало.

А Василиса Премудрая с Иваном-царевичем стали жить-поживать да добра наживать.

КАК ИВАН — КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН БАРЫНЮ ДА БАРИНА ПРОВЁЛ

Жили в одной деревне старик со старухой. Был у них сын и была дочь. Вот пошла однажды дочь на реку бельё полоскать. А как выполоскала — стала вдруг плакать-голосить, слёзы ливмя лить. Мать услышала, к реке прибежали, спрашивает:

— Что с тобой, доченька милая? О чём плачешь?

А дочка отвечает:

— Как мне не плакать, сударыня матушка, ведь замуж меня скоро отдадите, а я сыночка Иванушку рожу, а Иванушка-то на берег гулять пойдёт да и в воду упадёт! Утонет мой родимый Иванушка!

Мать от таких слов пуще дочки расплакалась. Сидят — в два голоса голосят. Отец прибежал, спрашивает:

— Что стряслось? Отчего плачете?

— Ничего, старик, не стряслось, — отвечает старуха, — да ведь может стрястись! Вот выдадим дочку замуж, а она сыночка родит. А сыночек-то на берег гулять пойдёт да и в воду упадёт! Утонет наш милый Иванушка! А-а!

— Ой, беда! — испугался старик и с ними вместе заплакал. Сидят — в три голоса голосят.

Пришёл сын с пашни. Дома нет никого. И сестра, и старые родители — все на речке, все в голос ревут. Прибежал к ним:

— Что случилось? Отчего плачете?

Мать рассказала, отчего плачут.

— Ох и глупость несказанная! Плачете по внуку, который ещё не родился. Да и дочь-то замуж ещё не выдали! Как с вами жить? Пойду по белу свету, поищу дурней, чтоб были вас дурней. Коли найду — ворочусь домой.

И пошёл Иван — крестьянский сын по белу свету. Пришёл в большую деревню. Видит: дом стоит господский, изрядный.^[3] На крыльце барыня сидит, кормит хлебом свинью с поросятами. Снял Иван шапку, кланяется

свинье до земли. Барыня думает: «Чудной какой мужик! Меня не замечает, свинье поклоны бьёт!» И кричит ему:

— Эй, мужик! Ты что свинье кланяешься? Аль ты с ней знаком?

— Матушка-барыня, — говорит Иван, — ваша свинья пестра — моей жене сестра. Я пришёл в гости её звать. В нашей деревне праздник. У свиньи-то вашей детки народились, так вы отпустите её к нам вместе с детками. То-то моя жена обрадуется!

Барыня говорит:

— Изволь, мужик, забирай её на праздник вместе с поросятами.

А сама думает: «Ну и дурень! Свинью — на праздник! Да ещё с поросятами! Пускай ведёт, его ж люди засмеют!»

А Иван снова свинье кланяется да смотрит на неё.

— Что же ты, мужик, мешкаешь? — кричит барыня.

А Иван отвечает:

— Свинья пешком идти не согласна. Говорит, поросятки умаются.

— Ну так я повозку дам. Эй, кучер, — кричит барыня, — запрягай лошадей!

Запрягли пару лошадей, посадили в повозку свинью с поросятами. Иван и тронулся в путь.

— Подожди, мужик! — снова кричит барыня. — Пусть моя свинья у вас на празднике самой пригожей будет. Вот ей шуба! — Она накинула на свинью свою дорогую шубу, и Иван уехал.

Скоро барин с охоты воротился. Злой, сердитый: ни птицы, ни зверя не подстрелил. Барыня говорит:

— Сейчас я тебя, душа моя, насмешу! Тут давеча^[4] мужик дурной приходил, свинью на праздник приглашал вместе с поросятами. Говорил: «Ваша свинья пестра — моей жене сестра».

— И ты отпустила свинью?

— Отпустила, милый, отпустила, в шубу свою нарядила, дала повозку и пару лошадей!..

Барин как закричит:

— Не мужик тот дурной, а ты баба дурная! Не смеяться тут надо, а погоню снаряжать! Откуда хоть мужик-то?

— Не знаю.

— То-то, что не знаешь! Эй, седлать моего коня!

Пустился барин в погоню. А Иван знал, что будет погоня. Свернул он с дороги в лес, спрятал повозку в чаще, поймал ежа, вышел на дорогу. Слышит: конский топот приближается. Иван сел на землю, ежа шапкой накрыл. Тут и барин прискакал:

- Эй, мужик, ты не видел свинью в повозке?
- Видел, барин, видел.
- Догнать мне надобно ту повозку.
- В лесу-то дорог много, заплутаете, барин.
- Тогда ты догони, я тебе рубль дам.
- Э-э, барин, что рубль! Я тут сокола заморского под шапкой стерегу.

Если упущу, с меня мой барин шкуру спустит!

- Садись на моего коня и догоняй! Я постерегу сокола.

— А если упустите, барин? Ведь сокол — заморская птица, аж сто рублей стоит!

- Не бойся, упущу — отдам сто рублей.

- Сейчас говорите «отдам», а как до расплаты — и нет вас.

Барин вытащил кошелёк, отсчитал сто рублей и говорит:

— Возьми, на случай, если не уберегу. А сам садись на моего коня, скорей скачи, вороти ко мне того кто свинью везёт! Приведёшь — червонец дам!

Сел Иван на коня, поскакал вперёд. Потом свернул в лес, пристегнул к повозке скакуна и поехал домой.

А барин ждал, ждал его и понял: не вернётся мужик. «Ну да ладно, — подумал он, — хоть драгоценная птица мне осталась. Только бы её не упустить, половчей ухватить!» Приподнял он шапку да как схватит ежа! Тут только барин смекнул, что это и был тот самый мужик, который свинью в гости звал.

А Иван приехал домой на тройке, в повозке свинья лежит, да ещё и с поросятами. А на свинье шуба господская.

- Откуда у тебя рысаки, откуда свинья? — спрашивает мать.

А Иван отвечает:

— Нашёл я на земле дурней, что вас куда дурней. Не только рысаков с повозкой дали, не только свинью с поросятами, но ещё сто рублей денег и шубу в придачу.

АЛТРАПКА

Жил-был старик Федот. Был у него пёс Алтрапка. Долго Алтрапка служил. Но вот и старым стал, волков да воров чують перестал, голос у него пропал; лежит Алтрапка, не лает, дремлет да зевает. Старик говорит сыновьям:

— Надо пса прогнать.

Сын отвечает:

— Жаль его, пёс-то хороший был, верно служил.

Старик Федот говорит:

— Вот то-то: «был, служил»... А теперь старым стал, волков да воров чують перестал. Одно знает — лежит да зевает. Гони его со двора, нет у нас лишнего куска.

Сын взял палку, выгнал Алтрапку. Сидит бедный пёс за огородами, воет. Подкрадывается к нему волк и говорит:

— Что ты, старый, воешь? И сам не промышляешь, и нам, волкам, мешаешь.

Алтрапка отвечает:

— Потому и вою, что старым стал, вас, волков-разбойников, чують перестал... За это меня хозяин выгнал. Не хочет зря кормить.

Волк говорит:

— Ты на меня не лай, помолчи, дай поживиться, а я тебе за то тайну открою, такую тайну, что твой хозяин не только кормить-поить — на руках тебя будет носить! Вот слушай, что мне рассказал мой дед. Пришёл он однажды сюда за овцой. Твой дед не был сердитым, пропустил волка. И вот когда мой дед притаился в огороде, он увидел, как отец старика Федота золото прятал. Целый мешок золотых монет закопал под колодезной сохой.

[5]

Алтрапка, смыслённый пёс, побежал к колодезной сохе, давай её выкапывать. Старикова сноха [6] кричит:

— Батюшка, глядите, ваш Алтрапка пришёл, колодезную соху подкапывает!

Федот кричит:

— Гони его!

Сноха подошла к Алтрапке, пнуть хотела, а пёс оскалил зубы, зарычал. Испугалась сноха, ушла подальше от греха. И кричит:

— Батюшка, он зубы скалит, ещё укусит. Смотрите, он соху подкопал, упадёт соха!

Федот говорит:

— Сейчас я его убью!

Подошёл к собаке, глянул в яму, а там золота полным-полно! Федот ахнул. И давай золото собирать да приговаривать: «Спасибо, Алтрапка! Спасибо, милый!» Подозвал собаку, погладил. Потом приказал снохам:

— Алтрапку кормить только мягким хлебом, поить только свежим молоком!

Бабы кормят пса, а он лежит себе в тенёчке, позёвывает. Надоело это бабам, вот одна из них взяла да пнула его. А пёс-то старый был, с одного пинка и дух испустил.

Осерчал старик Федот:

— Моего благодетеля, моего кормильца убили, будьте вы неладны!

И пошёл к дьякону.^[7] Говорит ему:

— Был у меня любимый пёс Алтрапка. Да сноха его убила. Хочу я пса на погосте^[8] схоронить, по-человечески.

— Что ты, что ты! — закричал дьякон. — Виданное ли дело — пса на погосте хоронить! Нет такого порядку!

— А ты не серчай, отец дьякон, — говорит Федот. — Ведь Алтрапка-то мой был богатый пёс. Он тебе золотой при жизни отказал.^[9]

— Мне — золотой? — удивился дьякон. — Покажи!

— Вот, бери.

Дьякон схватил золотой и говорит:

— Сам-то я решить такое дело не могу, а ты пойдёшь к попу, посоветуйся.

Пошёл Федот к попу и говорит:

— Был у меня любимый пёс Алтрапка. Да сноха его убила. Хочу я пса на погосте схоронить, по-человечески.

— Аль ты сдурел?! — закричал поп. — Пса хоронить там, где крещёные люди лежат!

— А ты не серчай, батюшка, — говорит Федот. — Ведь Алтрапка-то мой был богатый пёс. Он при жизни тебе пять золотых отказал...

— Пять золотых? Где они?

— Вот, бери.

Поп взял деньги и говорит:

— Я б тебе, Федот, это дело разрешил. Да ведь пёс Алтрапка не сам подох, а его убили. Тут без полиции не обойтись. Сходи к уряднику,^[10] спроси у него разрешения.

Федот пришёл к уряднику. И говорит:

— Был у меня любимый пёс Алтрапка. Да сноха его убила. Хочу я пса на погосте схоронить, по-человечески. Был я у попа, а он говорит, нужно ваше разрешение.

Урядник кричит:

— Ты, старик, видно, не в себе! Кто тебе даст такое разрешение? Нет такого закона, чтобы пса на погосте хоронить!

— А ты не серчай, — говорит Федот. — Ведь Алтрапка-то мой был богатый пёс. Он при жизни тебе золотой отказал.

— Давай золотой! — говорит урядник.

— На, бери.

Урядник сунул золотой в карман и говорит:

— Моя б воля, я б разрешил, да права не имею. Надобно тебе, старик, пойти к приставу.^[11]

Федот пришёл к приставу. Всё ему рассказал. Пристав вскочил, ногами затопал:

— С каким делом ты, болван, ко мне пришёл? Пьяный ты или сумасшедший? Эй, взять пьяного старика, в холодную^[12] посадить, чтобы в другой раз умнее был!

— А ты, барин, не серчай, — говорит Федот. — Вот пять золотых. Это тебе мой Алтрапка отказал, когда жив был.

Пристав схватил деньги, взял лист бумаги и спрашивает:

— Как покойника-то звали?

— Алтрапка.

Пристав написал: «Разрешаю похоронить Алтрапку, как желает его хозяин Федот». Потом свою подпись поставил, потом печать приложил.

Отдал бумагу Федоту. Тот отнёс её попу.

Поп говорит:

— Принеси пса, как стемнеет, чтоб никто не видел, кого хороним.

Вечером Алтрапку честь по чести похоронили, как положено. И хоть в тайне всё было, а слух по селу прошёл: поп, мол, похоронил, пристав разрешение дал.

И вдруг архиерей^[13] и исправник^[14] вызывают в уезд^[15] попа и

пристава. Те сразу догадались: попадёт им за Алтрапку. Пристав приехал к Федоту:

— В уезд нас вызывают, и ты с нами поедешь, денег прихвати.

— Деньги есть, — говорит Федот.

Вот приехали в город. Исправник спрашивает пристава:

— Правда ли, что ты закон нарушил, пса разрешил похоронить как человека?

Архиерей спрашивает попу:

— Правда ли, что ты похоронил паршивого пса на погосте, рядом с людьми?

И пошла ругань. Архиерей ругает попу. Исправник ругает пристава. Федот вынул тридцать золотых. Пятнадцать даёт архиерею, пятнадцать исправнику:

— Это от Алтрапки. При жизни вам отказал.

Те взяли деньги, да ещё пуще ругаются. Исправник кричит приставу:

— Да знаешь ли ты, чего я тебя ругаю? Почему меня не вызвал, когда почтенного Алтрапку хоронили?!

Архиерей кричит попу:

— А ты знаешь, чего я тебя ругаю? Почему меня на похороны не позвали, почему во все колокола не звонили?!

А Федот слушает да усмехается: «Вот и ищи, бедняк, правду, вот и проси у таких защиты!..»

Сказка, может, и не вся, да больше сказывать нельзя.

НЕБЫЛИЦЫ

Жили когда-то три брата. Жили не так уж богато. На троих-то была одна хата да и та худовата.

Старшие братья умны, языкасты, а младший брат Иван — дурак и молчун.

Вот поехали они однажды в лес по дрова. Топорами намахались, утомились, есть захотели. Взялись кашу варить. Пшена в котёл насыпали, воды налили, а огнива-то нет, дома забыли. Как быть? Старший брат самый умный был, он на дерево залез, туда-сюда поглядел и видит: невдалеке на полянке костерок горит, возле него старичок сидит.

«Вот где я добуду огня!» — смекнул старший брат.

Подошёл он к костерку и говорит старику:

— Дедушка, дай огоньку!

— Экой ты прыткий, — отвечает старик. — Ты меня сперва повесели, сказку расскажи, да не шути со мной — ответишь спиной!

— Это как?

— А так: байка нескладная мне не нужна — узнает плётку твоя спина! А ну, сказывай сказку!

Старший брат час думал, два часа в затылке чесал и говорит:

— Нет, дедушка, я не горазд.

— А когда не горазд, кто ж огня тебе даст?

Старик взял плётку, парня наземь повалил да так его плёткой отходил, что тот всё перезабыл. Ни с чем старший вернулся к братьям. Средний ему говорит:

— Эх, растяпа, не принёс огня! Поучись-ка, брат, у меня!

И пошёл к старику:

— Дедушка, дай огоньку!

— Ты меня сперва развесели, сказку расскажи. Да не шути со мной — ответишь спиной!

Средний брат два часа думал, три часа в затылке чесал и говорит:

— Нет, дедушка, я не горазд.

— А когда не горазд, кто ж огня тебе даст?

Старик и среднего брата хорошенько плёткой проучил. Ни с чем и тот вернулся назад.

Вот меньшей брат. Иван, пошёл к старику:

— Дедушка, дай огоньку!

— Сказку сперва расскажи.

— Я б рассказал, да ты перечить станешь, закричишь: «Неправда, не было такого!»

— Нет, не стану перечить, сказывай.

— Тогда уговор: не перебивать. Как перебьёшь, как закричишь: «Не было такого!» — так и отхожу тебя той самой плёткой, какой ты братьев моих угощал.

— Согласен, начинай.

— Слушай, дед. Был я мал, да удал. Пошёл как-то в лес. Вижу дерево, в нём — дупло, в дупле — гнездо, в гнезде — жареные перепела. Сунул руку в дупло — не лезет, сунул ногу — не лезет. Тогда я изловчился, подпрыгнул и влетел в дупло. Жареные перепела горой лежат, другой сказал бы: мало, а я наелся до отвала. Захотел на волю, ан не тут-то было! Больно растолстел, а дыра мала. Ну, я-то догадлив был, домой за топором сходил, дыру топориком пошире прорубил и вылез на волю. Так ли, дед?

— Так, мой свет.

— Потом я заткнул топорик за пояс, сел на пегоньку лошадёнку и поехал в лес по дрова. Лошадка бежит — трюх-трюх, а топорик-то сзади — стук-стук. Так половину лошадки и отсек. Я оглянулся — нет задней половины, на двух ногах ушла невесть куда. Я кинулся искать. Вижу: задок моей лошадки по зелёной травке гуляет. Я поймал его, лыком к передку пришил, стала лошадь бегать лучше прежнего. Я дров нарубил, полный воз нагрузил да как гаркну. А лошадь сгорячахватила да по уши в грязь угодила. Я — за дедом. Дед был умён, а я догадлив. Схватили мы лошадь за хвост и давай тянуть. Да так вдвоём потащили, что шкуру долой стащили! Что делать? Пришли домой, горюем. Глядь — лошадь у ворот, сама пришла. Я радуюсь: и лошадь дома и шкура вдобавок! Так ли, дед?

— Всё так, мой свет.

— Вот сел я на лошадь и поехал по лесу. Вижу, огромный дуб растёт, вершиной в небо упирается. Думаю себе: дай-ка посмотрю, что там на небе. Залез и узнал: скотина там совсем дешёвая, а мухи да комары в цене. Ну, думаю, удача мне. Слез на землю, наловил мух и комаров полный кошель и опять вскарабкался на небо. И давай торговать: отдаю муху с мушонком, за них беру корову с телёнком, отдаю комара, а взамен беру

быка! Сколько я набрал скотины — нет ей числа!

А у нашего попа — завидующие глаза. Он тот дуб взял да свалил да к себе на двор стащил. Я собрался с добычей на землю ворочаться, а дуба нет. Как с неба слезть? А я догадлив был, всю скотину перерезал, ведь дармовая она, и давай из шкур верёвку вязать. Длинную связал. Один конец за край неба зацепил, другой вниз бросил и начал спускаться. Хоть и длинна верёвка была, но до земли не достала, а прыгать боюсь. Как быть? А я догадлив был. Вижу, внизу мужик овёс веет, полова^[16] по ветру вверх летит, а я её хватаю да верёвку мотаю. Вдруг сильный ветер задул да так меня раскачал! Лечу то туда, то сюда, вниз гляжу: то Питер, то Москва! Лопнула верёвка из половы, упал я в трясины, в зелёную тину. Торчит одна голова, ни туда ни сюда. На моей голове утка гнездо свила, яиц нанесла, утят вывела. А я не тужу, туда-сюда гляжу. Прибежал серый волк, всех утят уволок. «А за уткой приду — всё гнездо разорю!» Я дождался волка, когда он за уткой пришёл, и хватя его за хвост! «Улю-лю!» — кричу. Волк рванулся и вытащил меня из трясины. Так ли, дед?

— Всё так, мой свет.

«Ах, чёртов старик, — думает Иван, — ничем тебя не проймёшь. Ну, послушай-ка дальше». И говорит:

— Вытащил меня волк из болота, а я есть хочу. Сейчас, думаю, дичи набью. Гляжу: тетерев на дубу. Вскинул ружьишко, прицелился, а кремня-то нет! В город за кремнём бежать — до города десять вёрст, тетерев, пожалуй, уйдёт. Что делать? Иду, задумался Вдруг лбом о дерево — бух! Искры из глаз сыпанули. Одна искра упала на полку,^[17] ружьё бахнуло, тетерев упал да на зайца попал, а заяц сгоряча вскочил, разной дичи набил. Я дичь нагрузил на воз, на базар отвёз, торговал — не ловчил, пятьсот рублей получил! Было это, дед?

— Было, мой свет.

— Ну, я домой спешу, подъезжаю, гляжу: мой дед запряг твоего деда и возит на нём навоз целый день без обеда...

— Врёшь, дурак! Не было такого! — не вытерпел старик.

А Ивану того и надобно. Отстегал он плёткой злого старика, взял огня и воротился к братьям.

Вот вам сказка, а мне бубликов связка.

КАРЕЛЬСКИЕ СКАЗКИ

ЛИСА, ВОЛК И МЕДВЕДЬ

Однажды лиса, волк и медведь вместе посеяли рожь. Когда рожь созрела, они её убрали, в снопы связали, снопы высушили и начали молотить. Лень лисе молотить. Убегает она на озёра охотиться, утками лакомиться. Медведь работает с утра до ночи. Говорит он лисе:

— Ты, лиса, мало работаешь. А я — много.

Лиса говорит:

— Мы урожай справедливо разделим. Ты получишь больше всех, я — меньше всех.

Вот закончили обмолот. В одну кучу сложили солому, в другую — мякину,^[18] в третью — зерно. Соломы — самая большая куча, мякины — средняя, зерна — самая маленькая куча. Лиса говорит:

— Медведь самый большой и работал больше всех, ему — самая большая куча. Волку — куча поменьше, а мне — самая маленькая.

Медведь и волк обрадовались такому дележу.

— Лиса умеет делить справедливо, — говорит медведь. — Это правильно, что мне — самая большая куча.

Медведь взял себе солому, волк — мякину, а лиса — зерно. Повезли они свой урожай на мельницу. Начали молоть. У лисы жёрнов сухое зерно рушит, поэтому он стучит-гремит, а у волка с медведем жернова мякину да солому трут, поэтому тихо шуршат.

Медведь спрашивает:

— Почему это у тебя, лиса, жёрнов стучит-гремит, а у нас — тихонько шуршит?

— Я песку на жёрнов подсыпала, вот он и стучит, — отвечает лиса.

Волк и медведь подсыпали песку на свои жернова, они застучали-заскрежетали. Когда муку смололи, начали заваруху^[19] варить. Смотрят волк и медведь: у лисы заваруха светлая и пыхтит, а у них — тёмная и не пыхтит. Они спрашивают:

— Почему у тебя, лиса, заваруха светлая и пыхтит? Наверное, у тебя вкусней. Дай попробовать.

Лиса говорит:

— Сначала я у вас попробую, потом вы у меня.

Взяла лиса из их котлов по ложке и положила незаметно в свой котёл с краю. Потом говорит:

— Бери, волк, вот отсюда, а ты, медведь, возьми отсюда, пробуйте.

Каждый взял по ложке своей же заварухи. Попробовали. Волк говорит:

— Твоя заваруха не лучше моей.

Медведь говорит:

— Моя не вкусна, но и твоя не вкусней.

И опять волк спрашивает:

— А почему, лиса, твоя мука белей?

Лиса отвечает:

— Я её промыла на быстрине, вот она и белей.

Волк и медведь взяли свои мешки и опустили в речку, в быстрину. Течение размыло их муку и всю унесло. Так их лиса обманула.

БЕДНЯК И СУДЬЯ

Жили-были старик и старуха. Однажды пришла такая пора, что ничего у них не осталось: ни хлеба, ни скотины. Все крохи доели, совсем худо стало. Старуха говорит:

— Добудь, старик, муки. Где хочешь, а добудь. Иначе помрём.

Что делать старику? Отправился в соседнее село. Идёт и думает: «Придётся на хитрость пойти, хитрого купца обмануть». Зашёл он в лавку и говорит:

— Купец, продай мешок муки.

Купец говорит:

— Покупай. Давай деньги.

Старик говорит:

— Денег у меня нет, зато есть огромный жирный бык. Могу расплатиться мясом.

— Говоришь, огромный жирный бык? Хорошо! Бери не один мешок, бери два! А как зарежешь быка, принеси мне заднюю ногу.

Старик нанял подводу, положил два мешка муки и поехал в другую лавку.

— Купец, продай мешок муки.

— Покупай, — говорит купец. — Чем будешь платить?

— У меня есть огромный жирный бык, пора его резать.

— О, тогда возьми три мешка! А как зарежешь быка, принеси мне заднюю часть.

Старик взвалил на телегу три мешка и поехал в третью лавку. Третий купец дал ему пять мешков муки.

— Когда зарежешь своего огромного быка, половину мяса отдашь мне.

Старик привёз домой целый воз муки.

— Вот, старуха, пеки хлебы, пеки пироги.

Наелся старик пирогов и думает: «Как теперь быть? Ведь купцы придут долг требовать». И пошёл к судье. Пришёл и говорит:

— Взял я у купцов муки в долг, обещал расплатиться мясом, когда

зарезу своего огромного жирного быка. А теперь передумал мясо отдавать. Лучше сами мясо съедем. Так что постарайся, судья, выгороди меня перед купцами, когда они с жалобой придут.

Судья думает: «Верно, лучше сами мясо съедем». И говорит:

— Трудно тебя выгородить, но можно... Ведь у тебя есть огромный жирный бык... Ты притворись-ка дураком, на все вопросы тверди одно: «Хэй, вэй, хотивэй!»

Вскоре приходит к судье первый купец, подаёт жалобу. Судья зовёт старика.

— Ты брал у купца муку в долг? — спрашивает судья.

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Ты обещал ему отдать мясо за муку? — спрашивает судья.

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Да ведь он — дурак! — говорит судья купцу. — Кто ж тебя заставлял давать в долг этому полоумному? Сам виноват. Иди домой.

Купец ни с чем ушёл домой. Приходит второй купец. Судья зовёт старика.

— Ты брал у этого купца муку в долг? — спрашивает судья.

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Ты заплатил ему за муку?

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— О, да ведь он совсем дурак, — говорит судья купцу. — Зачем ты давал в долг этому полоумному? Сам виноват, иди домой, ничего от него не добьёшься.

И второй купец ушёл ни с чем. Приходит третий купец. Судья в третий раз зовёт старика.

— Ты знаешь этого купца? — спрашивает судья.

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Ты брал у него муку в долг?

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Ты зарезал своего быка?

— Хэй, вэй, хотивэй! — отвечает старик.

— Ты видишь, купец, с кем ты связался? Он — круглый дурак! — говорит судья. — Незачем было давать в долг полоумному.

— Я дал ему пять мешков муки! — кричит купец. — Взыщи с него долг, на то ты и судья!

— Хэй, вэй, хотивэй! — говорит старик.

— Ты же видишь, — говорит судья, — он не в своём уме. А таких не судят. Ничего с него не возьмёшь. Иди домой.

И третий купец ушёл ни с чем. Судья говорит:

— Вот как ловко я провёл всех купцов! Теперь иди, режь своего жирного быка и принеси мне заднюю часть.

— Хэй, вэй, хотивэй! — говорит старик.

— Хватит прикидываться дураком, купцов тут нет, — говорит судья.

— Хэй, вэй, хотивэй! — говорит старик. — Купцов тут нет, и дураков тут нет, и быка у меня никогда в жизни не было!

Вот какая сказка.

ЧЁРНАЯ УТОЧКА

Жили когда-то на берегу моря старик и старуха. Были у них сын и дочь. Перед смертью старики дали детям наказ:

— Живите дружно, всегда друг другу помогайте, друг друга выручайте.

Остались брат и сестра вдвоём. Брат ходит в лес на охоту, сестра дома управляет. А были они такие красивые, что на всей нашей земле никто не смог бы с ними сравниться. Однажды на охоте брат встретил самого царевича. Царевич засмотрелся на парня, об охоте забыл, а потом говорит:

— Скажи мне, парень: нет ли у тебя сестры? Наверное, она такая же красивая, как ты?

— Нет, — отвечает брат, — она куда красивей меня.

— Тогда отдай её мне в жёны, — просит царевич. — Отдашь — я тебя по-царски награжу. А захочешь — поселишься вместе с нами в царском доме.

Брат пришёл домой, говорит сестре:

— Встретил я в лесу царевича. Он тебя сватает.

Сестра говорит:

— Не пойду замуж, пока не изотру ручной жёрнов, которым мололи зерно отец с матерью.

На другой день брат опять встретил в лесу царевича.

— Что твоя сестра, пойдёт за меня? — спрашивает царевич.

— Говорит, не пойдёт замуж, пока не изотрёт ручной жёрнов, которым мололи зерно отец с матерью.

Царевич задумался. Вечером брат говорит сестре:

— Опять о тебе царевич спрашивал.

— Не пойду замуж, пока не истолку ступку, которую сделал отец для матери, — отвечает сестра.

На третий день брат опять встретил царевича, а вечером сестра сказала:

— Не пойду замуж, пока не сотру подолом юбки деревянный порог,

который смастерил мой добрый отец.

Брат рассказал всё это царевичу. Тот говорит:

— Когда сестра уйдёт по воду, ты изруби на куски жёрнов, ступку и порог, а потом легонько склей.

Брат всё сделал, как сказал царевич. Сестра вернулась — ничего не заметила. Утром пошла зерно молоть, повернула жёрнов — он развалился. Пошла в сарай в ступке толочь — ступка раскололась. Пошла домой, на порог ступила — порог развалился.

— Видно, пора замуж идти, — сказала она.

Собрались они, взяли с собой собаку Пятнашку, сели в лодку и поплыли вдоль берега в город. Гребут они, гребут... Вдруг на берегу появилась лесная ведьма, старуха Сюзтар.

— Возьмите меня в лодку! — кричит старуха. — Я так устала, сил нет идти!

— Не надо брать, — говорит сестра, — ведь это Сюзтар. А где она — там беда. От зла не жди добра.

Они плывут дальше. Старуха Сюзтар бежит по берегу и кричит:

— Возьмите меня в лодку, добрые люди! Ноги мои устали, ветками они исцарапаны, муравьями искусаны!

— Не надо брать, — говорит сестра. — Сюзтар погубит нас, только зло у неё на уме.

Дальше они плывут, и вот на повороте у мыса лодка подошла близко к берегу, старуха изловчилась и прыгнула в лодку. Села рядом с девушкой, слух у неё отняла.

Вот брат говорит:

— Царский город показался. Готовься, сестра, надень своё лучшее платье.

А сестра не слышит его слов.

— Что ты говоришь, милый братец?

— Он говорит: «Плюнь в воду, прыгни в море, стань чёрной уткой!» — кричит ей в ухо старуха Сюзтар.

Погрустнела девушка, задумалась. А брат вскоре говорит:

— Городская стена виднеется. Готовься, сестра, повяжи свой красивый платок.

Сестра не слышит.

— Что ты говоришь, милый братец?

— Он говорит: «Плюнь в воду, прыгни в море, стань чёрной уткой!» — кричит ей в ухо старуха Сюзтар.

«За что мой братец на меня так сердится?» — думает девушка. А брат

вскоре говорит:

— Царский дворец сияет. Готовься, сестра, надень своё дорогое ожерелье.

Сестра не слышит.

— Что опять сказал мой братец?

— Он сказал: «Плюнь в воду, прыгни в море, стань чёрной уткой!» — кричит ей в ухо старуха Сюэтар.

Что делать? Заплакала сестра. Но нельзя брата послушаться. Ведь отец с матерью перед смертью наказ дали: брата всегда слушаться. Плюнула девушка в воду, закрыла глаза и прыгнула в море. Тут старуха Сюэтар и превратила её в чёрную утку. А сама надела её лучшее платье, повязала красивый платок, надела дорогое ожерелье. Сама невестой стала. Причалили к берегу, к царёву городу. А у царевича дома всё к свадьбе готово. Он с гостями встречает невесту, радуется. Но когда невесту вблизи увидел, — всю радость его как водой смыло. Стоит бедный царевич, что делать — не знает. Что за ведьма вышла из лодки? А он-то хвастался: «Моя невеста — красавица!»

— Ах, парень, как ты меня обманул! — говорит царевич.

А гости свадьбы ждут. Значит, быть свадьбе. Женился царевич на ведьме Сюэтар. Бедного парня за обман приказал запереть в конюшне с девятью дикими жеребцами. «Пусть они его там затопчут, будет знать, как обманывать!»

Ночь настала. Все спят. Подплыла чёрная уточка к берегу, принесла с собой серебристую рубашку для царевича и запела:

Приди, собачка, мой дружок,
Приди ко мне на бережок.
Ах, как мне горько нынче петь!
Где братец милый мой, ответь?

Прибежала собака Пятнашка и говорит:

— Твоего братца заперли в конюшне с девятью дикими жеребцами, заперли на погибель.

Сестра запела:

Иди скорей, моя собачка,
Иди скорей, моя Пятнашка,
Иди к царевичу, собачка,

И отнеси ему рубашку.
Пройди, чтоб петли не запели,
Чтоб двери вдруг не заскрипели,
Пройди, чтоб двери не стучали,
Чтоб слуги вдруг не закричали.

Отдала она собаке серебристую рубашку и подумала: «Пусть царевич поглядит на эту рубашку и смилуется над моим братом».

Собака Пятнашка тихо вошла в царский дом, так прошла, что петли не запели, двери не заскрипели. Никто в доме не проснулся. Положила собака рубашку в изголовье царевича и убежала. Утром царевич проснулся, увидел серебристую рубашку и спрашивает:

— Кто это сшил?

Жена его, старуха Сюзтар, говорит:

— Это я ночью сшила. Глаза у меня по ночам спят, а руки — работают.

Царевич удивился, задумался, не поверил и вспомнил о бедном парне, которого приказал запереть в конюшне с жеребцами.

— Эй, слуги, — сказал он, — если тот парень ещё жив, переведите его в хлев, запирайте вместе с коровами.

А сам взял рубашку и пошёл к матери. Царица-мать говорит:

— Рубашка твоя серебристая будто из чешуи мелких рыбок сделана. Где ты её взял?

Царевич не знает, что ответить, ушёл, ещё больше задумался.

Ночь настала. Все спят. Снова подплыла чёрная уточка к берегу, принесла с собой серебристую скатерть для царевича и запела:

Приди, собачка, мой дружок,
Приди ко мне на бережок.
Как горько жить! Как горько петь!
Где нынче братец мой, ответь?

Прибежала собака Пятнашка и говорит:

— Твой братец жив, его перевели к коровам. Там ему легче.

Сестра отдала собаке серебристую скатерть и сказала:

— Отнеси царевичу, пусть он посмотрит на неё и помилует моего брата.

Собака Пятнашка тихо вошла в царский дом, осторожно положила

скатерть в изголовье царевича. Никто не проснулся. Даже ведьма Сюзтар ничего не почувала. Утром царевич увидел серебристую скатерть и спрашивает:

— Что это? Откуда?

Жена отвечает:

— Я всю ночь работала, для тебя старалась. Глаза мои ночью спят, а руки без усталости работают.

Царевич снова не поверил, задумался и опять вспомнил о бедном парне. Он приказал перевести его к овцам. А сам долго рассматривал скатерть. Казалось, она была сделана из чешуи серебристых рыбок. Царевич взял рубашку и скатерть и пошёл к древней старушке, которая жила в маленькой избушке на берегу моря и слыла самой мудрой в их земле.

— Не знаешь ли ты, бабушка, откуда у меня взялись эти вещи? — спросил царевич.

— Как не знать, — отвечает старушка. — Это работа твоей невесты, красавицы, сестры того парня, которого ты мучил ни за что. Обманула тебя ведьма Сюзтар, стала вместо красавицы твоей женой, а девушку превратила в чёрную уточку. Две ночи подряд уточка на берег выходила, подарки тебе выносила, через собаку Пятнашку тебе их передавала, чтобы ты её дорогого брата помиловал. Сегодня уточка выйдет на берег в последний раз — попрощаться с собакой. А завтра улетит на юг, в далёкие края.

— Ах, бабушка, — говорит царевич, — что же делать? Как расколдовать мою невесту, чёрную уточку?

Старушка говорит:

— Сейчас иди домой, освободи бедного парня да спрячь его подальше от глаз ведьмы Сюзтар. Вечером приходи на берег, встань за моей избушкой и жди, когда приплывёт чёрная уточка. Как только споёт она свою песню, тут её и лови. А потом бросай за спину через левое плечо. Расколдовать её нелегко, она будет превращаться в разных животных, но ты не бойся, всех смело бросай через левое плечо.

— Спасибо, бабушка, — сказал царевич и пошёл домой.

Дома он приказал слугам освободить парня и увести его в дальнюю комнату дворца. Вечером царевич пришёл на берег и спрятался за избушкой.

Ночь настала. Приплыла чёрная уточка, выбралась на берег и запела:

Приди, Пятнашка, мой дружок,

В последний раз на бережок...
В последний раз так горько петь!
Где нынче братец мой, ответь?

Царевич выскочил из-за избушки, схватил чёрную уточку и перекинул через левое плечо. Оглянулся — там змея. Он схватил змею и перекинул через левое плечо. Оглянулся — там огромная ящерица. Он перекинул и ящерицу. Оглянулся — там жаба. Он перекинул жабу. Оглянулся, а там стоит красавица — ни в сказке сказать, ни пером описать.

— Вот моя невеста! — закричал царевич. А потом тихо сказал: — Выходи за меня замуж.

— Не пойду, — отвечает девушка. — Ведьма Сюэтар снова меня погубит.

Царевич говорит:

— Я оставлю тебя здесь, на берегу в этой избушке, у этой доброй старушки. Вернись за тобой, когда ведьмы Сюэтар в моём городе не будет.

Он вернулся домой, приказал слугам схватить ведьму, связать, отвести в тёмный лес и бросить. Старуха Сюэтар взмолилась:

— Пощади меня, царевич, я не буду больше зла творить, оставь мне жизнь, я никогда не выйду из лесу.

Царевич приказал развязать ведьму. Слуги отвели её в лес.

Царевич пошёл на берег, взял за руку красавицу невесту и привёл её домой. Древнюю старушку он по-царски наградил. А на завтра устроил пир на весь мир. Такой свадьбы никто не видывал. Жил царевич с красавицей долго и счастливо.

СААМСКИЕ СКАЗКИ

ЖЕНИХ ИЗ ЧУЖОЙ ЗЕМЛИ

Жила на берегу моря саамская красавица. Была она единственной дочкой у отца-матери. Любили они её, берегли как зеницу ока, в красивые наряды наряжали. Много женихов к ней сваталось, но всем красавица отказывала. «Нет, — думала она, — я не пойду за нашего парня, меня ждёт особенная судьба». Однажды она говорит матери:

— Чудится мне, мама, — нынче вещей сон увижу. Спать сегодня пораньше лягу, а ты меня не буди, сколько бы ни спала.

Легла красавица пораньше и проспала кряду три дня и три ночи. Проснулась и рассказывает:

— Видела я нынче вещей сон. Будто жених ко мне скоро явится. Жених этот не наш парень, не из наших мест. Он придёт из-за моря, из чужой земли. Придёт на трёх кораблях. Сватать меня не станет, а просто возьмёт за руку и уведёт на свой белый корабль.

Мать заплакала и начала неотрывно смотреть на море. Через три дня она говорит дочке:

— Гляди, дочка: летят к нам три белых лебедя.

Отвечает красавица:

— То не три белых лебедя — то три заморских корабля, каждый под белым парусом. То судьба моя...

Мать неотрывно глядит на море. И вправду белые лебеди обернулись белыми кораблями. Вот они приблизились, стали большими кораблями и вскоре причалили к берегу. От главного корабля до их маленькой вежи ^[20] люди расстелили красивые красные ковры. На ковры спустился с корабля кривоногий бородатый чужеземец. Он прошёл к веже и взял красавицу за руку, потом посмотрел на неё, ну будто сквозь неё, будто её и не заметил. Красавице показалось, что глаза у него пустые. Чужеземец ни слова не сказал и провёл её по коврам на свой корабль. Мать заплакала. Люди скатали ковры, подняли паруса, и корабли ушли в море. Красавица смотрела на берег и пела:

Бородатый чужеземец,
Кривоногий чужеземец,
Пустоглазый чужеземец,
Ох, богатый чужеземец
Увезёт меня за море
На беду мою, на горе.

Бородатый чужеземец привёз её в богатую страну, полную всяких диковин, о которых красавица и слыхом не слыхивала. Он посадил её в темницу и начал учить своему языку. Трудно было саамской красавице понять чужой язык, и тогда муж её наказывал — жёг калёным железом. Такой был у него обычай.

Прошло три года. Красавица выучила чужой язык. Но муж не выпустил её из темницы.

Он приставил к ней стражу, а сам уплыл на кораблях воевать, уплыл за три моря. Красавица плакала и пела:

Я одна сижу в темнице
По приказу господина.
В заточении не спится,
Дни и ночи — всё едино...
Ох, не скоро, нет, не скоро
Муж вернётся из похода,
Он уехал за три моря.
Он уехал на три года.

Прошло три года. Муж вернулся на кораблях с богатой добычей. Он подарил жене много заморских диковин, много красивой одежды, много золотых украшений. Но красавица не радовалась, она, как прежде, была скучна, и муж спросил её, чего она хочет.

— Я хочу навестить отца с матерью, — говорит красавица, — хочу увидеть родные места. Увижу — и станет мне легче.

Муж снарядил корабли, и они отправились в гости, к родителям красавицы, туда, где она не была уже шесть лет. Она стояла на носу корабля и всё смотрела вперёд, всё ждала: когда, когда покажется родной берег. А как увидела, так слёзы залили её лицо.

Корабль причалил. Они пришли в гости к отцу и матери красавицы,

прожили там семь дней. Муж говорит:

— Теперь пора домой.

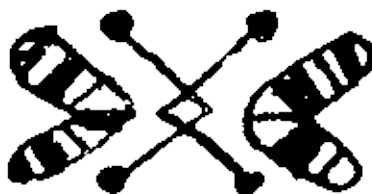
Он взял жену за руку и отвёл на корабль. Они поплыли назад. Красавица стояла у борта и всё смотрела на родной берег, а потом начала петь. Песня её была длинная, грустная. Она пела, как беспечно когда-то жила у отца с матерью, как увидела однажды чудесный сон, как приплыли три корабля, как бородач отвёл её на свой корабль и увёз в чужую страну, как он посадил её в темницу и учил своему языку, как он жёг её калёным железом. Она пела и плакала. Она пела, как богато живут люди в той стране, как богат её муж, какие диковины, какие наряды он ей подарил, но ни красивые вещи, ни богатые наряды не заменят ей родины, милой отчей земли. Она пела, что хочет остаться в море навсегда.

Пусть мои длинные волосы
Станут морскими водорослями,
Пусть мои зубы жемчужные
Станут морскими ракушками...

Это были последние слова её песни. С ними она бросилась в море.

Муж остановил корабль, приказал людям спасти красавицу, но её не нашли.

КАК БЕДНЯК ЗИМОВАЛ

Жил когда-то бедняк саам с женой и двумя сыновьями. Оленей у них не было. Кормились рыбной ловлей. Сушили рыбу на зиму. Снасти были плохие, рыбы ловилось мало. Осень пришла, зима впереди. Посмотрел бедняк на зимние запасы и задумался. Мало рыбы. Как перезимовать, как прожить?

Сыновья рыбы просят. Голодать будут. Бедняк был молчаливым, редко говорил. И теперь ничего жене не сказал, в лес ушёл. Назавтра снег выпал. Несколько дней прошло, не возвращается он с охоты. Жена и дети забеспокоились, пошли его искать, но не нашли, домой вернулись. Пропал отец. Кое-как они перезимовали, дотянули до весны.

А как солнце пригрело, отец вернулся. Дети обрадовались, бросились ему навстречу. Отец был тихий, ещё более молчаливый. На расспросы жены ни словом не ответил. Опять всё лето рыбу ловил и опять наловил мало.

Выпал снег. Бедняк исчез. Старший сын видел, как отец ушёл в лес, и рассказал матери. Мать побежала по следам и дошла до высокой пихты. Здесь она увидела, что муж её обошёл эту пихту три раза, потом зашёл за большой куст... дальше шли следы медведя.

Она обежала пихту три раза, потом этот куст, споткнулась, упала на четвереньки и увидела, что вместо рук у неё мохнатые медвежьи лапы. Она тоже превратилась в медведицу. Всё поняла и пошла по следам мужа. Вот и берлога.

— Ай-ай-ай! — закричал муж-медведь. — Зачем ты пошла за мной? Ведь нам теперь до весны быть медведями. Сейчас мы не сможем стать людьми. А дети наши пойдут по следам и подумают, что нас съели медведи! Они убьют нас! Мы ничего не сможем им сказать — ведь мы сейчас говорим по-медвежьи. Что ж, будем ждать прихода сыновей. Пусть убьют меня одного. А ты постарайся спастись. Твоё спасение — на моей шкуре. Я выбегу навстречу старшему сыну, а ты сиди в берлоге, не шевелись. Он убьёт меня, снимет шкуру и расстелет её на снегу. Тогда

выскакивай, беги и падай на мою шкуру. В тот же миг обернёшься человеком, примешь свой настоящий вид.

Жена заплакала и сказала:

— Нет, я не хочу спасаться на твоей шкуре. Давай уйдём далеко в тундру, будем жить вместе. А дети и сами не пропадут.

— Нет, — сказал муж, — мы останемся.

Они пролежали три дня. На четвёртый к берлоге пришли их сыновья. Бедняк выскочил навстречу старшему сыну, и тот метко уложил его своей любимой стрелой. Когда сын снял с медведя шкуру и расстелил её на снегу, из берлоги выскочила медведица, быстро подбежала к шкуре и упала на неё. Упала и обернулась женщиной, их матерью. Она сказала детям:

— Чтобы оставить вам еду, чтобы вы зимой не голодали, отец обернулся медведем и проспал всю прошлую зиму. Он хотел проспать и эту зиму, но вы его убили.

Сыновья заплакали. А у матери одна нога осталась медвежьей: она не попала на шкуру, когда медведица обернулась человеком.

КАК ПРИХОДИЛА ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ

В давние времена в наши земли приходила чудь^[21] белоглазая. Поверх одежды враги носили железные латы, на головах — железные рогатые шлемы. Лица закрывали железными сетками. Страшными были враги, всех подряд вырезали. Мужчин, женщин, детей, стариков — всех убивали, никого не щадили. Хотели они весь наш род свести, чтобы не осталось на свете саамов. Всё добро они забирали, всех оленей угоняли, собак убивали, не оставалось после набега на стойбище ни одной живой души.

Приходила чудь осенью, по первому льду. Как реки льдом схватит, так вражья сила и набегала. Саамы очень боялись врагов, в горы уходили, в земле прятались, строили подземные селения. Далеко в тундру, однако, чудь не заходила. Враги сами боялись.

Был в ту пору у нас герой-смельчак Лаурикадж. Много он чуди сгубил, много саамов спас. Много наши старики о нём рассказывают.

Был смельчак Лаурикадж самым метким стрелком, самым остроглазым следопытом. Все озёра и речки знал, все горные и лесные тропки исходил. Когда чудь набегала, он нарочно навстречу выходил, чтобы в плен его взяли, чтобы заставили провести чудь к саамскому селению. А уж тут Лаурикадж знал, что делать.

Однажды большой отряд чуди пришёл по реке на лодках. Захватили враги Лаурикаджа, и предводитель их Чудэ-Чуэрвь сказал:

— Ты, охотник, проводи нас к саамскому селению. А мы тебя за это наградим нашим оружием и нашей вкусной едой.

Лаурикадж повёл отряд по реке. Полдня прошло. Чудины есть хотят, пить хотят. Лаурикадж говорит предводителю:

— Я знаю один островок, он весь усыпан сладкой морошкой. Сейчас как раз поспела.

Чудэ-Чуэрвь говорит:

— Показывай свой островок. Причалим, поедем.

Отряд чуди причалил к острову. Морошки там и вправду было много. Чудины вытащили на берег свои припасы, приготовили обед, наелись и разбрелись собирать морошку. А когда наелись морошки — устали, спать легли. Оставили одного караульного. Но и караульный скоро заснул. Лаурикадж быстро перенёс все припасы в лодку, другие лодки привязал к ней и отчалил от берега. Караульный проснулся, закричал. Чудины вскочили. Чудэ-Чуэрвь вбежал в воду и говорит:

— Вернись, мой добрый брат! Вернись, и я отдам тебе всё моё оружие, все мои доспехи! Вернись, и я отдам тебе всё золото, которое захватил я в чужих землях.

Лаурикадж отплыл подальше. Сам остался в лодке, где лежали припасы и оружие, остальные лодки отрезал, пустил по течению. Семь дней, семь ночей после этого он не смыкал глаз, плавал возле острова, караулил, чтобы не дать ни одному чудину спастись, уйти с острова вплавь. Деревьев на острове не было, чудины не могли сделать плот. На седьмой день смотрит Лаурикадж: лежат враги на земле, совсем обессилели, чуть шевелятся. Тогда только он уплыл домой. А чудины все голодной смертью умерли. Тот островок с тех пор зовут Чудским.

В другой раз увидел с горы наш герой: идёт вражья сила — нет ей числа. Сбежал он вниз, завалил дорогу камнями, так что для чуди остался один путь: в ущелье с мелкой речкой. Чудь и свернула в него, когда подошла к завалу.

Вот и последний воин скрылся в ущелье. Тогда Лаурикадж этими камнями завалил выход из ущелья, запер в нём войско. А потом залез наверх и стал на чудинов обрушивать скалы. Всех передал.

Однажды пришли чудины зимой. Лаурикадж в это время пас своих оленей. Враги говорят:

— Веди нас, пастух, в саамское селение.

Лаурикадж говорит:

— Это далеко, надо на оленях ехать. Рубите деревья, делайте кережи.

[\[22\]](#) Провожу.

Враги сделали кережи, запрягли оленей. Стояла полярная ночь. Лаурикадж говорит:

— Связывайте упряжки в цепочку, я буду ехать впереди, держать факел, чтобы олени видели, куда бежать.

Враги связали ремнями упряжки. Лаурикадж поехал впереди с горящим факелом. Привёл он всех в горы, к высокому обрыву. Около обрыва круто свернул в сторону, а факел бросил вперёд. Олени как бежали за факелом, так и кинулись в пропасть. Один за другим полетели вниз. Всё вражье войско погибло. Лаурикадж остался без оленей, но народ свой спас.

Однажды враги застали Лаурикаджа в тупе.[\[23\]](#) Был он там с молодым помощником. Злой чудин залез на крышу и опустил в дымник[\[24\]](#) рукав. А рукав был не пустой — в нём чудин держал острую саблю.

— Не верь чу дину, не трогай рукав! — говорит Лаурикадж.

Не послушал молодой помощник, погорячился, схватил рукав. Сильно

руку порезал, закричал, выскочил наружу, сдался врагам. Что делать Лаурикаджу? Как уйти? Накинул он на себя печок,^[25] но в рукава не надел и выскочил навстречу врагам. Те кинулись к нему. Лаурикадж побежал к речке. Враги бегут за ним, да где им догнать! Но предводитель их, самый сильный, догоняет. Вот протянул он руку, вцепился в печок, обрадовался, что поймал Лаурикаджа, остановился и тут увидел, что в руках у него только печок. А Лаурикадж тем временем вырвался далеко вперёд. Подбежал к речке, перепрыгнул на тот берег. Предводитель остановился на берегу, прыгать через речку боится. Лаурикадж засмеялся. Чудин разозлился и бросил в него саблей. Лаурикадж изловчился, поймал её и прыгнул назад. Оказался один на один с безоружным чудином. Тот упал на колени, кричит:

— Пощади, не убивай меня!

Лаурикадж говорит:

— Убивать не буду. Высунь язык.

Тот высунул язык. Наш герой отрезал ему язык и отпустил:

— Иди, больше не будешь водить к нам вражьи войска.

В другой раз чудины пришли по реке в лодках, много их было. Лаурикадж взялся провести их лодки через пороги. Он ловко, умело провёл лодки, и чудины успокоились, поверили ему. А Лаурикадж знал: впереди — водопад, где погибнет чудское войско. Но вот враги услышали шум воды.

— Что это? — спросили они. — Водопад?

— Нет, это мы подходим к морю, пресная вода спорит с солёной водой. Вот почему шум. Теперь идти нам будет особенно трудно. Лодки надо связать.

Они связали лодки. А когда стремнина подхватила их и понесла к водопаду, Лаурикадж отрезал свою лодку и сумел направить к берегу. Чудь пропала в водопаде.

Так рассказывают старики про отважного Лаурикаджа.

НЕНЕЦКИЕ СКАЗКИ

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ И БУРЫЙ МЕДВЕДЬ

Однажды лесной бурый медведь пошёл на север, к морю. В это время морской белый медведь пошёл по льду на юг, к земле. У самого берега моря они встретились. У белого медведя шерсть встала дыбом. Он сказал:

— Ты что это, бурый, по моей земле ходишь?

Бурый ответил:

— Когда она у тебя была, земля-то? Твоё место в море! Твоя земля — льдина!

Белый медведь встал на дыбы. Бурый медведь встал на дыбы. Они схватились, и началась борьба. Боролись до полудня — никто не одолел. Боролись до вечера. Оба устали, сели. Молчат. Первым заговорил бурый. Он сказал:

— Ты, белый, оказывается, сильнее. Но я — ловчее, увёртливее. Поэтому никто из нас верха не возьмёт. Да и что нам делить? Ведь мы с тобой братья.

Белый медведь сказал:

— Верно, мы братья. И делить нам нечего. Земли наши неоглядны.

Лесной медведь сказал:

— Да, мои леса огромны. Мне нечего делать в твоих льдах.

Морской медведь сказал:

— А мне нечего делать в твоих лесах. Да я туда никогда и не заходил! Давай жить каждый на своём месте и не мешать друг другу.

Лесной медведь пошёл назад, в лес. Морской медведь остался на берегу моря.

С тех пор хозяин леса живёт в лесу, хозяин моря живёт в море. И никто друг другу не мешает.

ТРИ СЕСТРЫ — ТРИ НЕВЕСТЫ

Жил в тундре старик Нгум Мята. Было у него три дочери.

Задул однажды в тундре долгий северный ветер. Старик с дочерьми сидит в холодном чуме. Сидят они, сидят, выйти не могут, ждут, когда пурга стихнет. А пурга не стихает. День, другой, третий без усталости ветер дует. Чум едва на месте стоит, вот-вот сорвётся.

Старик Нгум Мята знает: это хозяин ветра, могучий Котура, пургу наслал. Надо бы задобрить Котуру. Надо б ему невесту дать. Подумал старик и говорит:

— Мы все тут замёрзнем. И весь наш народ замёрзнет. Этой пурги не переждать. Ветер не стихнет. Ведь это сам Котура осерчал. Жену ему надо. Иди, старшая дочь, выручай. Иди к нему в жёны. Возьми маленькие санки и толкай их против ветра. Он развяжет тебе завязки на одежде — ты их не завязывай, он нашвыряет тебе за одежду снегу — ты его не вытряхивай. Впереди будет гора. Заберись на неё. Тогда только снег вытряхни, завязки завяжи. К тебе на плечо сядет птичка. Ты её не гони, наоборот, рукавицыними, в ладонях обогрей. Потом садись в санки и съезжай на ту сторону горы. Санки остановятся у чума Котуры. В чум зайди и жди хозяина, ничего не ешь, ничего не трогай. Когда хозяин придёт, делай всё, что прикажет.

Старик замолчал. Старшая дочь оделась, попрощалась с отцом, с сёстрами, взяла маленькие санки и пошла навстречу пурге, навстречу ледяному ветру, навстречу сердитому неугомонному Котуре. А ветер треплет ей завязки, под одежду хочет забраться. Вот завязки уже развязались. Ветер нашвырял за одежду пригоршни снегу... Впереди гора.

Девушка подумала: «Зачем зря мёрзнуть? Лучше вытряхну снег да завяжу завязки, будет мне потеплее». Вытряхнула снег, завязала завязки, поднялась на гору. Подлетела к ней маленькая птичка, хочет на плечо сесть. А девушка говорит:

— Ещё и тебя греть! Самой холодно. Лети прочь!

Птичка улетела. А старшая дочь старика села в санки, скатилась с горы

и оказалась у большого хорошего чума. Она вошла внутрь. Никого нет. Она села на белые оленье шкуры и увидела много жирного оленьего мяса. «Зачем зря голодной сидеть? — подумала она. — Лучше я поем оленьего жиру». И начала отрывать от оленьих туш самые жирные куски. Вдруг слышит шум: кто-то к чуму подошёл, снег с лыж сбил, лыжи снял. И вот вошёл в чум молодой рослый богатырь. Это и был Котура, хозяин чума, хозяин северного ветра. Увидел девушку и спрашивает:

— Зачем ты здесь?

— Меня отец прислал, — отвечает она.

— А если так, почему без дела сидишь, почему мясо не варишь? Разводи огонь, клади мясо в котёл.

Старшая дочь сварила мясо. Котура дал ей три большие деревянные чашки и говорит:

— Вынимай мясо, дели на три части. Две съедим мы с тобой, третью отнесёшь в соседний чум.

Старшая дочь старика начала делить. В первую чашку положила самые жирные куски. Её взяла себе. Во вторую положила куски похуже. Её отдала Коту ре. В третью положила жилистые остатки.

— Эту, — сказала, — отнесу твоим соседям.

Они поели. Котура говорит:

— Теперь отнеси мясо в соседний чум. Только сама в него не заходи. Снаружи постой, подожди, пока чашку тебе вернут.

Старшая дочь старика взяла мясо. Вышла. Никакого чума не видно. Темно. Метель метёт — глаза закрываются. Прошла девушка немного туда-сюда и думает: «Вернусь, пока чум Котуры не потеряла. А мясо съем». Она начала есть, но мясо было жилистое, и она его выбросила. Вернулась в чум. Котура уже спал. Девушка легла на шкуры и тоже заснула. Утром проснулась, смотрит: Котура ест. Ест и спрашивает:

— Отнесла мясо?

— Отнесла, — отвечает девушка.

— Покажи чашку, — говорит Котура. — Посмотрю, чем тебя отдачили.

Девушка показала пустую чашку.

Котура промолчал. Потом вышел из чума, принёс несколько сырых оленьих шкур и говорит:

— Вот тебе шкуры. Выделай их, а потом сшей мне сокуй,^[26] пимы,^[27] штаны и рукавицы. Управься к вечеру, пока я на охоте.

Котура встал на лыжи и ушёл в тундру. Пурга метёт, темно, ничего не видно. Старшая дочь старика начала волосы расчёсывать. Вдруг в чум

вошла седая старушка. Вошла и говорит:

— Девушка, расчеши и мне волосы. Давно их никто не расчёсывал.

— Некогда мне. Вон работы сколько! — ответила девушка и кивнула на ворох шкур. — Иди, бабушка! Не мешай!

Старушка вышла из чума.

Кто она? Куда пошла? Об этом девушка не подумала. Взялась за работу. Шкуры мнёт, ножом их кроит, торопится, кое-как шьёт одежду.

Вечером Котура вернулся.

— Одежду сшила?

— Сшила, — отвечает девушка.

Котура осмотрел работу. Шкуры были жёсткие, плохо выделанные, одежда ему не подошла, оказалась мала.

— Иди, девушка, домой, — сказал Котура.

Старик Нгум Мята сидел с дочерьми в чуме. Пурга не утихала. «Видно, не пришлась по нраву Котуре моя старшая дочь, — подумал старик. — Видно, плохо она запомнила мои слова. Вон как дует! Сердится Котура». И тут в чум вошла старшая дочь.

— Что, не понравилась Котуре? — спрашивает старик.

— Это он мне не понравился, — ответила старшая дочь. — Не пойду я за него.

Старик Нгум Мята подумал и говорит:

— Придётся тебе, моя средняя дочь, идти к Котуре. Иди, выручай нас.

Он сказал средней дочери то же самое, что и старшей. Средняя дочь взяла маленькие санки и пошла на север, пошла навстречу пурге, навстречу грозному Котуре. А ветер уже развязал ей завязки, нашвырял за одежду снегу... Девушка думает: «Почему отец разрешил вытряхнуть снег и завязать завязки только на вершине горы? Ничего не случится, если я вытряхну снег сейчас. Зачем зря мёрзнуть?» Она вытряхнула снег, завязала завязки, поднялась в гору. Подлетела к ней маленькая птичка, но девушка говорит:

— Нет у меня для тебя тепла. Самой тепла не хватает.

Птичка улетела. Девушка села в санки, скатилась с горы и оказалась у чума Котуры. Вошла в чум, развела огонь, наварила оленьего мяса, и тут пришёл Котура.

— Зачем ты здесь? — спросил он девушку.

— Меня к тебе отец прислал, — ответила она.

— Вижу, ты хорошая хозяйка, уже и мясо сварила, — говорит Котура. — Вот тебе три чашки, дели мясо на три части. Две мы съедим, третью отнесёшь в соседний чум.

Девушка разделила мясо на три равные части. Они поели. Котура говорит:

— Теперь отнеси мясо в соседний чум. Только сама туда не заходи. Подожди, пока вернут чашку.

Средняя дочь старика взяла мясо, вышла. Темнота, метель! Ничего не видно! Девушка думает: «Пока найду этот чум, замёрзну. Лучше выброшу мясо да вернусь поскорей в тепло». Она выбросила мясо и вернулась в чум. Котура удивился и говорит:

— Скоро ты вернулась. Мясо отнесла?

— Отнесла.

— Покажи чашку, посмотрю, чем тебя отдали.

Девушка показала пустую чашку. Котура промолчал и лёг спать. Утром он принёс в чум несколько оленьих шкур и сказал:

— Вот шкуры. Сшей мне хорошую одежду. Управься к вечеру, пока я на охоте. Но прежде чем шить, о моих помощниках позаботься: одного накорми, другому одежду поправь, третьему силы добавь.

Котура ушёл в тундру. Девушка огляделась. Где помощники? Вышла из чума. Нет помощников. О чём говорил Котура? «Скажу ему, что позаботилась, — подумала она. — Надо скорее браться за шитьё». И она взялась за работу. Трудно за один день одежду сшить. Надо спешить. Вдруг вошла седая старушка. Вошла и говорит:

— Девушка, расчеши мне волосы. Давно мне их никто не расчёсывал.

Девушка отвечает:

— Некогда, бабушка, работы много. Не управлюсь к вечеру — худо мне будет.

Старушка тихонько вышла из чума.

Вечером вернулся Котура.

— О помощниках моих позаботилась? — спрашивает.

— Позаботилась, — отвечает девушка.

— Одежду сшила?

— Сшила, — отвечает девушка.

Котура осмотрел работу. Шкуры жёсткие, одежда нескладная, сшита вкривь да вкось, нельзя надеть.

— Ты не жадная, как твоя старшая сестра, — сказал Котура. — Но ты недогадлива. Иди домой.

И средняя дочь старика пошла домой.

Старик Нгум Мята совсем замёрз в своём холодном чуме. Пурга не понимает. «И средняя моя дочь не угодила Котуре, — подумал он. — Придётся послать к нему самую младшую, самую любимую». И тут в чум

вошла средняя дочь.

Старик Нгум Мята не стал её ни о чём спрашивать. Он раскурил трубку и сказал:

— Не смогли мои старшие дочери угодить Котуре. Ещё больше он сердится, ещё сильнее дует ветер. Жаль мне мою самую младшую отдавать Котуре. Но ничего не поделаешь. Надо остановить пургу, иначе весь народ замёрзнет.

Он сказал младшей дочери то же самое, — что и старшим. Младшая взяла маленькие санки и пошла навстречу холодному ветру, навстречу неумолимому Котуре. Ветер развязал ей завязки, нашвырял за одежду снегу. Холодно стало, но девушка идёт, снег не вытряхивает. Впереди гора. Девушка взобралась на гору и только там вытряхнула снег, завязала завязки. К ней подлетела маленькая птичка, села ей на плечо. Девушка сняла рукавицы, обогрела птичку в ладонях. Потом села в санки, скатилась с горы и оказалась около чума Котуры. Она вошла, села на шкуры и стала ждать хозяина. К вечеру вернулся Котура.

— Зачем пришла? — спрашивает.

— Меня к тебе отец прислал, — отвечает девушка.

— Тогда не сиди без дела, мясо вари.

Младшая дочь старика сварила мясо. Котура приказал ей разделить мясо на три части. Девушка разделила всё поровну. Они поели. Котура приказал отнести третью чашку в соседний чум и подождать снаружи, пока вернут чашку.

Девушка вышла из чума. Темень. Пурга. Где соседний чум? Девушка ходила туда-сюда и вдруг увидела искорку. Подбежала к этой искорке — а там пень, и дымом от него пахнет. Она ткнула в пень ногой, в нём открылась дверь, а из двери выглянула седая старушка.

— Ты кто? — спрашивает. — Ты зачем?

— Я мясо вам принесла. Котура передал.

— Давай мясо, — говорит старушка. — А сама там постой.

Старушка взяла мясо и скрылась. Долго её не было. Девушка замёрзла. Но вот дверь открылась, и старушка подала ей чашку, полную всякого добра. Девушка вернулась в чум.

Котура говорит:

— Долго ты ходила. Соседний чум нашла?

— Нашла, — отвечает девушка.

— Мясо отдала?

— Отдала, — отвечает девушка.

— Покажи-ка чашку, посмотрю, что там.

В чашке лежали скребки и мялки для выделки шкур, ножи для кройки, иголки, нитки, — всё, что надо женщине для шитья одежды. Котура улыбнулся:

— Хорошо тебя отдалили.

Утром он занёс в чум несколько сырых оленьих шкур, приказал выделать их и сшить одежду.

— Вечером вернусь с охоты — посмотрю твою работу. Хорошо справишься — возьму в жёны. Не справишься — выгоню, как твоих сестёр. Да не забудь: прежде чем шить, о помощниках моих позаботься — одного накорми, другому одежду поправь, третьему силы добавь.

Он ушёл. Девушка огляделась. Где помощники? Вышла из чума и всё поняла. Вон собака сидит, её надо накормить. Накормила. Вон сети висят, их надо починить. Починила. Вон топор лежит, его надо наточить. Наточила. Силы ему добавила. Обо всех помощниках позаботилась. Вошла в чум, взяла скребок, начала шкуры скоблить.

Вдруг вошла седая старушка, та самая, которой она вчера относила мясо. Старушка говорит:

— Девушка, расчеши мне волосы. Давно их никто не расчёсывал.

Что делать? Работа ждёт, надо спешить, но и старушку жаль. Отложила девушка работу, взялась за гребень, расчёсывает старухе волосы. Старуха говорит:

— Загляни-ка мне в правое ухо. Будто бы кто-то там шевелится.

Младшая дочь старика заглянула в ухо и испугалась, отшатнулась.

— Что с тобой, милая? — спрашивает старуха. — Что там увидела?

— Там у вас девушки сидят!..

— Так зови их сюда! Пусть они помогут тебе одежду сшить, а ты не спеша мне волосы расчеши, в косы их заплети.

Младшая дочь старика кликнула девушек. Они выскочили из старухино ухе. Их оказалось четыре. Дружно взялись они за шкуры. Скоблят их, мнут, дубят, кроят, одежду шьют. К вечеру всё было готово. Девушки снова стали маленькими и спрятались в старухином ухе. Перед уходом старуха сказала:

— Котура посмотрит на работу и скажет, что она похожа на работу его сестёр. Ты ответь: «Я твоих сестёр не видела, не слышала, где мне взять их работу». Запомни эти слова и знай: Котура — мой сын.

Вечером Котура вернулся.

— О помощниках моих позаботилась?

— Позаботилась, — отвечает девушка.

— Одежду сшила?

— Сшила, — отвечает девушка.

Котура осмотрел работу, примерил одежду. Шкуры мягкие, одежда ладно скроена и крепко сшита. Котура говорит:

— Это похоже на работу моих сестёр.

— Я твоих сестёр не видела, не слышала, где мне взять их работу?

Котура засмеялся. Потом говорит:

— Ты не жадная, ты смышлёная, ты мастерица хорошая, — быть тебе моей женой.

В тот же миг в тундре ветер утих, пурга улеглась. Тепло стало. Старик Нгум Мята подумал: «Пришлась по нраву Котуре моя младшая дочь. Вот и пурга утихла. Теперь мой народ спасён».

ДВА БРАТА И ВЕЛИКАН

Жили два брата, два человека. Один был богач, другой — бедняк. У бедняка только старый чум да старая мать. А у богача девять тысяч оленей, их пасут девять пастухов, которые живут в девяти чумах. Да ещё у богача большой чум, в котором живут его девять жён. А у бедного брата нет жены.

Пришёл однажды бедняк к богатому еды попросить. Совсем ничего у него не осталось. Богатый говорит:

— Покою нет! Надоел ты мне! Когда у тебя будет своя еда?

Выгнал, не дал ни куска.

Бедняк вернулся домой. Голодные, они с матерью легли спать. Наутро он пошёл на охоту. А что за охота на пустой желудок? Далеко ходить — сил нет, близко ходить — зверя нет. Без добычи вернулся. И на другой день опять без добычи. И на третий...

Мать его пошла к проруби за водой. Смотрит, на той стороне реки великан стоит. Он тоже заметил старуху. На своих огромных лыжах раз-два и подъехал.

— Что делаешь, бабушка?

— За водой пришла, — отвечает старуха. — Сын с охоты вернётся — хоть кипятком свой холодный живот согреет. Мы уж давно ничего не ели. Не везёт ему на охоте.

Великан задумался. А потом вдруг сунул руку в прорубь. Когда вытащил, на каждом пальце его была большая рыбина. Прилипли они к его пальцам. Великан стряхнул рыбу на снег и говорит:

— Вот, бери, вари, сама ешь, сына корми. Сыну скажи: пусть ловит рыбу, как я.

Великан попрощался и пошёл на ту сторону реки. Два шага сделал — и там.

Старуха сварила рыбу. Вернулся сын. Опять ничего не принёс. Старуха говорит:

— Смотри, какой жирной рыбы я наварила. Долго мы не ели, теперь наедемся.

Сын удивился:

— Мать, как ты добыла такую рыбу?

Мать рассказала о встрече с великаном. Наутро бедняк пошёл к проруби. Он опустил туда руку, как это делал великан, и сразу почувствовал, как руку вниз потянуло. Он с трудом вытащил руку: к каждому пальцу прилипла большая рыбина. Стали они с матерью сытно жить. Однажды сын говорит:

— Мать, ты свари рыбы, а я пойду в гости к великану.

Он пошёл по лыжному следу на ту сторону реки. Долго шёл и вот увидел огромный чум. Около чума остановился, снял лыжи, вошёл. В одной стороне чума спал великан. Жена его сидела рядом. В другой стороне чума сидели каменные старик и старуха с раскрытыми ртами. Жена великана увидела гостя и начала будить мужа. Но тот не просыпался. Тогда она ударила его по голове рукояткой ножа. Великан вскочил. Увидел бедняка и сказал:

— Это хорошо, что ты пришёл ко мне в гости. — Потом посмотрел в

сторону и крикнул: — Мои лыжи, мой пояс, мой аркан, где вы?

В тот же миг к нему подъехали лыжи, подползли пояс и аркан, пояс обвился вокруг его огромного брюха, а аркан намотался на руку. Великан встал на лыжи, и они сами повезли его в сторону каменного старика. Великан въехал в рот каменного старика, а выехал изо рта каменной старухи. Под мышкой он держал жирную молодую важенку.^[28] Он бросил тушу на пол и подкинул вверх свой нож. Нож в один миг снял с туши шкуру и разрезал мясо на куски. Куски прыгнули один за другим в котёл с кипящей водой. Мясо сварилось. Великан сказал:

— Мой гость, ешь, угощайся!

Бедняк съел несколько жирных кусков, быстро наелся и говорит:

— Спасибо. Чувствую, как прибавилось силы у меня в руках, как прибавилось резвости у меня в ногах.

Великан кликнул дочь и говорит:

— Отдаю тебе в жёны мою красивую дочь. С ней отдаю чудесный мешок. В нём — ваше богатство. Но развязывать его можно только в своём чуме. Если не вытерпишь, если развяжешь раньше — жизнь твоя станет хуже прежней.

Бедняк с невестой пошли назад, к своему чуму. Бедняк несёт мешок, а он тощий, будто совсем пустой. Какое в нём богатство?

Идут они через реку. Вдруг из-подо льда послышались голоса, раздавалась громкая песня. Это пели водяные черти:

Ты постой, бедняк, постой!
У тебя мешок — пустой!
Развяжи-ка ремешок,
Загляни-ка ты в мешок,
Загляни-ка ты в него —
Там и нет ничего!

Но бедняк не послушал чертей, не стал развязывать мешок. Пришли они с невестой домой. Тогда только бедняк развязал мешок. Из него вырвалась туча оводов. Через дымник они вылетели наружу. Бедняк с невестой и с матерью выбежали из чума. Что такое? Вокруг чума оленей — не перечсть! Это оводы великана превратились в оленей. Богатым стал младший брат, богаче всех в тундре.

Старший брат, богач, сразу прибежал к нему.

— Расскажи, брат, как это ты вдруг разбогател?

Младший брат рассказал всё, как было. Старший брат побежал к проруби. Опустил руку в воду, долго держал, вытащил — никакой рыбы нет. Тогда он встал на лыжи и побежал к великану. Великан и ему принёс жирную важенку. Старший брат ел, ел, пока всю не съел.

— Ох, наелся, тяжело мне, встать не могу. У тебя буду спать.

Великан говорит:

— Я тебя не приглашал спать. Иди спать в свой чум.

— Ладно, пойду, — говорит старший брат, — ты только дай мне свою дочь в жёны да чудесный мешок.

Великан говорит:

— Дочь мою я тебе не дам, у тебя и так девять жён. А мешок дам, бери. — И он дал богачу тощий мешок, с виду совсем пустой.

Богач схватил его и грузно побежал домой. На середине реки из-под льда раздались голоса. Это пели водяные черти:

Ох и глупый ты, богач,
Поглупел ты от удач.
Не спеши, богач, постой,
Ведь мешок-то твой — пустой!
Развяжи-ка ремешок,
Загляни-ка ты в мешок,
Загляни-ка ты в него —
Там и нет ничего!

Богач подумал: «А ведь мешок-то и впрямь пустой, вон какой тощий! Какие там олени!» Он развязал ремешок и заглянул в мешок. Оттуда с шумом вырвалась туча оводов, они полетели к его чуму. Богач обрадовался: «Все они превратятся в оленей!» И поспешил за ними. Черти захохотали и запели:

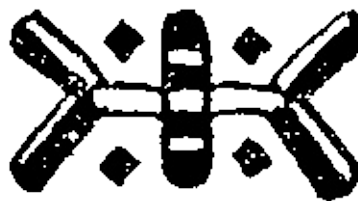
Поглядите: вон каков
Обожравшийся глупец,
Он получит от волков
По заслугам наконец.

Богач прибежал к чуму. Смотрит, все олени его порезаны. Это оводы превратились в волков и порезали его оленей.

С тех пор младший брат стал богачом, а старший — бедняком. Но младший давал ему еду, он не прогонял старшего, как тот, бывало, прогонял его.

КОМИ СКАЗКИ

ПЕРЯ-БОГАТЫРЬ

В стародавнее время жил, говорят, на речке Лупье, что впадает в Каму, невиданный силач по имени Перя. Жил он охотой, охотился с луком и стрелами. Из лука он птицу бил, а на крупного зверя ходил с копьём. Увидит след лося, оленя или медведя и — бегом по следу. Быстро догоняет, копьём пронзает. Была у него в лесу избушка, только Перя в ней спать не любил: душно. И летом и зимой спал возле избушки на вольном воздухе у костра.

Люди уважали Перю-богатыря, любили его.

В то время много леших жило в наших лесах. Разные были лешие. Возле одной деревни очень лютый леший завёлся, всем в деревне досаждал, охотиться не давал, скотину воровал. Люди его и так и этак ублажали, угощали. Пирог с рыбой испекут, куриных яиц наварят, отнесут всё это в лес, на пенёк положат, крикнут:

— Ешь, ворса,^[29] угощайся, только нас не трогай!

Даже собак для него резали. Лешие очень любят собачье мясо. Так этот леший все гостинцы съедал, а не унимался, продолжал людям вредить. Что делать? Решили позвать на помощь Перю-богатыря. Рассказали о проделках лешего. Перя рассердился, взял своё оружие, встал на лыжи и пошёл в тот лес, где леший хозяйничал. Начал искать его тропу. К вечеру нашёл, развёл костерок, сел. Проходят охотники, говорят:

— Где ты сидишь? Ведь это тропа лешего. Он за это никого не прощает и тебе спуска не даст.

— Его-то мне и надо, — усмехается Перя.

К ночи пришёл леший — огромный, голова выше леса.

— Ты что это на мою тропу пришёл, жалкий человек? Может, силой хочешь помериться?

Встал Перя во весь свой огромный рост.

— Да, хочу помериться.

Увидел леший, какой перед ним богатырь, и решил хитростью Перю одолеть.

— Давай, — говорит, — сейчас спать ляжем, а утром будем силами мериться.

— Что ж, давай, — соглашается Перя.

Они срубили две сосны, сделали для ночёвки нодью.^[30] Леший лёг по одну сторону нодьи, Перя — по другую.

— Как ты спишь? — спрашивает леший.

— Я сплю неслышно и неподвижно, как бревно, — говорит Перя. — А ты как спишь?

— А я, когда сплю, так храплю, что хвоя надо мной осыпается, а из носа летят искры, — отвечает леший.

Перя затих. Вскоре леший захрапел так, что посыпалась хвоя. Перя встал, посмотрел на него через костёр. Верно: из носа лешего летят искры. Значит, спит. Перя положил на своё место толстое бревно и прикрыл своей одеждой, а сам спрятался за могучей сосной. В полночь леший проснулся, встал, глянул через костёр и говорит:

— Он и вправду спит, как бревно.

Взял леший своё копьё и положил остриё в огонь, а когда оно раскалилось докрасна, схватил копьё, прыгнул через костёр и вонзил копьё в бревно, укрытое одеждой. С трудом пошло копьё в сырое бревно, всей грудью леший на него налёг.

— Ох и крепкий ты был богатырь! — сказал он. — Но и тебе пришёл конец.

Тут вышел Перя из-за сосны, натянул свой тугой лук.

— Стой, злодей ворса! Ты хотел меня спящего убить, раскалённым копьём пронзить, и за это тебе не будет пощады!

Что делать лешему? Копьё увязло в бревне. Стоит безоружный.

— Пощади меня, — говорит. — Я не буду больше людям вредить.

— Не верю я тебе, — отвечает Перя. — Ты сейчас показал, каков ты есть, показал свою чёрную душу.

Перя пустил стрелу в грудь лешего. Убил злодея. Пришёл в деревню, говорит людям:

— Теперь можете спокойно жить, без страха лесовать. [\[31\]](#)

А в другой раз пришли к Пере гонцы от самого князя. Напала на княжеский город степная орда, бьёт княжеское войско, нет сил устоять. Вражий богатырь ездит в огромном железном колесе, давит княжеских воинов, и некому с тем богатырём сразиться. Приди, мол, Перя-богатырь, встань на защиту нашей земли.

Перя согласился. Гонцы говорят:

— Отвезём тебя к месту битвы за две недели.

— Не надо, — говорит Перя. — Я пешком за два дня доберусь.

Встал Перя на лыжи. Пришёл к полю боя за два дня, видит: идёт сражение — ездит вражий богатырь в огромном железном колесе и давит им людей. Перя схватил колесо двумя руками, приподнял да шмякнул оземь. Ни богатыря, ни колеса не стало. Вражье войско увидело победу нашего богатыря и побежало назад.

Князь пригласил Перю к себе на великий пир. Три дня пиروвали. Перя домой собирается. Князь спрашивает:

— Что, Перя, понравилось тебе спать в княжеских покоях?

— Нет, — отвечает богатырь, — не понравилось. В твоих покоях духота да блохи, а я привык спать в лесу возле нодьи, на вольной воле.

— Ты врага разбил, — говорит князь, — проси за службу что хочешь.

— Ничего мне не надо, — говорит Перя. — Одно лишь надо — свободно жить и лесовать в моих родных местах по речке Лупье.

Князь подарил Пере грамоту на владение теми лесами, а ещё подарил

шёлковую сеть — куниц ловить.

Вернулся Перя домой и зажил, как прежде, мирно и спокойно. Лесовал в своих огромных владениях, никто ему не мешал.

Вот каким был наш Перя-богатырь.

Все у нас знают Перю, все о нём рассказывают, все его любят.

СТАРУХА ЙОМА И ДВЕ ДЕВУШКИ

Жили-были муж с женой. Была у них дочь. Но вот жена умерла, муж взял в дом другую, а у той была своя дочка. Новая жена была злая и сварливая, любила только свою дочь, а бедную падчерицу возненавидела. Заставляла её работать с утра до ночи, а есть давала остатки да объедки. Зато её дочь совсем не работала, а ела всё самое вкусное, всё самое сладкое.

Даёт однажды мачеха бедной падчерице моток пряжи и говорит:

— Пойди на реку да хорошенько пряжу выполоскай. Не бойся, что вода холодная. После, за работой руки отогреются!

Побежала девушка к речке, начала полоскать пряжу. Быстро замёрзли пальцы, онемели совсем, и выпустила она моток, пошёл он ко дну. В слезах прибежала девушка домой, рассказала мачехе, как утонул моток. Мачеха ударила девушку по голове и закричала:

— Ах ты бездельница! Я так и знала, что ты утопишь моток! Лезь в воду, доставай со дна! Как хочешь доставай, а без пряжи не возвращайся!

Заплакала девушка и пошла к речке. Подошла к берегу, закрыла глаза и прыгнула в воду. А когда открыла глаза — увидела себя на зелёном лугу. На траве пасётся табун лошадей золотогривых. Ветер гривы развеивает, волосы путает. Девушка подошла к лошадям, гривы им расчесала своим гребнем. Золотогривая кобыла говорит:

— Иди по этой тропинке. Встретишь сметанный ручей, а потом и медовый. Но ты не пробуй ни сметаны, ни мёда — это ручьи старухи Йомы.^[32] Тропинка приведёт тебя к избушке старухи. У неё твой моток пряжи. Избушка будет вертеться на ветру. Надо крикнуть:

Ты, избушка, не гневись —
Для меня остановись!

Избушка остановится, и ты смело в неё входи.

Девушка поблагодарила кобылу и пошла по тропинке. Видит, пасётся корова. Вымя у коровы переполнено, рядом стоит подои́ник, а подоить корову некому. Корова говорит:

— Девушка, подои меня, тяжко мне, вымя моё полно молока.

Девушка подоила корову. Кокова говорит:

— Когда придёшь к старухе Йо́ме, она прикажет тебе поработать. Потом за работу предложит на выбор два лукошка: красное и голубое. Так ты бери голубое.

Девушка поблагодарила корову и пошла дальше. Вот и сметанный ручей. Ах как хочется есть! Но нельзя — это ручей старухи Йо́мы. Девушка перешла через него по мостику и пошла дальше. Вот течёт медовый ручей. У бедняжки слюнки потекли, но и мёду она не попробовала. Тропинка привела её к избушке, которая вертелась на ветру.

— Ты, избушка, не гневись —
Для меня остановись! —

крикнула девушка. Избушка вмиг остановилась, девушка вошла. А там сидит старуха Йо́ма, водяная хозяйка. Старуха спрашивает:

— Зачем пришла?

— У меня, бабушка, моток пряжи утонул, вот я хожу, его ищу, — отвечает девушка.

— Твой моток у меня, — говорит старуха, — но ты сперва поработай. Пойди-ка дров наколи, баню истопи.

Девушка наколола дров, истопила баню. Старуха принесла туда полное лукошко лягушат, ящериц и жуков-плавунцов.

— Вот, — говорит, — тут мои милые детушки, всех их надо вымыть да выпарить, чтоб они довольны были. Тут ящерицы-бегунцы, лягушата-сорванцы да жуки-плавунцы.

Девушка всех их бережно вымыла, всех осторожно выпарила. Старуха принесла ей два лукошка: красное и голубое.

— Выбирай!

Девушка взяла голубое. Йо́ма говорит:

— Открой его на зелёном лугу. Там возьмёшь свой моток.

Пришла девушка на зелёный лужок и открыла своё лукошко. И тут на лугу появилась большая, хорошая изба, а в ней — всё, что надо для хозяйства. Увидела там девушка и свой моток пряжи, что утопила в речке.

На другой день она вышла замуж за парня из своей деревни, которого

давно любила.

Стали они жить в своей избе.

А мачеха ещё больше разозлилась.

— За что ж это нашей замарашке и бездельнице такое счастье привалило?! — кричала она. — Надо было бы, чтобы моей умной да хорошей дочери всё это досталось!

Назавтра она послала свою дочь полоскать моток пряжи. Но белоручка не захотела руки морозить, она и не полоскала его, а сразу бросила в воду и утопила. Прибежала домой, плачет:

— Мама, я моток нечаянно выронила, он в речке утонул.

— Ах ты моя милая доченька, — говорит мать. — Ничего не поделаешь, иди, нырни за мотком.

Белоручка нырнула в речку и увидела себя на зелёном лугу. На травке пасётся табун золотогривый. К девушке подошла кобылица:

— Расчеши мне гриву своим гребнем.

— Некогда мне! — кричит белоручка. — Я ищу моток пряжи — я спешу к старухе Йоме за наградой, за приданым!

Лошади ничего ей не сказали. Она побежала по тропинке. Вот стоит корова.

— Девушка, подои меня, тяжко мне, вымя моё переполнено, — просит корова.

— Некогда мне! — кричит белоручка. — Да и доить-то я не умею. У нас коров доила отцова дочка — это её дело!

И побежала дальше. Видит — течёт сметанный ручей. «Вот сметанку есть — это моё дело!» — подумала белоручка. Она встала на четвереньки и давай пить из ручья. Долго пила. Дух перевела — снова начала. Потом встала и медленно пошла по тропинке. Вдруг видит медовый ручей. «Ах как жаль, что я сметаны так много съела! Для мёда места почти нет. Ну ничего, постараюсь», — подумала она, встала на четвереньки и давай пить из этого ручья. Недолго пила. Дух перевела — опять начала. Трудно оторваться от мёда. Уж больно сладкий да душистый! Наконец чувствует: больше не лезет. Встала, с трудом пошла по тропинке. Вот и избушка старухи Йомы, вертится на ветру — не останавливается. Стала белоручка её руками останавливать, все руки оббила, кое-как остановила. Вошла.

— Зачем пришла? — спрашивает старуха Йома.

— За наградой пришла, за приданым, — отвечает девушка.

— Ишь ты, за наградой, — говорит старуха Йома. — Ещё и не работала, а уже за наградой. Ну ладно, иди работать. Дров накопи, баню истопи.

Начала белоручка дрова колоть — не получается, не умеет она. Мало наколола, баню плохо истопила, вода не горячая. Принесла ей старуха Йома полное лукошко лягушат, ящериц и жуков-плавунцов. Белоручка не захотела их мыть, отстегала веником — и всё дело. Старуха принесла ей два лукошка: красное и голубое.

— Выбирай.

Белоручка схватила красное лукошко и побежала домой. Мать её встречает:

— Ах ты моя умница! Ах ты моя хорошая! Вот и ты принесла в дом счастье!

Зашли они вдвоём в избу, открыли красное лукошко, а оттуда красный огонь вырвался и спалил их избу.

МОРДОВСКИЕ СКАЗКИ

ДУБОЛГО ПИЧАЙ

Жили-были старик со старухой. Были у них два сына-охотника и дочь-красавица. Дочку звали Дуболго Пичай. Была она такая красивая, что не было, наверное, на всей земле красавицы, которая могла бы с ней сравниться.

Прошло время, умер отец. Вскоре за ним умерла мать. Осталась красавица Дуболго Пичай со старшими братьями. Они очень любили свою сестрицу. Собираются братья на охоту — сестрица их провожает. А они ей говорят:

— Будет на твоё счастье охота удачной, подстрелим красного зверя — купим тебе, сестрица, дорогие подарки.

И всегда у них охота была удачной, и каждый раз одаривали они сестру дорогими подарками — кольцами, браслетами, ожерельями. Хорошо жили. Но вот оба брата поженились, жён в дом привели, и не стало мира в их доме. Жёны оказались злые, завистливые, сварливые. Каждый день они ругались со своими мужьями и между собой. В одном только они сошлись: обе люто возненавидели Дуболго Пичай.

— Почему это вы ей подарки обещаете, когда на охоту идёте? — кричали они своим мужьям. — Почему ей дорогие украшения и наряды приносите? Разве не мы ваши жёны? Нам вы должны всё приносить!

Братья стали, уходя на охоту, говорить жёнам:

— Будет на ваше счастье охота удачной, подстрелим много зверя — купим вам, милые жёнушки, дорогие подарки — наряды и украшения.

Но не было счастья у сварливых жён, не было у братьев удачи на охоте, приходили с пустыми руками, не приносили шкурок, и не на что им было купить дорогие подарки.

— Так мы все с голоду пропадём, — говорят между собой братья. — Нет, пусть нам помогает счастье Дуболго Пичай, пусть к нам вернётся охотничья удача.

Они снова стали, уходя на охоту, сулить сестрице дорогие подарки, и снова на её счастье вернулась к ним охотничья удача. Ещё больше

возненавидели злые жёны красавицу Дуболго Пичай.

— Надо сделать, — говорят они между собой, — чтобы братья выгнали её из дому. Давай отравим их любимого карего^[33] жеребца и скажем, что это сделала Дуболго Пичай.

Когда братья уехали на охоту, жёны отравили их любимого карего жеребца, который бегал быстрее ветра. Когда братья вернулись с добычей, привезли много зверя и птицы, привезли подарки для сестрицы, жёны с плачем выскочили им навстречу и заголосили. Каждая своему мужу сказала:

— Ах, милый муженёк, что тут было! Что тут натворила ваша хорошая сестрица, которой вы привозите дорогие подарки! Уж она отплатила вам за доброту! Она отравила вашего карего жеребца, который бегал быстрее ветра!

Братья говорят:

— Жаль, конечно, что сдох наш карий жеребец, который бегал быстрее ветра. Но мы добудем себе другого такого же доброго жеребца, а вот другой такой же умной и доброй сестры мы нигде не найдём.

И они отдали сестре все подарки, которые ей привезли.

Злые жёны зубами скрипят, злые жёны друг другу шипят:

— Всё равно мы её погубим! Разлюбят её братья, привяжут её к хвосту жеребца!

В другой раз, когда братья ушли на охоту, жена старшего брата дала своему грудному ребёнку отвар такой травы, от которой он побелел и пролежал без движения три дня. Когда братья вернулись, она в слезах закричала:

— Ах, милый муженёк, что на этот раз натворила ваша хорошая сестрица! Она хотела отравить нашего маленького сына! Вот он, бедный, лежит чуть живой, не шевелится!

Братья не поверили. Старший говорит младшему:

— Наша сестра добра как голубица, не может она делать злые дела, не может она дать отраву ни ребёнку, ни лошади. Это наши злые жёны на неё наговаривают.

Снова братья отправились на охоту. Вышла провожать их Дуболго Пичай, а у самой слёзы градом так и катятся. Чует её сердце: что-то будет недоброе. Братья успокаивают её, братья говорят:

— Не плачь, сестрица. Если на твоё счастье охота будет удачной, привезём тебе подарки и гостинцы.

На этот раз охота была особенно удачной, на всём пути попадались братьям звери и птицы. До ночи они охотились и заночевали в лесу. Сидят

у костра, разговаривают.

— Что-то сердце у меня сегодня ноет, — говорит младший брат.

— И у меня сегодня сердце не на месте, — говорит старший. — Боюсь я за нашу сестрицу Дуболго Пичай. Как бы наши жёны чего не натворили...

В это время их жёны задумали страшное дело. Старшая говорит младшей:

— Ты истопи-ка баню пожарче да в чёрном котле растопи жёлтого воску побольше. Когда будет готово, скажи. Мы пригласим в баню Дуболго Пичай, красавицу ненавистную.

Когда баня была готова, злодейки притворились добрыми да ласковыми и пришли к Дуболго Пичай.

— Милая наша красавица, пойдём с нами вместе помоемся, попаримся, мы баньку уже приготовили.

Дуболго Пичай пошла с ними. В бане невестки были одна другой ласковее, одна другой приветливее. Одна девушку моет, другая тёплой водичкой окатывает. Младшая говорит:

— Ну вот, хорошо вымыли, теперь надо в последний раз окатить. Давай-ка окатим её из большого чёрного котла.

Старшая невестка взяла котёл. Глянула Дуболго Пичай, а вода в нём — не шелохнётся! Что за вода? Ахнуть не успела Дуболго Пичай, как злодейка облила её горячим расплавленным воском. Упала девушка как подкошенная. Воск покрыл её тонким слоем, залил горло и уши... Захохотали две злодейки:

— Ну вот и избавились мы от Дуболго Пичай, ненавистной красавицы!

Принесли они её домой, одели, положили на лавку. Ждут мужей. А они с охоты не возвращаются. Они в лесу ночуют. Обе злодейки со страху всю ночь не спали, мужей ждали.

На рассвете охотники вернулись с богатой добычей. Жёны выскочили им навстречу.

— Что не встречает нас Дуболго Пичай? — спрашивает младший брат.

— Уж не заболела ли? — спрашивает старший брат.

Их жёны в слезах говорят:

— Беда стряслась, ой беда! Ваша сестрица Дуболго Пичай упала и умерла. Мы без вас её вымыли и одели, чтобы в гроб положить. Зайдите в дом, взгляните на сестрицу да гроб ей поскорее смастерите.

Братья вошли в дом. На лавке под белым холстом лежит сестрица. Они открыли лицо — совсем как живая, только глаза закрыты. Заплакали

братья. А потом смастерили гроб, положили в него сестрицу и отвезли в дальний тёмный лес. Там сделали деревянные подставки, на них поставили гроб. Рядом оставили два лукошка с пшеницей. ^[34]

Жёны долго допытывались, где похоронена Дуболго Пичай, но братья не сказали.

За тёмным лесом была деревня, там жила старая вдова. У неё был единственный сын Виртян. Ему вечно не везло. За какое дело ни возьмётся — всё из рук валится, ни в чём нет удачи. Одно лишь у него получалось: хороших гусей держал. Его гуси были самые жирные во всей округе. «Что ж, — думал Виртян, — видно, моё счастье в гусях». Однажды он заметил, что гуси его вернулись вечером домой не с озера, как обычно, а из лесу. На другой день — тоже. «Куда ходят мои гуси? — подумал парень. — Надо проследить. Завтра их никуда не погоню, пусть идут куда хотят».

Назавтра гуси пошли в лес. Виртян — за ними. Гуси прошли сквозь чащу и дошли до реки. Переплыли на ту сторону. И Виртян за ними. С трудом переплыл речку, она оказалась очень быстрой и глубокой. Гуси пошли дальше и вышли на полянку. На полянке на подставках стоит гроб, а возле него два лукошка с пшеницей. Вот куда гуси спешили! Виртян думает: «Гуси не зря меня сюда привели. Моё счастье в гусях... Возьму-ка я этот гроб да домой отнесу. Спрошу у матери, что с ним делать». Взял он гроб, положил на плечи и понёс домой. Подошёл к реке и говорит:

— Если переплыву реку — вместе с ним переплыву, если унесёт меня река — вместе с ним унесёт! Но гроба из рук не выпущу.

Сказал так и вошёл в воду. Вода оказалась ему по колени. Дальше идёт — вода по щиколотку. Дошёл до середины реки, глянул вверх по течению — вода перед ним стоит стеной, глянул вниз — вода высыхает. Вышел он на берег, оглянулся — рухнула стена воды, снова река бурно потекла.

Виртян принёс гроб домой. Мать приказала открыть крышку. Когда крышку открыли, повеяло запахом полевых цветов. В гробу лежала девушка, прекрасней которой нет на свете. Мать говорит:

— Не похоже, что она умерла. Кажется, что она спит.

Старушка открыла рот девушки, смотрит: горло чем-то залито. Глянула в уши — уши тоже залиты. Догадалась старушка: это воск, надо его в жаркой бане растопить. Она приказала Виртяну истопить баню. Когда баня была готова, девушку положили на полки.

— Теперь ты иди, — сказала старушка сыну, — а я её попарю.

Парень вышел из бани. Старушка раздела девушку, положила её ничком и давай парить горячим веником. Видит, воск с неё закапал. И из ушей потёк, и изо рта. Девушка начала дышать. А потом и глаза открыла.

Смотрит вокруг — ничего не понимает. Старушка помогла ей одеться, привела в избу.

— Добрые люди, как я сюда попала? — спросила девушка.

Старушка с Виртяном всё ей рассказали. Потом спросили, кто она и откуда.

— Ничего не помню, — ответила девушка.

Ей дали имя Уцяской, что значит «счастье». И впрямь в их доме поселилось счастье. С тех пор, за что бы Виртян ни брался, всё у него ладилось, всё получалось. Вскоре он женился на красавице.

Прошли годы. Однажды к их дому подошли двое нищих. Одежда у них — дыра на дыре, заплатка на заплатке, лица у них горестные и измождённые. Дуболго Пичай их узнала: это были её родные братья. Слёзы у неё — кап-кап! — закапали, губы у неё — дёрг-дёрг! — задёргались. А нищие странники низко ей поклонились и говорят:

— Добрая, красивая хозяйюшка, пожалей ты нас, неприкаянных, — накорми голодных, напои жаждущих.

Дуболго Пичай пригласила их в дом, хорошо накормила-напоила, баню истопила, а когда странники вымылись-выпарились и собрались уходить, сказала:

— Куда ж вы на ночь глядя пойдёте? У нас и ночуйте. Муж скоро с охоты вернётся, вам обрадуется: он любит слушать рассказы странников.

Братья остались. Скоро вернулся Виртян с большой добычей.

— Смотри, — говорит, — милая жёнушка, сколько дичи я настрелял!

Он поздоровался со странниками и сел ужинать. Старший брат начал рассказывать:

— Мы родные братья, почтенный хозяин. Мы были, как и ты, богаты и счастливы, с охоты никогда не возвращались без добычи. Счастье нам приносила сестра, красавица Дуболго Пичай. Мы любили её больше всего на свете. И была она прекраснее всех девушек на свете и похожа, дорогой хозяин, на твою жену. Если бы мы не знали, что сестра умерла, мы подумали бы, что перед нами Дуболго Пичай. Но нет её в живых, её сгубили наши злодейки жены... После кончины сестры нам изменило охотничье счастье, стали мы приходить домой без добычи. За что ни брались, ничего не получалось. Мы обнищали и вот теперь ходим по миру... — Он заплакал.

Дуболго Пичай не выдержала — разрыдалась. Когда все успокоились, она сказала:

— Милые мои братья! Я ведь и есть ваша сестра Дуболго Пичай. Злые невестки облили меня горячим воском, и я стала как мёртвая. Вы меня

похоронили. Виртян спас меня, к жизни вернул... И вот мы встретились. Теперь будем жить все вместе. Оставайтесь у нас, живите с нами!

Братья обрадовались, обняли сестру. Они остались жить в доме Виртяна. Снова к ним вернулась охотничья удача.

Они жили долго, дружно, счастливо.

ДЕВУШКА-БЕРЁЗКА

Жили когда-то старик со старухой. Было у них две дочери. Пришла пора им замуж выходить. Старик сплёл два лукошка, отдал дочерям и говорит:

— Идите в лес по ягоды. Кто раньше наберёт полное лукошко, ту первую замуж выдам.

Старшая думает: «Я — старшая и должна выйти замуж раньше. А младшая подождёт». Но младшая была проворной, нагибаться не ленилась и лукошко наполнила скорее старшей. Разозлилась старшая сестра: «Младшая — красивая, младшая — шустрая, а теперь её и замуж раньше выдадут... А мне, может быть, в девках придётся век вековать». И решила она известить младшую сестру и забрать у неё лукошко с ягодами.

Идут они вдоль берега реки. Когда подошли к крутому нависающему обрыву, старшая бросила вниз серебряное колечко и говорит младшей:

— Ах, сестричка, ты помоложе, порезвей, спустись вниз, достань моё серебряное колечко, я нечаянно его уронила. А лукошко своё дай мне, я подержу.

Младшая сбежала вниз, нагнулась, начала искать колечко, а старшая в это время обрушила на неё огромную глыбу. Девушку завалило землёй и камнями, она и вскрикнуть не успела.

Старшая сестра вернулась домой одна. Родители спрашивают:

— Где сестра?

— Она лукошко своё ещё не наполнила, в лесу осталась, ягоды собирает, — ответила старшая. — А моё лукошко полно, вот я домой и поспешила.

Отец с матерью не дождались младшей дочери, пошли её искать. Но сколько ни искали, сколько ни кричали — не нашли.

На том месте, где девушку землёй завалило, выросла стройная кудрявая берёзка. Шли однажды мимо музыканты-скрипачи. Сели под берёзкой, отдохнули, скрипки настроили. Смотрят на берёзку, удивляются:

— Сколько мы земель исходили, а такой красавицы берёзки нигде не

встречали. Такая на скрипку годится. Давайте её срубим.

Взял один из них топор, размахнулся, и вдруг берёзка запела девичьим голосом:

Ах, музыканты, осторожней,
Моя головушка разбита,
Ах, дорогие, осторожней,
На этом месте я убита.
Меня сестра моя убила,
Сестра-завистница сгубила,
Меня под кручу заманила,
Землёй тяжёлой завалила.
А я берёзонькою стала,
А я берёзонькою встала.
Ах, дорогие, не тревожьте,
Пройдите мимо, если можете.

Скрипач опустил топор. Но другой говорит:

— Разве может музыкант пройти мимо поющего дерева? Это необыкновенная берёзка, надо её срубить, из неё получится чудесная скрипка.

Музыканты срубили берёзку, смастерили из неё скрипку. Вскоре они пришли в ту деревню, где жила раньше девушка-берёзка. На ночлег попали в дом её родителей.

Старик говорит:

— Тяжко мне. Пропала у меня любимая младшая дочь. Пошла в лес и не вернулась. Давно уж это было, а не могу забыть. Сыграйте мне что-нибудь на скрипке для души.

Скрипач говорит:

— Есть у нас необыкновенная скрипка: сама грустные песни поёт. Вот послушай.

Только старик дотронулся до скрипки, она запела:

Отец-кормилец, осторожней,
В лесу у речки я убита...
Бери руками осторожней,
Моя головушка разбита.
Меня сестра моя убила,

Сестра-злодейка погубила,
Меня под кручу заманила,
Землёю-глиной завалила...

Не выдержал старик, заплакал, положил скрипку. Вошла старуха.
— Что плачешь? Что случилось?

Старик отвечает:

— Возьми эту скрипку, послушай, какую песню она поёт, и сама заплачешь.

Старуха взяла скрипку. Та запела:

Ах, мама, мама, осторожней,
В лесу у речки я убита...
Ах, дорогая, осторожней,
Головушка моя разбита.
Сестра моя меня убила.
За что она меня сгубила?
Под кручу ловко заманила,
Землёй тяжёлой завалила.
А я берёзонькою стала,
А я берёзонькою встала,
Шли скрипачи — меня срубили,
На счастье скрипку смастерили...

Заплакала старуха, положила скрипку. Вошла старшая дочь.

— Что вы тут плачете, отец и мать? — спрашивает.

— Возьми-ка эту скрипку, послушаем, что она тебе споёт, — говорит старик.

Старшая дочь взяла скрипку. Та запела:

Скажи-ка, хитрая сестрица,
С тех пор тебе легко ли спится,
С тех пор как ты меня убила,
Головущку мою разбила?
Ответь, за что меня убила,
За что, злодейка, погубила,
Под кручу ловко заманила,

Землёй тяжёлой завалила?
Но я берёзонькою стала,
Но я берёзонькою встала
И расцвела под косогором,
Чтоб зеленеть — тебе укором!
Теперь ответь, моя сестрица:
Убийце хорошо ли спится?..

Сестра размахнулась и швырнула скрипку в печку. Вспыхнула скрипка красным огнём, и огонь вырвался наружу. Все испугались. Но огонь вдруг превратился в прекрасную девушку в золотом наряде. Смотрят старик со старухой — глазам не верят: да ведь это их младшая дочь!

Один из скрипачей был холостым парнем. Он женился на девушке-берёзке. Вся деревня гуляла на этой свадьбе.

А старшую дочь замуж никто так и не взял.

ТАТАРСКИЕ СКАЗКИ

ШУРАЛЕ

Когда-то в одном ауле жил-был дровосек. Приехал он однажды в лес. Рубит себе дрова, песни поёт. Вдруг из тёмной чащобы вышел к нему навстречу шурале.^[35] Весь он покрыт чёрной шерстью, длинный хвост извивается, длинные пальцы шевелятся, длинные лохматые уши тоже шевелятся. Увидел шурале дровосека и захохотал:

— Вот с кем я сейчас поиграю, вот с кем я сейчас посмеюсь! Как тебя зовут, человек?

Дровосек понял, что дело плохо. Надо что-то придумать. И говорит:

— Меня зовут Прошлый Год.

— Давай, Прошлый Год, с тобой поиграем, пощекочемся, — говорит шурале, — кто кого перещекочет.

А все шурале ох мастера щекотаться! Как от такого уйти?

— Некогда мне играть, у меня работы много, — говорит дровосек.

— Ах так! — сердится шурале. — Не хочешь со мной играть? Ну тогда я тебя так закружу в лесу, что ты никогда из него не выберешься!

— Ладно, — говорит дровосек, — буду играть, только ты сперва помоги мне вот эту колоду расколоть. — Размахнулся он и всадил топор в колоду. Она треснула. — Вот теперь помогай, — кричит дровосек, — суй скорей пальцы в трещину, чтобы она не закрылась, а я ещё разок ударю!

Глупый шурале сунул пальцы в трещину, а дровосек быстро дёрнул топор. Тут пальцы лешего крепко защемило. Дёрнулся он, да не тут-то было. А дровосек схватил топор и был таков.

Закричал шурале на весь лес. Сбежались на его голос другие шурале.

— Что с тобой, что кричишь?

— Пальцы Прошлый Год защемило!

— Когда защемило? — спрашивают шурале.

— Сейчас защемило, Прошлый Год защемило!

— Тебя не поймёшь, — говорит один шурале. — Сразу у тебя и сейчас и прошлый год.

— Да, да! — кричит шурале, а сам дёргает пальцы. — Прошлый Год, Прошлый Год! Догоните его! Накажите его!

— Как можно догнать прошлый год? — говорит другой шурале. — Как его можно наказать?

— В прошлом году защемил, а сейчас вдруг закричал. А в прошлом году что молчал? — спрашивает его третий шурале.

— Разве теперь найдёшь того, кто тебя защемил? Это ведь было так давно! — говорит четвёртый шурале.

Глупый шурале ничего не мог им растолковать, и все шурале убежали в лесную чащу. А он взвалил колоду на спину и ходит до сих пор по лесу и кричит:

— Пальцы Прошлый Год защемил! Пальцы Прошлый Год защемил!

ТРИ СОВЕТА ОТЦА

Жил в одном ауле старик с двумя сыновьями. Пришла старику пора помирать. Позвал он сыновей и говорит:

— Мои дорогие дети, я оставляю вам наследство. Но не наследством вы будете богаты. Дороже денег, дороже добра три совета. Будете их помнить — проживёте в достатке всю жизнь. Вот мои советы, запоминайте. Первыми никому не кланяйтесь — пусть другие вам кланяются. Всякую еду ешьте с мёдом. Спите всегда на пуховиках.

Старик умер. Сыновья забыли о его советах и давай жить в своё удовольствие — пить да гулять, много есть и долго спать. В первый год все отцовы деньги прожили, на другой год — всю скотину. На третий год продали всё, что было в доме. Нечего стало есть. Старший брат говорит:

— А ведь отец кроме наследства оставил нам три совета. Он сказал, что с ними мы проживём в достатке всю жизнь.

Младший брат смеётся:

— Я помню эти советы, но чего они стоят? Отец сказал: «Первыми никому не кланяйтесь — пусть другие вам кланяются». Для этого надо быть богатым, а нынче бедней нас во всей округе никого не сыщешь. Он сказал: «Всякую еду ешьте с мёдом». Слышишь, с мёдом! Да у нас чёрствой лепёшки нет, не то что мёду! Он сказал: «Спите всегда на пуховиках». Хорошо бы на пуховиках! А наш дом пуст, не осталось и старой кошмы. [\[36\]](#)

Старший брат долго думал, а потом сказал:

— Ты зря смеёшься, брат. Не поняли мы тогда наставлений отца. А в словах его — мудрость. Он хотел, чтобы мы первыми, чуть свет, приходили работать в поле, и тогда всякий, кто пройдёт мимо, первым будет с нами здороваться. Когда хорошо поработаешь целый день и вернёшься домой усталый и голодный, даже чёрствая лепёшка покажется тебе слаще мёда. Тогда и любая постель покажется тебе желанной и приятной, спать будешь сладко, как на пуховике.

На другой день чуть свет братья пошли в поле. Пришли раньше всех. Идут люди на работу — первыми с ними здороваются, желают доброго дня, хорошей работы. Целый день братья спин не разгибали, а вечером лепёшка с чаем показалась им слаще мёда. Потом они заснули на полу и спали как на пуховиках.

Так они работали каждый день, а осенью собрали хороший урожай и снова зажили в достатке, вернулось к ним уважение соседей.

Часто вспоминали они о мудрых советах отца.

ЧТО ДОРОЖЕ?

Жил, говорят, когда-то старый купец. Он накопил за всю жизнь три тысячи золотых.

Был у старика единственный сын. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, старик заболел. Ездить и торговать он уже не мог. Позвал сына и говорит:

— Сын мой, пора тебе занять моё место, научиться моему делу — торговле. Я дам тебе тысячу золотых. Поезжай с купцами в далёкие города,

поучись у них: что надо купить, где продать. Да смотри, деньги трать с умом, помни: нет ничего на свете дороже золота.

Сын взял тысячу золотых и поехал с купцами в далёкий город. Но там он не пошёл с купцами искать товары, а отправился осматривать улицы. Видит: стоит большой дом. Заглянул в окно, там молодые люди сидят и пишут. Парень спросил у сторожа, что тут делают. Старик говорит:

— Это школа. В ней сыновья баев^[37] обучаются грамоте.

— А меня примут в эту школу?

— Если есть золото, примут, — ответил сторож.

Парень вошёл в школу и отыскал старшего учителя.

— Я хочу обучиться грамоте, уважаемый учитель, — сказал он.

— Твоё желание похвально, — ответил учитель, — но есть ли у тебя тысяча золотых? Наша школа — дорогая, здесь учатся дети богачей. Мы учим за тысячу золотых.

Парень был рад, что у него есть как раз тысяча, он отдал её и остался в школе. Купцы поискали, поискали парня и уехали без него.

Парень учился очень хорошо и через год умел читать и писать лучше всех учеников. Учитель сказал:

— Всё, что мог, я тебе передал. Теперь ты грамотный. Возвращайся домой.

Парень вернулся домой. Отец и мать обрадовались. Отец говорит:

— Ну, рассказывай, сын мой, как торговал, как приумножил наше богатство. Я дал тебе тысячу золотых, а сколько ты привёз?

— Прости, отец, — ответил сын, — но я не привёз ни одного золотого. Зато я приехал грамотный. Целый год я прилежно учился чтению и письму. Тысячу золотых я обменял на грамоту.

— Ах, бедный мой, глупый сын! — запричитал отец. — Видно, нет совсем у тебя ума, видно, не понял ты моих наставлений. Я же говорил тебе: нет на свете ничего дороже золота! А ты моё золото обменял на грамоту! Да разве грамота накормит?

— Нет, отец, грамоте я обучился не зря, — говорит сын, — грамота и в торговле поможет. А теперь дай мне ещё тысячу, и я поеду торговать.

На этот раз парень поехал с купцами в другой город. Как и раньше, он пошёл не товары искать, а осматривать улицы. И вот увидел дом, из которого доносилась музыка. Оказалось, это школа, где учили играть на курае.^[38] Парень отыскал старшего учителя, сказал ему, что хочет здесь учиться.

— За год обучения мы берём тысячу золотых, — говорит учитель. —

Если есть тысяча, оставайся у нас.

Парень отдал свою тысячу и остался в школе. Купцы не нашли его и уехали из города.

Парень учился прилежно и через год играл на курае лучше всех учеников. Учитель сказал:

— Ты овладел нашим искусством. Возвращайся домой.

Парень вернулся домой. Отец и мать обрадовались, отец говорит:

— Ну теперь-то, мой сын, ты не выбросил деньги на ветер, теперь ты разумно торговал? Расскажи, как торговал, сколько нажил?

— Прости, отец, я и на этот раз денег не нажил, — отвечает сын. — Я снова отдал их за учение. Теперь я умею играть на курае.

— О, за что аллах послал мне такого глупого сына?! — вскричал отец. — Ты, может быть, думаешь, что твоя музыка дороже золота?

— Не сердись, отец, — говорит сын. — Дай мне твою последнюю тысячу. Уж теперь-то я займусь торговлей.

Отец отдал ему последнюю тысячу золотых, и парень опять поехал вместе с купцами в далёкий город. Там купцы присмотрели для него хороший товар, сторговались и оставили его расплачиваться, а сами ушли по своим делам. Но парень вместо того, чтобы расплатиться, ушёл осматривать город. Там он увидел дом, где обучали игре в шахматы. Старший учитель сказал, что обучение стоит тысячу золотых. Парень отдал деньги и остался в школе. Купцы не нашли его и уехали.

Парень учился очень хорошо и через год играл в шахматы лучше всех учеников и всех учителей. И вот он попрощался с учителями и вернулся домой.

Старый отец говорит:

— Показывай золото, мой дорогой сын, уж на этот раз ты пощадишь отца, не скажешь, что денег нет.

— Увы, отец, — отвечает сын, — денег и вправду нет. Но зато я умею играть в шахматы, а это мудрая игра.

Отец закричал:

— Ты выбросил на ветер три тысячи золотых, которые я копил всю жизнь! Больше ничего у меня нет! Иди куда хочешь, делай что хочешь, ты мне не нужен!

Сын пошёл куда глаза глядят. Ему к тому времени исполнилось восемнадцать лет, он стал рослым, крепким джигитом. «Хорошо бы наняться на работу в купеческий караван, — подумал он. — С купцами я смогу увидеть мир».

Из этого города отправлялся в дальние края большой караван. Джигит

пришёл к караван-баши^[39] и спрашивает:

— Не нужен ли вам работник?

Хозяин оглядел парня и говорит:

— Работник нужен. Оставайся. Будешь работать за еду и за одежду.

Завтра выходим в путь.

На другой день караван отправился в далёкий путь. Прошли много земель и попали в сухую степь. И люди и животные — все изнывали от жажды, а воды не было. Но вот нашли старый колодец, заглянули — в глубине поблёскивает вода. Пробуют работники зачерпнуть — вода не зачерпывается. Несколько раз бросали ведро, и наконец оно оторвалось. Караван-баши говорит новому работнику:

— Ты самый молодой и очень сильный. Спустим тебя в колодец, посмотри, почему вода не зачерпывается, да и ведро достань.

Джигита опустили в колодец. Встал он на дно, а воды там и нет совсем. То, что блестело, оказалось золотом. Джигит привязал к верёвке ведро, наполнил его золотом, дёрнул за верёвку. Работники вытащили ведро. Караван-баши увидел золото, удивился, обрадовался и закричал в колодец:

— А ещё там есть?

— Есть! — ответил джигит.

Он наполнил ещё ведро, а потом ещё. Пятнадцать вёдер золота вытащили работники из колодца.

— Есть ещё? — спросил караван-баши.

— Больше нет! — ответил джигит. — Теперь меня поднимайте. — Он взялся за верёвку.

Работники начали поднимать, но караван-баши вытащил нож и обрезал верёвку. Джигит упал на дно колодца. «Зачем он теперь нужен? — подумал караван-баши. — Вытащу — начнёт требовать свою долю. А без него — всё моё!»

На дне колодца джигит огляделся и увидел в стене железную дверь. Он открыл её и вошёл в маленькую комнату. Там спал старый шайтан.^[40] «Вот, оказывается, чьи сокровища я нагружал в ведро! — подумал джигит. На стене он увидел курай. — Всё равно пропадать, сыграю в последний раз». Он взял курай и заиграл. Старый шайтан проснулся. Он сказал:

— Много сотен лет сидел я здесь в темноте, охранял сокровища. Я ослеп. И вот я снова вижу. Это твоя прекрасная музыка вернула мне зрение. Кто ты, счастливый джигит? Проси у меня что хочешь.

— Мне ничего не надо, уважаемый хозяин, — ответил парень. — Об

одном только прошу: подними меня наверх, помоги догнать караван.

Едва сказал он эти слова — оказался в хвосте каравана. Как ни в чём не бывало занял он своё место среди погонщиков. Караван-баши сразу его заметил. Заметил и испугался: что теперь будет? Но джигит ни слова ему не сказал. Он работал старательно, как прежде. Караван-баши ещё больше испугался. «Если он после всего, что было, молчит, значит, он большой хитрец. Едва мы придём в город, он со мной рассчитается. Надо его опередить».

Когда до города оставалось два дня пути, он написал письмо, дал его джигиту и говорит:

— Бери лучшую лошадь. Скачи в город, отвези письмо моей жене. Я приказал ей хорошо тебя наградить.

Джигит взял письмо, поскакал вперёд. «Этот караван-баши завладел золотом, которое я нашёл, и бросил меня в колодце. Разве можно ему верить? Надо прочесть, что он пишет жене. Один раз меня выручило моё искусство игры на курае, теперь пусть выручит грамотность». — Так думал джигит.

Недалеко от города он остановился, осторожно открыл письмо и прочитал его. «Моя верная жена, — говорилось в нём, — я везу домой несметные сокровища. Но чтобы они полностью принадлежали нам, надо убить джигита, который привезёт тебе это письмо. Привет моей милой дочке, скоро я её обниму, скоро я куплю ей всё, что она ни пожелает».

Джигит усмехнулся. Не зря был он в школе лучшим каллиграфом.^[41] Почерком своего хозяина он написал новое письмо: «Моя верная жена! Я разбогател с помощью этого прекрасного джигита. Я пообещал ему в жёны нашу милую дочь. Пусть совершится свадьба до моего приезда, а приеду я через два дня».

Это письмо джигит отдал жене купца. Она прочитала и говорит дочери:

— Отец хочет, чтобы ты стала женой этого джигита. Ты согласна?

— Согласна! — сказала девушка.

Молодой джигит ей очень понравился. В тот же день устроили свадьбу.

А на другой день джигит, по своему обыкновению, осматривал город. Подошёл к огромному дворцу. Вокруг толпится народ.

— Что это за дворец? — спрашивает джигит. — Почему вокруг толпится народ?

— Это дворец нашего падишаха, — отвечают люди. — Здесь он играет с джигитами в шахматы. Кто ему трижды проиграет — голову потеряет, а

кто трижды у него выиграет, то он отдаст в жёны свою прекрасную дочь. Но нет, видно, игрока лучше нашего падишаха. Много голов слетело...

«Видно, пришла пора испытать мою игру в шахматы, — подумал джигит. — Пойду сражусь с падишахом». И он вошёл во дворец.

В огромном зале за шахматной доской в окружении визирей и полководцев сидел великий падишах. Он ждал смельчака, который решится с ним играть. Все посмотрели на вошедшего джигита.

— Ты не боишься меня, парень? — спросил падишах.

— Не боюсь, — ответил джигит.

— Когда проиграешь, не проси пощады, — сказал падишах.

— Не попрошу, — ответил джигит.

Они начали играть. Первую партию выиграл падишах. Вторую — тоже.

— Считаю, что твоя голова на волоске, — сказал он.

Но третью партию выиграл джигит. И четвёртую. И пятую!

— Ещё давай! — кричит падишах.

— Но я уже выиграл твою дочь, — говорит джигит. — На что играем?

— Ставлю полцарства! — кричит падишах.

Визирь говорит ему на ухо:

— О повелитель, это неосмотрительно — ставить полцарства.

Падишах ему отвечает:

— Мне лишь раз осталось выиграть — и я отрублю ему голову!

Снова выиграл джигит. Падишах распалился:

— Ставлю ещё полцарства!

Визирь ему шепчет:

— О повелитель, теперь вы рискуете всем, что у вас есть. Не надо рисковать. Отдайте ему дочь и полцарства.

— Уж теперь-то я его обыграю и отрублю ему голову! И всё будет снова моим! — кричит падишах.

Начали играть. И снова выиграл джигит! Выиграл и говорит:

— Теперь я — падишах. Тебя я назначаю главным судьёй. А дочь твоя мне не нужна. Я женат. Завтра в город придёт большой богатый караван. Хозяина каравана, караван-баши, приведите ко мне во дворец.

Назавтра стража привела к нему хитрого караван-баши. Смотрит караван-баши на падишаха — глазам своим не верит: неужели это тот самый парень, которого он сначала оставил умирать в глубоком колодце, а потом отправил с письмом к жене? Джигит понял его мысли и говорит:

— Да, караван-баши, я — тот самый парень, которого ты один раз ограбил и дважды хотел убить.

И молодой падишах рассказал придворным свою историю.

— Теперь судите его, вот он, этот злодей, стоит перед вами.

Придворные во главе с главным судьёй, бывшим падишахом, решили: отрубить злодею голову.

Тогда джигит сказал:

— Всё зло позади. Караван-баши теперь мой тесть, я женат на его дочери. И я дарю ему жизнь. Пусть живёт.

После этого джигит приказал привезти к нему его старых родителей. Отец обрадовался несказанно, что сын его стал падишахом.

— Как ты этого достиг, мой дорогой сын, ведь у тебя совсем не было золота?

— Отец, — ответил сын, — знания, как видишь, дороже золота.

КАЛМЫЦКИЕ СКАЗКИ

КТО СИЛЬНЕЕ?

В далёкие времена жили старик со старухой. Было у них сорок коров и рыжий упрямый бык. Однажды в степи поднялась буря, и старики начали прятать скотину в загон. Но рыжий бык не хотел в загон, упрямылся, убежал. Тогда старик рассердился, схватил его за хвост, раскрутил и так швырнул, что тот полетел за семьдесят холмов.

«Оказывается, я настоящий богатырь, — подумал старик. — Почему я раньше не знал своей силы? Наверное, я сильнее всех на свете! А если я богатырь, то нечего мне сидеть в тесной юрте со старухой, а надо уйти в бескрайнюю степь и совершать богатырские подвиги! Слышал я, что у моря живут три брата-богатыря. Сперва пойду к ним — силой помериться».

На другое утро старик пошёл к морю, к трём братьям-богатырям. Они удочками ловили рыбу в море, тем и жили. И вот старик встретил старшего из братьев.

— Здравствуйте, отец, откуда и куда ваш путь? — спросил старший богатырь.

— Жил я в степи со старухой. Было у нас сорок коров и рыжий бык. Однажды, когда поднялась буря, начали мы прятать скотину в загон. Но рыжий бык заупрямылся. Тогда я рассердился, схватил его за хвост, раскрутил да так швырнул, что бык полетел за семьдесят холмов. И я решил: если я такой силач, если я настоящий богатырь, то нечего мне сидеть в тесной юрте со старухой, а надо уйти в бескрайнюю степь — совершать богатырские подвиги. Ведь я, наверное, сильнее всех на свете! Слышал я, что у моря живут три брата-богатыря. Я иду к ним, хочу силой помериться! Где их найти, не знаешь?

— Не знаю, — сказал старший богатырь. — Но может быть, знает мой брат... Подержите, отец, мою удочку, я раскурю трубку.

Старик взял удилице. Но оно оказалось таким тяжёлым, что старику было не под силу его держать. Удилище стало падать в море.

— Скорей, скорей сюда! — закричал старик. — Наверное, попался кит!

Старший брат подскочил, выдернул удочку, но на крючке ничего не было.

— Ничего нет. А вы сказали: попался кит, — проговорил старший брат.

— Я только подумал, что попался кит, — сказал старик.

Тогда старший брат сказал:

— Отец, не мешайте ловить рыбу. Идите по берегу на юг, там рыбачит мой брат. С ним поговорите.

Старик пошёл на юг. Шёл, шёл и увидел другого рыбака. Это был средний брат.

— Здравствуйте, отец, откуда и куда ваш путь? — спросил он.

Старик ему всё по порядку рассказал. Богатырь говорит:

— Подержите, отец, мою удочку, я раскурю трубку.

Только он отошёл, удилице стало падать из рук старика.

— Скорей, скорей, сынок, сюда! Чувствую, попался кит! — закричал старик.

Богатырь подбежал, схватил удочку, легко выдернул её — крючок был пуст.

— Что ж это вы, отец? А говорили, попался кит... Нет даже маленькой рыбки... Нас три брата-рыбака. Вы никого из моих братьев не встречали?

— Я встретил старшего брата. Он меня послал к тебе.

— Тогда, отец, идите дальше на юг, там рыбачит наш младший брат. Прощайте!

Старик пришёл к младшему брату. Всё ему рассказал: и про своего быка, и про двух братьев-рыбаков. Младший брат говорит:

— Идите, отец, на юг. Встретите кибитку. Там наша мать готовит еду. Поешьте, отдохните. А мы вернёмся вечером, тогда поговорим.

Старик пришёл к кибитке. Старуха, мать богатырей, накормила его, напоила, спросила, кто он. Старик рассказал про быка. Старуха говорит:

— Ах, старик, старик! Возвращайся скорее назад к своей старухе! Какие ещё богатырские подвиги? Тебе бы живым до дому добраться! Но идти сразу в обратный путь старому трудно, надо отдохнуть. Не знаю, что скажут мои сыновья. Лучше я тебя спрячу.

Она посадила гостя за сундук и накрыла ковром.

Вечером вернулись богатыри.

— Не приходил сюда старик? — спросили они.

— Нет, никого здесь не было, — ответила мать.

Тогда старик из-за сундука крикнул:

— Она неправду говорит. Она сама меня спрятала. — И вышел навстречу братьям.

— Ты не только хвастун, ты ещё и предатель, паршивый старикашка! — сказал старший брат.

Братья-богатыри взяли хвастуна и начали его друг другу бросать. От страха у старика чуть душа не вылетела. Старуха вступилась за него, братья бросили игру, поели и легли спать.

Старуха говорит:

— Пока жив, уходи. Сыновья мои завтра будут тебя искать. Предательства они не простят.

Старик молча ушёл. А на рассвете увидел, что три брата гонятся за ним. Куда спрятаться? Вдруг ближний холм чуть шевельнулся. Оказалось, что это был огромный одноглазый мус.^[42] Он спал. Старик подбежал к мусу, залез ему на голову и спрятался в уголке его глаза. Братья подъехали к мусу и кричат:

— Эй, великан, проснись! Куда ты спрятал старика, за которым мы гонимся?

— Никакого старика не видел, — ответил мус и опять заснул.

— Эй, проснись! — снова закричали братья. — Мы видели, как он взобрался тебе на голову. Ты его спрятал. Отдавай старика!

Мусу это надоело, он рассердился, схватил богатырей вместе с конями одной рукой, встал и зашвырнул их туда, куда коню скакать семью семь — сорок девять дней. А сам пошёл домой. Дома жена поставила перед ним огромный таваг,^[43] полный варёного мяса. Мус начал есть. Старику, который сидел в глазу муса, тоже захотелось есть. Он выпрыгнул из глаза и упал рядом с тавагом.

Мус удивился и спросил:

— Кто ты, откуда ты взялся?

Старик ему всё рассказал.

— В вашем глазу я спасся от трёх братьев-богатырей, — закончил он.

Мус пригласил:

— Ешь со мной.

Когда они наелись, мус посадил старика к себе на ладонь и сказал:

— То, что ты рассказал, — ещё не сказка. А ты послушай, что я расскажу. Когда-то нас было шестьдесят разбойников. Однажды ехали мы по степи. Вдруг пошёл проливной дождь. На холме мы увидели огромный череп коня. Мы все заехали в этот череп и укрылись от дождя. Я оказался у самого края, у самого входа. Вдруг я увидел великана, который скакал по степи на рыжем коне. На скаку он хватал холмы и подбрасывал их вверх. Когда он был близко, я выскочил из черепа и поскакал куда глаза глядят. И

тут великан схватил холм, на котором лежал тот огромный череп, и вместе с моими друзьями-разбойниками подбросил к небу. Все погибли. Я погнал коня во всю мочь. Великан посмотрел, как я скачу, а потом протянул руку и взял меня вместе с конём. Он развёл костёр, насадил меня на железный вертел и повесил жарить. А сам заснул. Я соскочил с вертела. Рыжий конь великана заржал. Но хозяин его проснулся только на миг и снова заснул. Конь опять заржал. Великан закричал: «Не мешай спать!» Он ударил коня плетью и опять заснул. Тогда я взял из огня раскалённый вертел и вонзил его в сердце великана. Тот вскочил и закричал: «Где мой барс, бегающий по горам? Где мой беркут, парящий в небе? Где мой кит, плавающий в море?» И рухнул мёртвый. С неба на меня ринулся беркут. Он вырвал из меня кусок мяса и начал его клевать. Прибежал барс и тоже бросился на это мясо. Остаток беркут кинул в море. Его подхватил кит. А я тем временем успел спрятаться и остался жив. С тех пор здесь живу.

Так закончил Мус. И добавил:

— Силой никогда не хвались. Всегда найдутся богатыри сильнее тебя. Живи, как раньше жил, живи, как люди живут. Иди домой к старухе.

И старик пошёл домой.

ВЕЛИКИЙ ХАН И ДРАГОЦЕННЫЕ ЕГО ДРУЗЬЯ

Это случилось в давние времена. Жил когда-то великий прославленный хан. Звали его достойно: Наран-Арслан.^[44] Было у хана три драгоценных друга. Больше жизни любил он своих друзей. Первым другом был единственный младший брат, вторым — жёлтый летающий слон, третьим — золотисто-рыжий говорящий конь.

Каждое утро, опережая красное солнце, вставал хан и думал: «Живы ли, здоровы ли мои друзья?» Он шёл к младшему брату, ласкал его, покручивал его левый ус. Потом шёл к жёлтому летающему слону и похлопывал его по левой лопатке. А потом шёл к золотисто-рыжему говорящему коню и похлопывал его по крутой крепкой шее. Только убедившись, что друзья его живы-здоровы, хан возвращался во дворец, ложился в постель и снова засыпал.

Всё, что есть на свете, было у хана, но не было у него ребёнка, который порадовал бы его хотя бы плачем.

Жила у хана старшая сестра, которая любила гулять по степи. Однажды она зашла очень далеко. И вдруг услышала песню. Пел нежный девичий голос. «Кто может петь в этой безлюдной степи?» — подумала она и пошла на голос. Видит, стоит шалаш из прутьев и травы. В шалаше сидит отшельник-лама,^[45] а рядом с ним — луноликая красавица.

Сестра хана поклонилась ламе по-старинному, руки сложила бутоном лотоса и почтительно попятилась назад. «В безлюдной степи сидит отшельник-лама. Но откуда здесь, в этой глуши, такая прекрасная девушка?» — подумала она.

— Как поживает великий хан? — спросил отшельник.

— Живёт, как прежде. И как прежде, нет у хана ребёнка, который порадовал бы его хотя бы плачем.

Сестра хана вернулась домой и рассказала владыке всё, что видела.

— Я поеду к святому ламе, — сказал хан. — Он должен отдать мне эту

девушку. Может быть, она родит мне сына.

Он приехал к лама. В знак почтения привёз ему дорогие подарки. Поклонился по-старинному, руки сложил бутоном лотоса, отступил назад и сказал:

— О святой лама! Я был бы счастлив, если бы вы отдали мне в жёны эту девушку. Может быть, она родит мне сына.

— Что ж, бери, великий хан, я её не держу, — ответил лама. — Но если уж ты её берёшь, знай правду. Всю свою жизнь, вот уже семьдесят лет, я провёл в дикой степной глуши, в постах и молитвах. Каждый день я хожу умываться к тихому ручью, что течёт на востоке. К этому ручью приходила купаться коричневая обезьяна. И вот эта обезьяна родила девочку и оставила её у ручья. Я взял девочку, вырастил её. Теперь ей шестнадцать лет. Бери её, хан. Но если ты когда-нибудь будешь к ней несправедлив, если назовёшь её звериным отродьем, то не бери. Лучше оставь со мной.

— Нет, святой старик, я её не обижу, я никогда не вспомню, кем она рождена. Я её любил.

— Да будет так, — сказал отшельник. — А теперь выйди, хан, я попрощаюсь с девочкой.

Хан вышел. Старик снял с себя чётки^[46] из ста восьми камней и надел их девушке на шею.

— Милая моя, — сказал он, — теперь ты будешь жить у хана. Хан тебя защитит. Но никогда не снимай эти чётки. Они уберегут тебя и от гнева хана, и от злых сил.

Девушка пообещала старику не снимать чёток и пошла с ханом. В тот же день хан устроил свадьбу. Он очень любил молодую ханшу.

Был у хана придворный певец Шонхор. Дни напролёт проводил он в ханском дворце, до поздней ночи увеселял хана и молодую ханшу.

А другие жёны хана^[47] сердились и завидовали юной красавице.

— Все мы — дочери ханов и нойонов,^[48] — говорили они, — всех нас одинаково любил великий хан. Ни одну не считал самой красивой, ни одну не считал уродливой. А как появилась новая ханша — перестал на нас даже смотреть! Надо её со свету сжить! Но как?

Думали-думали — ничего не придумали. Тогда старшая ханша говорит:

— Надо пойти к бакши, учителю молитв. Он всё знает, он скажет нам, что делать, как быть, как молодую ханшу сгубить.

И все они пришли к учёному бакши.

— Здравствуйте, уважаемые ханши, зачем ко мне пожаловали? —

спросил учитель.

— Мы пришли рассказать вам о нашей жизни, — ответили ханши. — Прежде хан ни одну из нас не считал самой красивой, ни одну не считал уродливой. Всех одинаково любил. А как появилась новая ханша — перестал на нас даже смотреть. Посоветуйте, учёный бакши: как нам её со свету сжить, как нам её убить-погубить?

— Что вы, что вы, почтенные ханши! — вскричал бакши. — Я человек священного сана, разве я могу посоветовать убить живое существо? Это великий грех! Нет, нет, я вам ничего не скажу!

— Значит, вы, священник, боитесь взять на душу грех за убийство одного человека? Но если вы нам не поможете, мы тут же, у вас на глазах, все зарежемся! Выбирайте!

— Пощадите меня, о ханши, не губите мою душу! — взмолился бакши. — Ладно, слушайте. Расправиться с ней не просто. Старик отшельник подарил ей священное ожерелье — чётки. Пока чётки на ней, ни меч, ни яд, ни пуля — ничто её не возьмёт. Остаётся только одно: надо подкупить певца Шонхора...

— Всё понятно, дорогой бакши. Теперь мы знаем, что делать.

Поздно вечером Шонхор шёл из дворца домой. На дороге его ждали ханши.

— Здравствуй, наш друг Шонхор, — сказали они. — Если ты хочешь получить много золота, слушай нас. Ты видел чётки на шее у молодой ханши?

— Видел.

— Нам нужны эти чётки. Если ты их достанешь, ты получишь столько золота, сколько сможешь унести.

— О добрые ханши! — воскликнул Шонхор. — Неужели я стану богатым? Я достану, достану эти чётки!

На другой день Шонхор не пришёл во дворец. Молодая ханша ждёт утром — его нет, ждёт после полудня — его нет, вечер близится — нет певца.

— О мой хан, — говорит она, — почему Шонхор не пришёл? Что с ним?

— Не знаю.

— Пошли за ним слугу.

Хан послал слугу. Скоро тот вернулся и сказал, что певец болен, лежит с повязанной головой и стонет.

— Бедный Шонхор! — вскричала ханша. — Скорей приведите его, я его вылечу.

Певца привели, посадили на белую кошму. Ханша подошла к нему, сняла чётки и трижды возложила их ему на голову. Шонхор внимательно осмотрел чётки, запомнил, как сделаны многие из камней.

— О ханша, спасибо вам, — сказал он. — Как легко, как хорошо мне стало!

И он стал петь сладкозвучные песни.

А на другое утро опять не пришёл. Ханша говорит:

— О мой хан, разрешите послать за Шонхором.

— Разрешаю.

Слуга пришёл к певцу.

— Сегодня мне совсем плохо. Сегодня я и шагу не могу сделать. Так и передай ханше, — сказал Шонхор.

Ханша выслушала слугу и сказала:

— Принесите его на руках. Уж теперь-то я знаю, как надо его лечить.

Певца принесли на руках. Ханша сняла чётки и трижды возложила их ему на голову. Шонхор ещё внимательнее их осмотрел, запомнил ещё лучше.

— О ханша, спасибо вам! Мне стало легче. Не поскупитесь, возложите ваши священные чётки ещё раз.

Ханша ещё раз возложила чётки на голову певца. Теперь Шонхор хорошо помнил каждый камень. Он вздохнул и сказал:

— О ханша, вы меня исцелили, я совсем здоров!

До самого вечера он увеселял ханшу сладкоголосым пением и звучной игрой на ятхе.^[49] А когда стемнело, пошёл к старшей ханше. Он нарисовал ей все камни чёток, рассказал, из чего они сделаны, в каком порядке расположены. И сказал:

— За одну ночь надо смастерить точно такие же чётки.

Всю ночь трудились ханши. Всю ночь сами делали чётки. А утром отнесли их Шонхору.

К хану и ханше хитрый певец опять не пришёл.

— Наш дорогой Шонхор, наверное, опять болен. Надо за ним послать, — говорит молодая ханша.

Слуга вернулся от Шонхора и сказал:

— Звонкоголосый певец совсем плох. Не может головы поднять.

— Принесите его на носилках, — приказала ханша.

Певца бережно принесли. Он лежал как мёртвый. Ханша поспешно сняла чётки и возложила их ему на лоб. Певец открыл глаза.

— О ханша, — сказал он, — мне сразу стало легче. Но ведь не зря говорят: «Своя рука — лучший лекарь». Дайте мне ваши чётки. Я подержу

их и сам возложу себе на лоб.

— Возьми, дорогой Шонхор! — сказала ханша и вложила чётки ему в руки.

Шонхор взял их, опустил в правый рукав, а из левого в тот же миг вытащил подложные чётки. Он возложил их себе на лоб и с благодарностью вернул ханше. Та ничего не заметила и надела их себе на шею.

— О ханша, теперь я совсем здоров! — сказал обманщик.

Он вскочил на ноги и начал услаждать слух своих повелителей музыкой и пением. Он играл лучше, чем играл прежде, он играл прекраснее, чем смог бы сыграть потом. Когда стемнело, он пошёл домой. «Сейчас я получу столько золота, сколько смогу унести, — думал он. — Я стану богачом!»

На дороге его ждали ханши.

— Наш дорогой Шонхор, скорее дай нам священные чётки! Шонхор отдал.

— Где же обещанная награда, о прекрасные ханши? Где золото? — спросил он.

— Возьми пока вот эту горсть золота, — сказала старшая ханша. — Остальное получишь, когда выполнишь три задания.

— Какие три задания, о прекрасные ханши?

— Слушай. Священные чётки охраняли молодую ханшу от людей, от хана и от злых сил. Её нельзя было убить. А теперь можно. Надо сделать так, чтобы великий хан сам её убил, своим мечом из алмазной стали. А для этого ты должен убить трёх ханских друзей, которых он любит больше жизни. Три ночи подряд кровью одного из друзей ты будешь мазать лицо и руки молодой ханши.

Помутилось в голове у Шонхора. Что делать? Но карман его оттягивало золото, и он решил: «Я получу всё, что пообещали мне ханши». Взял он нож и прокрался к золотисто-рыжему говорящему коню. Зарезал коня, прокрался во дворец и вымазал кровью лицо и руки спящей ханши.

Ранним утром, как обычно, опережая красное солнце, встал хан и подумал: «Живы ли, здоровы ли мои драгоценные друзья?» Он пришёл к милому младшему брату, покрутил его левый ус. Потом пришёл к жёлтому летающему слону и похлопал его по левой лопатке. Потом пришёл к золотисто-рыжему говорящему коню — конь лежал мёртвый.

— Проклятье! — вскричал хан. — Кто убил, кто зарезал моего любимого коня?

И он побежал во дворец, чтобы обо всём рассказать ханше. Прибежал,

смотрит и глазам не верит: жена его спокойно спит, а руки у неё в крови, и лицо тоже в крови!

— О горе мне, горе! — прошептал хан. — Неужели она по ночам пьёт кровь? Неужели это она убила моего любимого коня?.. Ну конечно, она! Ведь она рождена зверем. Звериное отродье!

Хан опустил на ковёр и долго сидел в глубокой печали. Проснулась ханша. Она встала и как ни в чём не бывало пошла умываться. Умылась, вытерла лицо и руки и, ласково глядя на хана, села завтракать.

— Мой хан, почему вы не едите со мной? — спросила она.

Хан очнулся, подсел к столику и начал пить ароматный крепкий чай цвета сандалового дерева.

Доложили, что пришёл Шонхор. Певец вошёл со страхом, глянул на ханшу и начал играть на ятхе. С удовольствием, как и прежде, слушает его молодая ханша. А хан не слушает. Хан думает: «Неужели она, неужели моя милая жена убила-зарезала моего любимого коня? Неужели она по ночам пьёт кровь? Кто же она на самом деле? О горе мне, горе! Что с ней делать?»

Прошёл день. Ханша слушала музыку и песни. Хан пребывал в глубокой печали.

Вечером Шонхор ушёл, а потом тихонько вернулся, зарезал жёлтого летающего слона и вымазал кровью лицо и руки спящей ханши.

Рано утром, опережая красное солнце, встал хан, чтобы проведать своих драгоценных друзей. «Что будет сегодня?..» — со страхом подумал он. И побежал к милому младшему брату. Брат спокойно спал. Хан погладил его по левой щеке, покрутил его левый ус. И поспешил к жёлтому летающему слону. Идёт, а сердце его чует недоброе. Так и есть! Лежит слон мёртвый...

Побежал хан к ханше. Смотрит, она спокойно спит. А всё лицо в крови! Все руки в крови! «О звериное отродье! Она убила! Конечно, она!»

И выхватил хан в великом гневе свой меч из алмазной стали, и занёс его над спящей женой. В этот миг птица-тоти — говорящий попугай — закричала из серебряной клетки:

— О великий хан! Остановитесь! Опустите меч! Я открою вам глаза.

Хан опустил меч и сказал:

— Говори, учёная птица.

— Давным-давно это было, — начал рассказывать попугай. — Жили мирно и дружно голубь с голубкой. Каждый год вили они гнездо на большом дереве, которое стояло у моря. Каждый год голубка выводила птенцов. Однажды, когда птенцы были совсем маленькие, кончились запасы корма. Голубь говорит: «Я полечу, поищу еды, а ты охраняй

птенцов». Он летал долго, но нашёл лишь один-единственный пшеничный колос. Принёс этот колос, отдал голубке и говорит: «Держи его в клюве, в гнездо не клади, а то птенцы его сразу склюют. Сегодня они ещё не так голодны. А вот завтра мы поделим этот колос. Я полечу опять, поищу чего-нибудь ещё». Держит голубка колос в клюве, успокаивает птенцов, ждёт голубя. А его всё нет и нет. Вдруг налетел ураган, потемнело море, пошли по нему серые волны, они разбивались о берег, брызги стали долетать до гнезда «А-а!» — вскричала в страхе голубка и уронила колос. Голубь переждал бурю и, когда стемнело, вернулся к гнезду. «Я больше ничего не нашёл, — сказал он голубке, — придётся поделить наш единственный колос». — «О голубь, когда была буря, когда волны вздымались до нашего гнезда, я вскрикнула от страха и выронила колос». — «Ты сама его съела», — сказал голубь и убил голубку. Убил и улетел. Прошло три года. Голубь подумал: «Три года назад у большого дерева я убил мою голубку. Если правда, что она уронила от страха колос, должны быть всходы. А если она сама его съела, никаких всходов нет». Он вернулся к большому дереву и увидел вокруг него целое поле пшеницы! И вскричал голубь: «О горе мне! Я убил невинную подругу мою! Ведь она правду сказала! Ведь она уронила колос!» О великий хан! Если не хочешь стать подобным тому голубю, опомнись!

— Будь по-твоему, учёная птица, говорящий попугай! — сказал хан и бросил меч в ножны.

Ханша проснулась и опять как ни в чём не бывало пошла умываться. Она спокойно умылась, утёрлась полотенцем и села завтракать. Хан удивляется, ничего понять не может.

Пришёл Шонхор, опять играл он лучше, чем прежде, прекрасней, чем смог бы сыграть потом. А поздно вечером он зарезал младшего брата хана и его кровью вымазал руки и лицо молодой ханши.

Утром хан, едва проснулся, бегом побежал к младшему брату. Прибежал к нему, а он убит. Прибежал к ханше — она вся в крови. «Если не она их убивает, то откуда же на ней кровь? Почему она её не замечает на себе?» Выхватил хан свой сияющий меч из алмазной стали, замахнулся... и опустил его. Не мог он её убить, так прекрасна была молодая ханша. И тогда он разбудил её громким криком и отрубил ей правую руку.

— Я оставляю тебе жизнь, но видеть тебя больше не могу, звериное отродье! Иди куда хочешь! Скитайся по земле!

Так сказал хан и выгнал красавицу.

Она пошла по голой степи на восток, пошла искать старика отшельника. И вот на зов её откликнулся старик.

— О несчастная моя! — сказал он. — На тебе подложные чётки. Я же говорил тебе: «Не снимай ожерелье-чётки до последнего вдоха. Они охранят тебя и от гнева хана, и от злых сил». Ты не послушалась меня. Ну, не горюй. У меня есть ещё такие же чётки. Придётся их тебе подарить.

Он снял свои чётки, прикоснулся ими к ханше, и у неё появилась рука.

— Возвращайся к хану, — сказал старик. — Сейчас я ещё раз прикоснусь к тебе моими чётками, и на тебе появится жёлтое одеяние ламы. В этом наряде приди к хану и скажи: «Я — великий святой. Любой грешник очистится от греха, если исповедуется мне. Каждый ваш подданный должен прийти ко мне на исповедь». Хан тебе поверит. Прикажи ему исповедаться первым, а потом посидеть за занавеской, узнать о грехах подданных.

Старик снова прикоснулся к ханше священными чётками. На ней появилось жёлтое одеяние ламы.

Ханша вернулась во владения Наран-Арслана. Хан принял святого ламу с почестями, поднёс ему дорогие подарки. Лама сказал:

— О великий хан, вы должны исповедаться. Я отпущу вам ваши грехи. А потом вы должны сесть за занавеску и послушать, что скрывают от вас ваши подданные.

Хан помолился и начал говорить:

— Я великий грешник. Я взял себе в жёны прекрасную девушку, дочь коричневой обезьяны. Мы с молодой ханшей были счастливы. Но вскоре три моих драгоценных друга в течение трёх ночей были зарезаны, а у моей любимой жены лицо и руки в те ночи были в крови. И тогда я отрубил ей руку и изгнал из ханства. Вот в чём мой грех, о святой лама!

— Отпускаю ваш грех! — сказал лама. — А теперь спрячьтесь за занавеской и слушайте.

Пришёл бакши, учитель молитв.

— О святой лама, — начал он. — Мою душу давит тяжкий грех. Когда наш хан взял себе молодую жену, старые его ханши захотели её убить-погубить. Они пришли ко мне и потребовали, чтобы я сказал им, как это сделать. Я не хотел. Но они угрожали зарезаться у меня на глазах. И тогда я открыл им, что молодую ханшу охраняют священные чётки. Я посоветовал им подкупить певца Шонхора, чтобы он выкрал чётки...

— Отпускаю ваш грех, — сказал лама.

А хан сидит, слушает, и кулаки у него сжимаются.

Вот пришли на исповедь все его ханши. Старшая говорит:

— Все мы дочери ханов и нойонов. Всех нас одинаково любил великий хан. А когда привёл молодую жену, перестал на нас даже смотреть.

И тогда мы решили её сгубить. Мы подкупили певца Шонхора, обманом завладели чётками, которые охраняли ханшу от злых сил, и сделали так, что хан сам расправился с ней...

— И вы прощены. И ваши грехи я отпускаю.

А народ всё шёл и шёл к святому лама. Самым последним пришёл на исповедь певец Шонхор.

— О святой лама! Я самый грешный в этом ханстве. Старые ханши предложили мне много золота за чётки молодой ханши. Я сумел выкрасть их и заменить подложными. А потом ханши приказали мне убивать одного за другим драгоценных друзей хана и их кровью мазать руки и лицо молодой ханши. Я всё сделал. А чтобы она ничего не замечала, окуривал её дымом дурман-травы...

— Что ж, и твой грех я тебе отпускаю.

Ушёл певец Шонхор. Вышел великий хан. За голову схватился, хочет слово сказать и не может.

А святой лама вдруг сбросил своё жёлтое одеяние, и хан узнал прекрасную ханшу.

— Что, мой хан, узнаёте меня?

— Узнаю, моя голубка! Прости меня! Не послушал я моего мудрого попугая. Не послушал и стал подобным тому голубю!

— Я прощаю вас, мой хан. Поспешим к вашим драгоценным друзьям. Я оживлю их моими волшебными чётками.

Они пришли к убитым друзьям хана — к его младшему брату, к жёлтому слону и к золотисто-рыжему коню. На каждого троекратно возложила красавица свои волшебные чётки, и встали они живые и невредимые, драгоценные друзья хана.

Хан изгнал из своей страны бакши — учителя молитв, Шонхора — сладкоголосого певца и всех злых, нелюбимых жён.

Хан Наран-Арслан и прекрасная молодая ханша жили долго и счастливо.

АДЫГЕЙСКИЕ СКАЗКИ

МЕДВЕДЬ, ВОЛК, ЛИСА И КАБАН

Медведь, волк, лиса и кабан решили дружить и охотиться вместе.

— Всю добычу будем делить поровну, — сказал волк.

Целый день проходили они по лесу, но ничего не нашли. Сидят голодные. Кабан заснул. Тогда лиса тихонько говорит волку и медведю:

— Сейчас мы съедим вкусного кабана.

— Как же мы его съедим, он же наш товарищ! — говорит медведь.

— Как же мы его съедим, посмотри, какие у него клыки! — говорит волк.

— Не бойся, волк, — говорит лиса, — нам не придётся с ним бороться. Мы его съедим с его согласия. Я сумею его перехитрить. Мы разбудим кабана и начнём говорить о еде. Я скажу: «Кто сейчас даст себя съесть, тому остальные осенью дадут по быку. Согласны?» Вы отвечайте: «Согласны». Я скажу: «Съешьте меня». Ты, волк, скажи: «Лисой разве наешься? И мала, и худа! Лучше съешьте меня». Ты, медведь, волку возрази: «Тобою тоже не наешься, мясо твоё жилистое и сухое. Лучше съешьте меня, я большой». Тогда я скажу: «Ты, медведь, и вправду большой, но у тебя слишком много шерсти, а кости твои не разгрызёшь. Может быть, кабан согласится, чтобы его съели, может быть, он хочет получить осенью трёх быков?»

Волк и медведь запомнили слова лисы. Разбудили кабана. Сказали всё, что придумала лиса.

Кабан выслушал, задумался. Потом говорит:

— Если вы и вправду осенью каждый дадите по быку, не обманете, то я согласен, ешьте меня.

Звери вмиг зарезали кабана. Медведь начал его потрошить. Лёгкие вывалились, упали в грязь. Волк подскочил, схватил лёгкие и говорит:

— Надо их в речке помыть, я сбегаю.

Он побежал на речку и проглотил лёгкие. Проглотил и вернулся.

— Где лёгкие? — спрашивает медведь.

— Их быстрая вода унесла, не удержал, — говорит волк.

— Крепче надо держать! — говорит медведь. — Это ведь наше общее мясо!

Тут выпала печень. Волк схватил печень и говорит:

— Надо её в речке помыть, я сбегаяю. — И побежал.

— Крепче держи! — кричит вдогонку медведь. — Я тоже хочу печень попробовать!

Волк проглотил печень и вернулся.

— Где печень?! — кричит медведь.

— Опять быстрая вода унесла, — говорит волк.

— Ты врешь, ты сам всё сожрал! — говорит медведь. — Сейчас я тебя научу честности.

Волк кинулся в лес. Медведь — за ним. Догнал. Стали они драться. Тогда лиса взяла кабанью тушу, оттащила в сторону и зарыла в яму. Присыпала землёй, пушистым своим хвостом заровняла — не заметишь. И вернулась на старое место. Села, ждёт товарищей.

Волк с медведем подрались, помирились, вернулись. Смотрят — ничего понять не могут.

— Где мясо? — спрашивает медведь.

— Где кабан? — спрашивает волк.

— Кабан ушёл, — отвечает лиса.

— Как ушёл? Как ушёл?

— А так. Оделся в шкуру и говорит: «Такие обманщики, которые друг у друга мясо воруют, такие разбойники, которые из-за еды грызутся, осенью не только быка — бычьего хвоста не дадут! Не верю я им. Уйду! Проживу уж как-нибудь без лёгких и без печени. Но с волком и с медведем знаться не хочу». Плюнул он и ушёл. Вот как было.

Медведь и волк переглянулись. Правду сказала лиса: обманщики они и разбойники. Ничего не скажешь. Облизнулись они и ушли в лес в разные стороны.

А хитрая лиса одна съела кабанью тушу.

КТО БОЛЬШЕ?

Было это или нет, не скажу. А старики говорят — было. Жили в наших землях три брата, и был у них такой огромный бык, что пасся он, не сходя с места, сразу на семи лугах, а воду пил из семи рек.

Однажды он выпил всю воду из семи рек, и братья погнали его на водопой на самую большую реку, на Кубань. Старший сидел впереди, на голове быка, средний — в середине, на спине, а младший — у самого хвоста. Навстречу ехал всадник. Он увидел необычного быка и закричал старшему из братьев, который сидел на голове меж рогов:

— Что за чудо! Куда ты его гонишь?

Старший из братьев, который сидел меж рогов, ответил:

— Я гоню нашего быка на водопой. Когда увидишь моего среднего брата — он сидит на спине быка, — передай, чтобы получше его погонял, нам надо спешить.

Всадник доехал до среднего брата только на другой день.

— Твой старший брат просил тебя получше погонять быка!

— Мне не справиться одному. Скажи об этом нашему младшему брату, он сидит возле хвоста! — говорит средний брат.

Всадник ехал до младшего брата ещё целый день. Он передал ему слова старшего, попрощался и уехал. А братья пригнали быка на Кубань. Бык как начал пить, так и пил не отрываясь, пока не осушил реку. Братья говорят:

— Наконец наш бык напился. Пусть немного отдохнёт, попасётся на лугу, и можно возвращаться домой.

Вдруг с неба ринулся орёл. Он схватил быка цепкими лапами и взмыл за облака. Братья удивились, опечалились и пошли домой пешком.

На лугу старик пас козла. Вдруг пошёл дождь. Старик спрятался от дождя под бородой козла. Орёл, который уже доедал быка, спустился с бычьей лопаткой на рога козла. Дождь кончился. Старик вышел из-под бороды козла. Орёл от неожиданности испугался, взлетел и выронил бычью лопатку. Она попала старику в глаз. Старик подумал: «Попала

соринка, надо бы вынуть». Вечером попросил своих снох вынуть соринку, но те ничего в его глазу не заметили. Тогда табунщик из соседнего аула взялся вынуть соринку. Он взял с собой длинную верёвку и залез в глаз старика. Долго там бродил и отыскал бычью лопатку. Но вынуть её сам он, конечно, не мог. Он обвязал лопатку верёвкой, а сам выпрыгнул из глаза и по верёвке спустился вниз. К этому концу верёвки он привязал всех быков своего аула. Быки разом потянули и вытащили из глаза старика огромную бычью лопатку. Табунщик заставил быков оттащить её подальше в степь.

Прошло много лет. Бычья лопатка покрылась землёй, земля заросла травой. Понравился этот холм людям. И вырос на холме большой аул. Люди не знали, что их аул расположился на бычьей лопатке. А хитрая лисица догадалась. Каждую ночь она стала прибегать и грызть кость. Пока она грызла, холм дрожал, и люди думали, что это землетрясение. Но землетрясение стало повторяться каждую ночь, и люди поняли: что-то тут другое. Они выставили на ночь караульных вокруг аула, и вот один из них заметил огромную лису. Он подстрелил её, а наутро весь народ пришёл смотреть на лису, которая по ночам трясла их аул. Лиса была такая, что протянулась от реки до реки. Людям понравилась огненно-рыжая лисья шкура, и они содрали её с одного бока лисы. Из этой шкуры всему большому аулу сшили лисьи шубы и папахи. Но перевернуть лису на другой бок люди не могли, поэтому половина шкуры осталась не содранной.

Однажды шла на реку за водой женщина из соседнего аула. Она увидела наполовину ободранную лису, подцепила её носком, перевернула на другой бок, нагнулась и сорвала с нее другую половину шкуры.

— Сошью моему сыну папаху, — сказала она, — но этого не хватит, надо будет добавить меха.

Она добавила триста овчин и сшила сыну папаху.

С моря подул сильный ветер и разбросал по степи кости этой лисы. Череп лисы долго катился на восток и остановился в калмыцкой степи. Туда, к калмыкам, кабардинцы ездят за солью. Ехало однажды за солью сорок арб, каждая была запряжена парой быков. Погонщики от жары заснули. Пошёл дождь. Быки увидели укрытие и заехали в него. Это был череп лисы. За первой арбой заехали в череп и остальные. Все сорок укрылись там от дождя. Но вот погонщики проснулись, испугались, начали кричать. Невдалеке стояла калмыцкая кибитка. Собака, которая лежала возле кибитки, услышала шум, подбежала к черепу, обнюхала его, потом взяла в зубы и притащила в кибитку. Калмыки проснулись, думают: «Что за шум?» Потом поняли: шум идёт из лисьего черепа, который валяется на

полу. Они сказали мальчику:

— Посмотри, что там шевелится в черепе.

Мальчик вывел оттуда сорок арб, запряжённых быками. Хозяин кибитки спросил:

— Что это вы там делаете, зачем туда забрались?

— Мы приехали к вам за солью!

Хозяин засмеялся:

— Приехали за солью, а заблудились в лисьем черепе! — Он вынул из кармана комок соли и положил перед гостями. Для них этот комок показался горой. Они разбили её на куски, погрузили на сорок арб и, очень довольные, отправились домой.

Да, такое рассказывают наши старики. А вы подумайте и ответьте: кто тут был самым большим? Может быть, бык, мимо которого встречный всадник ехал два дня? Или орёл, который легко подхватил этого быка и унёс за облака? Или, может быть, козёл, на рога которого опустился орёл с бычьей лопаткой? А может, старик, которому эта лопатка попала в глаз и показалась соринкой? А может, рыжая лисица, которая протянулась от реки до реки, лисица, в череп которой заехало однажды сорок арб и каждая была запряжена парой быков? Или, может, собака, которая притащила в кибитку этот череп? А может быть, мальчик, которому не хватило на папаху шкуры этой лисицы?

НОГАЙСКИЕ СКАЗКИ

МУДРОСТЬ СТАРИКОВ

Жил в далёкие времена жестокий хан. Однажды он сказал:

— Нет пользы от стариков, незачем их кормить.

Он издал указ: «Каждый должен убить своего отца, как только тому исполнится шестьдесят лет».

Жил на этой земле пастух Кенджи. Когда его отцу исполнилось шестьдесят лет, Кенджи повёл его за селение, чтобы убить. Они вышли в степь, отец спрашивает:

— Куда мы идём?

— Я веду тебя подальше в степь, чтобы убить, повинуюсь ханскому указу, — ответил сын.

— Не убивай меня, — попросил отец, — лучше спрячь. Мой ум тебе пригодится.

Кенджи послушался отца и ночью вернулся с ним домой. Во дворе у него стояла старая арба с кибиткой. Там он отца и спрятал, а ночью приносил ему еду и питьё.

Прошло время, и вот прилетела в селение весть, что ползёт к ним огромный дракон Кара-Кобек. Люди всполошились, погрузились на повозки и откочевали из своих селений. Старик, который сидел в кибитке на арбе, спросил сына:

— Куда все спешат? Куда мы едем?

Сын говорит:

— Прилетела страшная весть, что ползёт в наши земли дракон Кара-Кобек. Народ в страхе бежит.

— А ты не беги, — говорит старик. — Ты убей дракона.

— Как же я его убью, — говорит сын, — если из ноздрей его вырывается огонь, а в пасти его помещается лошадь?

— Это не трудно, — говорит отец. — Не трудно тому, у кого есть самое сильное оружие — знание. Дракон слишком большой, а потому — слабый. Выкопай яму, спрячься и жди. Если голова дракона проползёт

мимо тебя на рассвете, то середина туловища подтянется лишь к полудню. Тут и выскакивай из укрытия. Середина туловища у дракона не очень толстая, хорошим мечом её можно перерубить. Не бойся, голова дракона не успеет до тебя дотянуться... В том месте, где ты его перерубишь, у дракона есть два круглых камня. Ты их вынь и спрячь. Они тебе пригодятся.

Кенджи всё сделал так, как посоветовал отец.

И вот на рассвете к нему подползла голова дракона. Из ноздрей чудовища вырывался огонь. Потом потянулось длинное, крепкое туловище. К полудню туловище стало тонким. Кенджи выскочил из ямы и разрубил дракона, потом взял два круглых камня из тела дракона и пошёл к отцу.

А народ, который бежал от Кара-Кобека, оказался в огромной сухой степи. Люди и скот мучаются от жажды. Люди начали рыть колодцы, а воды в них нет.

Кенджи спрашивает у отца:

— Как найти воду?

Отец говорит:

— Пойди посмотри, не собрался ли где ревущий скот. В том месте и надо рыть колодец.

Кенджи увидел, что в одном месте скот собрался в кучу и ревет. Там парень начал рыть колодец, и вскоре хлынула оттуда чистая вкусная вода. И люди, и скот — все утолили жажду.

Между тем разнеслась весть, что дракон Кара-Кобек убит. Хан просил:

— Кто убил дракона? Кто добыл воду?

К нему пришло несколько человек. Каждый сказал:

— Я убил дракона. Я добыл воду.

Хан ни одному из них не поверил.

Народ вернулся в свои земли. Хан объявил:

— Удалец, который сумеет достать со дна озера золотой кувшин, станет моим наследником.

Люди подошли к озеру. Сквозь чистую, прозрачную воду невдалеке от берега был виден золотой кувшин. Начали удалцы за ним нырять, никто не смог достать кувшин. Он пропадал, когда к нему подплывали.

Кенджи спросил у отца:

— Как достать этот золотой кувшин?

Отец говорит:

— Наверное, в озере и нет никакого кувшина. Наверное, у берега стоит дерево, и золотой кувшин прикреплен к его ветвям, а в озере — лишь его отражение.

Кенджи говорит:

— Верно, в том месте у берега стоит дерево.

Вечером он залез на дерево, достал кувшин, а утром отнёс его хану. Хан посмотрел на кувшин, удивился и говорит:

— Ты большой удалец, но этого мало. Наследником я всё-таки сделаю того, кто убил дракона и добыл воду.

— Я убил дракона, я добыл воду, — говорит Кенджи.

— Как ты это докажешь? — спрашивает хан.

— В середине тела дракона есть два круглых камня, — говорит Кенджи. — Вот они. — И он протянул хану два драконовых камня.

Хан ещё больше удивился.

— Ну а как ты добыл воду? Как ты узнал, где надо копать?

— Где собирается ревущий скот, там надо копать, там вода, — ответил Кенджи.

— Неужели ты сам до всего додумался? — спрашивает хан.

— Нет, — отвечает Кенджи, — мне это подсказал мой старый отец: и как убить дракона, и как добыть воду, и как достать ваш золотой кувшин. Я не убил моего отца, когда ему исполнилось шестьдесят лет, а теперь с его помощью спас народ.

Хан говорит:

— Оказывается, не прав я был, когда думал, что нет пользы от стариков и повелел их убивать. Нам нужна их мудрость. Отныне я отменяю свой указ.

Хан сделал удалца Кенджи своим наследником. После него Кенджи правил ханством. Он был мудрым и справедливым ханом.

ДВА ТОВАРИЩА

Давным-давно жили два товарища — Анкылдак и Донкюльдек. Доброго, весёлого Анкылдака все в селении любили, приглашали в гости, а злого, жадного Донкюльдека старались обойти стороной.

Однажды два товарища отправились в дальнее селение. Путь их лежал через леса и речки, через степи и холмы. Каждый в сумку положил по три хлеба.

Когда проголодались и сели отдохнуть, Анкылдак вытащил из сумки хлеб, разломил его пополам, половину дал товарищу, половину съел сам. Вечером перед сном он разломил ещё один хлеб. Утром товарищи съели последний хлеб Анкылдака.

К полудню они устали, сели отдохнуть. Донкюльдек вытащил из сумки хлеб и ест.

— Что ж ты мне не даёшь хлеба, ведь я тебе давал? — говорит Анкылдак.

— Я у тебя не просил. Ты сам давал, потому что хотел угостить. А я угощать не хочу, — говорит Донкюльдек.

Перед сном Донкюльдек снова ест хлеб. Анкылдак смотрит. Донкюльдек говорит:

— Ладно, могу продать тебе четвертушку хлеба за твой глаз.

— Как это? — не понял Анкылдак.

— А так — проколи себе глаз и ешь хлеб. Вот она, четвертушка, — говорит Донкюльдек.

Бедный Анкылдак проколол глаз и взял четвертушку хлеба.

На третий день утром Донкюльдек опять ест хлеб и опять не даёт товарищу.

— Дай хлеба, — просит Анкылдак.

— Не дам, — говорит Донкюльдек. — Могу дать половину хлеба за второй глаз.

— Нет, — говорит Анкылдак, — второй глаз я не прокалю.

Прошёл целый день. К вечеру Анкылдак еле переставлял ноги. Он увидел вдали старую заброшенную мельницу. У развилки дорог они сели отдыхать. Донкюльдек вытащил хлеб. Показал его и говорит:

— Ну что, надумал?

Анкылдак протянул руку к хлебу: давай. Он проткнул себе второй глаз и взял половину хлеба. Донкюльдек говорит:

— Я спешу, тебя ждать не буду. — И пошёл дальше.

Анкылдак немного отдохнул и пошёл по другой дороге — в сторону старой мельницы. «Там переночую, — подумал он, — а утром пошарю, нет ли остатков муки». Он добрался до мельницы, залез наверх и собрался спать. Вдруг услышал шум. Кто-то пришёл на мельницу. И говорит:

— Я пришёл первый. А где же волк и лиса?

Снова послышался шум. Прибежали двое. Один из них говорит:

— Лиса, мы опоздали, медведь уже здесь, он ждёт нас.

Медведь говорит:

— Ну, давайте откроем друг другу свои тайны, как собирались. Здесь нас никто не услышит. Я первый пришёл, я буду говорить первый. Здесь, рядом с мельницей, у меня есть целебное дерево, я его каждый день поливаю. Если листьями с этого дерева потереть слепые глаза, они прозреют.

— А я, — говорит волк, — знаю в ханском стаде желторогую овцу. Её потроха целебны. Если ими накормить больную ханскую дочь, она сразу станет здоровой.

— У меня тоже есть тайна, — говорит лиса. — В ямке под клёном я спрятала слиток золота величиной с голову коня. Я каждый день люблюсь этим золотом.

Звери убежали. Анкылдак заснул. А утром с новыми силами он на ощупь отыскал дерево медведя. Листьями потёр себе глаза, и они стали видеть. Потом пошёл к клёну лисы и взял из ямки слиток золота величиной с голову коня. Положил он золото в сумку и пошёл к хану, у которого болела дочь. Хан говорит:

— Много лекарей приходило ко мне. Каждый давал своё лекарство, а дочери всё хуже и хуже. Если твоё лекарство не поможет, я отрублю тебе голову, но если ты вылечишь мою дочь, отдам её тебе в жёны.

Анкылдак приказал зарезать желторогую овцу, сварил её потроха и накормил ими ханскую дочь. Она выздоровела. Хану пришлось отдать её за Анкылдака. И зажил Анкылдак с прекрасной ханской дочерью в довольстве и счастье. Весть об этом дошла до Донкюльдека. Он прибежал к бывшему товарищу и говорит:

— Забудь старое, не сердись. Расскажи, где ты нашёл глаза, как ты нашёл своё счастье.

Добродушный Анкылдак простил злодея и рассказал всё, как было.

Донкюльдек побежал на старую мельницу, спрятался там.

Ночью пришли звери. Медведь говорит:

— Кто-то рвал листья с моего дерева.

Волк говорит:

— Мою желторогую овцу зарезали.

Лиса говорит:

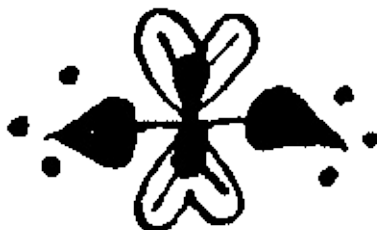
— Кто-то утащил моё золото. Наверное, в тот раз нас подслушивали.

Давайте посмотрим, — может, и сейчас нас подслушивают.

Они обыскали мельницу, нашли Донкюльдека и растерзали его.

КАБАРДИНСКИЕ СКАЗКИ

ОХОТНИК И ХАНСКАЯ ДОЧЬ

Жил в одном селении молодой охотник. Была у него старая мать. Охотник всегда возвращался домой с добычей. Тем они с матерью и кормились. Однажды он провёл в горах целый день, но не встретил никакой дичи. «Видно, вернусь я сегодня с пустыми руками», — подумал он. И вдруг увидел на скале огромного орла. Прицелился, и тогда орёл заговорил:

— Пощади меня, человек. Придёт время — я тебе пригожусь. Вот перо из моего хвоста. Будет худо — сожги его, и я к тебе прилечу.

Охотник спрятал перо и пошёл дальше. Скоро ему попала дикая коза. Охотник прицелился. И тогда коза заговорила:

— Не убивай меня, человек. Придёт пора — я тебе пригожусь. Вот шерстинка из моей бороды. Будет надо — сожги её, и я перед тобой появлюсь.

Охотник спрятал шерстинку и пошёл дальше. Стемнело. Ему пришлось переночевать в лесу на дереве. На рассвете он проснулся от голода и спустился к морю. «Хоть рыбу поймать, хоть чего-нибудь поесть!» — подумал он. На крючок попала золотая рыбка. Она сказала:

— Отпусти меня в море, человек. Придёт время — я тебе отслужу. Вот моя золотая чешуйка. Будет трудно — сожги её, и я к тебе приплыву.

Охотник спрятал чешуйку и пошёл дальше. Вскоре на берегу он увидел рыжую лисицу. Он прицелился. Тогда лисица заговорила:

— Не стреляй в меня, человек. Придёт пора — я тебя выручу. Вот шерстинка из моего хвоста. Будет трудно — сожги её, и я к тебе прибегу.

Охотник спрятал шерстинку и пошёл дальше по берегу моря. Но больше он никого не встретил и добрёл до незнакомого города. Он зашёл в самый крайний маленький домик. Там сидела древняя старушка.

— Мать, не дадите ли чего-нибудь поесть? — спросил охотник.

— Ах, сынок, я сама второй день сижу без хлеба, — ответила она.

Тогда охотник вынул золотой, старушка пошла на базар за едой. Вскоре она вернулась, и они на славу поели. Охотник спрашивает:

— Расскажите, мать: что говорят у вас в городе, какие новости?

— Ах, дорогой гость, и не спрашивай. Хороших новостей у нас нет, а плохие не хочу рассказывать, — отвечает старушка. — Большое горе в нашем городе.

Охотник говорит:

— Если горе, надо рассказать, — может быть, я помогу вашему городу.

— Что ж, слушай, — говорит старушка. — Нашим городом правит хан. У него есть красавица дочь. А у дочери есть необыкновенная подзорная труба. В эту трубу она видит всё, что ни есть на земле, в небе и под водой. Никто не может от неё спрятаться. А красавица объявила, что выйдет замуж за того, кто сумеет так спрятаться, что она не найдёт. Прятаться можно три раза. Кого она трижды найдёт, тому отрубают голову. Вот уже девяносто девять джигитов нашли свой конец. Весь наш город в трауре, почти в каждом доме слёзы, погибли и двое моих сыновей, двое силачей и красавцев, двое моих кормильцев. Девяносто девять прятались, а ты, наверное, будешь сотым.

— Да, я буду сотым, — говорит охотник. — Хочу попытать счастья, пойду в ханский дворец.

И он отправился в ханский дворец. Там он увидел красавицу, дочь хана, окружённую слугами.

— Пришёл сотый! — сказала красавица в ответ на приветствие охотника. — Скоро сотая голова полетит с плеч!

— Голова моя останется на плечах, а ты станешь моей женой, — усмехнулся охотник.

— Какой ты смелый! — сказала красавица. — Что ж, тогда давай скорей начнём игру! Будешь прятаться три раза.

— Я согласен начать игру, если разрешишь прятаться четыре раза, — сказал охотник. Он подумал о четырёх своих помощниках.

— Четыре так четыре, всё равно твоя голова на волоске, — усмехнулась ханская дочь. — Иди, прячься, у тебя есть ночь. Утром начну искать.

Охотник вышел из дворца, вышел из города, пошёл в степь. Вынул перо орла, сжёг его. Появился орёл.

— Послужи мне, орёл, пришло время, пришла беда, — говорит охотник. — Спрячь меня, орёл, спрячь так, чтобы ни в какую подзорную трубу ханская дочь меня не заметила.

Орёл схватил охотника крепкими лапами, поднял в небеса, унёс за облака, к далёким синим скалам, к своему гнезду. Он опустил охотника в гнездо, сам сел на гнездо, прикрыл своим телом. Казалось, никто охотника не увидит.

Утром ханская дочь начала искать охотника. Сначала она осмотрела всю землю, но ничего не нашла. Тогда она подняла свою подзорную трубу и начала осматривать небеса. И вот далеко за облаками увидела синие скалы, а в скалах орлиное гнездо. В нём сидел орёл. Она внимательно осмотрела орла и увидела возле крыла несколько шерстинок от папахи охотника.

— Нашла! Нашла! — радостно закричала красавица. — Хорошо он спрятался, а я нашла!

Вечером охотник вернулся во дворец. Он был уверен, что выиграл. Но ханская дочь сказала:

— Ты был в синих скалах, сидел в орлином гнезде. Орёл прикрыл тебя своим телом, своими крыльями, и всё-таки я тебя заметила! Нет, от моей подзорной трубы не уйдёшь! Она видит всё, что ни есть на земле, в небе и под водой.

Охотник пошёл прятаться второй раз. Он сжёг шерстинку козы, и перед ним появилась коза.

— Послужи мне, коза, пришла твоя пора, пришла моя беда, — говорит охотник. — Выручай меня, спрячь меня, спрячь так, чтобы ханская дочь не нашла, в трубу свою волшебную не увидела.

Коза посадила охотника на себя и понесла его на край света. Там, на самом краю, за скалой, в ямке спрятала она охотника и прикрыла своим телом.

Утром ханская дочь начала искать охотника. Долго она оглядывала землю и вот на самом краю света за скалой увидела козу, а из-под козы торчал уголок бешмета.

— Нашла! Нашла! — обрадовалась красавица. — Это его бешмет! Два раза я выиграла!

Вечером охотник вернулся во дворец. Ханская дочь говорит:

— Ты прятался на самом краю света, за скалой, тебя прикрывала коза. Далек ты прячешься, но от меня тебе не уйти.

Охотник пошёл прятаться в третий раз. Он пришёл к морю, сжёг золотую чешуйку, и перед ним появилась рыбка.

— Послужи мне, золотая рыбка, спаси меня, мудрая рыбка, — говорит охотник. — Дважды я прятался, и дважды меня находила злая ханская дочь. Она радуется, что дважды выиграла, что скоро отрубит мне голову.

— Я хорошо тебя спрячу, охотник, — говорит рыбка. — Ты будешь сидеть в брюхе огромной щуки.

Она кликнула щуку, та приплыла и разинула огромную пасть. Охотник шагнул в пасть и оказался у щуки в брюхе. Щука уплыла в море.

Утром ханская дочь начала искать охотника. Она осмотрела всю землю, потом все небеса. Нигде ничего не заметила.

— Не прячется же он на дне моря! — сердито сказала красавица.

— А ты не сердись, — посоветовала мать, — может быть, он и в море. Осмотри спокойно всё море.

Красавица стала осматривать море. Увидела огромную щуку. Прожорливая щука как раз в этот миг раскрыла пасть, чтобы схватить добычу. Красавица заглянула в пасть и в брюхе у щуки увидела охотника.

— Опять нашла! — радостно закричала она.

Вечером охотник вернулся во дворец. Ханская дочь говорит:

— На этот раз ты сидел в брюхе огромной щуки, которая плавает в синем море. Ты прячешься лучше всех, и всё равно три раза я выиграла. Твоя голова на волоске. Завтра её отрубят! Иди, прячься в последний раз, такой уж у нас был уговор.

Совсем опечалился охотник. Идёт, голову повесил. Он сжёг шерстинку лисицы. Появилась лисица.

— Спаси меня, мудрая лисица, спрячь от ханской дочери, от её волшебной подзорной трубы, — попросил охотник. — Ханская дочь радуется, говорит, что моя голова на волоске, я прячусь в последний раз. Спрячь меня так далеко, чтобы злая красавица не нашла.

— Не надо прятаться далеко, чтобы спрятаться хорошо, — сказала лисица. — Спи здесь, в кустах, я всё сделаю.

Охотник лёг спать. Лисица тут же начала рыть подземный ход. К утру она прорыла его до ханского дворца, до той самой комнаты, из которой красавица осматривала мир в свою подзорную трубу. Потом лисица разбудила охотника и приказала ползти по подземному ходу. Они оказались прямо под ногами ханской дочери, они слышали каждый её шаг, каждое её слово. А она осмотрела всю землю, все небеса, всё море, но нигде не смогла найти охотника, она смотрела в самую далёкую даль и нигде ничего не заметила. Не могла она догадаться, что охотник сидит у неё под ногами. День кончился. Красавица в сердцах бросила трубу на пол.

— В первый раз ты мне изменила! — крикнула она.

Охотник прополз по подземному ходу за город и пришёл во дворец.

— На этот раз ты так спрятался, что и сам шайтан тебя бы не отыскал! — сердито проговорила ханская дочь.

— Значит, я выиграл? — спросил охотник.

— Нет, подожди, дай мне поискать ещё один день. Не может быть, чтобы моя труба отказала!

Охотник согласился. И всё повторилось снова. Красавица разбила

трубу вдребезги. Вечером, когда охотник пришёл во дворец, она сказала:

— Ты победил. Я согласна стать твоей женой.

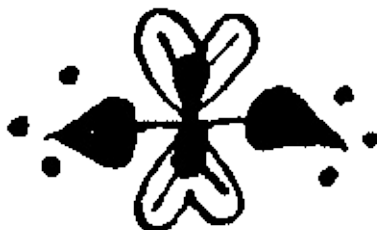
На другой день праздновали свадьбу. Весь город был рад победе охотника.

— Больше не будут гибнуть наши сыновья, — говорили люди.

Весь город праздновал избавление от злой напасти.

И я на том пиру был, халву ел, мёд-бузу пил, а когда хан гостей награждал, и мне достался кинжал, да абреки^[50] его на дороге в лесу отобрали.

МАЛЫШ И ВЕЛИКАН

У бедной старушки было три сына. Были они так малы, что никто никогда таких маленьких людей и не видел. Старший сын был ростом в три вершка, средний сын — в два вершка, а младший — всего в один вершок. Младшего они звали Малыш.

Каждый день братья ходили на заработки, где-нибудь батрачили — надо же было зарабатывать на хлеб для себя и для старой матери. Однажды братьям очень повезло, они заработали так много, как никогда: привели домой трёх козлов и привезли три огромных каравай хлеба!

— О, какие мы стали богатые! — сказала старушка мать.

— Мы станем ещё богаче! — ответил старший брат. — Надо поровну разделить наш заработок и ещё пойти попытать счастья.

— Что ж, давайте разделим, — сказал средний брат.

Они разделили своё богатство. Каждому достался козёл и каравай хлеба. Старший брат говорит:

— Я пойду первым.

Он взял козла и хлеб и пошёл по большой дороге. Во всех аулах он спрашивал, не нужен ли работник, но нигде его не наняли. Он вышел в огромное поле и увидел великана. Тот пахал землю. Старший брат подошёл к нему, поздоровался и спрашивает:

— Скажи, великан: не нужен ли тебе работник?

Великан оглядел его, потом посмотрел на козла, на хлеб и говорит:

— Как раз такой работник, как ты, мне и нужен. Нанимайся на год. Дам сундучок золота.

Старший брат обрадовался и говорит:

— Я сейчас же готов приступить к работе. Что надо делать?

— О, дело я тебе найду. Вон видишь, под горой моя сакля? Иди туда, разожги огонь, поджарь своего козла, нарежь хлеб. Вместе поужинаем.

Старший брат пришёл в саклю, приготовил ужин. Разделил его на две части. На закате вернулся с поля великан. Он хотел сесть за стол, но в сакле не на что было сесть. Великан говорит:

— Поищи во дворе что-нибудь, на чём я мог бы сидеть. Но смотри, это сиденье должно быть не из камня, не из земли и не из дерева!

Старший брат вышел из сакли и огляделся. Он не увидел ничего такого, что было бы не из камня, не из земли и не из дерева. Долго работник ходил по двору, а когда вернулся в саклю, весь ужин был съеден.

— Где же моя доля? — спросил он.

— Да, правда, где же твоя доля? — усмехнулся великан. — Видно, я и не заметил, как съел её, очень уж хотелось есть... Я съел твою долю и не наелся. Придётся тебя съесть на закуску! — С этими словами он схватил своего нового работника и проглотил.

Братья не дождались старшего. И тогда средний сказал:

— Теперь моя очередь пойти попытать счастья.

Он взял козла, каравай хлеба и пошёл по той же дороге. Нанялся в работники к тому же великану, и так же, как старшего брата, его проглотил великан.

Пришла очередь Мальша. И он нанялся в работники к этому великану, и ему великан приказал приготовить ужин. Мальш поджарил козла, нарезал хлеба, разделил ужин пополам. Потом он вырыл ямку у стены сакли и прикрыл её хворостом и травой. На закате вернулся с поля великан.

— Ну, приготовил ужин? — спросил он.

— Да, приготовил, — ответил Мальш.

— Тогда поищи во дворе что-нибудь, на чём я мог бы сидеть. Видишь, стол у меня есть, а лавки нет. Но смотри, сиденье должно быть не из камня, не из земли и не из дерева!

Мальш огляделся и быстро сообразил, что делать. Он втащил в саклю железный плуг великана.

— Садись, вот тебе железное сиденье! — крикнул он.

Великан удивился смекалке Мальша. Они начали есть. Великан быстро пожирает свою долю мяса и хлеба. Мальшу столько не съесть, он незаметно бросает куски в ямку. Великан видит, что еда у них уменьшается одинаково, и ещё больше удивляется новому работнику. «Какой прожорливый попался!» — думает он. Не успел великан доесть свою долю, а у Мальша уже нет ничего.

— Дай мне кусочек, я всё съел и не наелся, — говорит Мальш.

— Хватит, ты и так слишком много съел! — отвечает великан.

— Разве много? — смеётся Мальш. — Да я и тебя могу съесть на закуску!

Великан поверил и притих.

На другой день они вместе пошли в поле пахать. Мальш только делал

вид, что работает, — пахал один великан, а работник его лишь побрякивал да покрикивал. Вечером есть было нечего, великан лёг спать голодный, а Малыш ночью тихонько съел то, что припрятал в ямке.

На третий день великан понял, что с этим работником ему не сладить.

— Что делать? — спросил он жену. — Надо от него как-то избавиться. Наш новый работник не только необыкновенный силач и обжора, но он ещё и невиданный хитрец. Давай сегодня ночью придавим его огромным камнем.

Малыш, конечно, слышал все эти слова — от тихо сидел в своей яме.

Великан и великанша ушли в горы за камнем. Малыш тем временем приготовил связку камыша, положил её на свою постель и прикрыл одеялом, а сам спрятался в яму. Великан с великаншей притащили целую скалу.

— Вот хорошо, наш работник уже спит, — сказал великан.

Они с великаншей опустили скалу на постель Малыша. Камыш затрещал.

— Захрустели его косточки! — засмеялась великанша.

— Вот мы и избавились от этого работничка! — сказал великан.

Они легли спать. Малыш тоже заснул в своей яме. Утром он встал раньше своих хозяев, разбудил их и начал над ними посмеиваться:

— Глупые великаны, вы решили, что вы сильнее меня! Я видел, как вы этот камешек еле-еле тащили вдвоём! А для меня он как муха! Я решил его не сбрасывать и спокойно под ним проспал всю ночь.

Малыш рассмеялся и вышел из сакли.

— Нам с ним не справиться. Нам его не одолеть, — сказал великан.

— Надо с ним расплатиться и отправить домой, — сказала великанша.

— Правильно! — согласился великан. Он позвал Малыша и сказал:

— Ты хорошо поработал. Даже очень хорошо. Ты заработал не сундучок, а целый сундук золота. Вот он, бери и скорей иди домой. — И великан поставил перед Малышом тяжёлый сундук, полный золота.

Малыш опять рассмеялся:

— Ты хочешь, чтобы я поскорей ушёл, а ещё заставляешь меня нести какой-то сундучок. Сам его и неси. Я на тебя поработал, теперь ты немножко поработай на меня!

Великан удивился, не нашёл что ответить, взвалил на плечи сундук и двинулся в путь.

— Ты, наверное, не знаешь, куда идти, так я буду сидеть на твоём сундуке и показывать дорогу.

Малыш вскарабкался на сундук, и великан пошёл по дороге. Вскоре

они встретили грушевое дерево со спелыми грушами. Великан остановился, пригнул дерево и стал срывать с макушки самые вкусные груши. Малыш пересел на ветку, тоже дотянулся до груши и начал её есть. Вскоре великан наелся и отпустил дерево. Малыш полетел через дерево, там пробежала лисица. Малыш упал ей на шею и схватился за уши. Лисица выбежала под ноги к великану. Малыш закричал:

— Смотри, великан, пока ты ел груши, я увидел лисицу, перелетел через дерево и поймал её. Видишь, какой я ловкий! Однако лисица мне не нужна, пусть бегаёт! — Малыш спрыгнул с лисицы и вскарабкался на сундук.

Великан шёл и размышлял: «О, какой ловкий парень! Он куда опаснейшем я думал! Как хорошо, что я с ним расстаюсь, как хорошо, что я провожаю его домой!»

Недалеко от дома Малыш остановил великана:

— Посиди тут немного, а я пойду скажу матери, чтобы приготовила нам ужин.

Вскоре он вернулся, и они вместе вошли в дом Малыша. Великан поставил сундук и сел у дверей. Малыш говорит:

— Мама, я пришёл с гостем, дай ему что-нибудь поесть.

Мать оглядела гостя и говорит:

— Что ж ему дать? Своих братьев он, наверное, не ест, а ты, когда уходил на заработки, оставил мне лишь убитого великана.

Великан встрепнулся и спрашивает:

— А вы что же, едите великанов?

— О, мы их очень любим, — ответила мать.

— Да, мы вас любим! — громко сказал малыш. — Мясо у вас вкусное!

Великан вскочил.

— Мама, — продолжил Малыш, — может быть, мы этого съедим? Давай-ка съедим его, как он однажды съел моих братьев! — С этими словами Малыш шагнул к великану.

Великан вышиб дверь и бросился бежать без оглядки. Малыш с матерью посмеялись ему вслед. Им только этого было и нужно. У них остался сундук золота, и жили они с тех пор припеваючи.

БАЛКАРСКИЕ СКАЗКИ

ВЕРБЛЮД, ЛИСА И ВОЛК

Однажды в степи пасся верблюд. Прибежала к нему лиса и кричит:

— Эй, верблюд, ты почему ешь мою траву? Ведь эта земля — моя!

Верблюд говорит:

— Ты докажи, что эта земля твоя. Ты приведи свидетеля, который подтвердит, что эта земля твоя.

Лиса побежала искать свидетеля. Долго она бегала и вот повстречала волка.

— Волк, пойдём со мной, — кричит лиса, — будешь свидетелем, что верблюд пасётся на моей земле!

— Откуда я знаю, — говорит волк, — на чьей земле пасётся этот верблюд?

— А тебе и знать ничего не надо, — говорит лиса, — просто подтверди, что он пасётся на моей земле, и за это мы с тобой зарежем его и съедим.

Волк согласился. Вместе они прибежали к верблюду. Верблюд спрашивает:

— Что, привела свидетеля?

— Привела, — отвечает лиса.

— Что скажешь, свидетель? — спрашивает верблюд.

— Эта земля — лисы! — кричит волк.

— Ну, раз так, — говорит верблюд, — то забери траву у меня изо рта. Чужую траву есть нельзя. — И верблюд раскрыл рот пошире.

Волк всунул туда голову, чтобы забрать траву. Верблюд крепко прихватил голову зубами. Волк захрипел. Захрипел и умер. Верблюд разжал зубы, выпустил мёртвого волка.

Лиса отбежала подальше и говорит:

— Вы посмотрите на этого волка: он — лжесвидетель!

ДВА ХАНА

Жили когда-то в одном ауле два хана. Они часто ходили друг к другу в гости. Оба были очень богаты, и оба гордились своим богатством.

Однажды к первому хану пришёл молодой парень из дальнего аула и говорит:

— Я хочу наняться в пастухи.

Хану был нужен пастух, он рад был взять парня. «Нет сомнения, что это честный человек», — думал хан. Он отвёз парня к своим стадам, к своему скоту и говорит:

— Вот всё моё богатство. Береги его. Я тебе доверяю.

А сам вернулся домой и зажил себе преспокойно, на пастбища ездить перестал. Второй хан позавидовал ему и говорит:

— Вижу, ты совсем успокоился, живёшь — забот не знаешь, на пастбища не едешь.

— Да, — отвечает первый хан, — теперь я спокоен. Пока жив мой новый пастух, я буду богатым, я не узнаю нужды. Такой хороший парень мне попался! Он сохранит мой скот, он никогда не скажет неправды.

— Ну а если я заставлю его сказать неправду? Что тогда? — спрашивает второй хан. — Что ты мне дашь?

— Если заставишь его сказать неправду, — отвечает первый хан, — я отдам тебе весь мой скот. Но если не заставишь — ты отдашь мне весь свой скот.

— Согласен! — говорит второй хан.

Так они поспорили. Второй хан вернулся домой, приказал запрячь коляску, посадил в неё свою красивую дочь и поехал на пастбище к пастуху первого хана.

— Да размножится этот скот! — сказал хан, приветствуя пастуха.

— Спасибо, будьте здоровы, добро пожаловать! — ответил пастух. Он пригласил хана с дочерью в гости.

— Сейчас я приготовлю для вас угощение, — сказал пастух и взял барана, чтобы зарезать.

— Нет, — говорит хан-гость, — барана я есть не буду.

— Тогда я зарежу бычка, — говорит пастух.

— Нет, — говорит хан-гость, — и бычка я есть не буду. И оставаться здесь в гостях не хочу.

Пастух смотрит на красивую дочь хана и думает: «Как бы оставить их в гостях?» Так думает он и говорит:

— Что же вы станете есть, уважаемый гость? Что ни пожелаете, то и приготовлю.

— Если ты зарежешь рыжего жеребца, — говорит хан, — то мы с дочерью будем его есть и останемся у тебя ночевать.

А этот рыжий жеребец был вожакom лучшего табуна. Хан-хозяин гордился жеребцом, очень его любил... Но гостя надо хорошо принять, хорошо угостить, надо, чтобы гость остался доволен. И пастух зарезал рыжего жеребца.

Утром хан с дочерью вернулся домой. Потом поехал к хану-соседу. Приехал и говорит:

— Ну-ка, хан, позови своего пастуха, спроси, всё ли в порядке, цел ли скот, послушаем, как начнёт тебе врать твой хваленый работник.

Первый хан послал людей позвать парня. Парень идёт и думает: «Что отвечу хану, когда он спросит, цел ли его скот?» Воткнул он в землю свою чабанскую палку, надел на неё свою папаху и начал советоваться с палкой.

— Скажу хану, что жеребец с кручи упал.

— Это не ответ хану, — говорит палка, — ведь круч у нас нет.

— Скажу хану, что жеребца волк задрал.

— Это не ответ хану, — говорит палка, — жеребец других лошадей охраняет, жеребца волк не задерёт.

— Скажу хану, что какой-то чёртов хан с красивой дочкой в гости приехал. Я решил: надо хана хорошо угостить. Предложил барана — не хочет, предложил бычка — не хочет. Спросил, чего хочет, — говорит, рыжего жеребца. Тогда, говорит, буду гостить, буду ночевать. Пришлось для него жеребца зарезать. А остальной скот в полной сохранности.

— Вот это — ответ хану, — говорит палка. — Ты нашёл правильный ответ. Теперь иди, не бойся.

Парень надел папаху, взял в руки палку и пошёл к хану. Пришёл, а там сидит хан-сосед, тот хан, что у него на пастбище гостил. Хан-хозяин спрашивает:

— Скажи-ка, мой честный пастух, громко скажи: цел ли мой скот?

Парень отвечает:

— Слава аллаху, ваш скот цел, нет только рыжего жеребца.

Хан-хозяин вскочил да как закричит:

— Как это нет жеребца? Куда же девался мой любимый рыжий жеребец?

Парень отвечает:

— Дело было так. Приехал в гости один чёртов хан с красивой дочкой. Я решил: надо хана хорошо угостить. Предложил барана — не хочет, предложил бычка — не хочет. Спросил, чего хочет, — говорит, рыжего жеребца. Тогда, говорит, буду гостить, буду ночевать. Пришлось для него жеребца зарезать. А остальной скот в полной сохранности.

Так сказал парень. Сказал одну только правду. Хан-гость молчит. Хан-хозяин его спрашивает:

— Ну что, сказал мой табунщик неправду? Заставил ты его сказать неправду?

— Нет, не заставил. Я проиграл, — отвечает хан-гость.

Пришлось ему отдать первому хану весь свой скот, всё своё богатство. С тех пор у нас в горах говорят: «Пастух советуется со своей палкой».

ОСЕТИНСКИЕ СКАЗКИ

АЛЫП

В одном ауле абреки-разбойники украли мальчика. Они увезли его очень далеко и продали богатому князю.

— Он будет всю жизнь пасти моих овец! — сказал князь.

Однажды пастушок поднял в степи лошадиный череп и долго его рассматривал. А потом горько заплакал. Это увидел прохожий.

— Что ты плачешь, мальчик? — спросил он. — Ведь это — старые кости, лошадиный череп.

— Это череп алып, ^[51] волшебного неумоимого коня, — ответил мальчик. — Вот почему я плачу.

Прохожий обо всём, что видел, рассказал князю. Тот удивился и позвал мальчика к себе.

— Говорят, ты по черепу узнал алып. А сможешь ли распознать живого алып?

— Да, — ответил мальчик, — смогу.

Князь забрал его в свой дом, стал хорошо кормить и одевать, подарил ему дорогое оружие. Мальчик больше не пас овец. Князь думал: «Надо приручить мальчишку, и он найдёт мне бесценного алып! Тогда я стану самым знаменитым на всём Кавказе!»

— Ты — мой лучший джигит, ^[52] — говорил князь, — ты — мой лучший друг!

«Я твой невольник, а не друг, — думал мальчик. — Я тебе не верю».

Князь каждый день говорил:

— Мне очень нужен алып, ты должен найти алып...

— Алып — большая редкость, — отвечал мальчик, — на земле их очень мало. Придётся пересмотреть десятки, может быть, сотни табунов!

— Мы объездим с тобою все долины, все ущелья, все предгорья, мы осмотрим табуны ближних и дальних земель, но найдём алып. И тогда все князья, все богачи Кавказа будут мне завидовать! — сказал князь.

«Да, я найду алып, — думал мальчик, — но не для тебя, князь,

мечтающий о славе. Я найду алыпя для себя, чтобы вырваться из неволи, чтобы вернуться в родной край, к отцу, к матери. Они там плачут и думают: „Жив ли наш бедный сын? Наверное, разбойники продали его кому-нибудь в услужение. Как ему живётся на чужбине?“»

Однажды князь и мальчик отправились в путь. Они осмотрели десятки, сотни табунов в ближних и дальних землях, и вот наконец мальчик заметил вороного коня без единого светлого волоска. Он говорит князю:

— Этого жеребца надо купить. Купить, сколько бы за него ни запросили.

Князь купил коня. Через некоторое время мальчик заметил чистую вороную кобылицу с чуть заметным белым пятнышком на левой задней ноге. Посоветовал купить и её.

Когда они вернулись домой, князь подумал: «Этому мальчику нет цены. Как бы он не сбежал». И говорит:

— Поклянись, что не уйдёшь от меня.

Мальчик говорит:

— Клянусь, не сбегу. Я уйду от тебя, князь, лишь тогда, когда ты сам скажешь: «Уйди от меня!»

Князь успокоился и говорит:

— Я согласен. А теперь давай объезжать наших новых лошадей. Какая из них лучше?

— Кобылица лучше, — говорит мальчик. — В ней видны все стати алыпя.

— Тогда я буду объезжать кобылицу, — говорит князь, — а ты — жеребца.

Они поехали в долину. Там мальчик начал резвиться, джигитовать, налетать на князя. Князю это надоело, и он в сердцах крикнул:

— Уйди от меня!

Мальчик развернул коня и пустил вскачь. Князь понял свою ошибку. Ведь он освободил мальчика от клятвы! Князь погнался за беглецом, но расстояние между лошадьми не уменьшалось. Долго они скакали. Мальчик думает: «Ведь это в моём коне все стати алыпя, почему же я не могу оторваться, уйти?» И тогда он направил коня в сухое каменистое русло и пошёл вверх, в гору. Его конь идёт так же неумоимо, а кобылица стала отставать. Вот когда сказала слабость её задних ног! Об этом говорило чуть заметное белое пятнышко. Князь понял, что мальчика ему не догнать, и повернул назад.

А мальчик прискакал в родной аул, въехал во двор своего отца и привязал коня к коновязи. Конь заржал.

— Наш сын вернулся! — сказал отец.

По ржанию коня он понял, что это алып. А если алып, значит, на нём — его сын, потому что тайну, как распознать алып, знала только их семья.

Отец вышел и обнял сына.

СТО ЛОШАДЕЙ ИЛИ СТО ДРУЗЕЙ?

В одном селении жили два джигита, два приятеля. Первый мечтал о лошадях. Он говорил:

— Будь у меня сто лошадей, был бы я самым счастливым на свете!

Второй тоже любил лошадей. Как можно не любить лошадей? Но он говорил:

— Нет, друзья дороже. Будь у меня сто друзей — был бы я самым счастливым на свете!

Так вели они долгий спор: что дороже — лошади или друзья? И однажды решили: отправимся странствовать по земле, пойдём в разные стороны. Пусть каждый исполнит свою мечту: кому надо лошадей — пусть купит лошадей, кому надо друзей — пусть найдёт друзей.

Отправились они в путь, пошли в разные стороны.

Прошёл год. Джигиты встретились в своём селении.

Первый спрашивает:

— Удачным ли было твоё странствие?

— Удачным, — отвечает второй. — Объездил я немало земель и нашёл девяносто девять друзей. А ты?

— А я купил девяносто девять лошадей, — говорит первый джигит. — Я почти счастлив.

— Тогда возьми мою лошадь, чтобы для полного счастья у тебя их было сто.

— Спасибо! — говорит первый джигит. — Теперь я счастлив! А тебе я буду верным другом.

— Спасибо! Теперь и я счастлив. У меня сто друзей.

Первый джигит пришёл домой и говорит матери:

— Не зря я долго странствовал. Исполнилась моя мечта. В разных землях покупал я отборных лошадей: Теперь у меня их сто! Пройдёт время, мой табун умножится, я стану ещё богаче! Я буду богатеть с каждым годом!

Мать радовалась словам сына.

Второй джигит пришёл домой и говорит матери:

— Не зря я долго странствовал. Исполнилась моя мечта. В разных землях нашёл я сто друзей!

И эта мать радовалась словам сына. Но она сказала:

— Хорошо, что ты нашёл друзей, но, прежде чем считать себя счастливым, надо узнать, настоящие ли они друзья. Только тогда можно гордиться их дружбой.

— А как испытать друзей? — спросил сын.

— Садись на коня, — говорит мать, — скачи по аулам. Скажи друзьям, что ты попал в беду, остался без дома, без имущества, без скота. Мы посмотрим, что они ответят.

Сын сел на коня и поскакал к друзьям.

В ту же ночь к его другу, владельцу ста лошадей, пришла настоящая беда: абреки-разбойники угнали его табун. Утром он хватился — нет лошадей. Стал он бегать туда-сюда, спрашивать людей, но никто ничего не видел, никто ничего не слышал.

Джигит вернулся домой и сказал:

— Был я счастлив один только миг. А теперь я самый несчастный на свете!

Вскоре вернулся в селение второй джигит. Он сказал матери:

— Я испытал друзей. Все они — настоящие друзья! Никто из них от меня не отвернулся, не бросил в беде. Вот посмотри.

Мать вышла из дому и увидела, что со всех сторон к их селению люди гнали скот, везли на арбах добро. Подъезжают к их дому, дарят всё от души.

Мать им говорит:

— Спасибо, добрые люди, но нам ничего не надо, я только испытать вас хотела.

А те слушать не хотят:

— Не отказывайтесь, не обижайте!

Друзья оставили подарки и разъехались по домам. Мать говорит:

— Ты прав, сын, у тебя — настоящие друзья, они не бросят в беде.

После этого она рассказала сыну, что у его друга абреки угнали весь табун. Сын отдал ему все подарки, что получил от друзей.

— Не горюй, — сказал он, — если у человека есть друзья, беда не страшна.

— Теперь я и сам это понял, — сказал первый джигит, тот, который больше всего на свете любил лошадей. — Теперь я понимаю, что сто друзей лучше, чем сто лошадей.

ЧЕЧЕНСКИЕ СКАЗКИ

ВЕЛИКИЕ ШЕЙХИ

Жил возле караванного пути очень богатый шейх.^[53] У него было много мюридов^[54] которые работали на него.

Раньше этот шейх не был богатым. Но дом его стоял рядом с мавзолеем^[55] великого шейха. И к этому мавзолею шли паломники^[56] из ближних и дальних земель, чтобы поклониться праху этого шейха. Все они несли дары хранителю мавзолея. Слава о гробнице великого шейха разносилась всё дальше и дальше по белому свету. Паломников становилось всё больше и больше. И богатства шейха, который охранял мавзолей, росли день ото дня. Но ему всё было мало. И он становился всё более и более жадным. Число его мюридов тоже всё росло и росло. Мюриды работали на шейха — пасли его скот, возделывали его поля, перевозили его товары на ослах и на верблюдах.

Был у шейха один мюрид — самый преданный, самый верный. Он работал только на шейха, для своей семьи у него времени почти не оставалось.

Но однажды он целый день проработал на себя. Когда на следующее утро он пришёл к шейху, тот сказал:

— Ты не был вчера на работе! Ты забыл об аллахе! Ты забыл о погребённом здесь святом, о великом шейхе! Ты мне больше не нужен! Вот тебе осёл, это — плата за труды. Убирайся куда хочешь! И чтобы я тебя больше не видел!

Горько было мюриду выслушивать такие слова от обожаемого шейха. Тяжко было расставаться с ним, тяжело было расставаться с семьёй, но делать нечего, он сел на осла и поехал в дальние края. Он ехал, куда вела дорога, а сам думал, что жизнь без обожаемого шейха ему теперь не нужна. «Хоть бы скорее умереть!» — вздыхал он.

Однажды в полдень наступила такая страшная жара, что дорога обезлюдела. Все попрятались в тень, и только голодный и измученный мюрид продолжал путь. «Всё равно умирать», — думал он. Но умер не мюрид, а его голодный, измученный осёл. «Это — проклятие аллаха, — думал мюрид. — За мою неверность он наслал смерть на моего осла».

Бедняк оттащил мёртвого осла в сторону от дороги и закопал его. Никто этого не видел. «Что теперь делать? — думал мюрид. — Спешить некуда, ехать не на чем». Он сидел возле могилы и плакал.

Но вот жара спала, на дороге появились купцы. Они подъехали к мюриду, поздоровались и начали молиться около могилы. Когда молитва была закончена, они спросили:

— Кто этот несчастный? Кто умер в такой глуши, вдали от человеческого жилья?

Мюрид не мог сказать, что тут похоронен осёл. Во-первых, нельзя произносить слово «осёл» при людях, которые едут по делам. Это дурная примета. А во-вторых, мюриду не хотелось говорить, что он плачет над могилой осла. Купцы посмеялись бы над ним. И мюрид сказал:

— Здесь похоронен шейх. Он умер на этом самом месте, умер у меня на руках. Я — его верный мюрид.

— О, — сказал один купец, — посмотрите на этого правоверного! Он — настоящий преданный мюрид. Посмотрите, как он убивается по своему шейху! На этом месте надо построить мавзолей, чтобы все знали, что здесь покоится шейх.

Купцов растрогали эти слова, и все они стали щедро жертвовать на постройку мавзолея. Мюрид получил много денег и товаров. Тот же купец сказал:

— Во всех землях, куда бы мы ни заехали, мы будем рассказывать, что в этой местности похоронен шейх и его могилу неотступно стережёт его верный, преданный мюрид.

Купцы уехали. На всех дорогах они рассказывали, что недавно умер шейх, что похоронен он рядом с большой дорогой и что надо выстроить над его могилой достойный мавзолей. Эта весть быстро облетела все земли вблизи, а потом и все земли вдали. Со всех сторон ехали люди, чтобы поклониться праху святого, чтобы взглянуть на его верного мюрида.

— Смотрите, правоверные, — говорили люди друг Другу, — вот вам пример истинной веры и истинной преданности своему шейху! — И они несли и несли подношения мюриду.

Вскоре был построен большой красивый мавзолей, а рядом с ним — дом для верного мюрида. Мюрид разбогател. А люди всё шли и шли. Богатство мюрида росло день ото дня. И вот он уже сам стал шейхом, а вокруг него собралось много последователей — мюридов. Они стали работать на него. Мавзолей стали называть мавзолеем великого шейха. Слава о нём шла по всем землям, ближним и дальним.

И вот однажды тот шейх, который выгнал когда-то нашего мюрида,

приехал поклониться праху великого шейха. С собой он привёз богатые дары. На третий день его принял сам шейх, сторож священной могилы. Хотя и прошло много лет, они сразу узнали друг друга. Шейх, который приехал на поклонение, сказал:

— Помню, как я выгнал тебя и ты уехал на осле. Я думал, что ты погиб. Расскажи: как ты сумел разбогатеть, как ты добился такой славы? Что за великий шейх здесь похоронен? Кто он и откуда?

Сторож священной могилы, бывший мюрид, сказал:

— Ты — мой обожаемый шейх, тебе я был предан всей душой. Тебе единственному я расскажу правду. После долгих странствий от бесконечной, изнурительной дороги сдох мой осёл. Я его закопал. Его могилу я выдал за могилу шейха. Люди стали жертвовать на мавзолей. Я разбогател, стал шейхом, а погребённый осёл — великим шейхом. Людей, которые шли на поклонение праху великого шейха, становилось всё больше и больше. Моё богатство росло с каждым днём... Ты уж прости меня, мой шейх.

Приезжий шейх ответил:

— Не надо просить прощения, мой верный мюрид. Ты лучше послушай, какую тайну я тебе открою. Как ты думаешь, что за великий шейх похоронен под мавзолеем, рядом с которым стоит мой дом? Кому поклоняются многочисленные мои мюриды и бесчисленные гости и паломники? Этого не знает никто. Тебе одному открою правду. Там погребена мать твоего осла.

КОГО ВЫБРАТЬ?

В одном ауле жила красавица. На ней хотели жениться три удалых парня. Первый был сыном муллы, второй — сыном купца, а третий — сыном бедняка. Все были статными, сильными, смелыми, и красавица не знала, кого выбрать. Однажды она позвала всех троих и сказала:

— Я выйду замуж за того, кто привезёт мне в подарок самую диковинную вещь на свете.

Удальцы сели на коней и отправились на восток. Вскоре они добрались до большого города.

— Отсюда поедем в разные стороны, — сказал сын муллы. — Ровно через полгода встретимся здесь, на этом месте.

Они поехали в разные стороны. объездили много городов и селений, обошли множество лавок и базаров, видели самые разные диковины, но никак не могли выбрать самую диковинную вещь. Наконец сын муллы купил за тысячу золотых жемчужную пиалу с живой водой. Сын купца в это время купил за тысячу золотых летающую бурку, на которой можно было улететь хоть на край света. У сына бедняка не было таких денег, он ходил по бедным мелочным лавкам и вот нашел у старьевщика зеркальце в медной оправе, которое стоило всего два пятака. Сын бедняка сразу понял, что это чудесное, диковинное зеркальце и что старьевщик об этом не знает, иначе запросил бы за него тысячу золотых. Сын бедняка купил это зеркальце. В нём можно было увидеть всё, что ни есть на земле, всё, что происходит в мире.

Истекло полгода, три удальца встретились в большом городе, в условленном месте.

— Красавица теперь моя, — сказал сын муллы. — Я подарю ей самую диковинную вещь, смотрите: это — жемчужная пиала, а в ней — живая вода. Она может вылечить от любой болезни.

— Нет, красавица — моя, — сказал сын купца. — На свете много всяких лекарств. У каждого лекаря есть своё чудесное лекарство. А вот летающей бурки нет ни у кого. О таком чуде красавица и не слыхивала. А ты что везёшь, — обратился он к сыну бедняка, — какую диковину ты

разыскал?

Сын бедняка вытащил маленькое зеркальце в медной оправе. Друзья рассмеялись:

— Это-то и всё? Ну, твой подарок не в счёт.

— Мой подарок — самый чудесный, — говорит сын бедняка. — В моём зеркальце можно увидеть всё, что ни есть на земле, всё, что происходит в мире. Хотите, сейчас увидим нашу красавицу?

— Это невозможно! — ответили друзья. — До неё три месяца пути.

— Ну, тогда смотрите в зеркальце, — сказал сын бедняка.

И вот они увидели красавицу. Она лежала в постели тяжело больная, она была при смерти. Рядом с ней в слезах стояли мать, отец, родственники.

— Надо спасти мою невесту! — сказал сын купца. — Садитесь на мою летающую бурку, летим домой!

Удальцы сели на летающую бурку и в тот же день домчались до своего аула. Сын муллы взял жемчужную пиалу и дал красавице выпить живой воды. Она глубоко вздохнула и встала с постели.

— Спасибо! — сказала она. — Я совсем здорова!

— Я вылечил красавицу, и я на ней женюсь! — сказал сын муллы.

— Без моей летающей бурки ты не успел бы со своим лекарством, и она бы умерла. Я спас красавицу, и я на ней женюсь! — сказал сын купца.

— Без моего всевидящего зеркальца мы не знали бы, что красавица больна, и не спешили бы к ней на помощь, — сказал сын бедняка.

Красавица задумалась.

— Все вы правы, — сказала она, — и каждый из вас меня спас. Рассудить спор придётся вторым заданием. Посмотрю, кто самый смекалистый. Принесите мне такую еду, которая, если сварить её с мёдом, сладкой не станет, если сварить её с солью, солёной не станет, если сварить её с жиром, жирной не станет. Завтра вечером вас жду.

Назавтра первым пришёл сын муллы.

— Я не знаю такой еды, — сказал он.

Потом пришёл сын купца.

— Я не знаю такой еды, — повторил он.

И вот пришёл сын бедняка и протянул красавице куриное яйцо.

— Вари его с мёдом — сладким не станет, вари его с солью — солёным не станет, вари его с жиром — жирным не станет, — сказал он.

— Ты победил, — сказала красавица.

Она вышла замуж за сына бедняка, и они жили долго и счастливо.

ИНГУШСКАЯ СКАЗКА

КАК ФУШТ-БЕЙГ ЗАРАБОТАЛ У ВЕДЬМЫ ЖЕРЕБЕНКА

Когда-то очень давно у одного горского князя родился сын. Его называли Фушт-Бейг. Малыш часто плакал, и отец, чтобы его успокоить, говаривал:

— Не плачь, сынок, не плачь, я женю тебя на красавице Джинагаз.

Мальчик привык к этим словам, они запали ему в душу.

Прошли годы, Фушт-Бейг вырос, стал красивым и статным парнем, но он не смотрел на девушек. Все его товарищи женились, а он один сидел дома и грустил. Однажды отец спрашивает:

— Почему ты, сын, такой печальный? Почему не смотришь на девушек?

— Отец, в далёком детстве ты обещал женить меня на красавице Джинагаз. Где красавица? Я хочу жениться лишь на ней. — Так ответил сын.

Отец подумал и говорит:

— Я не знаю, где эта красавица, не знаю даже, есть ли она на свете, но, если ты хочешь жениться, я сосватаю тебе любую из княжеских дочерей.

— Не нужны мне княжеские дочери, — говорит сын. — Мне нужна красавица Джинагаз. Я поеду её искать и найду. Подари мне, отец, достойного коня.

Отец подарил сыну самого лучшего из своих коней, дал ему самое лучшее своё оружие, и Фушт-Бейг отправился на поиски невесты. Много земель он изъездил, много времени провёл в пути и вот однажды остановился на ночлег в заброшенном шалаше у озера.

Рано утром он поехал дальше. Вдруг из прибрежных камышей выскочил очень красивый заяц. Парень залюбовался им и захотел его поймать. Но заяц скрылся в камышах. Парень вернулся в шалаш, чтобы завтра утром ещё раз увидеть зайца. Назавтра заяц опять выскочил из камышей, но Фушт-Бейг опять его не нагнал. Лишь на третий день нагнал зайца. Только протянул к нему руку — заяц обернулся прекрасной

девушкой.

Красавица говорит:

— Не губи меня, Фушт-Бейг. Я готова стать твоей женой. Меня зовут Джинагаз.

— Я обещаю не трогать тебя, красавица Джинагаз, — говорит Фушт-Бейг.

— Тогда отправляйся домой, в свой аул. Через неделю, в пятницу, я приеду к тебе и стану твоей женой, встречай меня на холме за аулом, — сказала красавица.

Фушт-Бейг вернулся домой. Оказалось, что за время странствий умерла его мать и отец взял себе молодую жену. Фушт-Бейг рассказал отцу и мачехе, сколько земель он изъездил, сколько диковин повидал, рассказал и о самом дивном диве — о том, как прекрасный заяц обернулся красавицей Джинагаз, той самой красавицей, о которой говорил ему отец в далёком детстве. Эта красавица согласилась стать его женой. Она приедет в пятницу, и он будет встречать её на холме за аулом.

Мачеха сразу невзлюбила Фушт-Бейга. Она приказала своему верному слуге помешать встрече в пятницу.

Слуга пришёл к Фушт-Бейгу и говорит:

— Когда поедешь встречать невесту, возьми меня с собой, великодушный Фушт-Бейг. Я провожу тебя, я буду твоим слугой.

— Мне не нужны провожатые, мне не нужны слуги, — ответил парень. — Много времени я ездил по земле, ездил один, и невесту мою, красавицу Джинагаз, я нашёл один.

Но слуга не отставал, и Фушт-Бейгу пришлось согласиться. В пятницу он встал на рассвете и поехал на холм, который высился за аулом. С ним отправился слуга. Они приехали в условленное место очень рано, Фушт-Бейг расстелил бурку и прилёг отдохнуть. Едва он задремал, слуга поднёс ему к носу сонное снадобье. Парень заснул долгим глубоким сном.

К полудню показались лошади, повозки, и на холм въехала красавица Джинагаз в сопровождении сорока девушек. Девушки начали танцевать, веселиться, а Джинагаз, увидев, что жених её спит, попробовала его разбудить. Но как она ни старалась, разбудить не смогла. Она рассердилась и сказала слуге:

— Я его невеста Джинагаз, я приехала, чтобы стать его женой. Он должен меня встречать, а он спит! Передай своему хозяину, что я рассердилась и что приеду снова через семь дней, в пятницу.

Фушт-Бейг проспал до вечера. Когда проснулся, спрашивает слугу:

— Расскажи: что здесь было днём, кто приезжал? Я, оказывается,

проспал до вечера!

Слуга говорит:

— Сюда приезжали девушки. Они танцевали, веселились. Самая красивая хотела тебя разбудить, но не смогла. Она рассердилась и попросила передать тебе, что приедет снова через семь дней, в пятницу.

В следующую пятницу всё повторилось.

В третью пятницу Фушт-Бейг выехал совсем рано, задолго до света. На рассвете он был уже на месте. И опять не выдержал, прилёг, и опять слуга дал ему понюхать сонного снадобья. Красавица Джинагаз не добудилась его и в третий раз. Она надела ему на палец золотое колечко и сказала слуге:

— Больше я сюда не приеду. На память я оставила ему колечко.

Фушт-Бейг вернулся домой. Теперь он был ещё печальней, чем прежде.

— Что с тобой, дорогой сын? — спрашивает отец. — Почему ты такой печальный?

Сын рассказал отцу, как трижды он ездил встречать красавицу и как трижды проспал встречу.

— Не пойму, что со мной было, но я спал как убитый и не мог проснуться до вечера.

Отец понял, что во всём виновата его молодая жена. Он пришёл к ней и говорит:

— Признайся, что ты сделала против моего сына?!

Жена во всём призналась. Но что толку? Фушт-Бейг снова поехал на поиски невесты. Опять много времени провёл он в пути, опять изъездил много земель и вот однажды в дикой безводной степи увидел девушку, которая шла с кувшином по воду. Он поспешил к ней. Лошадь его не пила уже три дня и еле переставляла ноги. Почувяв воду, она рванулась вперёд и упала без сил. Девушка подошла к колодцу, набрала воды и дала напиться лошади. Лошадь ожила, поднялась на ноги. Фушт-Бейг поздоровался с девушкой и сказал, что он давно в пути, а последние дни едет по безводной степи, за три дня не встретил ни одного колодца.

— Спасибо тебе, — сказал он, — что ты напоила мою лошадь. Скажи мне: кто ты и откуда?

— Я прислуживаю княжеской дочери Джинагаз, — ответила девушка. — Во дворце у красавицы работают сорок девушек, все мы по очереди ходим сюда за водой.

— Эта вода для прекрасной Джинагаз? — спросил Фушт-Бейг.

— Да, это вода для неё.

— Дай и мне напиться, — попросил Фушт-Бейг, — я ведь тоже, как и моя лошадь, не пил три дня.

Девушка протянула ему кувшин. Фушт-Бейг напился и тихонько бросил в кувшин золотое колечко, которое оставила ему красавица Джинагаз. Девушка ушла, а Фушт-Бейг спокойно лёг спать среди степи. Теперь он знал: его невеста недалеко.

Красавица Джинагаз умывалась. Вдруг из кувшина выпало колечко. Она сразу его узнала, созвала служанок и спросила:

— Кто сегодня ходил по воду? Почему вода пахнет человеком?

Девушка, которая принесла воду, говорит:

— Я сегодня ходила по воду. У колодца от жары и жажды упала лошадь. Я напоила её и всадника.

Джинагаз отправила слуг искать всадника. Они нашли его у колодца, он спал. Слуги разбудили его и говорят:

— Красавица Джинагаз приказала нам разыскать тебя и привести к ней. Садись на коня, поедешь с нами.

Фушт-Бейг сел на коня и вскоре увидел свою невесту. Он женился на ней, и зажили они весело и счастливо.

Через некоторое время пришла весть, что выходит замуж сестра прекрасной Джинагаз. Красавица говорит мужу:

— Я поеду к сестре. Ты поживи без меня. Будешь здесь единственным хозяином. Живи, — веселись, делай что хочешь, только не открывай дверей последней комнаты в моём дворце.

Красавица уехала. Фушт-Бейгу было скучно, он обошёл все комнаты дворца, делать было нечего. «Узнать бы, что в последней комнате, — думал он. — Почему жена запретила мне туда заходить? Что будет, если загляну? Жена ничего не узнает...» И он открыл дверь в последнюю комнату. Там в темноте стоял прикованный цепями к стене огромный, покрытый шерстью гарбаш.^[57] Фушт-Бейг испугался, отступил назад. Но гарбаш говорит:

— Не бойся меня, богатырь. Подари мне свободу, и я сослужу тебе службу, сделаю для тебя добро.

Фушт-Бейг согласился. Он попробовал разбить цепи, но не смог. Гарбаш говорит:

— У тебя не те силы, чтобы разбивать цепи. Да и не надо этого делать. Вон там на полке лежит ключ. Открой им замки.

Фушт-Бейг освободил одну руку гарбаша. Тот говорит:

— Больше не надо. Дальше я справлюсь сам.

Он потянулся, тряхнул плечами, взялся двумя руками за цепь и легко её порвал. Так же легко, двумя руками он порвал цепи, которыми были

прикованы его ноги.

— Теперь я хозяин в этом дворце, — сказал гарбаш и начал пить, пировать и веселиться.

Красавица Джинагаз в тот же день почувствовала, что дома у неё беда. Она попрощалась с сестрой и поспешила домой. Во дворце её встретил новый хозяин — огромный, покрытый шерстью, страшный гарбаш. Она поняла, что муж не послушался ее запрета и освободил чудовище.

— Ты ослушался меня, — сказала она мужу, — и загубил всю нашу жизнь. Теперь мы к тебе не уедем, гарбаш не отпустит, и никак от него не убежать.

Этот гарбаш в один присест съедал целого быка, а потом ложился спать на трое суток.

Фушт-Бейг говорит жене:

— Мы сбежим от гарбаша. Когда он наестся и заснёт, мы сядем на моего быстрого коня и помчимся в мой аул.

Когда гарбаш заснул, они так и сделали. Конь гарбаша, у которого было только три ноги, сразу это почуял. Он стоял в медной конюшне, спутанный железными путами. Он порвал железные путы, выломал медную дверь, подбежал к гарбашу, крепко топнул копытом и закричал:

— Ты тут храпишь, а красавица Джинагаз убежала из дому!

Гарбаш проснулся и спрашивает коня:

— Как, друг, поступим: подкрепимся и догоним или, не подкрепившись, догоним?

— И, подкрепившись, догоним, и, не подкрепившись, догоним, — отвечает конь.

Гарбаш сел на своего трёхногого коня и быстро догнал беглецов. Он вернул их домой, во дворец, и говорит:

— Ты не спросил у меня позволения уехать, Фушт-Бейг. Ты бежал и заслужил смерть. Но я обещал отплатить тебе добром и поэтому дарю жизнь.

А вскоре Фушт-Бейг и Джинагаз снова убежали от гарбаша, пока тот спал, и снова конь разбудил хозяина, и снова гарбаш догнал беглецов. Он сказал:

— Второй раз дарю тебе жизнь, беглец. Но в третий раз пощады не жди!

На другой день Фушт-Бейг говорит жене:

— Нам не уйти от гарбаша. Конь у него не простой. Хоть он и о трёх ногах, но легко догоняет самого резвого коня. Что у него за конь? Где он его взял? Мы не уйдём отсюда, пока не добудем такого же коня.

Красавица Джинагаз рассказала мужу, как гарбаш добыл себе коня:

— Однажды он три дня и три ночи пас кобылиц у ведьмы. Три дня и три ночи ведьма пугала его, но гарбаш крепко держал поводья всех трёх кобылиц, ни на миг не выпускал. Под конец третьей ночи одна из кобылиц ожеребилась. В тот же миг неизвестно откуда слетелись хищные птицы и все устремились к жеребёнку. Среди птиц было три огромных орла. Гарбаш одной рукой удерживал кобылиц, а другой защищал жеребёнка. Его меч поразил всех птиц, но один из орлов всё же сумел прорваться к жеребёнку и отхватить у него переднюю ногу. За этого жеребёнка и работал гарбаш, его он получил в награду. Из жеребёнка вырос самый быстроногий конь. Хоть и три у него ноги, а нет ему равного на земле.

— Я хочу попытаться счастья, заработать жеребёнка у ведьмы, — говорит Фушт-Бейг.

— Это очень трудно, — говорит красавица. — Если не убережёшь её кобылиц, ведьма тебя убьёт. Не надо к ней идти. Лучше уж будем жить здесь, в моём дворце. Гарбаш ведь не мешает нам жить, он только не разрешает уезжать.

— Нам надо вернуться ко мне на родину, — говорит Фушт-Бейг. — Мы должны жить на моей родной земле, на земле моих предков, а для этого нам нужен самый быстроногий из коней. Пока у нас нет его, нам не видать свободы! Я поеду к ведьме.

Долго ехал Фушт-Бейг к тем местам, где жила ведьма. Припасы кончились. «Кусочек хоть какого-нибудь мяса меня бы спас», — подумал он. Вдруг на дороге оказался орёл с перебитым крылом.

— Вот теперь я поем! — говорит Фушт-Бейг.

— Сжался надо мной! — говорит орёл. — Я ранен, помоги мне. И я тебе когда-нибудь пригожусь.

Фушт-Бейг обмыл его рану, смазал её целебной мазью и отпустил орла. Вскоре он встретил лисицу с перебитой лапой.

— Ну теперь-то я поем! — говорит Фушт-Бейг.

— Сжался надо мной! — говорит лисица. — Я ранена, помоги мне. И я тебе когда-нибудь службу сослужу.

Фушт-Бейг перевязал лисице лапу и отпустил её. Потом он увидел на берегу реки большую рыбу. Она лежала на песке, жабры её вздувались.

— Ну теперь-то я, наконец, поем! — закричал Фушт-Бейг и подбежал к рыбе.

— О, сжался надо мной! — слабым голосом сказала рыба. — Помоги мне, столкни меня в воду. Я тебе когда-нибудь помогу.

Фушт-Бейг столкнул рыбу в воду и, голодный, двинулся дальше. И вот

приехал туда, где жила ведьма.

— Зачем ты здесь, человек? — спрашивает ведьма.

— Я приехал попытать счастья, поработать на тебя, попасть твоих кобылиц. Хочу заработать жеребёнка.

— Кто не убержёт моих кобылиц, того я убиваю, — говорит ведьма. — Двадцать удальцов пасли моих кобылиц. Двадцать голов отрубила я моим мечом. Ты хочешь, чтобы твоя голова стала двадцать первой?

— Мне надо заработать необыкновенного жеребёнка. Я буду пасти твоих кобылиц, — сказал Фушт-Бейг.

Наступила первая ночь. Храбрец намотал на руку поводья и вывел трёх кобылиц на сочную траву. И тут вокруг него засверкали молнии, загредел гром, посыпался град. А потом поднялась снежная буря, завывала, закрутила метель. Фушт-Бейгу было страшно, но он не выпускал поводьев из рук и не спускал глаз с ведьминых кобылиц. Ведьма увидела, что этого храбреца ничем не проймёшь, и тогда проговорила у него над самым ухом:

— Ты тут кобыл стережешь, а косматый гарбаш увёз твою жену, красавицу Джинагаз, в неведомые земли.

Фушт-Бейг повернул голову — на миг оглянулся на голос, а потом глянул на кобылиц, но их уже и след простыл. Кинулся он в ночную тьму на поиски. Но нигде ничего не было видно. Он приуныл и вдруг наткнулся на спящего орла. Это был тот самый орёл, которого он пощадил и вылечил. Фушт-Бейг разбудил его и рассказал о своей беде. Орёл говорит:

— Ведьма прячет своих кобылиц в пещере, вон в тех горах на востоке.

Он полетел высоко в горы и пригнал кобылиц к Фушт-Бейгу. Тот взял их крепко за поводья, а когда рассвело, привёл к ведьме. Она говорит:

— Спасибо за работу, ты молодец, сумел их сберечь.

Наступила вторая ночь. Ведьма из сил выбилась — так старалась его испугать, но Фушт-Бейг не испугался ни грома, ни града, ни молний. Тогда она опять сказала у него над самым ухом, что косматый гарбаш увёз его жену. Фушт-Бейг на миг оглянулся — кобылицы исчезли. Опять кинулся он в ночную тьму на поиски и наткнулся на спящую лисицу. Это была та самая лисица, которую он пощадил и вылечил. Фушт-Бейг разбудил её и рассказал о своей беде. Лисица говорит:

— Ведьма прячет своих кобылиц в тёмном лесу, вон в тех горах на западе.

Она побежала в горы, выгнала кобылиц из лесу и пригнала к Фушт-Бейгу. Он их поймал, намотал поводья на руку, а когда рассвело, привёл к ведьме. Она говорит:

— Ты снова сумел их уберечь... Теперь держись — впереди последняя ночь!

На третью ночь всё повторилось. Фушт-Бейг побежал искать кобылиц и остановился у реки. Он вспомнил, что большая рыба обещала ему помочь. Кликнул он ту рыбу, она высунула голову из воды и говорит:

— Ведьма прячет своих кобылиц на дне моря. Сейчас я их тебе пригоню.

Рыба ушла в воду, поплыла в море, разыскала на дне ведьминых кобылиц и пригнала их к Фушт-Бейгу; Он поймал их и крепко намотал поводья на руку. Под утро одна из кобылиц ожеребилась. И тут же слетелось неизвестно откуда множество хищных птиц. Все они устремились к жеребёнку. Фушт-Бейг одной рукой удерживал кобылиц, другой — боролся с птицами. Он рубил мечом без промаха. К восходу солнца все враги были перебиты. Жеребёнок уцелел! Он стоял на всех четырёх ногах!

Фушт-Бейг подтолкнул его к матери, чтобы он пососал материнского молока. Жеребёнок напился молока и стал взрослым могучим конём. Фушт-Бейг привёл кобылиц к ведьме и говорит:

— Я справился с твоей работой, сослужил тебе службу, отдавай теперь жеребёнка!

Ведьма удивилась. Она не могла понять, как Фушт-Бейг разыскал кобылиц на дне моря. Но делать нечего, пришлось отдать жеребёнка — теперь уже не жеребёнка, а взрослого прекрасного коня.

Фушт-Бейг вернулся к жене, красавице Джинагаз. Снова они дождались, когда гарбаш заснул, сели на своего коня и помчались на родину Фушт-Бейга.

Гарбаш проснулся и спрашивает своего коня:

— Как, друг, поступим: подкрепимся и догоним или, не подкрепившись, догоним?

— Хоть подкрепимся, хоть не подкрепимся — теперь всё равно не догоним, — отвечает конь.

Но гарбаш сел на него и помчался за беглецами. Быстро, как ветер, бежал трёхногий конь. Но быстрее бежал четырёхногий. Трёхногий немного устал, и тогда гарбаш начал его подгонять — бить по бокам тяжёлой дубинкой. Трёхногий кричит четырёхногому:

— Дай тебя догнать, сжался надо мной, милый брат! Мы ведь рождены одной матерью! У меня нет сил тебя догнать, и вот гарбаш бьёт меня своей тяжёлой дубинкой. Ещё немного, и я упаду!

Четырёхногий отвечает:

— Мне жаль тебя, милый брат, но я не дам себя догнать, потому что твой хозяин хочет убить моего. Я помогу тебе по-другому — помогу избавиться от злого хозяина. Я сильно ударю ногами в землю, выбью глубокую яму. Ты на всём скаку остановись у края, и твой седок вылетит из седла и упадёт в яму.

Трёхногий согласился. На всём скаку он остановился у края ямы, которую сделал четырёхногий, и гарбаш полетел в яму. Его засыпало землёй навсегда.

А храбрый Фушт-Бейг с красавицей Джинагаз приехал домой, в родной аул. И стали они жить спокойно и счастливо.

АВАРСКИЕ СКАЗКИ

ЛЕВ, ВОЛК И ЛИСА

Шли однажды по лесу волк и лиса. Повстречался им лев и говорит:
— Давайте дружить, давайте охотиться втроём, так будет легче. А потом разделим нашу добычу.

Волк думает: «Какая удача! Дружить с господином львом! Вместе охотиться! Сколько будет добычи!.. Вот когда я наконец досыта наемся!» И говорит:

— Я рад подружиться с тобой, господин лев.

Лиса думает: «Охотиться с господином львом?..

Нет, от такой дружбы добра не будет». И говорит тихонько волку:

— Дружба сильного со слабым — не в пользу слабого. Не надо, волк, не надо с ним дружить.

Но волку очень захотелось подружиться с господином львом. Он уговорил лису, и они пошли на охоту втроём. Они добыли оленя, козла и зайца.

— Теперь давайте делить добычу, — говорит лев. — Пускай разделит волк.

Волк обрадовался, что лев ему доверил делёж и говорит:

— Ты, господин лев, самый большой и самый сильный, тебе достанется олень, мне — козёл, а лиса маленькая, ей хватит зайца.

Волк подошёл ко льву поближе. Он думал, что господин его похвалит.

Лев закричал:

— Мне, самому большому и самому сильному, всего только олень? Где ты, глупый волк, учился?

Лев поднял лапу и перешиб ему хребет. Волк упал.

— Теперь ты, лиса, дели добычу, — сказал лев.

— О великий и несравненный, — говорит лиса. — Что тут делить? Это так просто: позавтракаешь ты оленем, пообедаешь козлом, а на ужин тебе останется зайчишка.

Лев говорит:

— Ты, лиса, оказывается, мудра. Где ты училась? Кто твой мудрый учитель?

— Мой учитель — этот глупый волк, — сказала лиса и юркнула в кусты.

Жил когда-то бедняк. Был он большой хитрец. Однажды он пришёл к ростовщику^[58] и попросил займы серебряную монету.

— Завтра принесу две, — сказал хитрец.

Вернул он две монеты не на другой день, а в тот же день к вечеру. Через несколько дней пришёл опять:

— Теперь дай мне десять монет, через неделю верну пятнадцать.

Ростовщик дал десять монет. Через пять дней хитрец принёс пятнадцать.

Потом он взял сто монет, пообещав через месяц отдать сто двадцать. Через двадцать пять дней он принёс ростовщику обещанные сто двадцать монет. Ростовщик был очень доволен.

Бедняк сказал:

— Твои деньги — счастливые. Я на них неплохо заработал. Я разбогател.

Ростовщик обрадовался и говорит:

— Какое бы дело ты ни задумал, приходи ко мне. Бери у меня денег, сколько понадобится.

Через некоторое время бедняк снова пришёл к ростовщику:

— Есть у меня выгодное дело. Мне нужно сто туманов.^[59] Через год верну сто тридцать. А если задержу деньги хоть на один день, ты можешь вырезать из моего тела фунт мяса.

Бедняк написал эти слова на бумаге, расписался, взял сто туманов и отдал расписку ростовщику.

Прошёл год. Нет бедняка. Скрылся. Второй год миновал. Ростовщик отправился на поиски должника. И нашёл его наконец в далёком селении. Бедняк, едва увидев ростовщика, закричал:

— Вот идёт человек, из-за которого я разорился! Да, да, ты дал мне несчастливые деньги, и все мои дела пошли прахом! Зачем ты дал мне несчастливые деньги? Ты хотел меня погубить! Никакого долга я платить

не буду!

Ростовщик подумал и говорит:

— Пойдём к судье. Пусть он рассудит.

По дороге к судье они увидели бегущего быка. За ним гнался хозяин и кричал:

— Остановите его, остановите!

Бедняк попытался остановить быка своей палкой. Бык напоролся на палку глазом.

Хозяин быка закричал:

— Из-за тебя мой бык теперь без глаза! Мне не нужен безглазый бык!

Пойдём к судье!

Ростовщик говорит:

— Мы как раз и идём к судье.

Хозяин быка пошёл с ними. По пути они встретили торговца, осёл которого увяз в грязи.

— Помогите, добрые люди, вытащить осла, — попросил торговец.

Бедняк обрадовался хоть какому-то делу, которое отсрочит суд. Он подошёл к ослу, взял его за хвост и начал тащить. Он напруг все силы — и оторвал хвост.

— Из-за тебя мой осёл теперь без хвоста! — закричал торговец. — Мне не нужен осёл без хвоста! Пойдём к судье!

Ростовщик говорит:

— Мы все идём к судье. Пойдём с нами.

Они пошли вчетвером.

«Худо мне будет, — думал бедняк, — ответ придётся держать сразу за три преступления!» На его счастье, судьи дома не было. Жена судьи сказала:

— Все приходите завтра утром.

Бедняк остался и рассказал ей о своём деле. Женщина пообещала ему помочь.

Назавтра все пришли к судье. Судья сказал бедняку:

— Если бы ты был хорошим, честным человеком, на тебя не пришли бы жаловаться сразу трое. Сейчас ты увидишь, как я умею судить!

Жалобщикам эти слова судьи очень понравились. Бедняк испугался. Судья говорит:

— Кто не согласится с моим решением, платит другой стороне, которая согласна, десять туманов. У меня такое условие. Распишитесь, что вы согласны с моим условием, и я начну судить.

Жалобщики подписали бумагу. Бедняк подумал и тоже подписал. Куда

деваться?

Ростовщик достал расписку бедняка:

— Вот, здесь говорится, что я мог вырезать из его тела фунт мяса.

Судья говорит:

— Верно. Ты имеешь на это право. Вот тебе острый нож. Вырезай ровно фунт. Потом мы этот кусок взвесим. Если окажется больше или меньше, разницу он вырежет у тебя.

— Я не могу вырезать ровно фунт. Это невозможно! Я не согласен с таким решением! — закричал ростовщик.

— Ах, не согласен? — удивился судья. — Вот твоя расписка. Плати ему десять туманов. — И судья взыскал с ростовщика в пользу бедняка десять туманов.

Вторым говорил хозяин быка. Судья ему посоветовал:

— Зарежь быка, разруби голову пополам, отнеси обе половины на базар, продай. Там узнаешь, насколько половина с глазом стоит дороже половины без глаза. Эту разницу мы взыщем с ответчика.

Хозяин быка закричал:

— Нет, из-за какого-то пятака я не стану резать и продавать моего быка!

— Значит, ты не согласен с моим решением, — говорит судья. — Тогда заплати ему десять туманов. — И судья взыскал в пользу бедняка ещё десять туманов.

— Теперь ты изложи свою жалобу, — говорит судья торговцу. — Расскажи, как этот разбойник оторвал хвост твоему ослу.

Торговец видит, какой оборот принимает здесь каждое дело, и говорит:

— Что вы, что вы, почтенный судья, да у моего осла хвоста и не было никогда!

ЖЕНА ГОРЦА

В далёком ауле жил-поживал один горец. Он редко покидал свой аул. Но вот понадобилось ему продать своего единственного коня, и он поехал на базар. Той цены, что просил горец за коня, никто ему не давал, и тогда он взял да обменял коня на корову. Потом ему предложили за корову осла, и он взял осла. Осла он обменял на новые сапоги, а сапоги — на белую папаху.

Что делать? В новой белой папахе он отправился домой. Когда переходил через горную речку, он споткнулся на мостике, папаха слетела у него с головы, упала в воду, и её унесло быстрым течением.

Купцы, которые всё это видели, посмеялись над горцем, подошли к нему, разговорились, он рассказал им о своих неудачах.

— Ну, берегись, попадёт тебе от жены! — говорит один купец.

— Да она тебя и в саклю не пустит! — смеётся другой.

— Нет, — отвечает горец, — моя жена не такая. Она меня любит. Она меня даже ругать не будет. Могу поспорить.

Поспорили с ним купцы на сто золотых и пошли в его аул. Там они спрятались около его сакли и стали слушать. Навстречу горцу вышла жена, и тот начал рассказывать:

— Не повезло мне, жена. Коня не покупали, и я обменял его на корову.

— Как хорошо! — говорит жена. — Теперь будет у нас молоко. И для детей будет, и для гостей...

— Но корову я обменял на осла.

— Как хорошо! — говорит жена. — Не будем теперь на своих плечах таскать дрова из лесу, муку с мельницы...

— Но осла я обменял на сапоги.

— Очень хорошо! — говорит жена. — Будешь теперь ходить в новых сапогах на зависть врагам, ведь враги всегда смотрят вниз, на ноги...

— Но сапоги я обменял на белую папаху.

— Очень хорошо! — говорит жена. — Будешь теперь ходить в новой

белой папахе на радость друзьям, ведь друзья всегда смотрят в лицо...

— Но на мостике я споткнулся, и папаха упала в речку.

— Какое счастье, что сам ты, мой дорогой, вместе с папашой не упал в речку и живым домой вернулся! — говорит жена.

Она обняла мужа и повела в саклю.

А купцам ничего не оставалось, как отдать горцу сто золотых.

МАНСИЙСКИЕ СКАЗКИ

ЭКВА-ПЫРИСЬ И ПТИЦА ТОВЛЫН-КАРС

Жил на нашей земле Эква-Пыришь, человек, прославленный в песнях, человек, прославленный в сказках. Жил он с бабушкой в лесу. Когда вырос, стал сильным, как зверь. Бабушка ему новую одежду сшила, звериную одежду сшила. Шапка была из чёрного соболя, из редкого соболя. Эква-Пыришь оделся, шапку на глаза надвинул.

— Бабушка, где я? — кричит.

Бабушка смотрит — нет внука. Туда-сюда смотрит — нигде нет. Эква-Пыришь шапку на затылок сдвинул — вот он, стоит. Шапку на глаза надвинет — нет его.

— Ну вот, теперь можно и по земле пойти, мир посмотреть, жену поискать, — говорит он.

Попрощался с бабушкой, пошёл. Долго ли шёл, коротко ли шёл, видит — землянка. Вошёл. Там старик лежит. Эква-Пыришь шапку на глаза надвинул, говорит:

— Здравствуй, дедушка!

Старик вскочил, смотрит туда-сюда. Никого нет. Шепчет себе:

— Голос почудился. Что со мной? Может, смерть пришла?

Паренёк шапку назад сдвинул, показался старику.

— А, это ты, внучек, ты, Эква-Пыришь, тут колдуешь, — говорит старик.

— Кто же ещё? Конечно, я!

Старик поставил вкусной еды, медовой еды. Ели, пили. Старик говорит:

— Подарю тебе шкурку горностая. В беду попадёшь — в шкурку полезай.

Эква-Пыришь спасибо старику сказал, шкурку взял, попрощался, пошёл. Сколько ни шёл — опять на землянку набрёл. Там старик лежит, спит. Паренёк шапку на глаза надвинул, говорит:

— Что ты, дедушка, всё спишь да спишь? Здравствуй!

Старик проснулся, смотрит, ничего не понимает. Снова лёг, думает: «Вот и смерть пришла». Эква-Пыришь шапку на затылок сдвинул, смеётся:

— Что, дедушка, глаза ослабли?

— А, это ты, внучек, меня морочишь, — говорит дед. — Это ты, Эква-Пырьсь!

— А то кто ещё? Конечно, я!

Старик поднялся, вкусной еды приготовил, сладкой еды достал. Поели, попили, дед говорит:

— Подарю тебе шкурку мыши. Худо будет — в шкурку залезай.

Эква-Пырьсь спасибо сказал, шкурку взял, попрощался с дедом, дальше пошёл. Сколько ни шёл — опять вниз глянул, опять землянка. Зашёл в неё, там старик лежит. Опять паренёк невидимым стал, старика испугал, старик подумал: «Смерть пришла». Показался ему Эква-Пырьсь. Старик говорит:

— А, это твои штучки, это ты, внучек Эква-Пырьсь!

Старик угостил парня сладкой едой, вкусной едой. Потом говорит:

— Что ж тебе подарить? Есть у меня старый топорик. У него есть имя, зовут его Унтвос. Тебе его подарю. Худо будет, трудно будет — топорик из рук не выпускай. Сам его именем назовись. Зови себя отныне Топорик Унтвос.

Эква-Пырьсь спасибо сказал, топорик взял, попрощался с дедом, дальше пошёл. И вот пришёл к городу. Смотрит: половина города разрушена, половина — живёт. В этом городе правил старик Усын-отыр.^[60] Народ заговорил:

— К нам пришёл странный человек, неведомый человек, Топорик Унтвос.

А Топорик Унтвос прямо в дом к Усын-отыру пошёл, его гостем стал. У богатыря У сына красивая дочь была. Топорик Унтвос к ней посватался. Усын-отыр говорит:

— Я отдам тебе дочь. И калым^[61] не нужен. Но мне нужна услуга настоящего богатыря. Ты видел мой город? Половина мертва. Две огромные птицы Товлын-Карс таскают моих людей. Ими они кормят своих птенцов. Тут недалеко горячее море. Посреди моря на островке стоит лиственница до неба. На ней — гнездо этих птиц. Убей птиц Товлын-Карс, избавь мой город от горя.

— Что ж, убью, — говорит Топорик Унтвос.

Пришёл он к горячему морю. Видит, вдалеке лиственница. А на ней гнездо. Через море на плоту к островку приплыл, до лиственницы добрался. Смотрит: гладкий ствол, чистый ствол — ни сучка, ни зацепки. Как быть, как взобраться? Вынул шкурку горноста, влез в неё, горностаем

стал, горностаем по стволу побежал. Долго бежал, из сил выбился. Вынул шкурку мыши, влез в неё, мышью стал, мышью побежал. Вот и гнездо. Одной рукой за край гнезда ухватился, другой рукой топорик держит. И тут из-под гнезда появилась Железная Лягушка — лягушка, у которой не было ни сердца, ни печени. Лягушка испугалась, сорвалась, полетела вниз. Ухнулась оземь, расшиблась насмерть. Топорик Унтвос залез в гнездо. Там — два птенца. Паренёк им говорит:

— Почему вы не летаете?

Птенцы отвечают:

— Мы не могли летать. Под гнездом жила Железная Лягушка — лягушка без сердца и без печени. Она каждый день обгрызала нам крылья. Только крылья чуть отрастут, только мы захотим взлететь — лягушка обгрызает крылья, взлететь не даёт. Когда б не ты, она опять бы нам крылья обгрызла. А теперь посмотри, как мы взлетим!

Птенцы взлетели, долго летали, совсем из глаз пропали. Потом вернулись, сели в гнездо, говорят:

— Прячься, Топорик Унтвос, наш сердитый отец возвращается!

Парень смотрит: летит огромный Товлын-Карс, в когтях несёт человека в белой парке.^[62] Прилетел, человека птенцам бросил. Птенцы говорят:

— Не надо, мы людей теперь не едим. И этого из гнезда выбросим. — Взяли и бросили его вниз.

Топорик Унтвос быстро зашептал — колдовские слова проговорил:

Песня вдаль пускай летит,
слово — вдаль несётся!
Человек, что вниз летит,
пусть не расшибётся,
море пусть переплывёт
и спасётся!

Птенцы говорят:

— Берегись, Топорик Унтвос, наша сердитая мать возвращается!

Смотрит парень сквозь гнездо: летит огромная птица, в когтях несёт женщину в белой ягушке.^[63] Бросила женщину птенцам. Они говорят:

— Не надо, мы людей теперь не едим. И эту женщину из гнезда выбросим.

Взяли и бросили её вниз.

Парень снова зашептал — колдовские слова проговорил:

Песня вдаль пускай летит
слово — вдаль несётся!
Женщина, что вниз летит,
пусть не разобьётся,
море пусть переплывёт
и спасётся!

Птенцы говорят:

— Мы людей теперь не едим, потому что нас человек спас. Он убил Железную Лягушку — лягушку без сердца и без печени, лягушку, которая жила под гнездом и каждый день обгрызала нам крылья, не давала взлететь.

— Где же этот храбрец? — спрашивают отец и мать.

— Мы его спрятали, боимся, как бы вы его не съели, — говорят птенцы.

— Мы не будем есть богатыря — вашего избавителя, — говорят отец и мать.

Птенцы показали им Топорика Унтвоса.

Товлын-Карс говорит птенцам и жене:

— Летите назад, в наши земли. А я пока тут останусь, Топорику Унтвосу помогу.

Птенцы с матерью улетели. Товлын-Карс спрашивает:

— Зачем ты здесь, Топорик Унтвос?

— Я здесь, чтобы тебя убить, — отвечает парень. — Ты таскал людей из города Усын-отыра. Вот он и послал меня — спасти его город от горя.

Товлын-Карс говорит:

— Мои птенцы теперь не едят людей. Они улетели далеко-далеко. Мне больше незачем таскать людей из города Усын-отыра. Больше я в город не полечу. Иди скажи Усын-отыру: «Я убил двух птиц Товлын-Карс». А теперь садись ко мне на спину, в город тебя отнесу.

Товлын-Карс принёс парня к городу. Сказал, что подождёт, — вдруг понадобится. Парень вошёл в город, пришёл к Усын-отыру.

— Ну что, видел птиц Товлын-Карс? — спрашивает старик У сын.

— Я их убил, больше ты их не увидишь.

Старик Усын-отыр говорит:

— Я отдам за тебя дочь, а ты для свадебного пира еды раздобудь.

Говорят, на том краю земли в океане плавает золотой окунь. Привези его.

— Привезу, — говорит Топорик Унтвос.

Он побежал к птице Товлын-Карс. Птица спрашивает:

— Ну что?

— Да вот, говорят, на том краю земли в океане плавает золотой окунь.

Надо его добыть.

— Садись ко мне на спину, полетим, — говорит птица.

Поднялся в небо Товлын-Карс. Полетели они выше облаков, полетели быстрее молнии. Вот и край земли, ледяной океан. Лёд продолбили, рыб рассматривают. Плывёт плотичка. Они её поймали, на лёд выбросили. Плотичка лежит, мёрзнет. Потом говорит:

— Я замёрзла, отпустите меня, я откуплюсь — приведу вам золотого окуня.

Отпустили плотичку. Вскоре она вместе с золотым окунем приплыла. Рядом с ним у проруби плавает. Товлын-Карс выхватил когтями золотого окуня, на лёд бросил.

— Ну, — говорит, — дело сделано. Окунь большой, тяжёлый. Взвали его ко мне на спину да сам садись.

Эква-Пырьсь взвалил окуня на спину огромной птице, сам сел, они полетели. Около города опустились, птица говорит:

— Я спрячусь, а ты иди к Усын-отыру, скажи, что сил больше нет тащить окуня, пусть даст лошадей. Когда спросит: «Сколько?», скажи: «Трёх запрягай».

Эква-Пырьсь пришёл к Усын-отыру. Трёх лошадей запрягли. На трёх лошадях еле-еле довели золотого окуня. Усын-отыр говорит:

— Ты — настоящий богатырь. Два подвига совершил. А раз так, и третий тебе будет не в тягость. Говорят, на другом краю земли в лесу живёт птица по имени Сат-Нематур. Привезёшь птицу — забирай невесту!

— Что ж, привезу, — говорит Топорик Унтвос.

Он пришёл к птице Товлын-Карс.

— Что теперь? — спрашивает птица.

— Да вот, говорят, на другом краю земли в лесу живёт птица Сат-Нематур. Теперь Усын-отыр требует эту птицу.

— Садись ко мне на спину. Опять полетим, — говорит Товлын-Карс.

Поднялись они в небо, полетели выше облаков, полетели быстрее молнии. Прилетели на другой край земли, в тот лес, где живёт птица Сат-Нематур. Товлын-Карс говорит:

— Ты спрячься тут. Я её сам поймаю.

Он пошёл в лес, поймал диковинную птицу.

Эква-Пыришь взвалил её на Товлын-Карса, сам сел, прилетели назад к городу. Товлын-Карс говорит:

— Иди к Усын-отыру, скажи, что сил больше нет тащить птицу Сат-Нематур, пусть даст лошадей. Когда спросит: «Сколько?», скажи: «Трёх запрягай».

На трёх лошадях еле-еле довели огромную птицу. Хозяин города Усын-отыр говорит:

— Что делать, теперь отдам тебе мою дочь.

Свадебный пир устроили — семь дней угощались, семь ночей пировали. А после пира Эква-Пыришь из дома вышел, из кармана мешочек вынул, жену в него посадил и опять в карман положил. Потом домой пошёл, к бабушке. Бабушка его встретила, обрадовалась, стала его обнимать. А Эква-Пыришь из кармана мешочек вынул, из мешочка жену достал. Ещё больше бабушка обрадовалась. Стали они все вместе жить.

ЭКВА-ПЫРИСЬ И ЖУРАВЛЬ

Жил в лесу с бабушкой Эква-Пырись — человек, прославленный в песнях, человек, прославленный в сказках.

Ходил он на охоту, ходил на промысел, а всё ему не везло. Бабушка говорит:

— Что будем есть, когда удачи нет? Посеял бы ты зерно.

Эква-Пырись посеял зерно. Потом пошёл, поле проведал, бабушке говорит:

— Всходы хороши! Урожай будет!

В другой раз на поле пришёл — почти всё съедено. Кто-то приходит, ест. Парень ловушку поставил. Назавтра в ловушке увидел журавля. Парень взял палку и говорит:

— Ты моё зерно съел. За это тебя убью!

Журавль говорит:

— Не убивай! Какая польза, если убьёшь? А если отпустишь, будет у тебя богатство и счастье.

— Если отпущу, ты улетишь, — говорит Эква-Пырись. — Как тебя найти?

— Я оставлю знаки, — говорит журавль, — ты пойдёшь по следу.

Парень отпустил журавля, вернулся домой, говорит бабушке:

— Наше зерно съел журавль. Я поймал его, да отпустил.

— Зачем отпустил? — спрашивает бабушка.

— Он пообещал подарить богатство и счастье.

И Эква-Пырись пошёл по следам журавля. Ближние земли искать — близкий путь, дальние земли искать — далёкий путь. Долго ли, коротко ли шёл — пришёл к дому. Вошёл. Там сидит журавль с журавлихой. Подали ему жирной еды, подали медового питья. Парень поел, попил. Журавль спрашивает:

— Это ты тот самый Эква-Пырись?

Парень отвечает:

— Да, это я.

— Подарю тебе летнюю шкурку белки. Это — лучшее, что у меня

есть, — говорит журавль. — Отнеси шкурку бабушке, пусть спрячет подальше.

Эква-Пырись вернулся домой, отдал шкурку бабушке. Легли спать. Утром парень высунул руку из-под одеяла — руке тепло, высунул ногу — ноге тепло. Встал, огляделся — все стены дома увешаны шкурками соболей и лисиц. Парень вышел на улицу и видит: люди дом для него строят, рядом амбар строят.

Прошёл день, прошёл другой. Хозяин города Усын-отыр пришёл. Говорит:

— Эква-Пырись, продай мне летнюю шкурку белки.

— О, эта шкурка дорого стоит, — говорит парень. — Дашь ли настоящую цену?

— Дам, — говорит Усын-отыр.

Он дал много денег. Парень отдал шкурку. Спать лёг. Проснулся. Высунул руку из-под одеяла — руке холодно, высунул ногу — ноге холодно. Огляделся — нет на стенах шкурок. Вышел — нет людей, которые строили дом, нет самого дома, нет амбара.

Эква-Пырись опять пошёл к журавлю.

— Что так скоро вернулся? Я ведь дал тебе хороший подарок, — говорит журавль.

— Хозяин Усын-отыр купил у меня ту шкурку. Много денег дал.

Журавль говорит:

— Подарю тебе весеннюю шкурку горностая. Береги её, она дороже денег.

Эква-Пырись вернулся домой, отдал шкурку бабушке. Легли спать. Утром парень проснулся, руку высунул — руке тепло, ногу высунул — ноге тепло. Встал, огляделся — на стенах нет пустого места, всё в шкурках соболей и лисиц. Вышел на улицу — опять люди работают — дом строят, амбар строят. Люди говорят:

— К нам Усын-отыр идёт.

Эква-Пырись улыбается:

— Разве он к вам идёт? Он ко мне идёт!

Усын-отыр говорит:

— Эква-Пырись, продай мне весеннюю шкурку горностая.

— О, эта шкурка дороже денег, — говорит парень. — Как ты её купишь?

— Куплю, — отвечает Усын-отыр. — Дам втрое больше, чем за ту. — Он отдал втрое больше денег, чем за шкурку белки, взял весеннюю шкурку горностая и ушёл.

Парень лёг спать. Утром высунул руку — руке холодно, высунул ногу — ноге холодно. Огляделся — голые стены, нет на них никаких шкур. Вышел — нет людей, которые строили дом, нет дома, нет амбара.

Что делать? Эква-Пырьсь опять пошёл к журавлю.

— Теперь зачем пришёл? — спрашивает журавль.

— Опять у меня нет ничего, — говорит Эква-Пырьсь. — Хозяин Усын-отыр купил у меня вторую шкурку, ещё больше денег дал.

Журавль рассердился:

— Я наказывал тебе беречь шкурки — в них твоё богатство, твоё счастье! А ты не сумел счастье в руках удержать. Больше у меня ничего нет. Иди домой, живи как знаешь!

Парень повернулся и пошёл, но журавлиха пожалела его, окликнула и сказала:

— Подожди, Эква-Пырьсь. У меня есть коготь росомахи. Подарю тебе. Как вернёшься домой, иди к хозяину города Усын-отыру, попроси у него муки. Когда он спросит, во что насыпать, покажи этот коготь. Он скажет, что сюда поместится очень мало, предложит насыпать в мешок. Ты не соглашайся. Этот коготь не простой. Сколько в него ни сыпь, он никогда не наполнится. Вся мука Усын-отыра, весь амбар сюда уйдёт. И тогда он попросит тебя вернуть муку. Ты скажи ему, что вернёшь только за те две шкурки. Он отдаст шкурки. Тогда высыпай муку назад.

Эква-Пырьсь журавлихе спасибо сказал, коготь росомахи взял, домой отправился. Потом пошёл к Усын-отыру. А у него народ работает, люди новый дом строят, большой амбар строят. Люди говорят:

— Смотри, Усын-отыр, к нам Эква-Пырьсь идёт.

Усын-отыр усмехается:

— Разве он к вам идёт? Он ко мне идёт!

Подошёл Эква-Пырьсь. Усын-отыр спрашивает:

— Зачем пришёл?

— Дай мне муки, — говорит парень.

— Дам, пойдём в амбар. Есть во что насыпать?

— Есть, — отвечает Эква-Пырьсь. — Вот, коготь росомахи.

Усын-отыр усмехается:

— Разве это мешок! С такого мешка не будешь сыт. Принеси настоящий мешок, я прикажу насыпать полный, мне не жаль!

— Мне и этого хватит, — говорит парень.

— Как хочешь, — говорит Усын и приказывает работникам: — Насыпьте ему этот коготь полный!

Старик ушёл, работники начали сыпать муку. Высыпают мешок за

мешком, а коготь всё не наполняется. Вот уже и пол-амбара опустело. Работник прибежал к хозяину, говорит:

— Что делать? Сколько ни сыплю муки в его коготь, а он всё не наполняется!

Усын-отыр говорит:

— Моё слово твёрдое. Я сказал наполнить — значит, наполнить. Что у меня, муки мало?

Работник прибежал назад, опять начал сыпать в коготь мешок за мешком. И вот уже вся мука в амбаре кончилась. Пустым стал амбар. Ни горстки муки, кругом пустые мешки. Работник опять прибежал к хозяину:

— Что делать? Мука твоя кончилась, а коготь его не наполнился!

— Как кончилась? — закричал старик. — Да у меня в амбаре была тысяча мешков!

Он побежал в амбар. Прибегает, смотрит: нет ни горстки муки, одни пустые мешки.

— Что я буду есть? Что будут есть мои люди? Чем я буду торговать? — закричал Усын-отыр. Потом говорит: — Эква-Пыришь, внучек, верни мне мою муку, а я верну тебе твои шкурки.

Эква-Пыришь согласился. Он начал высыпать муку из когтя росомахи, и работники снова наполнили тысячу мешков. Усын-отыр тем временем принёс шкурки белки и горносталя. Парень взял их, отнёс домой, отдал бабушке. Легли спать. Утром парень проснулся, руку высунул — руке тепло, ногу высунул — ноге тепло. Встал, огляделся — стены сплошь увешаны дорогими шкурками, густо увешаны соболями да лисами. Вышел на улицу — люди дом достраивают, а амбар уже готов. Парень вошёл в амбар, а он полнёхонек! Хорошо зимовал Эква-Пыришь, богато жил, всех, у кого не было еды, кормил.

НГАНАСАНСКИЕ СКАЗКИ

ЧИНА-БАРАНГУЙ

Это было на реке Таймыре. Двенадцать чумов стояло. Люди диких оленей добывали. Сетью ловили, очень много ловили. Среди мужчин три удальца было: Моророгы, Нарюптюлэгу и Чина-Барангуй. Самый первый Чина-Барангуй, все его слушались.

Дни идут, мужчины оленей ловят, женщины мясо режут, на вешала его вешают, сушат. Запас мяса и жира делают.

Вот однажды утром встали, запасы осмотрели, видят: больших кусков мяса нет. Самого жирного мяса нет. На другое утро снова посмотрели. Опять мясо пропало! Самое вкусное пропало! Чина-Барангуй говорит:

— Ночью кто-то мясо берёт. Кто берёт?

Люди отвечают:

— Не мы берём. Зачем нам? У нас много!

Вечером спать легли, а наутро женщины говорят:

— Опять мясо пропало.

Вечером Чина-Барангуй сказал:

— Нарюптюлэгу, ты будешь ночью мясо сторожить. Узнай, кто ворует.

Пошёл сторожить Нарюптюлэгу. Тихо, темно, никого нет. Скоро полночь. Сон одолевает, голова падает. Нарюптюлэгу думает: «Так тихо. Темно. Никого нет. Буду спать. Никто не придёт. А потом скажу, что не спал...» Всю ночь он проспал. Рассвело. Женщины пошли осматривать мясо. Опять пропали куски. Пропали самые жирные, самые вкусные куски. Чина-Барангуй говорит:

— Плохо ты сторожил, Нарюптюлэгу. Снова кто-то наше мясо украл. Этой ночью пускай сторожит Моророгы.

Пошёл сторожить Моророгы. Сидит, смотрит на мясо. Тихо кругом. Никого нет. Скоро полночь. Сон одолевает, голова падает. Моророгы думает: «Спать хочу. Спать буду. Никто не придёт. Спать буду...» Ушёл в чум. Всю ночь проспал. Утром женщины осмотрели мясо. Опять самых вкусных кусков нет. Чина-Барангуй говорит:

— Хватит. Теперь сам буду сторожить.

Наступила ночь. Чина-Барангуй взял лук и стрелы и спрятался в куче оленьих шкур. Смотрит на мясо, смотрит по сторонам. Сон его не валит. Наступила полночь. Из тундры кто-то к чумам подошёл. Кто это? Человек? Одна нога, одна рука, одна половина лица, один глаз. Нет, это не человек, это баруси.^[64] Вот подошёл баруси к развешанному мясу и начал единственной своей рукой выбирать куски. Осматривает каждый кусок, выбирает самые жирные. Тут выстрелил Чина-Барангуй. Баруси вскрикнул и пропал в темноте. Чина-Барангуй побежал за ним по следу. След плохо виден. Долго шёл Чина-Барангуй, устал. Смотрит, большая кочка, похожая на чум. Около кочки пропали следы баруси. «Здесь отдохну», — сказал Чина-Барангуй и сел у кочки, спиной к ней привалился. Голова его отяжелела, он заснул. Когда заснул, услышал разговор внутри кочки. Там старуха плакала и говорила:

— Нельзя нам есть еду людей. А ты меня не слушал, всё бегал к людям, их еду воровал. Вот и нашёл свою смерть.

Старуха снова заплакала, а потом говорит:

— Было у меня семеро детей. Старшего теперь нет. Вас осталось шестеро.

Первый её сын говорит:

— Мы людям отомстим за брата. Завтра с утра я сделаю хорошую погоду. Будет тихо и тепло.

Второй говорит:

— Ты сделаешь тёплый день, а я подобью людей пойти на охоту.

Третий говорит:

— Когда люди далеко уйдут, я подниму сильный ветер, сделаю град.

Четвёртый говорит:

— А я найду на них такую пургу, что они и ладони вытянутой руки не увидят.

Пятый говорит:

— А я позади них сделаю широкую реку, шириной с Таймыру, чтобы они домой не смогли вернуться.

Шестой говорит:

— Я сломаю лёд на реке, если люди поедут по льду.

Проснулся Чина-Барангуй, домой вернулся, в чуме спать лёг. Утром всех людей собрал и говорит:

— Слушайте меня. Я видел ночью того, кто мясо ворует. Он из тундры к нам приходил. На одной ноге приходил. Я в него стрелял, ранил. Он убежал. Я за ним бежал, след потерял. У большой кочки след потерял. Сел отдохнуть, заснул. Сон видел. Старуха будто говорила: «Семеро было

сыновей, один погиб. Шестеро стало». Сын её сказал: «Завтра утром хорошую погоду сделаю». Второй сказал: «Я подобью людей пойти на промысел». Третий сказал: «Я на них град пошлю». Четвёртый сказал: «Я на них пургу пошлю, такую, что руки не увидят». Пятый сказал: «Я позади них широкую реку сделаю». Шестой сказал: «Я на твоей реке лёд сломаю». Вот какой был сон.

Люди вышли из чума посмотреть, какая погода.

— О, — говорят они, — как солнечно, как тихо, как тепло!

Чина-Барангуй говорит:

— Хороший день будет. Надо идти промышлять, надо оленей ловить. Я спал да сон видел. Зачем сну верить? Вот пойдём и узнаем, правда мой сон или неправда.

Все мужчины поехали на промысел, взяли сеть. Набрели на табун диких оленей, десять голов. Недолго их гоняли, всех в сеть загнали. День хороший. Тепло. Стали люди с оленей шкуры снимать, Чина-Барангуй в небо посмотрел.

— О! — сказал он. — Однако тучка идёт. Всего с ладонь тучка, а надо спешить. Пурга будет. Скорее снимайте шкуры!

Тут ветер задул. Когда шкуры сняли, град пошёл. Градины — с кулак, бьют по головам. Потом пурга налетела. Ничего не видно!

— Вот она, пурга, вот она! — кричит Чина-Барангуй. — Никого не вижу! Где вы? Все ли живы? Может, ветер вас унёс?

— Мы все тут! Все живы! — отвечают люди.

Чина-Барангуй привязал санки Моророгы к своим санкам, а санки Нарюптюлэгу к санкам Моророгы. Так в цепочку все санки связал, все двенадцать. Пурга не утихает. Чина-Барангуй впереди поехал. Ничего не видно. Вдруг его олени повернули назад. Почему повернули? Зорко посмотрел Чина-Барангуй и увидел, что у самой воды они стоят. Широкая река перед ними, льдины по ней плывут. Прошли льдины. Пурга утихла. Дороги нет. У большой воды стоят. Чина-Барангуй взял тогда мешок из своих санок. Из мешка достал резную колотушку для бубна. Колотушка из мамонтовой кости, на ручке её семь лиц вырезано. Вот взмахнул он мамонтовой колотушкой три раза и три раза крикнул:

— Хук! Хук! Хук!

И застыла река, замёрзла вода. Толстый лёд лежит, можно идти по льду, можно оленей вести. Перешёл Чина-Барангуй на ту сторону. Только на берег ступил — лёд в реке проломился, все пошли под лёд. Ремень, которым были связаны его санки и санки Моророгы, лопнул. Всех людей понесло течением. Чина-Барангуй побежал за ними по берегу. Догнал,

крикнул, как гагара: «Кэк!» — и нырнул в воду. Схватил за ремень передового Моророгы и вытащил на берег. Сильно тащил, всю связку вытащил. Но последние трое санок оторвались, последних трёх человек не вытащил.

Вернулись домой. Чина-Барангуй сказал:

— Мой бубен высушите в чуме!

Потом он надел шаманскую парку, взял бубен и начал шаманить. Он пел:

— Моих трёх людей вода забрала, вода унесла. Кто забрал моих трёх людей? Хозяин воды забрал. Я баруси убил. Баруси к хозяину воды ходил, смерти нашей хотел, смерти нашей просил. Но я людей не отдам, я людей ворочу, к хозяину воды пойду, людей назад попрошу.

Так шаманил Чина-Барангуй, бил в бубен и шёл по течению реки. А потом он руками взмахнул и обернулся гагарой. Гагара нырнула в воду, под водой пошла, увидела ледяной чум. В чум вошла. Там лежат сокуи^[65] трёх человек. Там сидят старик и старуха.

— Кто ты такой? — спросили.

— Я — Чина-Барангуй.

— Зачем пришёл? — спросили.

— Тут мои люди. Вот их сокуи. Я за людьми пришёл.

— Хочешь людей забрать? — спросил старик.

— Хочу.

— А вину за собой знаешь? — спросил старик.

— Не знаю.

— Ты из чужого народа никого не убил? — спросил старик.

— Одного баруси убил.

— Вот за это его братья, другие баруси, мне отдали твоих людей, — сказал старик.

— А ты сам-то кто?

— Я — хозяин воды, — ответил старик. — Ты баруси убил, а он — из моего народа. Вот за то я и забрал трёх твоих людей. Они уже давно сокуи сняли. А кто под водой сокуй снял, здесь остаётся. Живым ему не быть. Никого не отдам. Иди назад. Никого не вернёшь.

Чина-Барангуй вернулся домой. Три человека его пропало.

А если бы Чина-Барангуй не пожалел еды для баруси, если бы не стрелял в него, были бы люди живы.

СИЛАЧ САНГУДЫ

Был у нас такой человек — Сангуды. Большой он был, толстый, ленивый. Зараз тридцать куропаток съедал, пятнадцать рыб съедал. Если тридцать рыб ловил — пятнадцать строгал,^[66] пятнадцать варил, все тридцать съедал!

Однажды весть пришла: юраки^[67] к нам спешат, воевать хотят. За вестью и юраки пришли, вечером пришли, чумы поставили. Утра ждут. Ночью они не убивают — ночью убивать нельзя, говорят. Утром их старики подняли красное полотнище на хорее^[68] и кричат:

— Давайте воевать!

Наши молчат. Тогда юраки своих людей прислали, те спрашивают:

— Удальцы у вас есть?

Наши отвечают:

— Есть у нас один удалец, брюхом удалец. Но если драться — тоже он, только один он, Сангуды. А у вас много силачей?

Юраки говорят:

— У нас тоже мало. Но один большой силач есть. Завтра его пришлём, завтра войну начнём.

Наши говорят:

— Нет, завтра воевать не будем, завтра будем силачей кормить. Ваш какого оленя съест?

Юраки говорят:

— Наш с оленихой-двухлеткой управится. А ваш, Сангуды, брюхом удалец, что может?

— А нашему четырёхлетнего быка подавай!

На другой день наши двух оленей зарезали, к юракам в чумы пошли. Вместе с ними сели, в котлы положили двух оленей. Силач юрак сел напротив нашего силача Сангуды. Мясо сварилось. Юраку поднесли олениху-двухлетку, а Сангуды — четырёхлетнего быка. Начали мясо есть. Ножами его с костей срезали, чисто срезали, всё съели, голые кости оставили. Юраки смотрят, думают: «Однако, их силач посильнее нашего».

А Сангуды всё съел и огляделся. Видит, позади него торчат семь ножей, торчат остриями вверх! А Сангуды любил после еды откинуться и полежать. Если бы сейчас он лёг, то на их ножи он бы лёг. Тогда встал Сангуды и говорит:

— Пора воевать. Только зачем слабым людям воевать? Зачем им умирать? Мы вдвоём сразимся, посмотрим, чей верх!

Старик юрак отвечает:

— Да будет так. Пусть сразятся силачи.

Открыли дверь чума. Сангуды смотрит: рядом семь санок стоят, семь санок, груженных верхом. «Однако, там немало добра, — думает Сангуды, — сейчас я все эти санки перепрыгну». Прыгнул раз — оказался у дверей, прыгнул второй раз — вылетел из чума. Третьим прыжком перемахнул через все семь санок. Потом подбежал к своим санкам, схватил лук, изготовился, ждёт врага.

Юрак тоже третьим прыжком через все семь санок перелетел. Но он упал, неловко упал, горло порвал, захрипел.

Тут старые юраки красное полотнище опустили, убрали, чёрное полотнище на хорее подняли. Это значит: войну проиграли. Старый юрак говорит:

— Ты, Сангуды, самый удалой, самый сильный. У нас нет равного тебе. Ты победитель. Бери себе, что хочешь.

Сангуды осмотрел грузовые санки. Они были полны разного добра. Эти санки Сангуды взял. Потом из их оленей двух лучших быков поймал, к санкам привёл. И говорит:

— Запрягайте, это возьму.

Снова взял аркан, опять пошёл к табуну, четырёх бангаев^[69] поймал.

— Этих тоже возьму, — сказал.

Добро он увёз. Оленей угнал. Юраки собрались в обратный путь. Поехали назад своей дорогой. Сангуды взял лук, поехал вслед. Догнал юраков, держит лук. Старый юрак говорит:

— Ты большой удалец, Сангуды. Не сердись на нас, Сангуды. Видишь, мы уходим. Мы больше не придём.

Тогда Сангуды повернул назад. С той поры юраки больше не приходили с войной.

ЭНЕЦКИЕ СКАЗКИ

БЕЗГОЛОВЫЕ ЛЮДИ

Охотился в тундре моррэдэю^[70] Звали его Моррэдэ. Ходил он по тундре с женой и сыном. Втроём ходили. Вокруг никого. Моррэдэ — удалой охотник, удачливый. Диких оленей всегда ловит, не упускает. Однажды Моррэдэ говорит жене:

— Пора нам откочёвывать на новое место. А у нас скопилось много оленьих костей. Везти их тяжело. Надо кости разбить, мозг вытопить. Тогда откочуем.

Моррэдэ ушёл на промысел. Жена в чуме сидит, кости молотком разбивает, мозг вытапливает. Сын около матери играет. Вдруг — шаги возле чума. Кто-то подошёл. Жена думает: «Моррэдэ ушёл охотиться на середину Енисея. Почему так скоро пришёл?.. Далеко ушёл. Рано вернулся...» Дверь открылась. Просунулась рука. Рука манит к себе ребёнка. Ребёнок смотрит на руку, боится. Мать смотрит на руку, говорит:

— Отец вернулся. Не бойся. Отец играет с тобой. Хватай его за руку!

Ребёнок схватил руку. Рука схватила ребёнка. Поймала ребёнка, вытащила из чума. Ребёнок закричал, заплакал. Пока мать вышла из чума, человек с ребёнком далеко убежал. Как ветер бежал, не видно его.

А человек тот говорит:

— Не плачь, мальчик. Зачем плакать? Мой дом не хуже твоего. У меня жить будешь не хуже, чем у матери.

Мальчик слушает и думает: «Чем этот человек говорит? Где его рот? Ведь головы у него нет. Глаза на плечах...»

— Что ты, мальчик, меня разглядываешь? — спрашивает человек.

— Голову твою ищу. Где твоя голова?

— Ха! Головы-то у меня и не было никогда...

Долго шли. К утру только добрались до селения.

Очень большое селение! Много чумов! Три раза по семь чумов. Чумы у реки стоят. Люди поколкой^[71] заняты.

Безголовый человек^[72] принёс мальчика в свой чум. Мальчик плакать

перестал. Безголовый заботится о нём, как отец, кормит его, как мать.

А люди эти называются «нгойбуо-ачу», что значит «безголовые». Ещё они называются «лахарэнга-нготу», что значит «рот на животе». Наши люди, хоть олени у них были, пешком ходили на промысел. А безголовые люди, лахарэнга-нготу, верхом на оленях ездили, такой у них был обычай.

Ну вот, живут они, оленей добывают. Безголовый человек берёт мальчика с собой на поколку. Вдвоём в челнок садятся. Мальчик гребёт, лахарэнга-нготу оленя колет. Вдвоём втаскивают оленя в лодку. Хорошо живут.

Некоторые лахарэнга-нготу в чум к ним заходят, мальчика разглядывают, говорят:

— О, брат, ты добыл хорошего парнишку! А мне его не отдашь?

— Ха! Ребёнка отдать! Где ж я потом себе ребёнка добуду? С кем буду ходить на поколку? — Так отвечает безголовый.

Год прошёл. Опять лето. Опять у реки стоят чумы. Снова люди поколкой заняты. Дикие олени табунами идут. Много их добывают люди. Парнишка однажды говорит:

— Отец, сделай мне ножик. Как мне без ножика согудать?^[73] Без ножика согудать не могу.

Лахарэнга-нготу сделал ножик, дал ему. Самая жаркая пора настала. Хозяин безголовых говорит:

— Разделиться нам надо на две половины. В одной половине будут самые сильные, самые удалые. Вместе со мной они пойдут далеко на север, диких гусей промышлять. Те, что послабей, тут останутся, у воды будут промышлять.

Вот разделились они, удалыцы ушли на север. Несколько дней прошло. Парнишка говорит:

— Отец, я сегодня ночью спать не хочу, я у реки поиграю.

Отец говорит:

— Играй, только далеко от дома не уходи.

Когда все легли спать, парнишка пошёл на берег, туда, где лодки. Много лодок на берегу, все они опрокинуты вверх дном. Парнишка во всех днищах дырки прорезал. Потом эти дырки землёй забил. Одну только лодку не продырявил, в воду её столкнул, весло взял и поплыл вниз по реке. Тут и утро настало. Лахарэнга-нготу все проснулись. Проснулись, бегают от чума к чуму, кричат:

— Ребёнок пропал! Ребёнок сбежал! Надо его догнать! Одной лодки не хватает! В лодке сбежал!

Прыгнули они в свои лодки, поплыли вниз по течению. Только

отъехали от берега — лодки их потекли. Лахарэнга-нготу кричат:

— К берегу гребите, скорее к берегу! Лодки тонут! Все утонем!

Кое-как добрались до берега, кое-как спаслись.

А парнишка спустился по реке, в свою землю приехал, где свои люди живут, где свои охотники промышляют. Там отца своего Моррэдэ нашёл, мать свою нашёл. Они рады были, что сын вернулся. С тех пор он помогал охотиться своему отцу.

ВОЙНА С ЮРАКАМИ

У юраков был предводитель Юрак-еру. У него был верный помощник. Юрак-еру ему говорит:

— На той стороне Енисея живёт племя самату.^[74]

Говорят, девушки у них очень красивые. Надо бы туда поехать, без калыма их забрать.

Помощник говорит:

— Как ты хочешь, так и будет. Соберём людей, человек пятьсот, и пойдём войной. Мужчин перебьём, женщин заберём.

Юрак-предводитель говорит:

— Надо послать к ним человека, чтобы сказал о войне.

Послали умного старика. Была весна. Енисей ещё стоял. Старик переехал через реку, пришёл к нашему хозяину Колё.

— Осенью, когда станет Енисей, мы, юраки, придём к вам с войной, — сказал он.

Колё говорит:

— Это значит, хотите без калыма наших девушек, наших дочерей забрать? Не отдадим. Защитим.

— Готовьтесь к войне, — сказал старик.

Колё собрал всех хозяев племён.

— Надо собрать весь народ, — сказали они. — Нам помогут и ханты, и тунгусы, и тавги.^[75]

Осенью Енисей стал. Все собрались. Колё говорит:

— Надо лес рубить, надо вокруг чумов забор-крепость ставить, чтобы стрелы не доставали наших женщин и наших детей.

Люди сделали забор-крепость. Сделали много стрел и луков. Потом говорят:

— Нужен смельчак, кого бы навстречу юракам послать.

Но никто не откликается, никто не хочет один идти навстречу врагу. Колё говорит:

— Мой сын пойдёт.

Сын его говорит:

— Да, пойду. Только дайте хороших оленей, самых быстрых оленей, таких, чтобы никто их не догнал.

Хозяева племён говорят:

— У нас есть хорошие олени, но таких нет.

Колё говорит:

— Есть у меня одна важенка, она, наверное, подойдёт.

Привели её. Маленькая, ножки короткие, брюхо тащится по земле.

— Одну запрягать?

— Почему одну? — говорит Колё. — У важенки есть сын-двухлетка, она у него под брюхом проходит. Вот в паре с ним и запрягай. А потом выезжай на хребет, на той стороне Енисея есть хребет Бухуча. Оттуда далеко видно. Как увидишь юраков, спеши назад.

Парень запряг оленей и помчался к хребту. До хребта три дня пути, а на этих оленях за полдня удалец добрался. Вышел на хребет, трубку раскурил. Выкурил одну трубку, другую, третью. Вдруг видит: даль почернела. «Что это? — думает он. — Неужели снег растаял?» А это юраки едут. Очень много юраков! Увидели они человека на хребте. Предводитель их, Юрак-еру, кричит:

— Окружайте! Надо его схватить!

Парень набил четвёртую трубку. Стоит и курит. Юрак-еру думает: «Почему он стоит? Нас не боится? Смерти не боится?» Юраки его окружают, ещё немного — и возьмут в кольцо. Тут парень пустил своих оленей. Как ветер они полетели, легко вырвались. Юраки стреляют, но разве их стрелы догонят? Юрак-еру говорит:

— Однако, этот парень — удалец. Если все у них такие, то зря едем. Не повернуть ли назад?

Люди его говорят:

— Нет, погонимся следом!

Парень вечером к своим приехал. За один день обернулся. Лёг спать. Утром отец спрашивает:

— Ну что, врагов видел?

— Видел, — отвечает парень. — Они на хребте Бухуча. Меня хотели взять, окружили, да я вырвался. Олени хорошие.

— А как двухлетка, за матерью поспеваает?

— Бывает, отстаёт, но вместе тянут, — отвечает парень.

Отец говорит:

— Готовиться надо. Послезавтра враги придут. Надо людей собрать,

рассказать. Надо оленей подальше угнать.

На другой день юраки пришли. Юрак-еру, их предводитель, с двумя помощниками прямо к Колё в чум пришёл. Колё говорит:

— Старуха, угощай гостей.

Старуха много мяса сварила, гости поели. Юрак-еру говорит:

— Мы пришли, поэтому ты, Колё, назначай срок, когда начнём игру. Мы издалека пришли, нам бы день отдохнуть.

Колё говорит:

— Мы вас не звали. Вы сами пришли. Отдыхать я вам не дам. Завтра утром начнём.

Утром юраки подняли красное полотнище. Колё поднял тоже красное полотнище. Сыну своему говорит:

— Одевайся, пойдёшь впереди всех.

Сын надел железную одежду, взял оружие, пошёл. С юрацкой стороны навстречу ему вышел их удалец. Он сразу одну за другой две стрелы выпустил. Наш и выстрелить не успел, упал. А тот идёт и стреляет, идёт и стреляет. Наши люди падают, падают. Колё-предводитель думает: «Что делать?» Был у него работник-дровокол. Целыми днями только одно делал — дрова рубил. Вся одежда его смолой пропиталась. Был он на вид худенький, маленький. Колё-предводитель к нему прибежал, говорит:

— Выручай, Сесаку, собирайся, одевайся! Твоего хозяина, моего сына, убили. Иди воевать. Если победишь юраков, дочь тебе отдам без калыма и половину моих оленей!

Сесаку не хочет идти, плачет. Его в железо одели, лук и стрелы дали. Он пошёл. И начал стрелять. Как одну стрелу пустит — три-четыре юрака падают. До ночи стрелял. Потом всю ночь стрелял. Утром Колё смотрит: на юрацкой стороне народа почти не осталось. Осталось человек двадцать. Юрак-еру красное полотнище опустил, чёрное поднял, сдался. А Сесаку остановиться не может, всё стреляет. Юрак-еру кричит:

— Надо его как-то унять, а то он женщин и детей постреляет!

Колё говорит дочери:

— Скорее одевайся, иди уйми его, а то он ничего не помнит, свой народ сейчас начнёт бить.

Дочь оделась, все украшения на себя надела и пошла. Такая красавица — глаз не отвести! А Сесаку уже повернулся назад — свой народ готов бить. Колё с дочкой подошли, за лук его схватили, образумили.

— Иди в чум, вот тебе моя дочь, — говорит Колё.

Стали народ считать. Наших двести осталось.

Юрак-еру говорит:

— А у меня только пятнадцать воинов.

Юраки подобрали убитых, сложили на нарты. Юрак-еру говорит:

— Хотели ваших женщин забрать. Но вы победили. Что возьмёте?

Колё говорит:

— Ничего не надо. Своих убитых вези. Не оставляй на нашей земле.

Юрак говорит:

— Сколько людей убито! Больше я с войной не приду. На другой год в гости приду, а воевать не буду. Давайте в мире жить.

Больше юраки с войной не приходили.

СЕЛЬКУПСКИЕ СКАЗКИ

ИЧЕКОЧКО И БОГАТЫЙ КУПЕЦ КОРСЭ

Шустрый Ичекочко жил с бабушкой в чуме на берегу реки. Бабушку звали Имилямиля. Ичекочко ловил рыбу. Тем они и кормились. Паренёк знал только свой берег, на ту сторону реки не ходил, бабушка не разрешала. Она часто повторяла:

— На ту сторону не ходи, худо будет.

Настала осень. Пришли холода. Ичекочко по первому льду пошёл ставить сети под лёд. Посмотрел на другой берег. Там — хорошие дома. «Бабушка говорила: туда нельзя, худо будет», — подумал Ичекочко и пошёл на ту сторону. Подошёл к дому, заглянул в окно и видит: сидит за столом человек, пишет. Это был богатый купец Корсэ. За ним на стенах висели связки шкур — соболя, песцы, горностаи. Ичекочко побежал назад к своим сетям. Вытащил он всего две рыбки — карася и плотичку. Принёс их домой.

— Что так долго, Ичекочко? — спрашивает бабушка. — Куда ходил?

— Я никуда не ходил, только на реке у сетей был, — отвечает Ичекочко.

— Я была на реке, тебя там не видела, — говорит бабушка.

Пришлось пареньку сказать правду. Бабушка говорит:

— Я знаю этих людей. Они злые и жадные. Больше туда не ходи.

— Больше не пойду, — отвечает Ичекочко. А потом говорит: — Я лягу посплю, я очень устал. А ты рыбу поджарь. Сама съешь плотичку, а мне оставь карася.

Бабушка Имилямиля насадила рыбу на рожни^[76] и стала жарить над костром. Когда поджарила, съела карася. Внуку оставила плотичку. Ичекочко спал очень долго. Проснулся и спрашивает:

— Бабушка, ты зажарила рыбу?

— Да, зажарила, — отвечает бабушка.

— Дай мне моего карася, — говорит Ичекочко.

— На, возьми.

— Разве это карась? Он маленький! — говорит Ичекочко. — Это не

карась, а плотичка!

— Ты очень долго спал, — говорит бабушка. — Вот твой карась и усох.

— Нет, бабушка, это неправда! — рассердился Ичечокко. — Ты съела моего карася! Ты меня обманула! А раз так, я ухожу от тебя. Буду жить один.

Бабушка Имилямиля говорит:

— Не уходи, Ичечокко. Не сердись. Одному тебе не прожить. Ты ещё не вырос. Кто-нибудь тебя убьёт.

Но Ичечокко не стал слушать и вышел из чума. «Куда пойти? — подумал он. — Пойду-ка я на ту сторону реки к купцу Корсэ, у которого так много шкурок. У него найдётся для меня какая-нибудь работа». И он пошёл на другой берег реки. Бабушка выскочила из чума и закричала:

— Вернись, Ичечокко! Не ходи туда! За рекой живёт злой купец Корсэ! Он тебя убьёт!

Но Ичечокко не оглянулся. Он подошёл к дому купца и заглянул в окно. Тот увидел паренька и кивнул ему: мол, заходи. Ичечокко вошёл в дом. Старик спрашивает:

— Кто ты, парень, откуда и куда идёшь?

Ичечокко говорит:

— Я — сирота. У меня никого нет. Я иду издалека.

Вошёл слуга купца и говорит:

— Парень всё врёт. Он живёт за рекой с бабушкой. Вон виден их чум. Парня зовут Ичечокко.

— Ах вот ты кто! — взревел Корсэ. — Тебя-то мне и надо! Ты — дьявол, который уносил моих дочерей. Семь дочерей у меня родилось — все они умерли. Это ты за ними приходил, ты уносил их души! Ну, а теперь тебе пришёл конец.

Ичечокко вспомнил, что говорила бабушка. Он заплакал. Потом сказал:

— Зачем говоришь такие слова, старик Корсэ? Я никогда не ходил на твою сторону.

— Кто же ещё виноват, если не ты? — сказал Корсэ. — На той стороне, кроме тебя, никто не живёт. А дьявол, конечно, приходил оттуда, потому что у нас дьявол не живёт!

— Не убивай меня, — попросил Ичечокко. — Лучше возьми меня на работу. Я буду стрелять для тебя соболей и горностаев.

— Ты дьявол, и ты сбежишь, — сказал Корсэ. — И не будет от тебя никаких соболей, никаких горностаев! Эй, слуги! — крикнул он. — Посадите этого дьявола в кожаный мешок и крепко завяжите. Я утоплю его

в проруби.

Прибежали слуги, посадили паренька в кожаный мешок и крепко завязали.

— Теперь отнесите его на реку к проруби, — приказал старик Корсэ. — Пусть он до ночи полежит, помёрзнет, а потом я сам столкну его в воду.

Взяли слуги мешок с парнем, отнесли к проруби, положили на лёд. Сами ушли. Лежит бедный парень в мешке. Холодно ему, голодно. Смерть близка. Вдруг он слышит: нарты едут, собаки лают. Ичечкочко запел:

Хороша моя затея,
Скора я разбогатею!
Соболя и горностаи!
Как я вас пересчитаю?

В нартах ехал купец. Он спешил к большому купцу Корсэ. Купец остановил собак. Откуда песня? Кто разбогатеет? Где соболя и горностаи?

А из мешка снова раздаётся весёлый голос:

Хороша моя затея,
Ах как я разбогатею!..

Купец подбежал к мешку, спрашивает:

— О чём ты поёшь? Где соболя и горностаи? Кто ты? Почему в мешке?

— О, я счастливый человек, — отвечает Ичечкочко. — Ровно в полночь хозяин воды начнёт выбрасывать из проруби на лёд драгоценные шкурки — чёрных соболей да белых горностаев. И всё для меня, потому что я сижу здесь в мешке и славлю его имя.

Купец говорит:

— А не уступишь мне своё место? Я за него отдам тебе все мои товары вместе с нартами и собаками.

Ичечкочко задумался. А потом говорит:

— Ну ладно, развязывай! Мне ведь много не надо. Он выбросит тысячу соболей — что я с ними буду делать? Я их и пересчитать не смогу. Я ведь считаю только до десяти.

— Вот видишь, — говорит купец, — ты не сможешь пересчитать, а я смогу. И я знаю, что с ними делать. Давай скорее обменяемся.

Он развязал мешок и сам в него залез. Ичекочко завязал мешок и сказал:

— Жди полночи! — А сам сел в его нарты и направил собак через реку на свою сторону.

Приехал он к своему чуму, к бабушке. Собак разогнал, нарты сломал и сжёг, а товары купца развесил у себя в чуме. Бабушка смотрит — ничего понять не может.

— Откуда у тебя это всё?

— Из проруби! — смеётся Ичекочко.

В полночь старик Корсэ со слугами пошёл к проруби — столкнуть туда мешок. Старик говорит:

— Ну что, дьявол, приготовился к смерти? Сейчас столкну тебя в воду!

Купец из мешка закричал:

— Помилуй, Корсэ, какой дьявол? Это я тут сижу, твой товарищ! О какой смерти ты говоришь? Сейчас тут будет дорогого товару видимо-невидимо! Чёрные соболя да белые горностаи!

Купец Корсэ смеётся:

— Ну и дьявол этот Ичекочко! Заговорил чужим голосом! Думает меня обмануть. Нет, я не таков! — И он столкнул мешок в прорубь.

На другое утро слуги говорят купцу:

— Дьявол Ичекочко жил на той стороне в чуме с бабушкой-шаманкой. Мы знаем её, это она учила Ичекочко таскать души твоих дочерей...

— Отправляйтесь на тот берег, убейте старуху! — приказал Корсэ.

Слуги пришли в чум к бабушке. И увидели парня. Ичекочко сидел на сундуке, на столике перед ним стояла самая разная, самая вкусная еда, какая только есть на свете. А стены были завешаны дорогими шкурами, как в лавке у купца. Слуги забыли, зачем пришли, стоят, озираются, глазам своим не верят. Старший слуга спрашивает:

— Ичекочко, откуда у тебя всё это?

— Со дна реки, откуда же ещё? — отвечает Ичекочко. — Вы меня туда столкнули — спасибо вам. Упал я на дно реки, а там дорогих товаров — не пересчитать, не перетаскать! И шкуры самые разные, и ткани, и посуда! Я вытащил мало, вот, смотрите, — и он показал на стены чума, — ведь сил у меня мало, вот вы бы смогли взять больше... Я там и еды немного взял. Садитесь, угощайтесь!

Слуги купца не захотели угощаться. Они ещё раз посмотрели на шкуры, которыми был завешан чум, и побежали к старику Корсэ. Всё, что видели, рассказали. Старший добавил:

— Надо скорее забрать дорогие товары, которые лежат на дне, пока их

течением не унесло.

Корсэ говорит:

— Я сам туда пойду, я сам буду выбирать товары, что получше. Никому нельзя доверять! Я сам залезу в мешок! Завяжите меня! А теперь отнесите к проруби и столкните в воду!

Слуги отнесли купца Корсэ в мешке к проруби и столкнули в воду.

Не стало жадного купца, который мучил и обирал всех окрестных охотников. Стали люди жить хорошо. Ичекочко с бабушкой тоже хорошо жил, никого не боялся.

КАК ИЧЕКОЧКО ВЕРНУЛ СТАРИКУ ГЛАЗА

Увидела однажды птичка, как крот в земле роется, сладкие луковицы сараны^[77] выкапывает, в чум носит, запасы делает, и говорит ему:

— Давай, крот, в одном чуме жить. Давай, крот, вместе зиму зимовать.

Крот согласился. Птичка продолжала летать и щебетать, а крот продолжал трудиться, корм запасать.

Пришла зима. Засели в чуме птичка с кротом, едят запасы. Работал крот один, а едят двое. Зима ещё не кончилась, а запасы кончились.

Птичка говорит кроту:

— Осталась последняя луковица. Кому её съесть?

Крот говорит:

— Попролам разделим.

Птичка говорит:

— Чего там делить? Делить нечего. Давай разыграем. Давай подбросим её вверх. Кто первый схватит, тот и съест.

Крот говорит:

— Нет, так не годится. Ты летаешь, ты и схватишь первая.

— Зато ты хорошо прыгаешь, — говорит птичка. — Ты можешь схватить раньше.

Крот гордо сказал:

— Да, прыгаю я хорошо. Могу схватить раньше. Давай подбросим.

Они подбросили луковицу вверх. Птичка взлетела и на лету схватила луковицу.

— Нет, это нечестно! — закричал крот. — Ты меня обманула! Ты хитростью взяла луковицу.

— Нет, не обманула, — ответила птичка. — Мы честно её разыграли.

Тут крот прыгнул и вцепился в луковицу. Птичка держит, не отдаёт. Началась драка. Долго дрались. Никто не смог победить. Птичка говорит:

— Начнём войну. Собирай весь звериный народ, а я соберу весь птичий народ. Кто победит, тот прав.

— Я согласен, — сказал крот и пошёл собирать звериный народ.

Птичка улетела собирать птичий народ.

И вот на поляну, где стоял их чум, собралось звериное войско. Против него встало птичье войско. Все знают, что сейчас будет война. Только никто не знает, из-за чего будет война. А в чуме лежит луковичка сараны, из-за которой будет война.

Вышел вперёд богатырь медведь, хозяин зверей. Вышел вперёд богатырь орёл, хозяин птиц. Богатырь медведь говорит:

— Зачем всему народу воевать? Давай мы с тобой сразимся. Ведь мы с тобой — непобедимые богатыри.

Орёл напал на медведя. Медведь ударил его лапой по крылу и сломал крыло. Орёл не мог больше воевать и ушёл в сторону.

А с ним и сказка ушла в сторону.

Сидит орёл много дней, не знает, что делать: есть нечего, летать не может. Идёт старик охотник. Увидел орла, обрадовался. «Сейчас, — думает, — его подстрелю, будут у меня перья для стрел». Вскинул лук, прицелился. Орёл говорит:

— Не стреляй в меня, старик. Лучше возьми с собой в свой чум. Хорошо меня корми. А когда я буду здоров, сам буду тебя кормить. Вместо тебя буду охотиться.

Старик взял орла, стал его кормить оленьим мясом. Ждал, ждал, когда срастётся крыло. А оно не срастается. Старику надоело.

«Зачем я его взял? — думает он. — Никакого толку. Мясо зря перевозжу! Лучше его убить и избавиться от заботы».

Старик взял нож и приблизился к орлу, чтобы его убить. Орёл хоть и был слабым, но уже мог немного летать. Старик взмахнул ножом, а орёл увернулся, вцепился лапами старику в глаза, вырвал их и улетел. Слепой старик остался лежать в чуме.

В чум заглянул косматый лоз.^[78]

— Чего, старик, лежишь? — спрашивает он.

— А что мне делать? — отвечает старик. — Я выходил больного орла, а он на прощание вырвал мне глаза. Верни мне зрение, и я отдам тебе мою дочь.

Лоз согласился и начал шаманить. Но сколько ни шаманил, ничего у него не вышло. Не знал он, как вернуть старику зрение. Отступился лоз и ушёл в землю.

В чум заглянул весёлый Ичекочко.

— Что, дедушка, лежишь? — спрашивает он.

— А что мне делать? — отвечает старик. — Я выходил больного орла, а он на прощание вырвал мне глаза. Ни шаманы, ни сам лоз не помогли.

Верни мне зрение, Ичекочко, и я отдам тебе мою дочь.

Ичекочко согласился и отправился к морю — искать орла. Через месяц пришёл к берегу моря. Увидел на скале у моря орлиное гнездо. Подождал, когда орёл прилетел, и говорит:

— Орёл, отдай мне стариковы глаза.

Орёл говорит:

— Даром не дам. За мои перья дам. Раньше я жил у Мамонтова озера. Много лет летал я над озером и терял перья из крыльев. Их собирал мамонт, который живёт в озере. Он уносил их к себе на дно. Пойди к мамонту, попроси мои перья, принеси мне, и я отдам тебе взамен стариковы глаза.

Ичекочко пошёл к Мамонтову озеру. Когда подошёл, вода в озере заволновалась, забурлила и всплыл огромный мамонт.

— Что тебе надо, Ичекочко? — спрашивает он.

— Мамонт, отдай мне перья орла, которые он ронял в твоё озеро, — просит Ичекочко.

Мамонт говорит:

— Даром не дам. За мои бивни дам. Каждый год у меня вырастали новые бивни и каждый год падали. Их подбирали косторезы из ближнего селения, делали из них чашки-ложки и продавали богатому купцу Корсэ. Пойди к косторезам, отними у них мои последние бивни, принеси мне, и я отдам тебе взамен орлиные перья.

Мамонт ушёл в воду. Ичекочко пошёл в селение к косторезам. Он пришёл и говорит:

— Косторезы, отдайте мне мамонтовы бивни. Вам незачем теперь делать чашки-ложки, вам некому их продавать. Нет больше на свете богатого купца, старика Корсэ. Я его победил!

Что делать косторезам? Отдали ему мамонтовы бивни. Ичекочко принёс их к озеру и закричал:

— Мамонт, выходи!

Озеро заволновалось, и из воды появился мамонт. Он взял свои бивни и отдал за них орлиные перья. Ичекочко с перьями пошёл к морю. Орёл взял свои перья и отдал за них стариковы глаза. Он сказал:

— Этими перьями я наращу свои крылья, буду летать выше и быстрее и снова сражусь с богатырём медведем. Он меня победил. Теперь моя очередь.

Ичекочко принёс глаза к старику в чум. Всю ночь шаманил, а утром вставил глаза старику, и старик увидел свет!

— Спасибо! — сказал старик. — Теперь забирай мою дочь. Пусть она

будет тебе хорошей женой.

Ичекочко стал жить с женой. А старик снова стад ходить на охоту.

КЕТСКИЕ СКАЗКИ

УНЬГЕТ И ТИЛЬГЕТ

Жили когда-то на Тунгуске старик со старухой. Было у них два сына. Старший сын Уньгет ленивым был. На охоту пойдёт — пустой вернётся. А младший сын Тильгет был смышлённым парнем, ловким охотником. Без добычи не приходил. Отец Тильгету новый лук сделал, тугой лук ему сделал. Старший и младший одной дорогой белковать ходили.

Отец говорит:

— Ты что, Уньгет, своей дорогой не ходишь?

Тильгет говорит:

— Он белку искать не умеет. Он в белку стрелять не умеет. Всегда следом за мной ходит.

Однажды Тильгет много белок настрелял. Вечером пришли охотники домой. Мать начала белок обдирать. А белки исколоченные, шкурки испорченные.

Мать говорит:

— Что это ваши белки такие исколоченные?

Уньгет смеётся про себя. Уньгет думает: «Ты заставляешь меня дрова колоть, собакам еду варить, за котлом смотреть. Вот я тебе за то шкурки порчу».

Так думает Уньгет, так думает, а сам говорит:

— Это всё Тильгет. Я белок не стреляю, я их только ношу.

Тогда мать замолчала. Замолчала, села.

Время шло. Мать стареть стала. Мать говорит:

— Хоть бы кто из вас женился. Руки мои устали Сил нет работать. В дом работница нужна.

А старший брат Уньгет хоть с виду красивый, а ленивый. Охотиться не хочет, работать не любит. Такому человеку жена разве достанется? Старик говорит:

— Молчи, старуха. Сиди, работай. Такому человеку жена разве достанется?

Мать говорит:

— Тильгет — ловкий охотник. Тильгет — хороший человек.

Уньгет думает: «Всё только Тильгет. У матери — Тильгет. У отца — Тильгет. Меня и за человека не считают. Зачем я таким родился? Кто за меня пойдёт? А хорошие люди все с жёнами живут...»

Братья на охоту пошли. Тильгет белок стреляет, Уньгет их в мешок складывает. Незаметно шкурки портит, матери назло их портит. За рекой скала стоит. Уньгет на скалу смотрит. «Мне бы стать каменным, как та скала», — думает. А сам слушает, чутко слушает.

Вдруг из-за реки стук слышит. Стук дверной задвижки слышит. Брату говорит:

— Темнеет, домой пошли.

Они домой пошли. Уньгет дома отцу говорит:

— Завтра лук мне сделай. Тугой сделай.

Утром старик говорит:

— Уньгет лук захотел. Лентяй лук захотел. Зачем лентяю лук?

Уньгет выскочил из чума, топор схватил, быстро дров нарубил, много дров нарубил. Потом в лес сбегал, от лиственницы слой отслоил, от берёзы слой отодрал, домой принёс, отцу кричит:

— Выйди из чума! Лук мне сделай, тугой лук сделай!

Старик вышел, удивился, сказал:

— Будь по-твоему. Сделаю.

Старик лук сделал, аж вспотел, так старался. Тильгет думает: «Что-то брат затевает». Уньгет лук вертит, пробует. Хороший лук.

На другое утро охотники в лес собираются. Уньгет говорит:

— Сегодня я один в лес пойду.

Тильгет говорит:

— Кого же ты убьёшь, охотник?

Уньгет говорит:

— Кого-нибудь убью.

В разные стороны они пошли. Уньгет идёт, идёт — устал, на снег животом лёг. Лежит, думает: «Зачем пошёл один? С братом хорошо: брат впереди идёт, лыжню делает. Когда один иду — сам лыжню делаю». Лежит Уньгет, опять думает: «Вчера на той стороне реки стук был. Будто дверная задвижка щёлкнула». Встал Уньгет, реку перешёл, к скале подошёл. Вдруг с дерева белка спускается. Уньгет её гонять стал. Гонял, гонял, на следы глядит, а они всё больше становятся. «Что за белка? — подумал он. — Странная белка». И задрожал всем телом. Уйти отсюда или ещё погонять? Вот беличьи следы в человечьи превратились! Уньгету в голову ударило: «Кайгусь!»^[79] Сердце застучало, но опять он стал белку гонять. Что есть

духу гнал, вот догнал, она на дерево взлетела. Уньгет отдышался, тугой лук натянул, стрелу в белку направил. Белка запищала. «Что делать? Убить? Не убивать? Странная белка. Нет, не убью». Потом подумал: «Разве охотник своего зверя бросает?» Лук натянул, выстрелил, убил белку. Она упала, он поднял её, осмотрел. Не простая белка. Меченая белка. Пятнышки на шее. Уньгет к поясу её привязал. «Дома расскажу, какую белку убил». Так подумал. А за спиной послышалось: «Тут чум ставь». Уньгет обомлел: откуда слова? Но думать нечего. Быстро чум поставил, дров наготовил, яму для ночёвки сделал, костёр развёл, возле костра для себя еловые ветки постелил, а напротив пихтовые ветки постелил. На своём месте пенёк приметил, ветками прикрыл. Вертел обстругал. Теперь надо белку обдирать. Он говорит:

— Белка моя, красивая моя белка, как тебя стану обдирать?

Ободрал, на вертел надел, жарит на огне. Вдруг — тук-тук! Стук дверной задвижки! В скале стук. А потом женский голос:

— Соболь мой, соболь, ко мне, ко мне, соболь!^[80]

Лай слышится. Лай приближается. Уньгет сидит — не шелохнётся. Уньгет белку жарит. Уньгет слышит: кто-то к чуму подошёл, лыжи снимает. Опять женский голос:

— Это ты моего зверя убил, человек, на белом свете живущий?

Уньгет отвечает:

— Да, я убил. А ты лыжи снимай, в чум заходи, у огня садись.

Кайгусь вошла. Лесная женщина в собольей шубе. Села на пихтовые ветки. Уньгет разрезал белку на три части, заднюю гостье протянул. Кайгусь её назад оттолкнула. Он протянул переднюю часть. Не взяла, головой мотнула. «В средней части одни рёбра, что ей дать?» — подумал Уньгет. Протянул рёбра. Кайгусь взяла, съела. Они поели. Уньгет говорит:

— Теперь давай играть. Сначала смешить, кто кого рассмешит.

Первый смешит Уньгет. Лесная женщина молчит. Что ни делает Уньгет, она молчит, не улыбнётся. Уньгет рогатиной к ней огонь подтолкнул. Хвоя пихты на её месте вспыхнула, громко затрещала, будто засмеялась.

— Ты молчишь, так хоть место твоё смеётся, — говорит Уньгет.

Кайгусь стала Уньгета смешить. Уньгет не смеётся. Она палкой огонь оттолкнула. Еловые ветки на месте Уньгета тихо горят, не трещат, не скажешь про них, что смеются. Уньгет говорит:

— Твоё место смеялось, а моё не смеётся.

— Твоя взяла, — говорит кайгусь. — А теперь давай ремень потянем, кто кого.

Уньгет взял ремень, один конец дал лесной женщине, а другой перекинул через плечо и зацепил за пень. Кайгусь тянет, сильно тянет, очень сильно тянет, а пень крепко сидит, пня ей не выдернуть.

— Снова твоя взяла, — говорит она.

— Теперь ты моя, — говорит Уньгет.

— Я хотела тебя к себе перетянуть, но воля твоя крепче, — говорит она. — Поэтому пойду я за тобой в чум твоих стариков. А то бы мы жили в моём каменном чуме. Пойдём к тебе, но сначала зайдём в каменный чум.

Они пошли. Дверь в скале открылась. Задвижка — стук! Внутри всё сияет. Кайгусь дала Уньгету лук, латунный лук! Кайгусь говорит:

— Этим луком будешь зверя добывать. Без промаха будешь бить. Несчётные дни мы будем с тобой жить. Трудно мне оставлять мой дом. Я тут долго жила. Теперь пойдём к тебе.

Она сунула за пазуху свою игольницу, заплакала.

Они пришли домой. Старики обомлели: «Как тебе такая женщина досталась?»

ЖЕНЩИНА И ФЫРГЫНЬ

Уньгет и кайгусь, лесная женщина, стали вместе жить. Вечная у них жизнь. И сейчас живут. Всё у них есть.

Жила в лесу у озера женщина. Был у неё маленький сын Хасингет. Рядом с ней по соседству жила фыргынь.^[81] У неё была маленькая дочь. У фыргыни и у её дочери на каждой руке было по четыре пальца. А у женщины и у Хасингета — по пять. Фыргынь завидовала женщине, что у той сын. Фыргынь думала: «Вот вырастет Хасингет — охотиться будет, мясо приносить будет. Надо украсть мальчишку, пока мал, чтобы мать забыл, чтобы ко мне привык».

Однажды она женщину на озеро зовёт:

— Пойдём, соседка, искупаемся.

Женщина с ней пошла. Фыргынь говорит:

— Давай состязаться: кто дальше под водой проплывёт.

Женщина нырнула, поплыла. Далеко под водой поплыла. А фыргынь и в воду не вошла. Мальчика схватила, дочь свою оставила. И побежала, побежала, побежала...

Женщина вынырнула, оглянулась. Нет на берегу сына, нет фыргыни. Поплыла скорей назад, выскочила из воды. На берегу сидит маленькая четырёхпалая девочка. Женщина закричала:

— Сына моего унесла, а дочь свою оставила! Зачем мне дочь?!

Маленькая девочка заплакала. Женщина пожалела её. Пожалела — в свою землянку отнесла.

А фыргынь далеко к югу убежала. Там чум поставила. Мальчика Хасингета в нём растила.

Время прошло. Вырос Хасингет, парнем стал, на охоту начал ходить. Ловким стал, умелым стал. Без добычи не приходил. Как пойдёт на охоту — так оленя принесёт. А фыргынь много ест, быстро ест, только кости трещат! И всё ей мало. Сколько ни принесёт добычи Хасингет, ей мало. Каждый день говорит:

— Ты побольше мяса приноси, ты лучше меня корми. Ведь я твоя

мать.

А Хасингет думает: «У неё на руках по четыре пальца. У меня на руках по пять пальцев. Почему? Неужели она — моя мать? Может быть, она фыргынь? Может быть, она утащила меня у матери? У моей матери на руках, наверное, по пять пальцев, как и у меня. Может быть, моя настоящая мать голодает? Может быть, костного жира из оленьих ног^[82] и не пробует? А я тут какую-то фыргынь мясом-жиром кормлю. А я тут в бездонную утробу целые туши бросаю...»

Однажды он вернулся с охоты, подошёл к чуму, слушает. А там фыргынь на оленьих шкурах катается и распевает:

Я с Хасингетом убежала! Олений лоб, олений лоб!
Как много в нашем чуме стало оленьих ног, оленьих ног!
Я сына женщины украла! Олений лоб, олений лоб!
Приносит удалец немало оленьих ног, оленьих ног!

Хасингет вошёл в чум. Ведьма вскочила. Она подумала: «Парень, наверное, слышал мою песню. Что делать? Надо всыпать ему в еду травы, которая отбивает память». Она начала готовить еду. Положила мясо в котёл. Хасингет лёг, будто очень устал, глаза закрыл, а сам из-за рукава подсматривает. Старуха начала что-то трясти над котлом. Трясёт рукой и шёпотом напевает.

Хасингет встал. Старуха фыргынь говорит:

— Вот, сынок, ешь, я сварила, постаралась.

Хасингет говорит:

— Нет, мама, я есть не хочу.

Фыргынь тоже есть не стала. Легли спать. Утром она говорит:

— Когда пойдёшь на охоту, сынок, в северную сторону не ходи. Охоться только в южной стороне.

Хасингет ушёл на охоту. Идёт и думает: «Почему она мне запрещает ходить на север? Я никогда туда не ходил. А теперь пойду, посмотрю, что там». Он добыл оленя и пошёл на север. Долго шёл, увидел лыжню. Пошёл по лыжне. Она привела его к землянке. Он снял лыжи, взошёл на крышу, заглянул внутрь через дымник. Увидел женщину и девушку. У женщины пять пальцев на руках, у девушки — четыре. Над очагом висит котёл, в нём кипит вода. Вот девушка взяла несколько мышей и бросила их в котёл. Хасингет бросил в землянку большой кусок костного мозга. Он попал в котёл. Девушка закричала:

— Мама, мама! Смотри, в нашем котле жир! Никогда не было столько жиру!

Женщина ответила:

— Молчи. Того, кто мне носил бы жир, твоя мать давно унесла.

Хасингет понял, что он пришёл к своей родной матери. Он вошёл в землянку. Положил тушу оленя и говорит:

— Мама, я нашёл тебя. Я твой сын. Вот тебе мясо и жир.

Женщина сняла с огня котёл с мышами. Сняла котёл — выплеснула варево прочь. Потом сварила настоящего мяса. Они поели.

— Мама, как же мне перебраться к тебе? Ведь фыргынь меня не отпустит, — говорит Хасингет. — Она каждый день съедает оленя. Я ей приношу оленей.

Мать научила сына, как уйти от ведьмы. Она сказала:

— У старухи есть трава, которая отбивает память. Заставь её съесть мяса с этой травой и уходи. Она забудет, что ты есть на свете, и не погонится за тобой.

Хасингет так и сделал. Накормил злую фыргынь её собственной травой. И ушёл. Одну оставил в чуме навсегда.

Пришёл к матери и говорит:

— Теперь надо расправиться с четырёхпалой дочкой ведьмы.

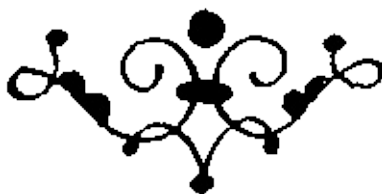
Мать говорит:

— Не надо. Пусть живёт. Я её вырастила. Я кормила её дарами земли. Она ни в чём не виновата.

Стали они жить втроём. Хасингет на охоту ходил — оленей приносил. Хорошо жили. Всё.

ТУВИНСКИЕ СКАЗКИ

БОГАТЫРЬ КУЛЮГ

Раньше ранних времён, древнее древних времён, когда хвост верблюда тащился по земле, а рога горного козла упирались в небеса, жил на свете добрый богатырь. Звали его Хан-Кулюг, что значит — Алый Герой. Было у него три выносливых коня, и среди них — неутомимый Хан-Шилги, красно-рыжий конь. Был у него могучий пёстрый орёл, который сторожил его аал^[83] с одной стороны, и был стремительный серый сокол, который охранял его аал с другой стороны. Семь месяцев богатырь охотился на семивершинном горном хребте. Шесть месяцев добывал зверя на шестивершинном горном хребте.

Была у него милая жена Сай-Куу и была любимая младшая сестра Алдын-Оюу.

Ушёл однажды Хан-Кулюг на шестивершинный горный хребет, много зверя убил, много добычи добыл, усталый вернулся домой и лёг спать на месяц, на все тридцать дней. Но проспал он недолго, разбудил его громкий крик.

— Милый брат, скорей вставай! Возле следов твоего коня Хан-Шилги появился огромный след! Это след богатырского коня! — кричала сестра Алдын-Оюу.

— Видно по следу, тот конь побольше твоего Хан-Шилги-коня! — кричала жена Сай-Куу.

Хан-Кулюг вскочил, налил воды в чашу, которую едва поднимали девяносто человек, умылся, прогнал сон, взобрался на высокий холм и начал смотреть вокруг. Но нигде ничего не было видно и нигде ничего не было слышно.

— Нигде ничего не видно, нигде ничего не слышно. Вы, наверное, водили моего Хан-Шилги-коня, а теперь смеётесь надо мной!

Взял он чёрный лук, белые стрелы и уехал охотиться на шестивершинный горный хребет. И увидел, что у подножия хребта сидит и ждёт его огромный богатырь. Под солнцем сверкает белый его халат. А рядом пасётся могучий светло-соловый конь.

— Откуда ты взялся, лысый барсук? — закричал Хан-Кулюг. — Ты

что, гниль земли или плесень воды? Ты всаднику — помеха, а пешему человеку — препятствие! Если хочешь что-нибудь сказать — говори!

— Я — могучий Алдай-Мерген. Коня моего зовут Ак-Сарыг. Я пришёл сюда, чтоб себе забрать аал и весь скот Хан-Кулюга. Я вижу, ты и есть богатырь из богатырей Хан-Кулюг. Отвечай, что ты хочешь — горячий крепкий кулак или холодную сталь, которую сделали мастера?

— Есть у меня для тебя горячий кулак, — ответил герой, — и есть холодная сталь, которую сделали мастера. Нет у меня брата, который родился раньше меня, который заступился бы за меня. И нет брата, который родился после меня, который защитил бы меня. Заступится за меня лишь конь мой Хан-Шилги.

Алдай-Мерген крикнул:

— И за меня никто не заступится, кроме Ак-Сарыг-коня. Бросим оружие, которое сделали мастера. Померимся силой, которую дали нам мать и отец!

И спутал железными путами своего Ак-Сарыг-коня. Хан-Кулюг стреножил своего коня Хан-Шилги.

Богатыри глянули друг на друга исподлобья, будто быки, и побежали, исполняя танец орла.^[84] А потом схватились в середине жёлтой степи. Заколебалось голубое небо, задрожала чёрная земля. Шестьдесят дней — два месяца, девяносто дней — три месяца шла борьба. И Хан-Кулюг увидел, что из-под мышек Алдай-Мергена начала падать чёрная пена хлопьями с гору величиной, а на спине разбушевалась белая пена величиной с горный хребет.

— Что с тобой? — крикнул Хан-Кулюг.

— Это значит — тело моё богатырское разыгралось! Теперь держись!

Но Хан-Кулюг был ловок, как ястреб, увёртлив, как сокол. Когда тело Алдай-Мергена разыгралось-разогрелось так, что нельзя было прикоснуться к нему голой рукой, Хан-Кулюг разорвал потник и обернул им руки.

Конь Хан-Шилги увидел, что хозяину трудно, плюнул вверх, и пошёл дождь с градом. Он охладил Алдай-Мергена. К тому времени разогрелось — разыгралось тело Хан-Кулюга. Он взял противника железной хваткой, закружил под белыми облаками и бросил на чёрную землю.

— Говори последнее слово, Алдай-Мерген! — сказал богатырь.

— Пощади меня, Хан-Кулюг. Давай будем братьями, как от одного отца, давай будем братьями, как два уха коня, как две лапы орла! Я клянусь: никогда, никогда тебе не изменю! — Так лёжа говорил Алдай-Мерген.

Хан-Кулюг поднял его и сказал:

— Будешь моим табунщиком, брат! Будешь ухаживать за лучшим табуном. Иди в мой аал.

А сам отправился на семивершинный горный хребет. Вдоволь наохотился, наполнил все сумки и поехал домой. А когда вернулся — увидел, что сестра Алдын-Оюу лежит больная, лежит скорчившись, лежит посиневшая, как заплесневелая печень!

— Синей болезнью заболела Алдын-Оюу, — сказала богатырю жена его, Сай-Куу. — Если ты не хочешь, чтобы твоя единственная сестра умерла, принеси ей сердце сивого быка, хозяина Синего озера. Только это сердце сможет её спасти!

Хан-Кулюг сел на могучего Хан-Шилги и поскакал к Синему озеру. Он пел протяжную песню, так пел, как поют сто человек. Он распевал горловую песню,^[85] так распевал, как распевают двести человек. Конь Хан-Шилги скакал по гребням низких гор, по склонам высоких гор. С досады богатырь давил белые камни величиной с овцу, от горя кричал и криком разбивал белые камни величиной с быка.

И вот он увидел в долине чёрный чум. Он вошёл в чум. Там была красавица Алдын-Хува, излучавшая свет солнца и луны. Рядом сидела её старая мать.

— Откуда и куда едешь, сынок? — спросила старуха.

— Моя единственная младшая сестра заболела синей болезнью. Я еду за сердцем сивого быка, хозяина Синего озера, — сказал Хан-Кулюг.

— Хозяин Синего озера, сивый бык, могуч и непобедим, — сказала старуха. — Он убивает всех. Один рог его такой горячий, что, если схватишься за него, ты загорись. Другой рог такой холодный, что, если схватишься за него, ты замёрзнешь. Вот тебе белый платок — им ты схватишь холодный рог. Вот тебе жёлтый платок — им ты схватишь горячий рог.

Назавтра красавица Алдын-Хува и её мать проводили Хан-Кулюга в далёкий путь. Он обернулся серым ястребом и прилетел к Синему озеру. На берегу лежал сивый бык величиной с горный хребет! У него была зелёная шерсть против сердца и длинная зелёная шерсть на хвосте.

Хан-Кулюг обернулся мухой и начал садиться то в угол глаза быка, то к корню рога. Бык мотал головой, отмахивался от мухи и вдруг попал рогами в землю. Тут Хан-Кулюг принял свой настоящий вид, жёлтым платком схватил горячий рог, белым платком схватил холодный рог и погрузил их в землю до корней!

— Что за сила вбила мои рога в землю? — взревел сивый бык. — Ведь победить меня может только Хан-Кулюг с конём Хан-Шилги! Зачем ты

здесь, Хан-Кулюг?

— Моя единственная младшая сестра, которую я берегу как зеницу ока, как кость пальца, лежит рядом со смертью. Я приехал за твоим сердцем, сивый бык. Только оно поможет спасти мою бедную сестру.

— Что ж, возьми моё сердце. Оно с левой стороны, — сказал сивый бык.

Богатырь взял сердце быка и целебными травами залечил рану.

— Будем друзьями, сивый бык, — сказал он и освободил быка, вытащил его рога из земли.

Бык вырвал клочок зелёной шерсти из хвоста и отдал богатырю.

— Когда я умру, шерсть почернеет, — сказал он.

Хан-Кулюг дал быку чёрную стрелу.

— Пока я жив, стрела будет гибкой, как лоза. Когда я умру, она высохнет, — сказал богатырь.

На обратном пути он зашёл в чёрный чум. Красавица вышла из чума, спрятала в рукава солнце и луну, вернулась и говорит:

— В степи темно, ехать нельзя. Остаешься ночевать.

Хан-Кулюг остался ночевать в чёрном чуме. Пока он спал, красавица вытащила у него из сумки сердце сивого быка и положила вместо него сердце бурой коровы. Утром богатырь ничего не заметил, уехал.

Он примчался в свой аал и дал коровье сердце больной сестре. Та сразу стала здоровой, встала и ушла.

А что Хан-Кулюг? Удалец Хан-Кулюг зря дома не сидит — он уехал охотиться на семивершинный хребет.

И не знал он, что клятвенный брат его Алдай-Мерген ему изменил, что жена Сай-Куу и сестра Алдын-Оюу вместе с Алдай-Мергеном задумали его погубить. Снова начали они думать, куда бы послать богатыря, чтобы он не вернулся.

— Отправим его к красной лисице с ядовитой пастью, — сказал Алдай-Мерген.

Когда Хан-Кулюг вернулся с охоты, он увидел, что бедная сестра Алдын-Оюу лежит больная, лежит скорчившись, лежит красная как кровь.

— Красной болезнью заболела Алдын-Оюу, — сказала жена Сай-Куу. — Если ты не хочешь, чтобы твоя единственная сестра умерла, принеси ей сердце красной лисицы, которая живёт за золотисто-красным хребтом. Только это сердце сможет её спасти!

Хан-Кулюг сел на неутомимого Хан-Шилги и направился к золотисто-красному хребту. По дороге зашёл в чёрный чум. Он пил чай и разговаривал с красавицей. А старуха вышла из чума, спрятала в рукава

солнце и луну и сказала богатырю:

— В степи темно. Ты должен здесь переночевать.

Утром Хан-Кулюг сказал:

— Моя единственная младшая сестра заболела красной болезнью. Я еду за сердцем красной лисицы, которая живёт за золотисто-красным хребтом.

— О, эта лисица — страшный ядовитый зверь. Человека она к себе не подпустит, — сказала старуха. — Кто-то послал тебя на верную смерть.

— Человек, рождённый тувинкой, не может отказаться от своего слова, — сказал Хан-Кулюг. И уехал.

Он взобрался на шестивершинный золотисто-красный хребет и с досадой подумал: «Неужели мне суждено здесь потерять голову?» И вдруг увидел красную лисицу. Хвост её лежал в реке, туловище на плоскогорье, а мордой она выскивала мышей в каменной россыпи. Хан-Кулюг обернулся мухой, подлетел к лисице, вытащил шестидесятисаженный аркан и накинул его лисице на шею. Он принял свой настоящий облик и потащил зверя к себе.

— Пощади меня, Хан-Кулюг! — закричала лисица. — Давай будем друзьями!

— Моя единственная младшая сестра заболела красной болезнью. Я приехал за твоим сердцем, красная лисица!

— Возьми моё сердце, только оставь мне жизнь!

Богатырь взял сердце лисицы и целебными травами залечил рану.

— Я согласен стать твоим другом, красная лисица, — сказал он.

Лисица вырвала клоч белой шерсти, который рос против сердца, и отдала богатырю.

— Пока я жива, шерсть будет белой, как облако. Когда я умру, она станет чёрной, как туча.

Хан-Кулюг дал лисице чёрную стрелу.

— Пока я жив, стрела будет гибкой, как лоза. Когда я умру, она высохнет, — сказал богатырь.

По дороге домой он заехал в чёрный чум. Девушка заменила в его сумке сердце красной лисицы сердцем серой овцы.

Хан-Кулюг приехал домой и увидел, что его сестре совсем плохо. Он дал ей сердце серой овцы, и она сразу стала здоровой, встала и ушла.

Удалой Хан-Кулюг уехал охотиться на шестивершинный хребет. А жена его Сай-Куу выкрасила на этот раз сестру его Алдын-Оюу жёлтой краской. Вернулся богатырь и увидел, что сестра лежит больная, лежит вся жёлтая, как жёлтая медь.

— Жёлтой болезнью заболела Алдын-Оюу, — сказала жена Сай-Куу. — Если ты не хочешь, чтобы твоя единственная сестра умерла, принеси ей обломок медного камня, который лежит на слиянии семи жёлтых рек, под охраной семи жёлтых мальчиков.

Хан-Кулюг направился туда, где сливаются семь жёлтых рек. По дороге заехал в чёрный чум.

— А теперь куда едешь? — спросила старуха.

— Теперь моя сестра заболела жёлтой болезнью. Я еду за медным камнем, который лежит на слиянии семи жёлтых рек, под охраной семи жёлтых мальчиков.

— О, к этим мальчикам нелегко подойти: они — волшебники, они чуют запахи из далёкого далека, — сказала красавица Алдын-Хува. — Я напишу им письмо. — И она дала богатырю письмо на жёлтой коже размером в сажень.

Хан-Кулюг приехал туда, где сливаются семь жёлтых рек. Семь жёлтых мальчиков бросились ему навстречу. Он кинул им жёлтое письмо. Они прочитали его и поняли, что его прислала волшебница Алдын-Хува. Они радостно прыгали и кричали:

— Я дам богатырю медный камень!

— Нет, я!

И они принесли семь обломков медного камня. По дороге домой Хан-Кулюг заехал в чёрный чум. Алдын-Хува подменила обломки медного камня обломками простого жёлтого камня.

Богатырь приехал к родным скалам. Жена увидела его издалека и сказала:

— Едет Хан-Кулюг, который не умирает, сколько его ни убивай!

Богатырь положил перед сестрой обломки простого жёлтого камня, и она сразу стала здоровой, встала и ушла. Хан-Кулюг уехал охотиться. Теперь коварная жена Сай-Куу выкрасила сестру Алдын-Оюу белой краской. Когда богатырь вернулся, он увидел, что сестра его лежит белая, как берёста.

— Белой болезнью заболела Алдын-Оюу, — сказала жена Сай-Куу.

— Чем же можно вылечить бедную сестру? — спросил Хан-Кулюг.

— Однажды, когда так же болела моя мать, мой добрый отец привёз ей молоко белой верблюдицы, которая пасётся около белого озера в стороне восхода. Может быть, и твоя сестра поправится от этого молока, — сказала жена Сай-Куу.

Хан-Кулюг сел на неутомимого Хан-Шилги и направился к Белому озеру. По дороге заехал в чёрный чум, поговорил с красавицей.

— Куда ты спешишь? Подожди, посиди ещё! — попросила Алдын-Хува.

— Единственная сестра Алдын-Оюу побелела! Если сегодня умрёт, то, может быть, поздно вечером, если завтра — то, может быть, рано утром! Я спешу за молоком белой верблюдицы, которая пасётся у Белого озера.

— Если ты туда поедешь, то, неумирающий, ты умрёшь. Не надо ездить, Хан-Кулюг! — сказала Алдын-Хува.

Но богатырь не послушал её и направился в сторону восхода. Он взобрался на белый перевал и увидел Белое озеро. У воды стоял железный тополь. На нём сидели три белых верблюжонка. Тот, что сидел внизу, плакал; тот, что сидел в середине, пел горловую песню; а тот, что сидел сверху, пел грустную, протяжную песню.

— Почему вы плачете и так грустно поёте? — спросил богатырь.

— В этом озере поселился трёхголовый змей, — ответили они. — В полдень он вылезает из воды. Самого нижнего, того, который плачет, он съест сегодня, того, который поёт горловую песню, — завтра, а того, который поёт грустную, протяжную песню, — послезавтра. А наши отец и мать ушли пастись в сторону восхода солнца, за тот огромный хребет. И некому нас защитить.

Хан-Кулюг взял чёрный лук, вложил любимую стрелу, натянул тугую тетиву, направил стрелу в середину озера и начал ждать. Как только показались над водой головы змея, богатырь выпустил стрелу, и она срезала все три головы. Когда стрела летела уже над тем берегом озера, конь Хан-Шилги догнал её, с ловкостью ястреба схватил зубами и принёс хозяину.

Верблюжата и Хан-Кулюг стали друзьями. Он рассказал им, зачем приехал.

— Наши отец и мать — могучие, страшные животные, — сказали верблюжата. — Они чуют запахи на расстоянии дня пути, они чуют запахи из далёкого далека. К ним нельзя подойти. Мы пососём молока и оставим его во рту. А ты иди на запад, спрячься за западным хребтом. И не появляйся, пока горбы отца и матери не скроются за восточным хребтом.

Хан-Кулюг поехал на запад и поднялся на высокий горный хребет. Назавтра ровно в полдень из-за противоположного белого хребта показались огромные верблюды и верблюдица. Их верхние губы гнали облака по небу. Их нижние губы гнали пыль по земле. Их дыхание было похоже на ураган. Они подошли к озеру и кликнули верблюжат.

— Почему наше озеро стало красным? Здесь была война? Как вы уцелели? — спросили они.

— Мы ничего не видели, мы только слышали гром, и вдруг головы змея отлетели, а озеро стало красным, — ответили верблюжата.

Но верблюд и верблюдица не поверили им и начали бегать по степи — нюхать следы, искать Хан-Кулюга. Потом верблюдица накормила верблюжат. И огромные белые верблюды ушли. А когда их горбы скрылись за белым хребтом, богатырь спустился в степь. Верблюжата наполнили молоком три его кувшина, и ещё осталось.

— Выпей остатки, акый^[86] Хан-Кулюг! Пальцы твоих рук станут ещё сильнее, жизнь твоя станет ещё длиннее! — сказали они.

Хан-Кулюг выпил молока белой верблюдицы и поехал домой. Вдруг он оглянулся и увидел, что верблюд, который чует запахи из далёкого далека, гонится за ним, поднимая пыль до небес. Тогда конь Хан-Шилги плюнул, а сам Хан-Кулюг свистнул, и задул ветер-ураган, пошёл снег-шурган. Верблюд не смог дальше бежать и повернул назад.

Богатырь приехал к чёрному чуму. С улыбкой встретила его Алдын-Хува. Пока он спал, она подменила молоко в его кувшинах: налила в них простого верблюжьего молока.

Хан-Кулюг приехал домой, дал сестре простого верблюжьего молока, и она сразу стала здоровой, встала и ушла.

Богатырь уехал охотиться, а вернувшись, увидел, что бедная сестра лежит совсем чёрная и скрюченная, будто высохшая.

— Чёрной болезнью заболела Алдын-Оюу, — сказала Сай-Куу. — Когда однажды так же заболела моя мать, мой добрый отец привёз ей семь кувшинов чёрной пены, которая появляется на гребнях волн в середине озера Хиндиктиг. Привези этой пены, может быть, она поможет вылечить сестру.

Хан-Кулюг сел на неутомимого коня Хан-Шилги и помчался по гребням низких гор, по склонам высоких гор. По дороге заехал в чёрный чум.

— Куда ты торопишься? — спросила Алдын-Хува.

— Я еду на озеро Хиндиктиг. Чтобы вылечить сестру, нужна чёрная пена, которая появляется на гребнях волн в середине этого озера.

— Хоть и добрый ты богатырь, да мало ума у тебя. Ведь это враги посылают тебя на верную смерть! Сейчас ты едешь в самое далёкое, в самое страшное место.

Но Хан-Кулюг не стал слушать.

— Бедная сестра, которую я берегу как зеницу ока, как кость пальцев, лежит рядом со смертью! Как мне смотреть на это?

Алдын-Хува в слезах осталась одна. Неизвестно, сколько времени ехал

богатырь. Зиму узнавал по инею, лето — по росе. Но вот он взобрался на гребень огромного чёрного хребта и увидел вдали чёрное озеро. «Жива ли моя сестра? Смогу ли я привезти ей чёрную пену?» — с грустью подумал Хан-Кулюг. И поехал вперёд. Наконец он добрался до озера Хиндиктиг, вырвал несколько могучих кедров, сделал плот и поплыл на нём к середине озера. Неизвестно, сколько он плыл. Но вот он увидел чёрную пену на гребнях волн. Он зачерпнул её в семь чёрных кувшинов и поплыл назад. Долго плыл, плот его сгнил и развалился. Хан-Кулюг то сам плыл, то на коне и наконец кое-как выбрался на берег. И увидел, что конь Хан-Шилги так устал, что уже рядом со смертью стоит. Тогда богатырь собрал целебные травы со всей тайги, накормил коня и оставил его отдыхать. А сам подоткнул полы халата, взвалил на плечи седло, узду и семь чёрных кувшинов и пошёл домой. Шёл он, шёл, и усталость валила его с ног. И он повесил на вершину невысокого дерева своё седло. Он так долго шёл, что не осталось мяса на его ногах; он так устал, что не осталось мяса на его теле. Недалеко от чёрного чума красавицы Алдын-Хува он оставил семь чёрных кувшинов — нести их он больше не мог. И из последних сил пополз в свой аал. На рассвете его увидела жена Сай-Куу.

— Ползут кости бессмертного, нестареющего Хан-Кулюга! — крикнула она. — Где ты, Алдай-Мерген? Теперь ты сможешь его одолеть. Заколи белого быка, сними шкуру, зашей в неё кости Хан-Кулюга и брось в яму-пропасть глубиной в шестьдесят саженей!

Алдай-Мерген сделал так, как сказала ему Сай-Куу. А отрубленный указательный палец богатыря взвалил на своего Ак-Сарыг-коня, свёз к Тихому морю и сбросил в воду. Весь аал Хан-Кулюга он угнал. Пусто стало на стойбище. Не осталось там даже вороны, чтобы каркнуть, даже сороки, чтобы вскрикнуть.

Сивый бык, красная лисица, семь мальчиков-волшебников, три верблюжонка, красавица Алдын-Хува — все сразу узнали о смерти Хан-Кулюга по стрелам, которые он им оставил. Они прибежали к аалу-стойбищу богатыря, но там никого не было. Всё заросло высокой травой.

Первый из семи мальчиков-волшебников мог, приложив ухо к земле, слышать шум из далёкого далека, второй мог идти по следам муравья, который прошёл семь лет назад, третий мог идти по следам рыбы в море, четвёртый мог поднять гору — такой он был силач, пятый мог в одно мгновение прицелиться и выстрелить, шестой мог идти по следам паука на песке, а седьмой мог выпить море!

Первый мальчик приложил ухо к земле и стал слушать.

— Хан-Кулюг шевелится где-то глубоко под землёй, — сказал он.

Второй мальчик привёл всех к яме-пропасти глубиной в шестьдесят саженей. Яма была накрыта огромной горой.

— Под горой лежат кости Хан-Кулюга, — сказал он.

Тогда они окопали гору со всех сторон, набросили на неё аркан, другой его конец привязали к рогам сивого быка, и бык вырвал гору. Мальчик-силач спустился в пропасть и вынес наверх кости Хан-Кулюга.

Не зря красавица Алдын-Хува прятала волшебные лекарства, которые нёс сестре Алдын-Оюу, не знавший страха богатырь. Теперь она всеми этими лекарствами лечила Хан-Кулюга. Мальчик, который мог идти по следам паука на песке, пошёл по следам богатыря и нашёл семь чёрных кувшинов, которые Хан-Кулюг оставил недалеко от чёрного чума красавицы. Алдын-Хува намазала богатыря чёрной пеной, и он стал дышать. Он дышал, но не говорил. Мальчик, который слышал любой шум из далёкого далека, пересчитал все его кости и увидел, что не хватает указательного пальца правой руки. Мальчик, который мог идти по следам муравья, прошедшего семь лет назад, и мальчик, который мог идти по следам рыбы в море, пошли искать палец Хан-Кулюга. След привёл к Тихому морю. Тот, который ходил по следам рыбы, обернулся рыбой, плавал и спрашивал у всех рыб о пальце богатыря. Он переспросил тысячи, миллионы рыб! Но никто ничего не знал. Мальчик загрустил. Вдруг он увидел: плывут два огромных старых тайменя и поют горловую песню.

— Куда забросили враги указательный палец Хан-Кулюга? Может быть, вы что-нибудь видели или слышали? — спросил он.

— Когда-то у устья реки Кара-Хем свалилась в воду большая белая скала. Теперь около неё зимует рыба. Может быть, эта скала и есть палец Хан-Кулюга? — ответили они.

Мальчик приплыл к устью Кара-Хема и увидел, что это и есть палец богатыря. Он вернулся в аал Хан-Кулюга и сказал:

— Я нашёл палец. Он лежит глубоко в море, рядом с устьем Кара-Хема.

Мальчик, который мог выпить море, и мальчик-силач пошли к устью Кара-Хема. Первый выпил море, а второй взял огромный палец, взвалил его на спину и понёс в аал. Мальчик, который выпил море, выпустил его назад. Палец прирастили к руке богатыря. Но Хан-Кулюг молчал и не шевелился.

Тогда Алдын-Хува трижды взмахнула золотой плетью и трижды перешагнула через тело Хан-Кулюга.

— Он будет первым, кого я оживлю, — сказала она.

— Я, кажется, долго спал, — сказал богатырь и встал на ноги.

Друзья, вспоминая хорошее, смеялись, вспоминая плохое, плакали.

— Жив ли мой отважный конь Хан-Шилги? — спросил богатырь. — А может, он мёртв? Кто сможет его оживить?

Мальчик, который слышал шум из далёкого далека, приложил ухо к земле и сказал:

— Конь Хан-Шилги жив. На нём звенит узда, украшенная серебром. Он бежит сюда.

Вскоре друзья Хан-Кулюга привели его коня.

— Мы хотим помочь тебе, наш друг, расправиться с твоими врагами, которые бросили тебя в пропасть и угнали твой скот, — сказали они.

— Нет, друзья, — сказал богатырь. — Я был мёртвый — вы меня спасли, оживили, погасший мой огонь вновь зажгли. Спасибо вам! Вы знаете, что такое настоящая дружба. А с врагами я расправлюсь сам.

Его друзья разошлись. Богатырь натянул тугой лук — попробовал свою силу — и увидел, что стал сильнее прежнего. А конь его Хан-Шилги так отдохнул, так окреп, что стал резвее прежнего. Хан-Кулюг сел на Хан-Шилги, взобрался на гребень родного хребта и начал думать думы, которых никогда раньше не думал. И поехал по следам своего врага, грабителя Алдай-Мергена. Он въехал в его аал и вошёл в большую белую юрту. Из-за сундуков выглядывал испуганный Алдай-Мерген. Руки-ноги его тряслись.

— Что ты хочешь — холодную белую сталь или горячий красный кулак? Что с тобой сделать, предатель? — громко спросил богатырь.

— У меня нет слов, чтобы ответить тебе, Хан-Кулюг. Делай со мной что хочешь, могучий, бессмертный Хан-Кулюг!

Богатырь Хан-Кулюг схватил Алдай-Мергена и так его встряхнул, а потом так ударил о землю, что не осталось даже кости, которую могла бы погрызть собака, не осталось даже капли крови, которую могла бы лизнуть лисица.

И он пошёл в соседнюю юрту, к жене Сай-Куу.

— Что ты хочешь — семь белых сабель или семь молодых кобылиц?

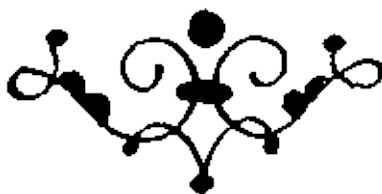
— Семь молодых кобылиц лучше, — сказала жена Сай-Куу. — Это же скот!

Хан-Кулюг привязал её к семи кобылицам и пустил в степь.

А потом погнал свой скот на старое стойбище, к родным скалам. Он женился на красавице Алдын-Хува и на свадьбу позвал всех своих друзей.

На холме он поставил юрту, в ровной степи пас скот. Молодец из молодцов, удалец из удалцов, богатырь из богатырей, бесстрашный Хан-Кулюг жил в мире и согласии со всеми.

ОСКЮС-ООЛ И ДОЧЬ КУРБУСТУ-ХАНА

Жил когда-то в наших краях бедный парень. Не было у него ни матери, ни отца, ни брата, ни сестры. Жил один-одинёшенек, ел что подадут. Люди звали его **Оскюс-оол**, что означает «парень-сирота». Оборванный и бездомный, бродил он по степи, ловил сусликов и мышей, кое-как набивал свой голодный живот.

Однажды на берегу реки Кара-Хем парень увидел богатый аал. В середине его возвышалась огромная белая юрта, такая, что и девятью конями не окружить. «Чей это такой богатый аал? — подумал Оскюс-оол. — Наверное, ханский, наверное, здесь дадут поесть». И он направился прямо к белой юрте. Осторожно открыл дверь, несмело вошёл. На чёрном квадратном ширэ^[87] прямо против дверей восседал величественный хан. Рядом с ним на девяти коврах сидела ханша.

— Здравствуйте, хан, здравствуйте, ханша, — сказал бедный парень и поклонился до земли.

Хан, не глядя на него и не шевеля губами, сквозь зубы спросил:

— Как твоё имя-прозвище, где твой аал-стойбище, откуда и куда идёшь ты, жалкое существо?

— Я — Оскюс-оол, голодный сирота, иду из аала в аал ем что подадут. Зимой ищу, где в достатке бора-быда,^[88] летом ищу, где в избытке божа-хойтпак,^[89] — отвечает бедный парень.

— Ну а если я пошлю тебя поработать, пойдёшь, бездельник?

— Когда хан приказывает, простой человек не отказывается, — отвечает бедный парень.

— Тогда налей себе сыворотки в собачью чашку, напейся, возьми серп и ступай в сторону гор. Там у меня шесть полей, на которых растёт просо шести родов. Надо сжать всё просо, пока светит луна. Раньше восхода луны работу не начинай, после захода луны работу не продолжай. Вовремя управишься — получишь одежду и еду. А не управишься — пеняй на себя! Бездельников я не люблю!

Оскюс-оол взял серп и пошёл в сторону гор. Он добрался до края поля,

сел и стал ждать восхода луны. И вот луна выкатилась на гребень хребта. Оскюс-оол начал работать. Когда он сжал просо на пяти полях, луна начала закатываться за гребень хребта.

— Постой, моя луна, не спеши, подожди хоть немного, дай мне закончить жатву! — закричал бедный парень.

Но луна скрылась за хребтом. Оскюс-оол пришёл к хану.

— Я успел сжать просо только на пяти полях. И тут луна скрылась. Я просил её не заходить, подождать, но она всё-таки скрылась. На шестом поле я не работал, — сказал бедный парень.

— Ах, не работал? Ну так получай, что заработал! — И хан исхлестал парня тяжёлой плетью. — Иди куда хочешь, бездельники мне не нужны!

Оскюс-оол шёл по степи и плакал. Он думал: «Если бы я не работал на хана, он бы меня не избил... Лучше ловить сусликов». И бедный парень ловил сусликов, ел их и шёл всё дальше на север. Он пришёл к устью реки Кара-Хем. На берегу стоял богатый аал, а в середине высилась круглая белая юрта, такая, что и девятью конями не окружить. Оскюс-оол несмело к ней подошёл и открыл двери. Там на девяти коврах восседал величественный хан, на четырёх коврах сидела ханша.

— Здравствуйте, хан, здравствуйте, ханша, — сказал бедный парень и поклонился до земли.

Хан, не глядя на него и не шевеля губами, сквозь зубы спрашивает:

— Как твоё имя-прозвище, где твой аал-стойбище, откуда и куда идёшь ты, жалкое существо?

— Я — Оскюс-оол, голодный сирота, иду из аала в аал, ем что подадут, зимой ищу, где в достатке бора-быда, летом ищу, где в избытке божа-хойтпак, — отвечает бедный парень.

— Ну а если я пошлю тебя поработать, пойдёшь, бездельник?

— Когда хан приказывает, простой человек не отказывается, — отвечает Оскюс-оол.

— Тогда налей себе сыворотки в собачью чашку, напейся и ступай на мои поля. Там у меня растёт просо шест родов. Надо сжать всё просо, пока светит солнце. Раньше восхода работу не начинай, после заката работу не продолжай. Вовремя управишься — получишь одежду и еду. А не управишься — пеняй на себя! Бездельников надо учить!

Оскюс-оол взял серп и пошёл на ханские поля. Он добрался до края поля и лёг спать, чтобы завтра, как только взойдёт солнце, начать жатву.

И вот солнце выкатилось на гребень хребта. Оскюс-оол начал работать. Когда он убрал просо на пяти полях, солнце стало закатываться.

— Постой, моё солнце, не спеши, подожди хоть немного, дай мне

закончить жатву! — закричал бедный парень.

Но солнце не послушало его, скрылось за хребтом. Печальный Оскюс-оол пришёл к хану.

— Простите, хан, я успел сжать просо только на пяти полях. И тут солнце скрылось. Я просил его не заходить, подождать, но оно всё-таки скрылось. На шестом поле я не работал, — сказал бедный парень.

— Ах, не работал?! Ну так получай, что заработал! — И хан исхлестал парня тяжёлой плетью. — Иди куда хочешь, бездельники мне не нужны!

Оскюс-оол шёл по степи и плакал. «Надо ловить сусликов, ловить рыбу, а не работать на ханов», — думал бедный парень. И он ловил сусликов, ел их и шёл всё дальше на север. Наконец он взобрался на огромный жёлтый хребет. С перевала посмотрел на ту сторону и увидел длинную жёлтую долину. В середине долины блестела вода. «Скорей бы добраться до озера, — подумал бедный парень, — там я наловлю рыбы и наконец наемся». Он спустился в степь, добрался до воды и понял, что перед ним знаменитое Золотое озеро, то озеро, в котором обитает Узуту-хан, хан воды, владыка подводного мира. Вдруг он услышал шум крыльев и человеческие голоса. «Откуда взялись люди в этой дикой степной глуши?» — подумал он и спрятался в камышах. Над озером сделали круг три белых лебедя. Они опустились недалеко от Оскюс-оола и вдруг сбросили свои одежды из перьев. Оскюс-оол увидел трёх красавиц, которые излучали свет солнца и луны. Красавицы побежали купаться в озере. Оскюс-оол спрятал лебединую одежду младшей из них.

Красавицы вышли из воды. Старшие накинули на себя лебединные одежды, обернулись птицами и взмыли ввысь. А младшая бегаёт по берегу — не может найти своей одежды. И тогда она заплакала и опустилась на траву.

«Из-за меня красавица плачет, из-за меня отстала от подруг, — подумал Оскюс-оол. — Может быть, сама она не найдёт дороги домой. Надо скорее отдать ей лебединую одежду, пускай догонит подруг-лебедей». Парень вышел из камышей, протянул девушке белую одежду из перьев и говорит:

— Не плачь, красавица, вот твои крылья, догоняй белых лебедей.

— Ты меня погубил, Оскюс-оол! — говорит красавица. — Зачем ты трогал руками мои крылья? Теперь я не могу вернуться домой. Мой отец — владыка верхнего мира, великий Курбусту-хан — скажет: «От тебя пахнет человеком из светлого мира» — и не откроет мне дверей своей юрты. Мой дядя — владыка подводного мира, прославленный Узуту-хан — скажет: «От тебя пахнет человеком из светлого мира» — и не откроет мне дверей

своей юрты. Что мне теперь делать? Где жить? Мои сёстры улетели... — И она опять горько заплакала.

«Я погубил младшую дочь великого Курбусту-хана, погубил красавицу, которая излучает свет солнца и луны, — подумал Оскюс-оол. — Она всюду летала со своими сёстрами, а теперь совсем одна...» И парень задумался, как никогда раньше не задумывался, он загоревал, как никогда раньше не горевал.

— Не плачь, красавица, пойдём со мной, я не оставлю тебя одну, — сказал наконец Оскюс-оол. — Если умирать — умрём вместе, а жить — будем жить вместе!

— Я согласна, — сказала дочь Курбусту-хана, и они пошли на юг.

Каждую рыбку, каждого суслика Оскюс-оол делил пополам с красавицей. И вот они пришли к аалу Караты-хана, который стоял у подножия Улуг-Кара-Тайги, великого горного хребта. Добра у хана было выше плеч, скота — выше головы.

— Давай поставим себе чум возле ханского аала, — говорит Оскюс-оол. — Я стану работать на хана, а за работу попрошу печень-лёгкие того скота, который режут для него.

Они поставили берестяной чум, и парень пошёл к хану.

— Зачем пришёл, оборванец? — спрашивает хан.

— Я хочу работать на вас, — отвечает Оскюс-оол, — и получать за это печень-лёгкие того скота, который вы едите, хочу получать печень-лёгкие, которые вы всё равно выбрасываете. И ещё хочу молока вашей козы.

— Нет, оборванец, ты ничего не получишь, — говорит хан. — В нашем ханстве давно нет дождей, трава не растёт, скот тощий. А откуда печень-лёгкие у тощего скота, откуда молоко у тощей козы? Ты ведь не можешь сделать, чтобы пошёл дождь, чтобы выросла густая трава, чтобы разжирел мой скот!

Парень вернулся домой и всё рассказал красавице.

— Не печалься, Оскюс-оол, — говорит она. — Пойди снова к хану и спроси: что он даст, если ты вызовешь дождь, если вырастет такая высокая трава, что ханский скот в ней затеряется?

— Но как я вызову дождь?

— Это не твоя забота, Оскюс-оол, пойди спроси.

Парень снова пришёл к хану.

— Хан, что вы мне дадите, если я вызову дождь, если вырастет такая трава, что ваш скот в ней затеряется?

— О, если ты это сделаешь, я дам тебе добра выше плеч, скота — выше головы! — говорит хан.

Оскюс-оол вернулся в чум.

— Хан пообещал дать мне добра выше плеч, скота — выше головы!

— Пойди снова к хану, скажи, что тебе нужна шерсть белой овцы и кусок красного шёлка, — говорит красавица.

Оскюс-оол опять пришёл к хану, попросил шерсть белой овцы и кусок красного шёлка.

— Если ты и вправду сможешь вызвать дождь, мне для тебя ничего не жаль, — говорит хан.

Бедный парень взял шерсть и шёлк и отнёс их красавице. Она написала пальцем на шёлке какие-то слова, а из шерсти сделала длинную белую нить. Утром она надела лебединую одежду и улетела в верхний мир.

Там она привязала красный шёлк длинной ниткой к белой берёзе. И вернулась в свой чум.

И вот задули ветры, небо заволокло тучами, ударила молния и хлынул дождь. Он лил три дня без перерыва, потом шесть дней без остановки, потом девять дней без усталости, а потом тридцать дней без передышки. Два месяца шёл дождь не переставая. Распустились листья на всех деревьях, выросли высокие сочные травы. Несметный скот Караты-хана ушёл в травы и затерялся. И вот хан увидел: ещё немного дождя — и половина его скота утонет, ещё немного воды — и половина его добра уплывёт. Он испугался и вызвал своих верных слуг, остроглазых доносчиков Булагачи-хаа и Чечен-хаа.

— Бегите к Оскюс-оолу, скажите, чтобы остановил свой дождь, довольно воды, тонет мой скот, уплывает моё добро! — кричал хан.

Слуги прискакали к Оскюс-оолу и, не сходя с коней, крикнули:

— Наш хан приказал тебе остановить свой дождь!

Красавица улетела в верхний мир, отвязала от белой берёзы красный шёлк, и дождь перестал. Оскюс-оол пошёл к хану.

— Хан, я пришёл за наградой.

— Да, ты достоин награды, — говорит хан, — ты вызвал дождь, ты вырастил траву. Садись, вместе будем пить-гулять!

Оскюс-оол быстро опьянел. Хан говорит:

— И ты пьян, и я пьян. Надо выспаться. Завтра дам тебе награду. Ты где хочешь спать: в моей красивой юрте или в своём берестяном чуме?

— В своём чуме, — отвечает Оскюс-оол.

Назавтра, когда он пришёл, хан пил чай.

— Что тебе тут надо, зачем пришёл? — спрашивает хан.

— Пришёл за наградой, — отвечает бедный парень.

— За какой такой наградой? Невежа, который оскорбляет хана, пришёл

за наградой! — кричит хан.

— Да-да, — говорит остроглазый доносчик Чечен-хаа, — этот парень вчера напился и так буянил!..

— Что же говорил этот бездельник? — спрашивает хан.

— Он говорил: «Если у хана нет дворца из прозрачного стекла, то я его и ханом не считаю!» — говорит Чечен-хаа.

— Ах так! — кричит хан. — Ты меня ханом не считаешь?! Тогда найди и принеси мне дворец из прозрачного стекла! Иначе шею сверну! Иди, иди, и не получишь никакой награды, пока не будет у меня этого дворца!

Бедный парень в слезах вернулся домой, обо всём рассказал красавице.

— А есть ли в вашем мире дворец из прозрачного стекла? — спрашивает она.

— Я не только нигде не видел такого дворца, но даже никогда о нём и не слышал, — отвечает Оскюс-оол.

— Наверное, такой дворец есть только в подводном мире, у моего дяди Узуту-хана, хозяина Золотого озера, — говорит красавица. — Придётся тебе пойти к нему. Но и он может свернуть тебе шею.

— Раз на то пошло, пусть свернёт мне шею твой дядя Узуту-хан, а не этот обманщик Караты-хан. Надоели мне ханы-обманщики!

— Тогда походи к Караты-хану и попроси у него шерсть жёлтой овцы и кусок зелёного шёлка, — говорит красавица.

Оскюс-оол пришёл к Караты-хану.

— Я добуду вам дворец из прозрачного стекла, только дайте мне шерсть жёлтой овцы и кусок зелёного шёлка.

Хан удивился и приказал на этот раз остричь жёлтую овцу. Оскюс-оол взял шерсть и шёлк и принёс в свой чум. Красавица что-то написала пальцем на шёлке, а из шерсти сделала нить. Она привязала нить к шёлку и дала её Оскюс-оолу.

— Иди к Золотому озеру, на то место, где мы с тобой встретились. Забрось этот шёлк в озеро, а нить крепко держи. Когда шёлк коснётся дна, скажи: «Узуту-хан, мой дядя в подводном мире, соблаговолите подарить мне ваш дворец из прозрачного стекла!» Если нить натянется, осторожно вытягивай. Этот дворец очень лёгкий. Ты возьмёшь его на плечи и отнесёшь Караты-хану.

Оскюс-оол поспешил к Золотому озеру. Он забросил в озеро шёлк на нити, а потом крикнул: «Узуту-хан, мой дядя в подводном мире, соблаговолите подарить мне ваш дворец из прозрачного стекла!» Вдруг нить со звоном натянулась, парень начал её осторожно выбирать, и над озером медленно всплыл дворец из прозрачного стекла. Лучи солнца

разбивались о его стены и превращались в радуги! Оскюс-оол подтянул дворец к берегу, взял его на плечи и отнёс Караты-хану. Все воины хана, все его слуги, все подданные сбежались в ханский аал, чтобы посмотреть на прекрасный дворец. Обрадованный хан сказал:

— Сейчас я устрою великий праздник. Садись, Оскюс-оол, будешь моим гостем, пей со мной. — И он поставил перед гостем мясо и налил ему араки.

Оскюс-оол быстро опьянел. Хан говорит:

— И ты пьян, и я пьян. Надо выспаться. Завтра приходи за наградой. Где ты хочешь спать: у меня или в своём чуме?

— Пойду в свой чум, — говорит Оскюс-оол.

Назавтра, когда он пришёл, хан пил чай.

— Что тебе тут надо, зачем пришёл? — спрашивает хан.

— Я пришёл за наградой, — отвечает бедный парень.

— За какой ещё наградой? Буян, который ругает хана, пришёл за наградой!

— Да-да, — говорит остроглазый доносчик Булагачи-хаа, — этот парень вчера напился и так раскричался!..

— Что же говорил этот бездельник? — спрашивает хан.

— Он говорил: «Если у хана нет войска, бушующего, как море Калчаа-Далай, то я его и ханом не считаю!» — говорит Булагачи-хаа.

— Ах так! Ты меня ханом не считаешь?! — кричит хан. — Тогда найди, раздобудь мне войско, бушующее, как море Калчаа-Далай! Иначе шею сверну! Иди, иди, не будет тебе никакой награды, пока не будет у меня этого войска!

Бедный парень в слезах вернулся домой, обо всём рассказал красавице.

— А есть ли в вашем мире войско, бушующее, как море Калчаа-Далай? — спрашивает она.

— Я не только нигде не видел такого войска, но даже никогда о нём и не слышал, — отвечает Оскюс-оол.

— Наверное, такое войско есть только в верхнем мире, у моего отца Курбусту-хана, — говорит красавица. — Придётся тебе пойти к нему. Но и он может свернуть тебе шею.

— Раз на то пошло, пусть свернёт мне шею твой отец Курбусту-хан, а не этот обманщик Караты-хан! Все здешние ханы — обманщики!

— Тогда ты полетишь в моей одежде в верхний мир. Там увидишь семь белых юрт с одной стороны и девять белых юрт с другой стороны. За ними стоит дырявая чёрная юрта. В неё и входи. Там живёт седая старушка. Из волос у неё торчит сено. Ничего ей не говори: она всё на свете знает и

всех на свете знает. И тебя она знает. Старушка предложит чаю — не стесняйся, пей. Предложит изюм и лепёшки — ешь. Пока отец тебя не позовёт, сам к нему на глаза не попадайся.

Оскюс-оол надел лебединую одежду и устремился в верхний мир. Он прошёл мимо белых юрт и вошёл прямо в дырявую чёрную юрту.

— Внучек мой, Оскюс-оол, проходи, садись, — сказала старушка. Она сварила чай, поставила перед гостем лепёшки, изюм.

Оскюс-оол начал пить-есть. Вдруг вошла красавица.

— Кто ты, парень, как твоё имя-прозвище, где твой аал-стойбище, зачем ты здесь? — спросила она.

— Я — Оскюс-оол, живу в светлом мире в берестяном чуме с красавицей, которая излучает свет солнца и луны. Злой Караты-хан дважды меня обманул, и я пришёл пригласить войско моего тестя Курбусту-хана, войско, бушующее, как море Калчаа-Далай.

— Наконец-то наша милая дочь нашлась! Она давно потерялась, и мы никак не могли её отыскать! — вскричала красавица. — Спасибо тебе, сынок, за добрую весть! — Она в слезах побежала к Курбусту-хану.

Хан спросил её:

— Почему ты плачешь?

Жена не ответила.

— Если ты боишься меня, то спрячь мой чёрный лук, мои жёлтые огненные стрелы, саблю и нож в железную юрту, — сказал Курбусту-хан.

Жена спрятала ханское оружие, а потом спросила:

— Как ты думаешь, хан, где наша младшая дочь, зеница нашего ока, кость наших пальцев?

— А где ей быть? Играет на облаках вместе с сёстрами.

— Нет, она уже давно живёт в светлом мире, живёт в берестяном чуме с Оскюс-оол ом... Оскюс-оол сейчас здесь.

— Позвать его сюда!

Вошёл Оскюс-оол.

— Где мой чёрный лук и жёлтые огненные стрелы? Я прострелю его насквозь! Где моя стальная сабля? Я изрублю его на куски! — закричал Курбусту-хан. И он поискал вокруг себя лук, стрелы и саблю, но ничего не нашёл. Скоро он успокоился и спросил Оскюс-оола:

— Зачем ты сюда пришёл?

— Злой Караты-хан дважды меня обманул, и я пришёл, мой тесть, пригласить ваше войско, войско, бушующее, как море Калчаа-Далай.

Курбусту-хан подумал и говорит:

— Это войско хранится в золотом сундучке. А сундучок этот охраняют

луна и солнце. Луна отдыхает на Монгун-Тайге, солнце ночует на Алдын-Тайге.^[90] Пойди к ним, попроси сундучок. Если не отдадут, зааркань их золотым арканом и приведи ко мне.

Оскюс-оол пришёл к Монгун-Тайге.

— Эй, луна, — закричал он, — дай мне золотой сундучок моего тестя, Курбусту-хана!

— У меня его нет, ничего не знаю! — говорит луна.

Оскюс-оол повернулся к Алдын-Тайге.

— Эй, солнце, дай мне золотой сундучок моего тестя, Курбусту-хана!

— У меня его нет, ничего не знаю! — говорит солнце.

Тогда Оскюс-оол набросил на них золотой аркан и поволок через горы и перевалы к Курбусту-хану. Он привязал их и вошёл в ханскую юрту.

— Ну что, — спрашивает хан, — отдали тебе золотой сундучок?

— Нет, хан, не отдали, я их самих к вам привёл.

Курбусту-хан вышел и увидел, что Оскюс-оол так их проволоком через горы и перевалы, что половина луны стёрлась, а солнце раскалилось докрасна. Хан рассердился. Он спросил:

— Что же ты их так грубо тащил, шалопай?! Почему ты стёр половину моей луны и раскалил моё солнце докрасна?

— Однажды в светлом мире, — ответил Оскюс-оол, — я убирал просо на шести полях у Эрельчин-хана. Он приказал справиться, пока светит луна. Я успел убрать только пять полей, и луна скрылась. Я просил её посветить ещё немного, но она скрылась. Вот теперь я её наказал.

— Ну а солнце что тебе сделало?

— В другой раз я убирал просо на шести полях у Харальчин-хана. Он приказал справиться, пока светит солнце. Я успел убрать только пять полей, и солнце скрылось. Я кричал ему, просил подождать, но оно всё-таки скрылось. Вот теперь я и его наказал.

Курбусту-хан спросил:

— Скажите, луна и солнце: правду ли говорит Оскюс-оол?

— Да, всё это было, он нам кричал, — ответили луна и солнце.

Хан взял у них золотой сундучок и отпустил гулять по небу.

— Моя младшая дочь, которая живёт в твоём чуме, знает, что с ним делать, — сказал он и отдал сундучок Оскюс-оолу.

Оскюс-оол вернулся домой. Красавица говорит:

— Неси сундучок осторожно, чтобы он не открылся. Отдай Караты-хану и скажи: «Вот войско, бушующее, как море Калчаа-Далай». И сразу возвращайся домой.

Оскюс-оол пришёл в аал Караты-хана. Рядом с аалом стояло войско

хана во главе с девятью чёрными железными богатырями на девяти огромных вороных конях. Все собрались, чтобы посмотреть на новое войско хана, на войско, бушующее, как море Калчаа-Далай. Оскюс-оол вручил жадному хану сундучок, повернулся и пошёл домой. На полпути он оглянулся и посмотрел на аал Караты-хана: там была тёмная ночь и во все стороны света расплзался чёрный дым.

На другой день опять стало светло. Красавица говорит:

— Оскюс-оол, пойди по Кара-Хему, посмотри, не скачут ли железные люди на железных конях. Когда увидишь их, крикни: «Войско, бушующее, как море Калчаа-Далай, возвращайся домой!»

Оскюс-оол пошёл вниз по реке. На месте ханского аала стоял открытый золотой сундучок. Вдоль реки скакали железные всадники. Оскюс-оол крикнул:

— Войско, бушующее, как море Калчаа-Далай, возвращайся домой!

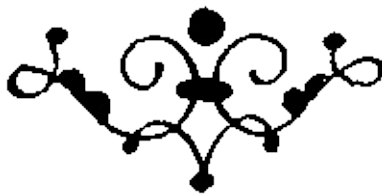
Железные всадники превратились в железных мух и влетели в золотой сундучок. Оскюс-оол закрыл его и огляделся. Он увидел, что всё ханское войско во главе с чёрными железными богатырями перебито. А сам хан стоит на коленях и говорит:

— Пощади меня, могущественный Оскюс-оол, добрый Оскюс-оол!

Оскюс-оол не стал убивать хана. Он собрал всех его подданных, устроил великий пир и начал править всей землёй, которая лежала у подножия Улуг-Кара-Тайги. Хана он сделал своим дровоколом, а ханша стала присматривать за котлом, в котором всегда варилось мясо.

На холме Оскюс-оол поставил себе круглую белую юрту, такую, что и девятью конями её не окружить. В этой юрте он жил с красавицей, которая излучала свет солнца и луны.

ОСКЮС-ООЛ, ПОСТИГШИЙ ТРИ НАУКИ

Жил когда-то старик. Был у него сын Оскюс-оол. Когда старик умер, парню осталось тридцать лошадей, тридцать коров и тридцать коз.

«Нет у меня братьев, нет сестёр, — подумал Оскюс-оол. — Зачем мне одному столько скота? Лучше променять его на знания».

Он погнал свой скот на север. И вот увидел три юрты. Он заглянул в первую юрту. Там люди играли в шахматы.

— Откуда ты пришёл? Что ищешь? — спросили его.

— Я пришёл с юга. Родители мои умерли. Мне оставили много скота. Я решил променять его на знания. Научите меня играть в шахматы, и я отдам вам тридцать коз, — сказал Оскюс-оол.

Игроки согласились, взяли у него тридцать коз и за три месяца научили игре в шахматы. Оскюс-оол стал обыгрывать своих учителей. Тогда он попрощался с ними и погнал свой скот дальше на север.

Скоро подъехал к белой юрте. Там три человека показывали друг другу китайские фокусы.

— Откуда ты пришёл? Что ищешь? — спросили его.

— Я пришёл с юга. Родители мои умерли. Мне оставили много скота. Я решил променять его на знания. Уже умею играть в шахматы. Научите меня вашим фокусам, за это отдам тридцать коров, — сказал Оскюс-оол.

Фокусники взяли у него тридцать коров и за два месяца обучили своему искусству. Оскюс-оол стал показывать фокусы даже лучше учителей. Он попрощался с ними и погнал своих лошадей на север.

Вскоре опять встретил юрту. Там три человека упражнялись в счёте. Оскюс-оол рассказал им, что своих коз и коров он отдал за учение и теперь умеет играть в шахматы и показывать фокусы.

— Научите меня считать, за это отдам двадцать девять лошадей, — сказал он.

Учёные люди взяли у него двадцать девять лошадей и за месяц обучили счёту. Оскюс-оол стал считать не хуже учителей. Тогда он попрощался с ними, сел на своего единственного коня и поехал дальше.

Вскоре он узнал, что за перевалом живёт хитрый Караты-хан. С

каждым путником он играет в шахматы. Кто ему проиграет — тому всю жизнь пасти ханских овец, а кто трижды обыграет — тому достанется весь ханский скот с пастухами. Но пока никто не обыграл хана. Каждый, кто играл, стал навечно его пастухом.

«Надо сыграть с Караты-ханом, — подумал Оскюс-оол, — не зря я многому научился».

Парень взобрался на перевал и спустился в широкую степь. Там он увидел множество овец. Это были овцы Караты-хана. Оскюс-оол пересчитал пастухов. Их было девяносто девять. «Если я проиграю, у хана будет сто пастухов, а если выиграю — все пастухи будут свободны». — Так подумал учёный парень и направился к юрте хана.

— Откуда пришёл, что ищешь, странник? — спросил его Караты-хан.

— Я приехал из-за гор. Хочу сыграть с вами в шахматы. Я слышал, что можно выиграть ваш скот, ваших пастухов, — ответил Оскюс-оол.

Хан рассмеялся:

— Выиграть! Ты, бродяга, захотел выиграть? Скажи-ка лучше, что ты видел, когда спустился в мою долину?

— Я видел ваших овец и пастухов.

— Пойди-ка сперва пересчитай, сколько там пастухов, а тогда уж будем играть, — сказал хан.

— Я пересчитал, — ответил Оскюс-оол. — Их девяносто девять. Если проиграю, будет сто. А если выиграю, все пастухи будут свободны!

Удивился хан, что простой человек счёту обучен, и сел играть. Скоро увидел, что проигрывает.

— Э-э, парень, стой, — сказал он. — Шахматы — игра трудная, долгая. А человек есть-пить хочет. Давай отдохнём, поедим.

Жена хана принесла им еду на двух золотых тарелках. Оскюс-оол понял: еда, что стоит перед ханом, — глаз просветляет, ум оживляет, а еда, что стоит перед ним, глаз туманит и ум дурманит. Но не зря он учился фокусам. Хан и глазом моргнуть не успел, как Оскюс-оол поменял тарелки.

После еды продолжили игру. Через несколько ходов хан проиграл.

— Один раз я выиграл, — сказал учёный парень, — осталось ещё два.

Хан со злобой на него посмотрел, и они начали вторую игру. И опять Оскюс-оол пересиливает, и опять хан кричит:

— Жена, принеси еды — силы наши подкрепить!

Опять появились перед ними две золотые тарелки, и опять их незаметно поменял ловкий парень.

После еды глаза у хана затуманились. Не знает, что делать. Скоро проиграл.

— Сыграем в последний раз, — сказал Оскюс-оол.

Хан со страхом на него посмотрел, и они начали третью игру. После первых ходов хан понял: игра проиграна. Снова приказал принести еды, снова Оскюс-оол поменял тарелки. Едва хан поел — в глазах у него зарябило, фигуры запрыгали. Через три хода Оскюс-оол поставил ему мат!

— Ну что, хан, все три раза выиграл я! Весь скот и все пастухи теперь мои!

Пришлось хану признать победу бедняка. Жаль было расставаться со скотом и с пастухами, да ничего не поделаешь.

— Всё теперь твоё, — проговорил Караты-хан. — Бери, владей.

— Богатства мне не надо, — сказал учёный парень. — Пусть пастухи будут свободны. И каждому я дарю отару овец.

Оскюс-оол сел на коня и уехал.

ГОФАЛАРСКИЕ СКАЗКИ

КАК НАКАЗАЛИ МЕДВЕДЯ

Раньше от хозяина-медведя никому у нас в тайге житья не было. Всех в страхе держал. Ревел на весь лес. Малые зверюшки дрожали и в норы забивались, большие звери бежали куда глаза глядят. Ходил медведь не разбирая дороги, норы-гнезда ломал, птиц-зверей давил, никого не миловал.

Звери просили медведя уняться, но он и слушать не хотел.

— Кто в тайге хозяин?! — ревел он. — Захочу — всех передавлю!

Пришла осень. Зима впереди. Звери устали от хозяина, терпения нет. И решили собраться на сходку. Со всей огромной тайги пришли звери, со всех рек и озёр, со всех гор и долин.

— Будем судить медведя, — сказали они. — Хватит ему над нами измываться! Нет для него законов!

Судьёй выбрали лося. Все звери и зверьки, все птицы и птички — все по очереди высказали свои обиды. И все увидели, как велика вина медведя.

Лось подумал и присудил: заточить медведя на полжизни.

Присудить-то присудил, а где его держать в заточении, кто будет охранять, кто будет кормить?

И тогда лось сказал:

— Пусть медведь полжизни спит. Отныне он будет каждый год проводить в спячке полгода. Пусть на всю нашу долгую зиму укладывается в берлогу, пусть спит с конца октября до конца апреля. И кормить его не надо, пусть лапу сосёт. Полгода будет лесной народ жить спокойно, без хозяина.

С тех пор медведь на зиму заваливается в берлогу. Всю зиму спит. Лапу сосёт. Да и летом он стал спокойным, смирным.

УМНАЯ ДЕВУШКА И ХАН УЛУЗУН

Жила когда-то в юрте на берегу реки бедная девушка. Был у неё младший брат. Пришёл однажды к ним ханский слуга и говорит:

— Ты что это своего брата от ханской службы прячешь? Твой брат уже большой, он должен явиться к хану, поклониться ему. Хан Улузун хочет узнать, на что годится твой брат.

Парень пришёл к хану. Хан говорит:

— Вот моя первая задача: походи узнай, сколько лет серому зайцу, который живёт на солнечном склоне зелёного хребта.

Парень вернулся домой и говорит сестре:

— Не справиться мне с ханской задачей. Он приказал узнать, сколько лет серому зайцу, который живёт на солнечном склоне зелёного хребта.

— Ну, это совсем просто, — сказала девушка. — Нарви несколько горстей земляники, положи её на заячьей тропе, а сам спрячься в кустах и слушай.

Парень всё сделал, как сказала сестра.

Сидит, ждёт. Вот бежит заяц. Подошёл он к землянике и начал есть. Поел и сказал:

— Шестьдесят шесть лет живу на солнечном склоне зелёного хребта! И впервые в жизни ем такую вкусную еду!

Парень пошёл к хану и сказал:

— Серому зайцу шестьдесят шесть лет.

Хан посмотрел в священную книгу, удивился и сказал:

— Правильно. Теперь вторая задача: сколько лет бурому медведю, который живёт на северном склоне зелёного хребта?

Парень вернулся домой и говорит сестре:

— Теперь хан приказал мне узнать, сколько лет бурому медведю, который живёт на северном склоне зелёного хребта.

— Это тоже не трудно, — сказала девушка. — Вот тебе три шапки. Одну надень на голову, а две другие, набитые травой, прикрепил к плечам. Спрячься в кустах у медвежьей тропы и жди. Когда появится медведь, выйди из кустов и слушай.

Парень всё сделал, как сказала ему сестра. Сидит и ждёт. Вот появился медведь. Парень вышел из кустов. Медведь вскрикнул:

— Восемьдесят восемь лет живу на северном склоне зелёного хребта! И впервые в жизни вижу трёхголового человека!

Парень пошёл к хану и сказал:

— Бурому медведю восемьдесят восемь лет.

Хан посмотрел в священную книгу, удивился и сказал:

— Правильно. Теперь третья задача. Приходи завтра укрощать моего любимого вороного жеребца. Все его боятся, — никто не может укротить.

Парень вернулся домой и говорит сестре:

— Третья задача хана самая трудная. Завтра надо укротить его любимого вороного жеребца. Все его боятся, никто не может укротить.

— Не печалься, — говорит сестра, — я приготовлю тебе три железные плети. Тремя плетями ты укротишь любого жеребца.

Утром парень пришёл в ханский аал и увидел в загоне могучего вороного жеребца. Парень начал хлестать его плетью. Когда плеть измочалилась, жеребец присмирел. Тогда парень вскочил на него и начал хлестать второй плетью. Жеребец взвивался на дыбы, подкидывал зад, но сбросить парня не мог, а парень исхлестал уже вторую плеть. Жеребец выбился из сил, но всё ещё пытался сбросить парня. И тут парень выхватил третью плеть.

— Ох, больше не могу! — закричал жеребец и обернулся ханом.

Так брат и сестра победили хана Улузуна.

ЖИВАЯ ВОДА

Это было очень давно. Молодой охотник заехал в далёкую степь. Кругом — ни души. И вдруг охотник увидел необычных людей. У них были лошадиные ноги с копытами. В руках эти люди держали железные крючья...

Охотник испугался. «Что делать?» — подумал он и пустил коня галопом. Люди с копытами заметили охотника, захохотали и повернули за ним. Охотник погнал коня. Люди с копытами поскакали быстрее. Стали приближаться. Охотник оглянулся. Страшные люди тянули вперёд свои железные крючья. Впереди — болото. Охотник стегнул коня со всей силы — взвился конь, перелетел через болото. Люди с копытами вбежали в болото, увязли, повернули назад.

А охотник оказался в чужой, неведомой земле. Вот идёт он по лесу и видит: лежит огромный лось. Охотник спрыгнул с коня, потрогал лося и понял: лось только что убит. «Кто его убил?» — подумал охотник. Едва подумал — увидел: на тушу вскарабкался маленький человечек, ростом поменьше локтя. Этот человечек ловко вспорол шкуру лося и вырезал большое белое ребро. Охотник удивился и спросил:

— Что ты будешь делать с этим ребром?

Человечек ответил:

— Я сделаю из него лук. Буду охотиться.

Охотник рассмеялся:

— А силы у тебя хватит натянуть такой лук? Какого зверя ты сможешь убить?

Человечек обиделся, но ответил вежливо:

— Силы хватит. А убить могу любого зверя.

Охотник, продолжая смеяться, говорит:

— Ну, покажи, что ты можешь, удалец, убей зверя. А я посмотрю, как далеко летит твоя стрела.

Человечек говорит:

— Что показывать? Вот, смотри, лось лежит. Это я его уложил. Будешь смеяться — и тебя убью.

Охотник ещё больше смеётся:

— Меня убьёшь? На, стреляй в ногу, хочу посмотреть, что у тебя за стрела. — И он подставил ногу.

Человечек поднял лук и выстрелил. Охотник упал. Человечек свистнул. Перед ним появился заяц под седлом. Человечек вскочил на зайца, натянул поводья и ускакал.

Охотник лежит, думает: «Зря посмеялся над человечком. Он, оказывается, сильный. И стрелы у него настоящие. Что теперь делать? Встать не могу. Нога сломана».

Наступила ночь. Охотник всю ночь не спал, мучался, болела нога. Наутро он увидел вокруг много-много мышей. «Что им надо?» — подумал он. И тут услышал разговор мышей.

— Скоро этот огромный человек умрёт, — говорила одна мышь. — Вот когда мы вдоволь наедемся мяса!

Охотник поёжился: «Меня, оказывается, уже собрались съесть!»

А другая мышь говорит:

— Чего ждать? Можно и сейчас немножко попробовать, он ведь не шевелится. — Она подбежала и начала грызть охотника.

Тут он разозлился, схватил её и отшвырнул. Мышь ударилась о дерево. Попробовала побежать. Лапка сломана. Тогда мышь тихонько, на трёх лапках приковыляла к болоту, взобралась на кочку, выкопала корень какой-то травки, съела его, и лапка у неё тут же срослась. Мышь побежала на четырёх лапках. Охотник пополз к этой кочке. Выкопал травку, съел корень. И почувствовал себя здоровым. Нога срослась. Он встал, сел на коня. Поехал через лес в сторону своей земли. Вдруг услышал свист стрел. Он выехал на поляну и увидел: человечки стреляют в цель, упражняются в стрельбе. Оказалось, все они — меткие стрелки. Охотник вежливо с ними поздоровался. Человечки приветливо с ним поговорили. На прощание охотник сказал:

— Приезжайте в мой аал, будете почётными гостями. Хорошо вас встретим, хорошим мясом угостим.

Человечки сказали:

— Ждите нас в счастливый день, в полнолуние, мы приедем в гости не с пустыми руками — подарим вам живой воды. Мы сами эту воду пьём и поэтому не знаем ни болезней, ни старости. Мы живём вечно.

Охотник вернулся домой, рассказал в своём аале, как был он в чудесной стране, где живут бессмертные человечки, и обещали те человечки приехать к нему в счастливый день, в полнолуние, и привезти живой воды.

Женщины начали рубить дрова, готовиться к встрече гостей. В день полнолуния в котлах у них закипело мясо. И вот наконец увидели они, как выскочили из лесу всадники на серых зайцах. Женщины вдруг засмеялись:

— Ну и гости к нам едут! Что у них за скот! Каков скот — таков и сам народ!

Рассердились человечки.

— Не дадим глупым людям живой воды, — сказали они.

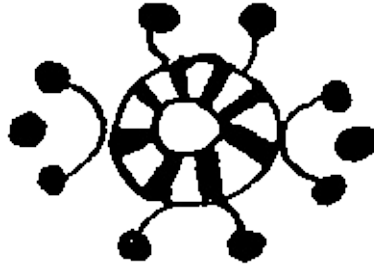
И выплеснули ту воду на деревья: на ель, на кедр, на сосну. А потом повернули своих зайцев и скрылись.

С тех пор ель, кедр и сосна стали вечнозелёными.

А если бы не засмеялись те женщины, люди не знали бы ни болезней, ни старости, ни смерти.

ЭВЕНКИЙСКИЕ СКАЗКИ

ПРОЙДОХА-ЛИС

Когда-то лис был ростом с человека. Совсем как человек. Жил он в чуме на берегу широкой реки по соседству с оленеводом Ковшичаном. Работать лис не любил, оленей не держал, жил только обманом, хитростью да лестью. Вот однажды говорит он соседу:

— Что это мы с тобой, друг, всё дома сидим, ничего не знаем, далёкой земли не видели? Давай поплывём вверх по реке. Может, найдём что-нибудь.

Ковшичан согласился. Они приготовили два челнока, взяли запас еды и отправились в путь. Река была тихая, спокойная, течение незаметное. Приятели причаливали к берегу, ночевали, а наутро продолжали путь. Челноки свои на ночь они вытаскивали на берег и ставили носом туда, куда надо плыть, чтобы случайно не уплыть назад.

Вот однажды, когда Ковшичан заснул, лис тихонько перевернул челноки, поставил их носом вниз по течению. Наутро будит Ковшичана:

— Скорей вставай, уже светло, пора ехать!

Они быстро прыгнули в лодки и поплыли. Ковшичан не заметил, что плывут назад. Лис без умолку говорил, совсем забил голову приятелю.

Через несколько дней они заметили на берегу стадо оленей.

— Давай причалим, — говорит лис.

— Давай.

Когда причалили, Ковшичан говорит:

— Эти олени похожи на моих оленей. А вожак — ну совсем как мой вожак. Узнаю. Это мои олени.

— Глупый ты, Ковшичан, — говорит лис. — У тебя у одного, что ли, есть олени? Мало ли похожих оленей? Люди и то бывают друг на друга похожи — не отличишь, не то что олени. А главное, мы уплыли далеко-далеко от нашего стойбища. Это чужие олени. Давай-ка лучше их угоним в сторону, чтобы хозяин не нашёл, и съедим, вот будет пир! Да и запасы наши кончились...

— Нельзя есть чужих оленей, — говорит Ковшичан.

— Как знаешь, — говорит лис. — А я хочу свежей оленины.

Он выбрал оленя пожирнее, зарезал, сварил и начал есть. Ковшичан глядит — слюнки глотает. Лис говорит:

— Ешь, Ковшичан, забудь, что это чужой олень. Не ты его украл — я украл! Я угощаю.

Ковшичан начал есть. Ах какое вкусное мясо! Не оторваться! Так бы и ел до вечера.

До вечера приятели съели оленя, а наутро зарезали другого. Так пиروвали двадцать дней — съели двадцать оленей. А когда съели, — расхохотался хитрый лис:

— Обманул я тебя, Ковшичан! Съели мы твоих оленей, всё твоё стадо! Тут недалеко наши чумы. Пойдём домой!

Горько стало Ковшичану. Затаил он обиду. Решил отомстить обманщику. Пришла осень, озёра покрылись льдом. Ковшичан говорит лису:

— Пойдём в лес, поохотимся.

— Пойдём, — говорит лис.

Дорога шла через озеро. Лёгкий Ковшичан бежал впереди, за ним поспевал хитрый лис.

— Что-то лёд трещит, — говорит лис.

— Не бойся, лёд уже крепкий, — говорит Ковшичан.

Но лёд под лисом провалился, и лис начал тонуть.

— Спаси, спаси меня, сосед, я тону! — кричит лис. — Беги на берег, скорей тащи жердину!

Ковшичан побежал к берегу, чтобы вырубить жердину. Но он не хотел спасать лиса, поэтому рубил не спеша. Лис пошёл ко дну.

— Вот и отомстил я тебе, злой обманщик, — сказал Ковшичан.

Но не таким был наш лис, чтобы погибнуть. Он пошёл по дну и пришёл к язам. Увидели его язи и говорят:

— Лис, мы знаем тебя, ты ничего не боишься, ты, наверное, шаман.^[91] Наша старая мать больна, ты не вылечишь её?

— Да, я шаман, — отвечает лис. — Я могу выгнать любую болезнь.

— Тогда спаси нашу старую мать, выгони из неё болезнь.

— Я спасу её, — говорит лис. — А вы приготовьте мне большое туру.

^[92] продолбите в озере лёд и поставьте туру так, чтобы одним концом оно выходило на лёд. Да ещё приготовьте несколько пологов, сделайте из них занавес и не заглядывайте за него. Никто не должен видеть, как я шаманю.

Старуха будет кричать: «Лис меня убивает, он ест мою икру! Бейте лиса!» Но вы не верьте. Это не сама старуха — это её болезнь будет кричать, чтобы я её не выгонял.

— Всё сделаем как надо, — сказали язи.

Они продолбили лёд, поставили туру, сделали занавес. И лис начал шаманить. Вскоре он вспорол рыбе живот и начал есть её икру.

— Лис меня убивает! Он ест мою икру! Бейте лиса! — закричала старая язиха.

Но язи поняли, что это кричит болезнь, и не тронулись с места.

Лис съел икру, вышел из-за полога и сказал:

— Теперь мне надо залезть на туру.

Он выбрался по стволу на лёд, отряхнулся и начал хохотать:

— Обманул я вас, глупые язи, съел икру вашей старой матери и выбрался из воды!

Довольный лис побежал в лес. Навстречу — старик с двумя худыми оленями.

— Здравствуй, старик! — говорит лис.

— Здравствуй, лис! — говорит старик.

— Что это твои олени такие тощие? — спрашивает лис. — Ты, наверное, не умеешь их пасти. Я бы их так раскормил — они б у меня за три дня разжирели!

— Да ну!

— Ты бы их через три дня и не узнал!

— Тогда попробуй откорми моих оленей, — попросил старик.

— Ну что ж, давай, — согласился лис. — Только оставь мне, старик, свой молоток. Буду заодно учиться ковать.

Старик оставил оленей, оставил молоток и пошёл домой. А лис тут же убил оленей и начал их есть. Молотком он разбивал кости, чтобы добыть мозг. Через три дня пришёл к старику.

— Ну как мои олени? — спрашивает старик.

— Они так разъелись — справиться с ними не могу, — отвечает лис.

Старик пошёл в лес, увидел кости своих оленей, побежал домой.

— Старуха, держи хитрого лиса, он съел наших оленей!

А старуха Плохо слышит, спрашивает у лиса:

— Что кричит старик?

— Он кричит: «Лис хорошо раскормил оленей, дай ему за это пузырь с жиром! Привяжи пузырь к его хвосту».

Старуха привязала к хвосту лиса пузырь с жиром, хитрец убежал в лес и начал хохотать:

— Обманул я старика, съел его оленей! Обманул старуху, забрал последний жир!

Идёт лис по лесу, а навстречу — волки.

— Здравствуйте, волки, — говорит лис.

— Здравствуй, лис, — говорят волки.

Лис повернулся к хвосту, пробует жир.

— Что ты ешь? — спрашивают волки.

— Белый жир, — отвечает лис.

— Дай нам попробовать, — просят волки.

— Берите, пробуйте, — говорит лис.

— Ах как вкусно! — говорят волки.

— Жир оленя! — говорит лис.

— Где добыл? — спрашивают волки.

— В этой реке, — говорит лис.

— Как же это? — спрашивают волки.

— А так: сунул хвост в прорубь, просидел ночь, утром вытащил, а на нём — пузырь, полный жиру, — говорит лис.

— Отведи нас к реке, научи жир добывать, — просят волки.

— Ладно, научу, — отвечает лис.

Пришли они к реке, отыскиали прорубь. Опустили волки хвосты в прорубь, сидят ждут. Лис тоже сидит с ними, да только хвост он в прорубь не опустил, наоборот, к спине прижал, так прижал что и не заметишь. Наступила ночь, вода в проруби замёрзла, прихватило волков. Тут лис отбежал в сторону и давай хохотать:

— Обманул я вас, глупые волки! Век будете помнить хитрого лиса!

И побежал в лес. Скоро есть захотел. А жиру-то уже нет. Набрёл на оленьи рога, погрыз их, да толку в рогах мало, только зуб сломал. Но вот набрёл на чум. Там много народу, пьют, едят, веселятся. Лис вошёл в чум, гостем стал. Сидит, ест, пьёт, разговаривает.

А волки очень рассердились на лиса.

— Мы его со дна моря достанем, — сказал вожак. — Не уйдёт хитрый лис от наших зубов! За мной, братья!

Волки рванулись, оставили во льду свои хвосты и побежали по следу лиса. Вот обглоданные рога, а вот обломок зуба. Волки побежали дальше. След привёл их к чуму.

— Он там, среди людей, — говорит один волк. — Как же мы его распознаем?

— У него один зуб обломан, — говорит вожак. — Мы его найдём по зубу.

Волки вошли в чум. Люди сидят вокруг очага, пьют, едят. Не понять, кто из них лис. Вожак говорит одному волку:

— Постарайся их рассмешить. А я буду смотреть, кто как смеётся.

Волк филином заухал: «Хун-хун-хун!», зайцем забормотал: «Хобо-бо-бо-бо!» Все засмеялись, засмеялся и лис, только он всё рот прикрывал, чтобы волки не заметили сломанного зуба. Но вожак тоже был хитрый. Он понял: кто прикрывает рот, тот и есть лис. Бросились на него волки, начали со всех сторон кусать, живого места не оставили.

Но не таким был наш лис, чтобы погибнуть. Отлежался, пришёл в себя и — опять за старое. Встретил он в лесу медведя.

— Здравствуй, медведь, — говорит лис.

— Здравствуй, лис, — говорит медведь.

— Солнце садится, пора спать, ты где ночуешь, дедушка медведь? — спрашивает лис.

— А где придётся, — отвечает медведь.

— Так не годится, — говорит лис. — Это холодно — спать где придётся. Я сплю только в тёплых местах.

— Где же ты спишь? — спрашивает медведь.

— Я сплю там, где раньше всего начинает греть солнце.

— Покажи мне тёплое место, — просит медведь.

— Пойдём со мной, — говорит лис.

Он привёл медведя на небольшой выступ скалы.

— Ты ляжешь к стене, — говорит лис, — а я лягу с краю. Ты ведь старый, ночью можешь свалиться вниз. Но смотри меня не столкни. Когда я ночью скажу тебе: «Подвинься», ты подвинься к стене.

— Ладно, — сказал медведь.

И они легли спать. Медведь скоро захрапел. Тогда лис встал и осторожно лёг между медведем и стеной, а потом сказал, будто с испугом:

— Подвинься, дедушка, а то я свалюсь.

Медведь повернулся и сорвался вниз. Погубил хитрец медведя. Утром он побежал вниз, распотрошил тушу, наелся до отвала, наделал колбасы и жил целый месяц, не зная забот. Но вот кончилось мясо, и лис опять побежал по лесу. Видит, стоит лабаз.^[93] Две девушки берут из лабаза кожаные мешки и кладут на нарты.

— Здравствуйте, девушки! — говорит лис.

— Здравствуй, лис! — говорят девушки.

— Что вы делаете? — спрашивает лис.

— Припасы хотим отвезти домой, — отвечают девушки. — Да вот беда: прямой дороги не знаем, вокруг ехать — так далеко!

— Прямую дорогу я знаю, — говорит лис.

— Как хорошо! — говорят девушки. — Поедем с нами, покажи нам дорогу.

— Ладно, — говорит лис, — поеду, только положите меня в нарту среди мешков да укройте тёплой оленьей шкурой. Когда будете проезжать речку, спрашивайте, что за речка, я буду из-под шкуры отвечать.

Девушки нагрузили нарту, посадили среди мешков лиса, накрыли его шкурой и поехали в ту сторону, куда показал хитрец. Вот доехали до речки.

— Что за речка? — спрашивают девушки.

— Речка Завязка, — отвечает лис.

Едут дальше. Опять речка.

— Что за речка? — спрашивают девушки.

— Речка Верхушка, — отвечает лис.

Едут дальше. Снова речка.

— Что за речка? — спрашивают девушки.

— Речка Серединка, — отвечает лис.

И опять речка.

— Что за речка? — спрашивают девушки.

— Речка Донышко, — отвечает лис. — Теперь уже до стойбища недалеко, сами доберётесь, а мне недосуг. Прощайте, девушки!

И лис спрыгнул с нарты. Но не мог он не посмеяться вволю — такой уж был этот лис. Отбежал немного и давай хохотать:

— Обманул я вас, глупые девушки! Мешок жиру я съел до донышка!

— Обманул нас хитрый лис, — сказали девушки. — Ну, он не уйдёт! — И направили своих оленей вдогонку за лисом.

Лис побежал в лес. А там — глубокий снег. Проваливается лис, выбивается из сил. Олени догоняют. Что делать? Взобрался лис на высокую лиственницу. Подъехали девушки. Думают, как достать лиса, как вора проучить.

— Срубим лиственницу, — говорит одна.

— Если срубим, она упадёт, хитрый лис с вершины спрыгнет и опять уйдёт, — отвечает другая.

— Тогда подожжём!

— Правильно!

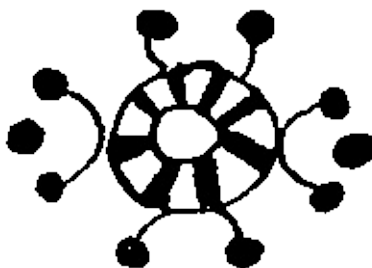
Они быстро натаскали сушняка и зажгли вокруг лиственницы костёр. Полез огонь вверх, начал лиса доставать. Но не таким был наш лис, чтобы погибнуть. Он взмолился:

— Огонь, огонь! Не жги меня всего, сжался надо мной! Оставь меня живым, ну хоть с рукав величиной!

Сжалился огонь. Хоть хитреца и опалил, но оставил живым, оставил величиной с рукав его шубы.

От него пошли нынешние лисы, маленькие и рыжие, будто прихваченные огнём.

ПАРЕНЬ-СИРОТА

Большое стойбище стояло. Эвенки там жили. Однажды мужчины возвращались с охоты. Заметили след лося. Обрадовались, говорят:

— Завтра пойдём лося гнать!

Наутро собрали всех мужчин. И парня-сироту позвали. Было ему шестнадцать лет.

И вот по следу лося пошли. Потом двумя цепочками расходиться стали, след обхватывать, зверя окружать. Окружили. Лось оказался в середине. Охотники стоят так, чтобы видеть друг друга, чтобы лось между ними не проскочил. Старший подал знак — все громко закричали. Лось вздрогнул, шарахнулся, побежал и выбежал как раз на парнишку. Парнишка лук приготовил, сильно-сильно тетиву натянул. Когда лось приблизился, он прицелился и выстрелил. Лось на миг остановился и дальше побежал. Скрылся в лесу.

Охотники подбежали к парнишке и давай его бить, давай кричать:

— Какого зверя упустил! Ну и охотник!

— Прямо из-под носа зверь ушёл!

— А лось хороший был!.. Сколько жиру!

— Не умеешь стрелять — не надо было на охоту идти!

— Зачем мы его взяли? Зря взяли!

— Стоял бы на его месте кто-нибудь другой — мы бы сейчас свежее мясо ели!

Так они кричали. Потом ушли в стойбище. Отлежался парнишка, к вечеру домой приковылял.

На другой день старший охотник сказал:

— Сегодня откочуем. А этого неудачника не возьмём. Пусть один остаётся, пусть живёт как хочет.

Все откочевали. Сироту бросили на чумище.^[94] Нескольких оленей, которые достались парнишке от отца, тоже забрали. Оставили его без ничего.

Парнишка лежит, думает: «Не может быть, чтобы я промахнулся. Сам видел, как попал в лося. Наверное, я его ранил. Надо пойти по следу».

Он пошёл туда, откуда гнали лося. Нашёл след, пошёл по следу. Долго шёл и видит: лежит мёртвый лось. Парнишка обрадовался, говорит себе: «Буду жить возле лося, большой он, жирный, надолго хватит». Поставил он себе маленький чум и стал один жить. Лосиное мясо ел, лосиный жир ел, сколько хотел ел!

Сидит он однажды в чуме и видит в щель: приближаются два человека. У одного через плечо на ремне котёл висит, позвякивает, у другого в руках пальма.^[95] Это были людоеды.^[96] Они шли, показывали на чум и говорили:

— В чуме кто-то живёт. Сейчас мы его заколем и съедим.

Парнишка выскочил из чума, встал на лыжи и побежал. Людоеды — за ним. Вот они уже догоняют, парнишка слышит за спиной звон их котла... Кто спасёт? И тогда он запел:

Солнце горячее! Солнце-мать!
Не дай людоедам меня поймать!
Лосиными сделай мои следы,
спаси, помоги уйти от беды!
Дэвордыбгин! Дэвордыбгин!^[97]

В тот же миг он стал лосем. Лось быстро побежал вперёд. Людоеды отстали. Но к вечеру лось устал, пошёл потише и вскоре услышал позади себя звон котла. И тогда он запел:

Солнце могучее! Солнце-мать!
Не дай кровожадным меня поймать!
Медвежьими сделай мои следы,
спаси от беды, спаси от беды!
Дэвордыбгин! Дэвордыбгин!

И стал медведем. Медведь с новыми силами побежал, быстро побежал. Людоеды отстали. Но к ночи медведь устал, медленно пошёл — и опять людоеды близко, опять нагоняют. Парнишка запел:

Солнце высокое! Солнце-мать!

Не дай ненасытным меня поймать!
Волчьими сделай мои следы,
спаси меня, спаси от беды!
Дэвордыбгин! Дэвордыбгин!

И стал он волком. Весь день волк быстро бежал. Оставил людоедов далеко в лесу. Но к ночи устал. И опять услышал звон котла: людоеды шли без усталости. Сирота запел:

Солнце всесильное! Солнце-мать!
Не дай острозубым меня поймать!
Рысьими сделай мои следы,
дай мне скрыться, спаси от беды!
Дэвордыбгин! Дэвордыбгин!
И стал рысью. Рысь быстро, мягко пошла. Целый день без усталости шла. Но к вечеру устала. Опять догоняют людоеды. Опять сирота поёт:

Солнце волшебное! Солнце-мать!
Не дай крепкозубым меня поймать!
Лисьими сделай мои следы,
дай обмануть, уйти от беды!
Дэвордыбгин! Дэвордыбгин!

И стал лисой. Опять побежал, целый день бежал. К ночи устал, запел:

Солнце любимое! Солнце-мать!
Не дай желтозубым меня поймать!
Собольими сделай мои следы,
запутай следы, спаси от беды!
Дэвордыбгин! Дэвордыбгин!

И стал соболем. Соболь пошёл путать следы, пошёл по деревьям, далеко ушёл, но и он устал. Опять людоеды близко, опять слышен звон их котла. Парнишка запел:

Солнце великое! Солнце-мать!
Не дай беспощадным меня поймать!
Мышиными сделай мои следы,
дай убежать, спаси от беды!
Дэвордыбгин! Дэвордыбгин!

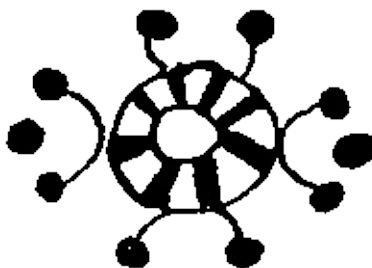
Он стал мышью. И побежал к ручью, где было много мышей. Он крикнул:

— Мыши! Разбегайтесь в разные стороны!

Мыши разбежались кто куда. Людоеды подбежали к ручью и остановились, не знают, что делать: мышиные следы разбегаются в разные стороны. Людоеды постояли и повернули назад.

А парнишка принял свой настоящий вид, стал охотником, стал в этом лесу жить. Зверя бил, птицу бил. Хорошо жил.

ЭВЕНК И ЧАНГИТ

Жил в лесу эвенк-охотник с женой. Домик у них стоял на сваях высоко над землёй, чтобы чангиты^[98] не забрались. Когда муж уходил на охоту, жена поднимала лесенку,^[99] когда возвращался, опускала её вниз.

Однажды охотник напал на след лося. Погнался за зверем. Собаки впереди бегут, лают, зовут охотника. Он за ними едва поспевает, взмок, сбросил рукавицы, потом сбросил шапку.

Шёл по лесу чангит. Увидел шапку — поднял, увидел рукавицы — поднял. И пошёл по лыжному следу назад, к дому охотника. Прибежал к дому, запел:

Жёнушка, мой друг! Бурбулин, бурбулин!^[100]
Лесенку мне сбрось! Бурбулин!

Женщина услышала чужой голос, испугалась, говорит:
— Я не сброшу лестницу! Я тебя не знаю! Кто ты?
Чангит поёт:

Я твой муж, поверь! Бурбулин, бурбулин!
Глянь на рукавицы! Бурбулин, бурбулин!
Ты сама их шила! Бурбулин!

И он подбросил вверх рукавицы. Женщина их поймала, посмотрела, узнала. Узнала, но не поверила. Спрашивает:
— Почему у тебя чужой голос?
Разбойник поёт:

Долго зверя гнал. Бурбулин, бурбулин!

На собак кричал. Бурбулин, бурбулин!
Голос потерял. Бурбулин!
Если мне не веришь. Бурбулин, бурбулин!
Посмотри на шапку! Бурбулин!

И он подбросил шапку. Женщина поймала, посмотрела, поверила.
Поверила — сбросила лесенку. Чангит поднялся в дом. Вошёл, рассмеялся:
— Ловко я тебя обманул! Теперь всё добро ваше заберу и тебя тоже с собой возьму.

Женщина заплакала, попросила:

— Всё добро заberi, а меня оставь...

Чангит говорит:

— Ничего не оставлю! Всё добро возьму и тебя возьму!

Увёз он добро, увёз женщину. Вернулся охотник, запел:

Жёнушка, мой друг! Бурбулин, бурбулин!
Лесенку мне сбрось! Бурбулин!

Никто не отвечает. Он опять поёт:

Жёнушка, ответь! Бурбулин, бурбулин!
Жива ты или нет? Бурбулин!

Тишина. Охотник взял топор, сделал новую лесенку, поднялся в дом.
Жены нет. Шкур нет, одежды нет. Он запел:

Сосна, моя сестра! Бурбулин, бурбулин!
Где моя жена? Бурбулин!

Сосна отвечает:

Я её не видела. Бурбулин, бурбулин!
Может, знает лиственница. Бурбулин!

Охотник запел:

Ты жены не видела? Бурбулин!
Лиственница, милая! Бурбулин, бурбулин!

Лиственница отвечает:

Видела, видела! Бурбулин, бурбулин!
Её увёз чангит! Бурбулин!

Охотник запел:

Куда чангит увёз? Бурбулин, бурбулин!
Где её искать? Бурбулин!

Лиственница отвечает:

В сторону заката. Бурбулин, бурбулин!
Чангит её увёз. Бурбулин!

Охотник сделал новый крепкий лук. Приготовил стрелы с железными наконечниками. И пошёл в сторону заката. Три дня шёл и нагнал чангита. Подошёл к чуму, запел:

Выходи, разбойник! Бурбулин, бурбулин!
Выходи на бой! Бурбулин!

Враг услышал, запел:

Подожди чуть-чуть! Бурбулин, бурбулин!
Зубы наточу! Бурбулин!
Если упаду — поползу. Бурбулин!
И вонзить сумею зубы! Бурбулин!

Охотник не стал ждать. Он вошёл в чум и увидел, что чангит приготовился убить его жену. Охотник выстрелил. Убил врага. Забрал своё

добро. Вместе с женой вернулся домой. Снова стали они хорошо жить.

БУРЯТСКИЕ СКАЗКИ

СТАРИК ЛОВКАЧ

Жил в давние времена нищий старик. Звали его Уханай. Он странствовал по земле.

Однажды на брошенном стойбище он нашёл обглоданную баранью лопатку.

— Бывает, находка пользу приносит, — сказал старик, поднял лопатку и положил её в свой пустой мешок. Вскоре он набрёл на юрту. Зашёл в неё. Хозяин спрашивает:

— Кто ты, старик, как тебя зовут, куда идёшь?

— Я странник, — ответил старик, — зовут меня Уханай, я странствую по белому свету.

— Тогда поживи немного у меня, будь моим гостем, — пригласил хозяин юрты.

Старик Уханай остался погостить. Куда бы он ни шёл — ни на миг не расставался со своим тощим мешком. Хозяин удивился.

— Что ты всюду таскаешь за собой свой мешок? — спросил он.

— Там у меня баранья лопатка, — ответил старик.

— Ты положи её в наш казан, пусть сварится вместе с нашим мясом.

— Я бы положил, — ответил Уханай, — да боюсь, как бы ваш казан не съел моё мясо.

— Где это видано, чтобы казан ел мясо?! Будь спокоен, наш казан мяса не ест. А если вдруг такое случится, если он его съест, то я отдам тебе этот казан! — сказал хозяин.

— Я согласен, — сказал старик и бросил лопатку в кипящую воду.

Когда мясо сварилось и его стали вынимать, достали и лопатку, что бросил в казан старик Уханай. Она была белая, голая, совсем без мяса.

— Ну вот, я же говорил, что ваш казан съест моё мясо! — закричал Уханай.

— Не сердись, старик, забирай мой казан. Ты прав, хотя прежде такого не бывало.

Старик Уханай взял казан и пошёл дальше. Скоро опять набрёл на юрту. Хозяин спрашивает:

— Кто ты, старик, как тебя зовут, куда идёшь?

— Я странник, — ответил старик, — зовут меня Уханай, я странствую по белому свету.

— Тогда поживи немного у меня, будь моим гостем, — пригласил хозяин юрты.

Старик Уханай остался погостить. Но куда бы он ни шёл, всюду таскал за собой свой казан.

— Что это ты не расстаёшься со своим казаном? — спрашивает хозяин. — Поставь его вместе с нашей посудой, ничего с ним не станется!

— Нет, не поставлю, — отвечал старик. — Боюсь, ночью придёт твой чёрный баран и разобьёт мой казан. В чём я тогда буду мясо варить?

Хозяин говорит:

— Быть такого не может! Никогда мой чёрный баран ничего не разбивал. Но если такое случится, если твой казан окажется разбитым, я за него отдам тебе чёрного барана.

— Я согласен, — сказал старик и поставил казан вместе с посудой хозяина.

Когда все заснули, старик встал и разбил свой казан. Утром, едва проснувшись, он закричал:

— Ну вот, я же говорил, что твой чёрный баран разобьёт мой казан!

— Не сердись, старик, — сказал хозяин, — забирай моего чёрного барана. Ты прав, хотя прежде такого не случалось.

Старик Уханай взял барана и пошёл дальше. Скоро опять набрёл на юрту. Хозяин спрашивает:

— Кто ты, старик, как тебя зовут, куда идёшь?

— Я странник, — ответил старик, — зовут меня Уханай, я странствую по белому свету.

— Тогда поживи немного у меня, будь моим гостем, — пригласил хозяин юрты.

Старик Уханай остался погостить. Всюду, куда ни шёл, он вёл за собой чёрного барана.

— Что это ты не расстаёшься со своим бараном? — спрашивает хозяин. — Пусти его в загон вместе с моими белыми баранами.

— Нет, не пущу, — отвечает старик. — Боюсь, как бы ночью твои бараны не задрали и не съели моего. Что я буду делать без барана?

Хозяин говорит:

— Быть того не может! Где это видано, чтобы бараны ели баранов?! Ну, а если они его съедят, я отдам тебе за твоего чёрного барана десять белых баранов!

— Я согласен, — сказал старик и пустил своего барана в загон.

Когда все заснули, старик встал, осторожно вышел из юрты, прошёл в загон, заколол своего чёрного барана, его кровью вымазал морды белых баранов, потом закопал мясо своего барана, а шкуру его разрезал на лоскуты и повесил их на рога белых баранов. После этого тихо вернулся в юрту.

Утром, едва проснувшись, он побежал к загону.

— Ну вот, я же говорил, что твои бараны задерут и сожрут моего! Ай-ай-ай! Что я теперь буду делать без барана?! — закричал он.

Хозяин подбежал к загону и видит: морды его белых баранов в крови, а на рогах — лоскуты чёрной шкуры.

— Сожрали, злодеи! — кричал старик. — Отдавай теперь мне своих белых баранов, как обещал!

Делать нечего, пришлось хозяину отдать десять баранов. Старик Уханай взял их и погнал по степи. К вечеру нагнали его двое путников в хороших волчьих шубах. Когда начало темнеть, остановились на ночлег. Стало холодно. Старик говорит:

— Давайте мне ваши волчьи шубы, я на них лягу, а то боюсь, как бы они ночью не передушили моих баранов.

— Что ты мелешь, старикашка, — сказал один из путников, — где это видано, чтобы шубы душили баранов? Нет, хитрец Уханай, мы сами укуремся нашими шубами. А уж если такое случится, если ночью они передушат баранов, обе шубы станут твоими.

— Я согласен, — сказал старик и лёг спать.

Когда путники заснули, старик встал, передушил своих баранов и спокойно заснул. Утром, едва проснувшись, он закричал:

— Ай-ай-ай! Какая беда! Я же говорил, что ночью ваши шубы передушат моих баранов! Недаром эти шубы — волчьи! Им только покажи барана!.. Ах, бедный я старик, что мне теперь делать?!

Путники вскочили на ноги и диву даются: лежат десять мёртвых баранов. Делать нечего, пришлось им расстаться с волчьими шубами. Старик Уханай взял их и пошёл дальше. Скоро он опять набрёл на юрту. Хозяин спрашивает:

— Кто ты, старик, как тебя зовут, куда идёшь?

Старик Уханай сказал, что он странствует по белому свету, и остался погостить в этой юрте. Здесь он стал, куда ни пойдёт, таскать за собой две шубы.

— Что ты не расстаёшься со своими шубами? — спрашивает хозяин. — Положи вместе с нашими, никто их не возьмёт.

— Нет, не положу, — ответил старик. — Боюсь, ночью твои дочери

изрежут мои шубы на заплатки. Что я буду делать без шуб?

Хозяин говорит:

— Быть такого не может! Обе мои дочери уже взрослые, они не станут резать твои шубы.

— Нет, могут изрезать, — говорит старик.

— Ну, а если изрежут, — говорит хозяин, — я отдам их тебе в жёны.

— Я согласен, — сказал старик и положил свои шубы рядом с хозяйскими.

Когда все заснули, старик встал, изрезал свои шубы в лоскуты и положил их возле ханских дочерей. Утром, едва проснувшись, он закричал:

— Ну вот, я же говорил, что твои дочери изрежут мои шубы!

Хозяин смотрит — возле дочерей лежат лоскуты стариковых шуб.

— Изрезали, ты видишь, изрезали! — кричит старик. — Отдавай теперь мне своих дочерей, как обещал!

Делать нечего, отдал хозяин старику Уханаю в жёны обеих своих дочерей. Вместе с дочерьми он отдал новую юрту и половину своего скота. И зажил старик Уханай в довольстве и счастье.

Но счастье его длилось недолго. Жёны однажды приготовили для него полный котёл тарасуна — молочной водки. Старик напился и запел хвастливую песню. Вот что он пел.

— Я старик ловкач, я храбрец-удалец, никого со мной не сравнить! Однажды в чистой глухой степи я обглоданную баранью лопатку нашёл, потом я в гости в юрту зашёл и там хозяина обманул — кость на чугунный казан обменял. Потом в другую юрту зашёл и там хозяина обманул — казан на барана я обменял. Потом я в третью юрту зашёл и там хозяина обманул: был один баран у меня — на десять баранов его обменял! Потом двух путников обманул — две волчьи шубы у них забрал. И снова в какую-то юрту забрёл, и снова хозяина я обманул: шубы изрезал острым ножом и двух дочерей у него забрал! Стало две жены у меня, и стадо баранов кормит меня, ах какая жизнь у меня! Баранов пасёт одна жена, варит мясо другая жена, а я лежу себе на кошме. Ай какой я ловкий старик! Ай как мне теперь хорошо!

Услышали молодые жёны эту песню, узнали всю правду, очень рассердились.

— Старик Уханай, оказывается, обманщик, — сказали они. — Не будем с ним жить, заберём наш скот, наше добро и уйдём к отцу.

Так они и сделали.

А старик Уханай остался один в широкой жёлтой степи.

ОХОТНИК И ДОКУЧЛИВАЯ ЖЕНА

В прежние, далёкие времена жил на свете храбрый охотник, меткий стрелок. Всегда он бил без промаха, не приходил домой с пустыми руками.

Но вот однажды целый день он проходил по лесу и до самого вечера не встретил ни зверя, ни птицы. Усталый, измученный, лёг он спать. Спит и видит странный сон: пал на него жёлтый туман, а потом приблизился пёстрый туман. Проснулся охотник и видит: приближается к нему жёлтый туман. Он испугался, схватил лук, вложил стрелу, но из тумана раздался человеческий голос:

— Не стреляй в меня, храбрый охотник, я не сделаю тебе зла.

Туман стал ещё гуще, плотней и превратился в жёлтого змея с пёстрыми гремящими крыльями.

Пестрокрылый змей сказал:

— Будем друзьями, храбрый охотник, меткий стрелок. Мне нужна твоя помощь. Много лет я веду войну с желтокрылым змеем и не могу его одолеть. Вдвоём мы его победим.

— Я готов тебе помочь, — сказал охотник.

— Тогда пойдём в ту долину, где будет битва, — сказал пестрокрылый змей.

Они пришли в широкую долину.

— Наш бой будет долгим, — сказал пестрокрылый змей. — Мы трижды поднимемся к небу и трижды опустимся на землю. Когда мы поднимемся в четвёртый раз, мой враг меня одолеет, возьмёт верх; когда мы опустимся, он будет наверху, а я внизу. В это время не зевай: я поверну его жёлтую голову к тебе, а ты стреляй в его единственный глаз. Этот глаз у него — во лбу, в самой середине лба. А теперь спрячься в эту яму, скоро желтокрылый змей ринется с неба прямо на меня.

Охотник спрятался в яму.

Вскоре с неба ринулся желтокрылый змей. Началась битва. Змеи, сцепившись, трижды поднялись к небу, трижды опустились на землю. Силы были равны. Но вот они поднялись к небу в четвёртый раз, и желтокрылый змей одолел пестрокрылого. Когда они опустились, желтокрылый был наверху, а пестрокрылый внизу. Но вот пестрокрылый

быстро повернул голову своего врага к охотнику. Меткий стрелок только того и ждал. Тетива его лука была натянута. Мига ему хватило, чтобы выпустить стрелу и пронзить жёлтый глаз желтокрылого змея. И тут же на землю пал жёлтый ядовитый туман, от которого все деревья в лесу засохли, а все звери подохли. Охотника спас пестрокрылый змей. Он прикрыл своего друга могучими плотными крыльями и продержал его под ними три дня и три ночи, пока жёлтый ядовитый туман не рассеялся.

А когда снова засияло солнце, пестрокрылый змей сказал:

— Мы победили грозного врага. Спасибо тебе, охотник. Желтокрылый змей приносил много вреда. Каждый день он проглатывал трёх зверей и пожирал огненных змеев, моих подданных. Если бы не ты, он убил бы меня и сожрал бы всех огненных змеев. Пойдём ко мне в гости. Увидишь мой дворец, моих подданных, моих старых родителей.

Охотник согласился, и они со змеем спустились в глубокую яму, а оттуда по подземному ходу попали во дворец, сверкающий золотом и драгоценными камнями. На полу всюду лежали огненные змеи, свернувшиеся в кольца. За одним залом следовал другой, ещё более богатый. И вот они пришли в самый большой зал. В нём возле очага сидели два старых пестрокрылых змея.

— Это мои родители, — сказал змей.

Охотник поздоровался с ними.

— Этот охотник спас меня и всё моё ханство, — сказал змей. — Он убил нашего давнего врага.

— Спасибо тебе, — сказали старые родители змея. — За это ты получишь награду. Хочешь — дадим тебе золота и драгоценных камней, сколько сможешь унести. Хочешь — научим семидесяти языкам, так что ты сможешь понимать разговоры птиц, зверей и рыб. Выбирай!

— Научите меня семидесяти языкам, — сказал охотник.

— Возьми лучше золота и драгоценностей, — сказали старые родители змея. — Тому, кто знает семьдесят языков, жить нелегко.

— Нет, золота не хочу, научите языкам, — попросил охотник.

— Что ж, будь по-твоему, — сказал старый пестрокрылый змей. — Отныне ты знаешь семьдесят языков, отныне ты слышишь разговоры птиц, рыб и зверей. Но это — тайна. Ты должен хранить её от людей. Если проговоришься — в тот же день умрёшь.

Охотник покинул ханство пестрокрылого змея и отправился домой. Идёт лесом и радуется: ведь понимает он всё, что говорят меж собой звери и птицы. Вышел охотник из лесу. Вот и юрта. «Зайду в неё», — думает он. А собака лает:

— Сюда не заходи. Хоть это и богатая юрта, но хозяин наш скупой. Здесь тебе не только мяса — молока не дадут.

Охотник пошёл дальше. Около другой юрты собака лает:

— Заходи сюда, путник. Хоть это юрта бедняка, но хозяин наш добрый, он тебя угостит. У нас всего одна корова, но хозяин даст тебе молока, у нас всего один чёрный баран, но хозяин заколет для гостя последнего барана.

Охотник зашёл в юрту бедняка. Хозяин вежливо с ним поздоровался, усадил на почётное место. Жена хозяина подала гостю пиалу молока. Бедняк предложил охотнику переночевать, а к вечеру заколол для него чёрного барана. Когда они ели, собака проскулила:

— Добрый гость, урони баранью лопатку, я схвачу и выбегу, на тебя хозяин не рассердится.

Охотник уронил лопатку. Собака схватила её и убежала. А потом залаяла:

— Добрый гость угостил меня вкусной лопаткой. Не буду спать всю ночь, буду стеречь юрту.

Ночью пришли волки. Остановились возле юрты бедняка и воют:

— Сейчас мы задерём коня!

— У моего хозяина один-единственный конь, нельзя его есть. Если подойдёте ближе, я подниму громкий лай. Проснётся хозяин, проснётся его гость-охотник, и тогда вам несдобровать. Идите лучше туда, к богачу, задержите его жирную серую кобылу, у него лошадей много, а собаки его голодные, они не захотят на вас лаять.

Волки пошли к юрте богача. Подошли и воют:

— Сейчас мы задерём жирную серую кобылу!

А собаки отвечают:

— Наш хозяин скупой, нас не кормит. Задержите его кобылу, съешьте. А остатки мы доедим: это для нас большой пир будет.

Волки задрали кобылу богача. Собаки молчали. Всё это слышал охотник.

На другое утро он попрощался с гостеприимным хозяином и пошёл домой. Недалеко от дома выскочили ему навстречу две его собаки. Старая лает:

— Наш добрый хозяин идёт!

Молодая лает:

— Как хорошо, наш хозяин вернулся!

Собаки подбежали к нему, ластятя, скулят:

— Где же ты так долго пропадал? Без тебя нам было плохо. Хозяйка

нас редко кормила и часто била.

Охотник пришёл домой. И спрашивает у жены:

— Ты почему без меня плохо кормила собак? Ты почему их била?

— Я их кормила и не била. Откуда ты это взял?

Охотник молчит.

Однажды, когда они легли спать, охотник услышал, как в юрту по очереди вошли две мыши. Первая мышь говорит:

— Я знаю, здесь есть молочное озеро. Сейчас мы с тобой вволю напьемся вкусного молока.

Мыши подошли к чану с молоком. Первая мышь снова говорит:

— Сначала я буду пить, а ты держи меня крепче зубами за хвост. Когда я напьюсь, я тебя подержу.

Первая мышь начала пить. Вторая кричит:

— Ну хватит, ещё обопьёшься, много ведь нельзя!

Первая отвечает:

— Ещё три глотка! Подожди! Очень вкусное молоко! — И опять пьёт. Напилась и кричит: — Вытаскивай, больше не могу!

Начала пить вторая мышь. А первая держит её зубами за хвост.

— Крепче держи меня! Смотри не выпусти! — кричит вторая мышь.

Но первая мышь выпила слишком много молока, она икнула и выпустила хвост подруги. Вторая мышь плюхнулась в чан и начала тонуть.

— Что я теперь буду делать без подруги! — кричит первая мышь.

— Спасите, спасите, тону! — кричит вторая мышь.

Охотник, который всё это слышал, рассмеялся, встал и вытащил мышь из чана. Но когда снова лёг, жена засыпала его вопросами:

— Почему ты засмеялся? Ты, наверное, надо мной смеялся? Что во мне смешного? Зачем ты вставал? Вынимал мышь из молока? Как ты узнал, что мышь упала в молоко?

Охотник молчит. Тогда жена говорит:

— Ты, наверное, что-то знаешь! Ты против меня что-то замышляешь? Ты от меня всё время что-то скрываешь!

Наконец охотник сказал:

— Я не могу тебе открыть правду. Если открою, я тут же умру.

Но жена не отстает, наоборот, ещё больше пристаёт. Хоть умри, да скажи! Долго охотник крепился, потом говорит:

— Ладно, скажу. А ты всё приготовь к моей смерти, к моим похоронам.

Жена поймала самого лучшего коня, взнуздала его самой красивой уздечкой, оседлала самым дорогим седлом...

Охотник приказал подвесить лук и колчан со стрелами на хоймор тэнги.^[101] Потом приказал принести и повесить там же его лучшую одежду. Жена приготовила десять котлов молочной водки, привязала возле юрты гнедую кобылу и чёрного барана, чтобы заколоть их для гостей.

— Ну, теперь всё готово к твоим похоронам, к поминкам, — сказала она. — Теперь говори.

— Уже вечер, поздно, — сказал охотник. — Сегодня в последний раз переночую дома. А уж завтра скажу — и отправлюсь в другой мир.

Утром он встал очень рано. Подошёл к загону, где овцы. И слышит, как бараны меж собой говорят:

— Вот идёт наш добрый хозяин, который решил умереть из-за любопытства своей неразумной, докучливой жены. Почему он не заставит её замолчать? Вчера она поймала, чтобы зарезать, чёрного барана. Этот баран был нашим вожаком, он знал, где растёт вкусная, сочная трава, и водил нас по самым лучшим местам. Без него мы теперь собьёмся с дороги, заблудимся, задерут нас волки.

Охотник подошёл к лошадям. И опять слышит:

— Вот идёт наш добрый хозяин, который решил умереть из-за прихоти своей глупой жены. Почему он не заставит её замолчать? Вчера она поймала, чтобы зарезать, гнедую кобылу, которая охраняла нас от волков. Без неё нам будет совсем плохо.

Охотник подошёл к коровам. Бык говорит:

— Вот идёт наш добрый хозяин, который не может справиться с одной глупой женой. А у меня много жён, и все они меня слушаются!

Охотник вернулся к юрте. А там лают собаки. Старая говорит:

— Мне хорошо — жить осталось мало, недолго буду я терпеть побои нашей злой хозяйки.

Молодая собака говорит:

— А я вовсе не стану терпеть побои. Как только наш добрый хозяин умрёт, я сбегу.

Охотник вошёл в юрту. А жене его не терпится, она ворчит-бубнит:

— Ну, скорее рассказывай, скорее! Смотри, ничего от меня не скрывай! Я всё хочу знать, всё как есть! А к похоронам твоим, гляди, я давно приготовилась.

Тут охотник не выдержал, рассердился на докучливую жену и выгнал её.

КАК ЛЕНИВОМУ СТАРИКУ ТРИЖДЫ ПОВЕЗЛО

Жили старик со старухой. Старуха была слаба, работать не могла, а старик был ленив, работать не хотел. Поэтому жили они подаванием. Старик до того обленился, что и милостыню просить уже не хотел. Лежал себе в юрте. Старуха думает: «Как бы его заставить из дому выйти, совсем залежался». Она взяла комок масла и спрятала его в старой посудине на брошенном соседнем стойбище. Потом говорит старику:

— Ты два дня лежишь, два дня не ел ничего. Кто лежит, тот ничего не найдёт. Сходи-ка на соседнее стойбище, пошарь, может, там что-нибудь забыли.

Старик покряхтел и пошёл. И нашёл комок масла. Он так обрадовался находке, что пообещал старухе снова пойти на промысел — пойти попросить милостыню. У стариков была сивая лошадь да сивая собака — это и всё добро. Старуха сделала мужу одежду из старого чёрного войлока. Из верёвок, которыми связывают кошмы юрты, сделала кое-как сбрую для лошади, посадила ленивого старика верхом и отправила по миру. Сивая собака побежала следом.

Едет старик, едет и вдруг видит: мелькнула рыжая лисица — пробежала по каменной россыпи и скрылась в норе. «О, какая удача! — подумал старик. — Добыча сама навстречу бежит! Сейчас лисицу поймаю!» Он слез с лошади и увидел, что у лисьей норы есть второй выход. «Ну, меня ты не перехитришь», — усмехнулся старик и заткнул шапкой второй выход. Потом он, чтобы легче было работать, разделся, одежду привязал к седлу, собаку, чтобы не мешала, привязал к лошади и начал разгребать камни у входа в лисью нору. Лисица поняла, что попалась, и бросилась в другой выход, который старик заткнул шапкой. Она выскочила наружу и побежала прочь в шапке старика. Собака увидела лисицу и кинулась за ней. Лошадь и собака были связаны, поэтому лошадь побежала за собакой и увезла одежду старика.

Старик остался совсем голым. «Ох и попадёт мне от моей старухи, если я таким вернусь домой, — подумал он. — Вернусь не только без

добычи, но и без последнего добра! Нет, домой я не пойду». И он пошёл куда глаза глядят. К вечеру добрёл до большого селения, где было много домов, много юрт. В том селении жил великий нойон, владелец тех земель. Старик подумал: «Как же я голый войду в селение? Спрячусь-ка до ночи в стоге сена, а там будь что будет». Он спрятался в стоге сена. Вскоре из селения вышла погулять дочь нойона со своими девушками. Когда она проходила мимо старика, с её пальца упал в траву перстень с огромным драгоценным камнем.

Потом по этой тропинке прошла девушка, которая собирала коровий помёт, чтобы смешать его с глиной и замазать щели в хлеву. Она увидела перстень, подняла его и залюбовалась блеском огромного камня. Потом оглянулась. Никто её не видел.

— Это — перстень дочери нойона, — сказала девушка. — Она его потеряла и больше никогда не найдёт. Я сумею его припрятать. А когда придёт пора, возьму.

Девушка смешала коровий помёт с глиной и начала замазывать щели в хлеву. В одну из щелей она вмазала драгоценный перстень. Всё это видел старик из своего стога сена. «Как мне повезло!» — подумал он. Когда стемнело, старик обвязался соломой и пошёл в селение. Но люди его пугались, бежали, начался переполох, и тогда его схватили и посадили в сарай под стражу. Утром один караульный сказал другому:

— Дочь нашего нойона заболела, оттого что потеряла свой драгоценный перстень. Нигде его не могут найти. Нойон обещает большую награду тому, кто вылечит его дочь.

Старик закричал:

— Скажите вашему нойону, что я смогу вылечить его дочь! Пусть только поскорее меня накормит!

Караульные посмеялись над ним, но старик сказал, что он знаменитый гадатель, и тогда караульные доложили о нём нойону.

Великий нойон обрадовался и приказал привести старика. Его накормили, одели. Старик сказал:

— Надо подождать ночи. Я посмотрю на звёзды и узнаю, как лечить твою дочь.

Ночью старик посмотрел на звёзды, а утром сказал:

— Вылечить твою дочь может только её драгоценный перстень. Я теперь знаю, где его найти.

И старик повёл нойона и его свиту на край селения к хлеву. Там он постоял, подумал, а потом начал отколупывать замазку из щели. Когда у него в руках сверкнул драгоценный перстень, все ахнули.

Рад был великий нойон, ещё больше обрадовалась его больная дочь. В тот же день она была здорова. Нойон сказал:

— Незнаменитый гадатель, ты заслужил награду. Дам тебе всё, что ни попросишь.

Старик подумал: «Ох и попадёт мне от моей старухи, если я вернусь домой не в том виде, в каком она меня отправила!» И сказал:

— Дай мне сивую лошадь, сивую собаку и одежду из старого чёрного войлока.

Нойон удивился. Он сказал, что за эту услугу можно потребовать подарки куда более дорогие, но старик стоял на своём. Ему дали сивую лошадь, сивую собаку и одежду из старого чёрного войлока.

Старик вернулся домой, рассказал старухе о своих приключениях. Старуха схватила палку и давай его бить да приговаривать:

— Не будь дураком, не отказывайся от подарков! Не будь дураком, не отказывайся от богатства!

В это время к нойону в гости приехал сын соседнего нойона. Юноша увидел красавицу с драгоценным перстнем и захотел на ней жениться. Отец-нойон согласился. Сыграли свадьбу. Сразу после свадьбы молодой муж заболел. Вскоре он умер. Никакие лекари ему не помогли. У соседнего нойона было шестеро сыновей. На красавице женился второй сын. И он умер вскоре после свадьбы. Женился третий сын, четвёртый, пятый. Каждый из них умирал через несколько дней после свадьбы. И вот красавицу полюбил шестой, самый младший из братьев.

— Отец, я женюсь на ней! — сказал он.

Старик нойон попытался его отговорить:

— Одумайся, милый, ты остался у меня один, пятеро братьев твоих умерли. Каждый умирал, как только женился на этой красавице. Что-то тут неладно. Откажись от неё, иначе и ты погибнешь.

Но младший был ослеплён её красотой и не слушал отца. Он женился и в тот же день тяжело заболел. Старик нойон послал гонцов во все концы света — искать знаменитого лекаря. Когда об этом узнал отец красавицы, он приказал привезти больному того самого старика, который сумел отыскать драгоценный перстень. Посыльные схватили старика, посадили на его сивую лошадь и привезли к больному. Несчастный нойон сказал:

— Пятеро моих сыновей умерли один за другим. Теперь болен шестой. Вылечи его — и я одарю тебя без меры. Не вылечишь — пеняй на себя!

Что делать старику? Он сказал:

— Я вылечу. Но мне надо ночь подумать.

Когда настала ночь, он решил бежать. Он вышел потихоньку во двор,

но увидел, что все выходы крепко заперты. Тогда старик решил перелезть через коровий хлев. Он залез на крышу, но она была худая, и старик провалился вниз. В это время в хлев вошли бык и корова. Они ударились оземь, бык обернулся мужчиной, а корова — женщиной. Старика они не видели, было темно. Мужчина сказал:

— Мне надоели твои мужья! Сколько ещё ждать?

— Подожди немного, скоро он умрёт, — ответила женщина.

— А если не умрёт? Ведь сюда привезли знаменитого лекаря, который вылечил тебя, — сказал мужчина. — А если он вылечит твоего мужа?

— Не вылечит. Пока волшебный перстень у меня на руке, муж не поправится. Чтобы выздороветь, ему надо надеть этот перстень.

— Но старик нойон подозревает тебя в гибели сыновей, — сказал мужчина. — Боюсь, он тебя убьёт.

— О, меня очень трудно убить, — ответила женщина. — Для этого надо разрубить меня на шестьдесят частей, позвать шестьдесят кузнецов, чтобы они развели огонь в шестидесяти горнах, раздули его шестьюдесятью мехами, потом в каждый горн надо бросить часть моего тела, сжечь и развеять пепел по ветру — вот только тогда я не смогу ожить. Но никто об этом не знает, поэтому никто меня не убьёт.

Тут мужчина и женщина ударились оземь, снова обернулись быком и коровой и ушли. Старик подумал: «Опять мне повезло. Я не только спасён, но и получу большую награду. Теперь я не буду дураком, не буду отказываться от подарков. И старуха моя будет довольна». Он выбрался из хлева, вернулся на своё место и сказал, чтобы его вели к нойону.

— Что, знаменитый гадатель, ты догадался, как лечить моего сына? — спросил старик нойон.

— Да, уважаемый нойон, догадался. Его можно вылечить драгоценным перстнем с руки его жены. А жену надо убить, она — злая колдунья, которая извела пятерых твоих сыновей и теперь хочет извести шестого. Она любит такого же колдуна-оборотня, как она сама. Убить её очень трудно. Для этого надо разрубить её на шестьдесят частей и сжечь их в шестидесяти горнах.

Несчастный нойон сказал:

— Я догадывался, что это она сгубила моих сыновей.

Он приказал отнять у колдуньи драгоценный перстень, убить её, разрубить на шестьдесят частей и сжечь в шестидесяти горнах. Когда всё было сделано, старик взял драгоценный перстень и надел его на палец больного. Тот очнулся, пришёл в себя и скоро стал совсем здоровым.

Отец его обрадовался несказанно.

— Тебя вылечил этот знаменитый гадатель! — сказал он. — Тебя спас волшебный перстень твоей жены — злой колдуньи. Знаменитый гадатель приказал её убить. Её разрубили на шестьдесят частей и сожгли в шестидесяти горнах.

Младший сын нойона застонал:

— О, этот паршивый старикашка приказал убить мою красавицу! Сейчас я вытряхну его подлую душу! — Он кинулся на старика, но отец остановил его.

Тогда сын сказал:

— Я оставлю ему жизнь, но выгони его тотчас, чтобы духу его тут не было!

Нойон не стал спорить с сыном и приказал, чтобы старика выгнали вшаей.

Побитый старик шёл домой и думал: «Второй раз повезло, и вот как оно обернулось. Теперь вернусь домой не только без подарков, но даже без моей сивой лошади. Нет на этой земле благодарности». Идёт он, идёт и вдруг видит: лесной пожар. С ветки свисает змея, а вокруг горит сухая трава. Старик решил спасти змею, подбежал к дереву, взял змею в руки. Но она тут же обвилась вокруг его шеи и прошипела:

— Ты зачем потревожил мой сон? Вот за это я тебя ужалю.

— Помилуй, змея, — говорит старик. — Я ведь спас тебя, ты бы сгорела.

— Я не просила тебя снимать меня с ветки, — говорит змея. — Я хотела погреться, а ты мне помешал. Вот поэтому ты и умрёшь.

— Подожди, змея, — просит старик. — Пусть нас хотя бы кто-нибудь рассудит.

— Я согласна, — говорит змея.

Бежит навстречу старая собака. Старик кричит:

— Собака, рассуди нас. Я спас змею от смерти, вытащил её из огня, а теперь вместо благодарности она хочет меня убить.

Собака говорит:

— Нет на этой земле благодарности. Я жила у человека пятнадцать лет, стерегла его юрту от врагов и от диких зверей, а недавно спасла хозяина от волка. В этой схватке я потеряла последние зубы. «Ну ничего, — думала я, — хозяин из благодарности будет меня, старую, кормить». Но он выгнал меня. Я не хотела уходить. Тогда он побил меня палкой.

Собака посмотрела на старика, потом на змею и убежала.

— Вот видишь, — говорит змея, — собака рассудила в мою пользу. Готовься к смерти.

— Подожди, змея! — кричит старик. — У собаки и суд собачий. Встретим кого-нибудь ещё!

Змея говорит:

— Будь по-твоему. Вон идёт старый конь. Послушаем, что скажет он.

Подошёл конь. Старик говорит:

— Конь, рассуди нас. Я спас змею от смерти, вытащил её из огня, а она вместо благодарности хочет меня убить.

Конь говорит:

— Нет на этой земле благодарности. Я служил хозяину верой и правдой, возил его далеко и близко, но редко бывал сытым, а часто бывал битым. Поедет, бывало, он к соседям, привяжет меня к столбу у юрты, пьянствует три дня, три ночи, обо мне забудет, я стою голодный. Этим летом совсем меня замучил. Потом увидел, что я возить его уже не могу. Тогда он отпустил меня пастись. Я думал, что он подобрел, а потом услышал, что осенью он собирается заколоть меня и съесть. Вот я и иду куда глаза глядят, лишь бы от хозяина подальше. — И конь пошёл дальше.

— Вот видишь, — говорит змея, — и конь рассудил в мою пользу.

— Подожди, дай попытать счастья в третий раз, — просит старик. — Может, в третий раз мне повезёт.

— Давай в третий, — говорит змея.

Навстречу бежит лиса. Старик говорит:

— Лиса, рассуди нас. Я спас змею от смерти, вытащил её из огня, а она вместо благодарности хочет меня убить.

Лиса говорит:

— Змея, ты согласна, чтобы я была судьёй?

— Согласна, — говорит змея.

— Тогда выполняй всё, что я буду говорить. Сначала отпусти шею старика и сползи на землю.

Змея сползла на землю. Лиса мигнула старику, показала глазами на толстую палку. Старик всё понял, схватил палку и ударил змею по голове. «В третий раз мне повезло, — подумал старик. — Три раза мне повезло, а богатым не стал. Спасибо, что жив остался». И он с пустыми руками пошёл домой.

ЯКУТСКИЕ СКАЗКИ

ПОЧЕМУ У ГОРНОСТАЯ КОНЧИК ХВОСТА ЧЕРНЫЙ

Это было в то далёкое время, когда все нынешние животные жили уже на земле, но не все ещё были такими, как сейчас. Горноста́й в то время был тёмно-рыжим.

Однажды наступила лютая зима. Все звери знали, что в лесу в тёплом чуме живёт старый охотник. И вот умирающий от голода и холода горноста́й прибежал к чуму, взобрался наверх, к дымнику, и сел у края — погреться. От тепла его разморило и он задремал. Старик в это время вошёл в чум. Чуткий горноста́й встрепенулся, сорвался, полетел вниз и плюхнулся прямо в казан с горячей водой. Плюхнулся и закричал страшным голосом. Старик быстро выловил его. Горноста́й был чуть жив, шерсть с него вся сошла, был он голеньким, розовым, беспомощным. Старик говорит:

— Живу я в лесу один. Пусть маленький горноста́й живёт со мной в чуме. Всё мне будет веселее.

Он стал бережно ухаживать за зверьком, и вскоре горноста́й ожил, поправился, стал быстрым и весёлым. А вместо тёмно-рыжей шерсти выросла на нём шерсть белоснежная, без единого пятнышка! Стал маленький горноста́й белый-белый как молоко!

Старик полюбил шустрого зверька. Горноста́ю жилось легко и привольно, ведь он не охотился, а ел готовую пищу, которую приносил с охоты старик.

На чёрный день, на случай неудачной охоты, старик берёт небольшой запасец сала. Однажды он открыл туесок,^[102] где хранил свой запас, и увидел, что сала почти нет, а на маленьком остатке — следы острых зубов горноста́я. Старик разгневался, вскочил, будто в него вселился злой дух... Что делать? Сейчас же расправиться с вором? Старик подумал и сделал вид, будто ушёл на охоту, а сам спрятался за деревом возле чума. Горноста́й увидел, что охотника нет, быстро залез в туесок и начал доедать сало.

Старик поднял обгорелую головешку и бесшумно вошёл в чум. Но горноста́й был осторожный из осторожных, чуткий из чутких, он мигом учуял опасность и бросился бежать. Старик взмахнул головешкой. Но горноста́й был проворный из проворных, вёрткий из вёртких, он сумел увернуться от удара, и старик задел только самый кончик его хвоста. Горноста́й убежал.

— А всё-таки я пометил тебя, разбойник! — крикнул старик.

С тех пор кончик хвоста у горноста́я чёрный.

С тех пор о горноста́е у нас говорят: зверёк с отметиной.

ЧИРОК И БЕРКУТ

В давнее-стародавнее время птицы жили на одном месте, не знали кочёвок. Все они обитали на тёплом юге, в жарких странах. Жилось им привольно и сытно, и птичий народ плодился без меры. И вот птиц стало так много, что показалось им тесно на родной земле. Стало не хватать корма для птенцов, стало не хватать места для гнездовий. Да ещё наступила такая жара, что стали тухнуть и пропадать яйца, которые несли птицы. Что делать? Птичий народ собрался на сходку.

— В наших краях трудно стало жить, — говорили птицы. — Летом слишком жарко, вода высыхает, еды не хватает. А на далёком Севере, говорят, раскинулись бескрайние земли. Узнать бы, можно ли там жить, есть ли там вода, есть ли корм для птиц. Хорошо бы на всё лето улетать на Север. Надо выбрать кого-нибудь сильного и умного, пусть он станет нашим предводителем, нашим владыкой, и мы пошлём его на Север, пусть он разузнает, что там за земля.

Выбрали беркута. Он самый сильный, самый умный. Он не пропадёт в пути, всегда найдёт себе еду — ведь он ест и зверей и птиц.

— Принеси нам, мощный беркут, вести о далёком Севере.

Улетел беркут — только чёрная тень по земле пронеслась.

Прошёл год. Беркут вернулся. Первым его заметил маленький чирок. Беркут был довольным и весёлым. Но когда его окружили птицы, беркут вдруг стал грустным и хмурым.

— Скорей рассказывай нам, храбрый беркут, могучий беркут, что ты видел в далёких краях! Какие новости? Какие вести? — закричали наперебой любопытные птицы.

Беркут ответил:

— Плохие новости, плохие вести. Напрасной была вся эта затея, зря вы, птицы, меня в такую даль посылали. Страшные там места: ни еды, ни воды, едва выбрался, едва назад вернулся. Громоздятся там голые горы, кругом только серый камень, никто там не живёт, нет ни зверей, ни птиц,

ни насекомых. Нет там деревьев для гнездовых, нет ни озёр, ни рек для водоплавающих птиц. Царит там вечный холод и вечная ночь. Увы, друзья мои, северные земли для жизни не годятся.

Птичий народ загрустил. Все притихли, задумались. И вдруг маленький пронырливый чирок проговорил в тишине:

— Я не верю беркуту. Я не верю, что на всём огромном Севере нечего есть. Я не верю, что там стоит вечная ночь.

Беркут рассердился и закричал:

— Тебе ли, маленькая птичка с маленьким умом, раскрывать рот! Не веришь — сам слетай на далёкий Север! Только вот назад вряд ли вернёшься...

Стало смеркаться. Беркут полетел в своё гнездо. Маленький чирок в сумерках полетел вслед за ним, притаился рядом с его гнездом и начал чутко слушать. Он знал, что дома беркут скажет правду. И вот что он услышал.

— Ну, мой друг, — говорил беркут жене, — нам привалила большая удача! Готовься в дорогу, детей готовь, завтра и отправимся. Ах, какие благодатные земли, оказывается, лежат на Севере! Летом там не жарко, лесам нет конца-краю, рек-озёр не пересчитать, а уж корма-добычи столько, что никто такого и во сне не видывал!

— Значит, весь птичий народ завтра отправляется на благодатный Север? — спросила жена беркута.

— Нет, мы полетим туда одни, — ответил беркут. — Птичьему народу я сказал, что те места для жизни непригодны. Мы одни полетим в благодатные северные края, мы расплодимся там на несметных кормах, мы будем владыками необозримых просторов!..

— Ах ты... — не выдержал чирок, но тут же закрыл рот.

— Что это? — встрепенулся беркут. Он так сильно вздрогнул, что гнездо сорвалось и полетело вниз.

Чирок притаился. Беркут его не заметил, было уже темно. Поздно ночью, когда все уснули, чирок тихонько улетел. А наутро, едва взошло солнце, он собрал всех птиц на сходку.

— Слушайте меня, уважаемые птицы, — сказал он. — Всё, что вчера вам говорил беркут, — неправда! Земли на Севере благодатные, есть там леса и луга, реки и озёра. А корму там столько, что никому из вас и не снилось!

— Откуда ты это взял? — закричали птицы. — Почему мы должны верить тебе, а не господину беркуту?

— Я сидел вчера вечером рядом с его гнездом, — сказал чирок, — и

слышал, что он говорил жене. Ей он сказал: «Собирайся, завтра полетим на Север». А вас, птицы, почтенный беркут обманул. Я немного испугал его, почтенный беркут вздрогнул, гнездо его сорвалось и упало вниз.

Птицы закричали:

— Если чирок говорит правду, надо выбрать другого предводителя, который слетал бы на Север и не обманул бы нас.

В это время медленно и степенно пришёл на сходку сам беркут. Птицы спросили:

— Как вы спали, почтенный господин?

— Ох, плохо, — ответил беркут. — Среди ночи гнездо моё сорвалось, пришлось мне спать на земле.

Птицы переглянулись. Чирок, оказывается, говорил правду.

И тогда они беркуту сказали так:

— Почтенный господин, ты опечалил нас вчерашним рассказом. Опечалил, но надежды нашей не убил. Тебе, наверное, не повезло, ты, наверное, попал в плохие места. Мы думаем, что, если лететь туда, откуда дует прохладный ветер, можно найти благодатную землю. Теперь мы пошлём на Север другую почётную птицу, выберем другого предводителя. Тебя это не обидит?

Что ответить беркуту? И он сказал:

— Нет, не обидит.

Тогда сказали журавлю:

— Почтенный журавль! Теперь тебе мы доверяем стать нашим предводителем, тебе доверяем слетать на Север, поискать хорошие земли. Ты видный и красивый, умный и осторожный. Крылья у тебя большие — летаешь хорошо, ноги у тебя длинные — бегаешь хорошо. На земле ты поешь червей, а на болоте — лягушек. Лети на Север, почтенный журавль, принеси нам хорошие вести.

Журавль гордо вышел вперёд и говорит:

— Вы правильно сделали, птицы, что выбрали предводителем меня. Я доволен. Я полечу.

И тогда вперёд выскочила маленькая уточка. Она закричала:

— Что вы делаете, уважаемые птицы? Кого вы выбрали? Вы, наверное, выбирая предводителя, смотрите на длину носа? Что вы в журавле нашли? Длинные ноги, длинная шея и громкий дурацкий крик. Журавль — самая глупая птица: ни ума, ни памяти! У первого болота он забудет о нас, налопается лягушек и вернётся!

Услышав такие слова, журавль кинулся на уточку и давай колотить её своим длинным крепким клювом. Он переломал ей крылья и ноги и совсем

бы убил, да народ заступился. Журавля оттащили. Утка сказала:

— И это называется: каждый волен на сходке сказать, что думает... А нельзя, оказывается, говорить слабому против сильного. Вот, смотрите, птицы, какого умного и справедливого вожака вы себе выбрали.

— Да, ты не прав, журавль, — сказали птицы. — Не надо было так горячиться, не надо было начинать драку. Утка говорила грубо, мы бы её наказали. Надо бы лишить тебя звания предводителя, да жаль, нет другого, достойного...

— Как это нет достойного? — закричала утка. — Вот сидит богатырь орёл. Он и по имени господин!^[103] Кто видит так далеко? Кто летает так высоко? Кто великодушен, как он?

Птицы сказали:

— А ведь правильно говорит маленькая утка. Он самый умный, он самый лучший.

Выбрали орла, попросили его слетать на Север. Орёл скоро вернулся и сказал:

— Земли там благодатные, лето не жаркое. Ни одно яйцо там не протухнет, ни один птенец не погибнет. Всем нам надо на лето улетать на Север.

И птицы полетели в наши привольные северные земли. С тех пор они прилетают к нам каждое лето. Правда, журавль не летит далеко на север, туда, куда утки. Беркут прилетает, но прячется по лесам.

ДЕВУШКА-ХВОЩИНКА

Жила, говорят, когда-то давным-давно маленькая старушка Бэйбэрикэн. Было у неё пять коров. Эти коровы сами паслись в широком поле. Пошла однажды старушка искать своих коров и нашла красивую пятисуставную хвощ-траву.

— Возьму эту траву, отнесу домой, пусть она станет моим ребёнком, — сказала старуха. Она бережно выкопала хвощ-траву; с корнем вытащила, ни корешка, ни веточки не повредила, домой принесла, на подушку положила, одеялом укрыла.

И пошла доить коров. Вдруг слышит: в юрте тонко звякнули бубенчики, а потом напёрсток упал. Старушка вскочила, молоко пролила, вбежала в юрту, отвернула одеяло — на подушке хвощ-травы лежит, всё как было, трава травой. Вышла старушка, села доить корову — опять звон: тонко звякнули бубенчики, а потом иголка упала. Старушка опять вскочила, опять молоко пролила, вбежала в юрту, отвернула одеяло — на подушке хвощ-травы лежит, как прежде. «Что же это звякало? — подумала старушка. — Не для того же звон был, чтобы я молоко опрокидывала!» И опять ушла доить коров. И опять вскоре услышала звон: тонко звякнули бубенчики, а потом ножницы упали. Старушка в третий раз вскочила, пролила молоко, вбежала в юрту, а там на одеяле сидит красавица: лицо её как белый мрамор, глаза как халцедон,^[104] брови как два чёрных соболя, которые лежат, касаясь друг друга лапками. Обрадовалась старушка Бэйбэрикэн, сказала:

— Теперь у меня есть дочь!

Стали они жить вдвоём, вместе доили коров.

Однажды в тех местах охотился удалой Харжит-Берген, сын Хан-Харах-тойона. Увидел он белку выстрелил — не попал. Погнался за белкой. Стрелял в неё с утра до захода солнца, а попасть не мог. Вот белка взлетела на лиственницу возле юрты старушки Бэйбэрикэн. Удалой охотник опять выстрелил. Стрела упала в дымник юрты. Харжит-Берген закричал:

— Эй, старуха! Вынеси стрелу!

Нет ответа. Ещё громче закричал охотник:

— Выходи, старуха! Я — Харжит-Берген, сын Хан-Харах-тойона! Я жду стрелу!

Опять нет ответа. Влетел охотник в старухин дом! А когда влетел — увидел красавицу, краше которой нет на свете: лицо её как белый мрамор, глаза как халцедон, брови как два чёрных соболя, которые лежат, касаясь друг друга лапками.

Харжит-Берген остолбенел и долго не мог прийти в себя. А потом выбежал из юрты, вскочил на коня и поскакал домой.

— Отец, мать! — закричал он дома. — Я видел в юрте маленькой старушки Бэйбэрикэн, которая пасёт пять коров, несказанную красавицу! Посватайте мне эту девушку!

Отец его, тойон Хан-Харах, послал к старушке девять всадников на девяти рыжих конях. Как ветер прилетели к старушке всадники, вбежали в юрту. И все остолбенели, увидев красавицу. А когда пришли в себя, тихонько вышли. Остался один, самый старший.

— Старуха Бэйбэрикэн, отдай эту девушку, твою дочь, сыну нашего владыки, сыну Хан-Харах-тойона, — сказал он.

— Отдам, — ответила старушка. — Но сначала спроси согласия у девушки.

— Пойду за него, — сказала девушка.

— Тогда давайте калым, — сказала старушка. — Как наполните всё моё поле лошадьми и коровами, так и забирайте девушку.

Посыльные вернулись к тойону. Всё рассказали. Тойон приказал наполнить старушкино поле лошадьми и коровами. Люди пригнали их. И привели чубарую говорящую лошадь под серебряным седлом, в сбруе, украшенной серебром. К седлу была привязана серебряная плётка. Харжит-Берген бережно вывел невесту из юрты, посадил её на чубарую лошадь и повёз домой. По дороге он сказал:

— В лесу у меня стоят самострелы на лисиц. Пойду проверю. А ты поезжай одна. Доедешь до развилки двух дорог. У одной дороги на дереве висит чёрная соболья шкура. У другой — бурая медвежья. Поезжай туда, где висит чёрная соболья шкура.

Сказал так и скрылся в лесу. Красавица испугалась. Но делать нечего, поехала одна. А как доехала до развилки, так и забыла всё, что наказал жених. Направилась туда, где висела медвежья шкура. Вот она въехала в тёмный лес и скоро добралась до железной юрты. Там жила дочь восьминогого Аджарай-Бёге-абаасы, ^[105] одноногая колдунья. Когда

девушка подъехала к юрте, дочь абаасы выскочила ей навстречу. Она была в железной одежде, на одной кручёной ноге, с одной кручёной рукой, с одним мутным страшным глазом в середине лба, с длинным чёрным языком, который свисал до пояса. Дочь абаасы стащила красавицу с лошади, сорвала кожу с её лица, прилепила к своему лицу. Весь красивый наряд с девушки сняла, сама невестой оделась, потом вскочила на чубарую лошадь и поскакала к дворцу Хан-Харах-тойона.

Жених догнал её у самого дома. Он ни о чём не догадался. Все родственники жениха вышли встречать невесту. Девять братьев Харжит-Бергена подбежали к золотой коновязи справа, чтобы принять повод лошади. Восемь сестёр подошли к золотой коновязи слева, чтобы привязать лошадь. Но невеста почему-то привязала свою лошадь к ободранному стволу ивы, к которому старуха скотница Симяхсин обычно привязывала пёстроного шелудивого быка. Все, кто встречал невесту, огорчились.

У девушек были наготове суровые нитки. У парней были наготове луки и стрелы. Во дворце тойона шептались:

— Как заговорит красавица — изо рта у неё посыплются драгоценные красные бусинки. Где пройдёт красавица — по следам её побегут гладкие чёрные соболи.

Вот для этих драгоценных красных бусинок, чтобы их подбирать да нанизывать, девушки принесли суровые нитки. Вот для этих чёрных гладких соболей, чтобы их стрелять-подстреливать, парни приготовили острые стрелы.

Невеста заговорила. Изо рта у неё посыпались вонючие зелёные лягушки. Девушкам стало тошно. Невеста пошла во дворец. По следам её побежали худые рыжие горностаи. Парни опустили луки, нахмурились.

Как велит обычай, от коновязи до дверей дворца была постлана зелёная трава. Как велит обычай, невесте дали три верхушки молодых лиственниц. По зелёной траве вошла она в дом и тремя верхушками молодых лиственниц разожгла огонь в очаге. И начался свадебный пир. Кончили пировать — начали жить.

А маленькая старушка Бэйбэрикэн опять пошла в поле искать своих коров. И опять на том же месте нашла пятисуставную хвоц-траву. Выросла она ещё краше прежней. Старушка бережно её выкопала, не повредила ни корешка, ни веточки, домой принесла, на подушку положила, одеялом укрыла. И пошла доить коров. Только начала доить — в юрте звон раздался: тонко звякнули бубенчики, потом ножницы упали. Старушка вскочила, вбежала в юрту, а там на одеяле сидит её дочь-красавица.

— Что случилось, милая? — спросила старушка.

Девушка рассказала:

— Мой жених Харжит-Берген повёз меня к себе домой. По дороге сказал: «Я проверю мои самострелы на лисиц, а ты поезжай одна. Поезжай по дороге, где повешена соболья шкура, а туда, где медвежья, не сворачивай». Я забыла его наказ, поехала не туда и доехала до железной юрты. Оттуда выскочила дочь восьминоного абаасы, сорвала с моего лица кожу, налепила себе на лицо, оделась в мою одежду, приняла мой вид, приехала во дворец Хан-Харах-тойона, стала женой моего жениха, удалого Харжит-Бергена. А моё тело собаки растащили. Серая собака отнесла моё сердце на твоё поле, и я снова проросла хвощ-травой. Видно, не суждено мне умереть, видно, суждено мне иметь потомство. Но дочь абаасы разбила мою судьбу, забрала моего жениха... Какой он теперь? Ведь её дух выпитался в его кровь. Доведётся ли мне снова его увидеть?

— Увидишь своего Харжит-Бергена, — сказала старушка. — А пока живи у меня.

В это время говорящая чубарая лошадь сказала Хан-Харах-тойону:

— Дочь восьминоного абаасы убила мою хозяйку, приняла её вид, стала твоей невесткой, живёт в твоём дворце. А моя хозяйка ожила, снова проросла хвощ-травой, снова стала дочерью старушки Бэйбэрикэн. Злую дочь абаасы надо привязать к хвосту дикой лошади и пустить в степь. Сына твоего, удалого Харжит-Бергена, надо очистить от духа абаасы. Для этого надо тридцать дней мыть его в стремнине холодной реки, а потом тридцать дней сушить на вершине высокой сосны, чтобы продули его ветры севера и ветры юга. После этого он может пойти к старухе Бэйбэрикэн за своей невестой.

Старик тойон плакал, пока слушал лошадь. А потом поспешил к сыну. Когда он вбежал во дворец, дочь абаасы всё поняла, нахмурилась, лицо её потемнело. Старик сказал:

— Сын! Поведай мне: где ты взял, откуда привёз свою жену?

— Я привёз дочь маленькой старушки Бэйбэрикэн, — ответил Харжит-Берген.

— На какой лошади ты её привёз? — спросил старик.

— Я привёз её на говорящей чубарой лошади, — ответил Харжит-Берген.

Старик тойон говорит:

— Эта лошадь рассказала мне, что невесту твою убила дочь восьминоного абаасы, приняла её вид и стала твоей женой. А девушка ожила и снова живёт у старушки Бэйбэрикэн. Дочь абаасы надо привязать к хвосту дикой лошади и пустить в степь. Тебя надо очистить от духа абаасы,

а для этого надо тебя продержат тридцать дней в стремнине холодной реки, а потом тридцать дней сушить на вершине высокой сосны. После этого ты можешь пойти к маленькой старушке за своей невестой.

Услышал эти слова Харжит-Берген, разгневался, как ещё никогда не гневался. Схватил он за ногу злую колдунью, выволок её из дворца, привязал к хвосту дикого коня. Конь поскакал в степь.

Харжит-Бергена омыли в холодной быстрине, просушили на высокой сосне и привезли домой чуть живого.

Удалой охотник отдохнул, пришёл в себя и поспешил к юрте маленькой старушки Бэйбэрикэн. Увидела его старушка, выскочила навстречу, обрадовалась, как если бы пропавший нашёлся, как если бы умерший поднялся. По обычаю, она от коновязи до юрты постлала зелёной травы. Заколола свою лучшую корову, стала готовить свадебный пир.

А красавица подошла к Харжит-Бергену и заплакала:

— Зачем ты приехал, зачем пришёл ко мне? Ты позволил злой дочери восьминогого абаасы сорвать с меня тонкую кожу, пролить мою алую кровь, позволил серым собакам растащить моё белое тело. Что ты после этого здесь ищешь? Девушек на свете больше, чем окуней, женщин больше, чем хариусов.^[106] Среди них и найдёшь себе жену. А я за тебя не пойду.

— Я не отдавал тебя дочери восьминогого абаасы, — сказал Харжит-Берген. — Я не отдавал тебя серым псам. Я не говорил тебе: поезжай к железной юрте.

Старушка Бэйбэрикэн села между девушкой и охотником, смахнула слёзы из обоих глаз на обе стороны и сказала:

— Пропавший нашёлся, умерший поднялся. Надо радоваться свиданию! Обнимите друг друга! Никто не может меня послушаться!

Девушка тихо сказала:

— Мама, я тебя не слушаю. Я всё забуду.

Харжит-Берген вскочил, запрыгал от радости, начал обнимать-целовать красавицу. На дворе стояла наготове говорящая чубарая лошадь под серебряным седлом, в сбруе, украшенной серебром. К седлу была привязана серебряная плётка. Красавицу одели-нарядили и отправились в путь.

Все родственники жениха вышли встречать невесту. Девять братьев Харжит-Бергена подбежали к золотой коновязи справа, чтобы принять повод лошади. Восемь сестёр подошли к коновязи слева, чтобы привязать лошадь. Во дворце шептались:

— Как заговорит красавица — изо рта у неё посыплются драгоценные

красные бусинки. Где пройдёт красавица — по следам её побегут гладкие чёрные соболи.

Братья и сёстры готовились к встрече красавицы. Сёстры нитки сучили, так старались, что кожу с ладоней посдирали. Братья стрелы делали, так старались, что кожу с пальцев посрывали.

Приехали жених с невестой. Парни приняли поводья, девушки привязали лошадей к золотой коновязи. Харжит-Берген невесту осторожно снял с лошади. Заговорила красавица — изо рта у неё посыпались драгоценные красные бусинки. Девушки начали их подбирать да на нитки нанизывать. Пошла красавица ко дворцу — по следам её побежали гладкие чёрные соболи. Парни начали стрелять соболей.

От коновязи до дверей дворца была постлана зелёная трава. Невесте дали, как велит обычай, три верхушки молодых лиственниц. Вошла она в дом, тремя верхушками лиственниц разожгла огонь в очаге. И начался свадебный пир. Гости были из ближних и дальних земель. Были тут и певцы, и плясуны. Удальцы состязались в борьбе и в стрельбе.

Семь дней длился пир, и гости разъехались по домам. Харжит-Берген с молодой красавицей стали жить дружно и счастливо. А потомки их и по сей день на нашей земле живут.

ЮКАГИРСКИЕ СКАЗКИ

КАК БРАТЯ ЖЕН СЕБЕ ИСКАЛИ

Жили три брата. У каждого был свой чум. Старший однажды говорит:
— Жениться нам надо, братья.

Младший говорит:

— Сегодня спать ляжем. Завтра встанем — вместе соберёмся, подумаем.

Назавтра младший к старшему пришёл. Сидят, среднего ждут. Вот средний вошёл. В одной руке — стрела, в другой — копьё. Стоит и говорит:

— Мой старший брат, мой младший брат! Я решил. Я уйду в дальние земли. Там я найду себе жену.

Старший брат говорит младшему:

— Он даже не спросил у меня, куда идти. Сам пошёл. Ты пойдёшь с ним. Нельзя его одного бросать. Уж очень он глуп.

Младший брат пошёл за средним. Нагнал его. Вместе пошли. Шли и слышали стук, будто кто-то лес рубит. Пошли на стук. Видят, старуха дерево рубит. Вот она бросила топор и говорит сама себе:

— Ухо, что ты мне говоришь? Люди пришли, говоришь?

Из уха её раздался голос:

— Люди пришли, оглянись.

Старуха опять говорит.

— Затылок, что ты мне говоришь? Люди пришли, говоришь?

Из затылка её раздался голос:

— Люди пришли, их двое.

Старуха побежала к чуму, закричала:

— Дочки, огонь разведите! Гости к нам пришли!

Из чума выглянули две красавицы. И скрылись.

Среднего брата так и потянуло к чуму, ноги сами пошли. Он сказал:

— Брат мой! Какая удача! Вот мы и нашли себе жён. Пойдём скорее к ним, пойдём в чум!

Младший брат сказал:

— Одумайся, брат. Старуха ухом говорит, затылком говорит! Это, однако, не человек. Это ведьма, нечистая сила!

Ничего не ответил средний брат. Не оглянувшись, пошёл к чуму. Вошёл внутрь. Увидел двух прекрасных девушек. Они улыбались. На почётном месте — старуха. Она говорит:

— Здравствуй, хороший человек! Кто ты, откуда, зачем пришёл?

— Я ищу себе жену, — ответил средний брат.

— Ты хорошо сделал, что к нам пришёл, — говорит старуха. — Вот две красавицы, выбирай любую! — Так говорит, а сама ближе к нему подвигается.

Средний брат посмотрел на её затылок и обмер. Он увидел на нём большой рот с огромными крепкими зубами. Парень оцепенел от страха, не знает, что делать. А старуха прыгнула на него и вцепилась ему в горло тем зубастым ртом, что был у неё на затылке. Упал средний брат. В это время тихонько заглянул в чум младший брат. Всё увидел, всё понял, назад побежал.

Пришёл в чум к старшему брату. Тот спрашивает:

— Где наш средний брат? Жив ли?

— Его убила старуха ведьма, — ответил младший.

— Завтра ты пойдёшь искать себе жену, — говорит старший.

Назавтра собрался в путь младший брат. Оделся, взял оружие и спрашивает:

— Куда, идти?

— Иди вверх по реке. Дойдёшь до слияния двух рек. Там остановись, брось моё копье. Куда оно упадёт, в ту сторону иди. Моё копье возьми, лыжи мои возьми.

Младший брат поклонился старшему, взял копье, лыжи, пошёл вверх по реке. Дошёл до слияния двух рек. Копье брата на правую реку указало. Вверх по правой реке пошёл. Дошёл до большой поляны. Там увидел большой чум. А за чумом оленей полным-полно! Подошёл он к оленям, оглянулся — того чума нет! Вместо него — маленький, плохонький чум. Вошёл в него. Старушка говорит:

— Ты из далёких мест пришёл. Спать ложись.

Младший брат спать лёг. А когда проснулся, увидел: лежит он в большом хорошем чуме, а возле очага сидит красивая девушка, еду готовит. Девушка увидела, что он проснулся, и говорит:

— За чумом пасётся моё стадо. В нём оленей, что комаров! Есть у оленей хозяин. [\[107\]](#) Хозяина возьмёшь — меня в жёны возьмёшь.

Парень вышел из чума. Смотрит, оленей много, как комаров! Среди них ходит один, самый большой, рога железные, копыта железные, из носа и из пасти искры летят. У входа в чум парень увидел мешок, в нём лежала шапка, расшитая бисером. Парень взял шапку, пошёл в гущу стада. Олень с железными рогами заметил парня, наклонил рога и бросился на него. Парень не испугался, увернулся и ударил его по морде расшитой шапкой. Ударил и крикнул:

— Я — твой хозяин!

Олень притих, начал тереться мордой о плечо парня. Парень взнуздал его, повёл за собой. За оленьим хозяином потянулось всё стадо. Парень к чуму подошёл. В чум вошёл, девушке говорит:

— Вот он, хозяин, смотри!

Девушка говорит:

— Я стану твоей женой. Пойдём к твоему дому, в твою землю.

Они начали готовиться к кочёвке. Десять дней готовились. Двинулись. Муж поехал впереди стада, жена — позади. Прикочевали на свою речку. Старший брат их встретил, обрадовался, говорит:

— Мой младший брат с женой пришёл, с оленями пришёл!

Старший брат нарубил жердей для чума. Выкрасил их красной краской. Женщина чум поставила. Потом оленя убила, много мяса сварила. Старшего позвала, угощала. Потом нинбу^[108] взяла, из чума вышла, оленей позвала. Олени пришли. Она отыскала среди них годовалую важенку с белой звёздочкой во лбу. Своей нинбой по лбу её ударила. Важенка стала красивой девушкой. Женщина взяла её за руку, в чум к старшему привела.

— Вот тебе жена, — сказала.

Старший обрадовался. Потом он к младшему брату пришёл и говорит:

— Надо среднего брата разыскать.

Собрались они в путь. Старший брат взял с собой железные клещи. Дошли они до глухой чащи. Услышали стук, будто кто-то рубит лес. Пошли на стук. Видят, старуха дерево рубит. Вот она положила топор и говорит:

— Ухо, что ты мне говоришь? Люди пришли, говоришь?

Из уха её раздался голос:

— Люди пришли, встречай.

Старуха опять говорит:

— Затылок, что ты мне говоришь? Люди пришли, говоришь?

Из затылка её раздался голос:

— Люди пришли, их двое.

Старуха побежала к чуму, закричала:

— Дочки, огонь разведите, гости к нам пришли!

Из чума выглянули две красавицы. И скрылись.

Братья вошли за ними. Старуха говорит:

— Здравствуйте, гости. Кто вы, откуда, зачем пришли? — Говорит она так, а сама всё к братьям приближается.

Смотрят братья на её затылок, а на нём рот с огромными крепкими зубами! Старший брат взял железные клещи и схватил ими старуху за зубы. Старуха закричала:

— Отпусти, пощади! Всё, что захочешь, отдам, всё, что попросишь, сделаю!

Старший брат говорит:

— Ты нашего брата убила. Кости его отдай!

Отпустил он старуху, та побежала, кости принесла. Братья положили их в мешок.

Принесли они кости домой, сложили на земле скелет. Жена старшего брата взяла свою волшебную нинбу и трижды прикоснулась нинбой к скелету. Средний брат поднялся и говорит:

— Долго я спал!

Старший брат говорит:

— Когда б не мы, ты бы не проснулся.

Все вошли в чум. А там уже мясо сварилось, очень вкусное мясо! Все поели. Жена младшего брата снова взяла нинбу и вышла из чума. Оленей позвала. Олени пришли. Она отыскала среди них годовалую важенку с белым солнцем во лбу. Ударила её по лбу волшебной нинбой. Важенка обернулась красивой девушкой.

Стала эта девушка женой для среднего брата.

Хорошо стали жить братья. У каждого была жена. А оленей — не пересчитать! Богато жили, долго жили.

ОХОТНИК И ГРАБИТЕЛИ

Жил когда-то охотник. Диких оленей ловил. Однажды ушёл он на промысел. Жена дома одна осталась. Пришли к ней три грабителя. Три брата. Говорят:

— Помоги мужа твоего одолеть. Не сможешь — тут тебя и прикончим.

— Как помочь? — спрашивает женщина.

— Свяжи его арканом, которым он ловит оленей.

— Как связать? — спрашивает женщина.

— А ты скажи ему: «Давай играть — связывать друг друга арканом.

Сначала ты меня, потом я тебя».

Вернулся охотник. Жена говорит:

— Давай играть, давай связывать друг друга арканом.

Муж говорит:

— Что это за игра? Зачем такая игра? Не хочу тебя связывать.

Но жена не отстаёт:

— Давай поиграем, вот аркан, свяжи меня.

Муж уступил, связал её.

— Теперь развяжи, — говорит жена.

Муж развязал.

— Теперь я тебя свяжу, — говорит жена.

Она связала мужа длинным арканом и крикнула:

— Где вы прячетесь? Выходите!

Грабители вышли из укрытия. Старший из них вскинул лук и выстрелил в охотника. Стрела попала в ногу. Младший из братьев-грабителей говорит:

— Зачем стрелял? Он ведь связанный, он ничего тебе не сделает...

Грабители забрали шкуры. Забрали жену. Забрали чум. Угнали оленей. Охотник остался один. Лежит, думает: «Хоть бы кто пришёл, меня спас».

Слышит, проходит мимо лось. Охотник кричит:

— Лось, подойди ко мне, развяжи меня!

Лось подошёл, посмотрел и говорит:

— Помню, как прошлой весной ты меня гнал, собаки твои бежали за мной по пятам. Сердце моё чуть не выскочило. А теперь лежи. Я тебя не спасу. — И лось ушёл.

Проходит мимо дикий олень. Охотник кричит:

— Олень, развяжи меня, спаси!

Дикий олень посмотрел и говорит:

— Когда я однажды мирно ел траву, ты тихонько подкрался и пустил в меня стрелу. Я увидел, отскочил. Сердце моё оборвалось. Нет, я тебя не спасу.

Проходит мимо медведь. Охотник кричит:

— Дедушка медведь, спаси меня, развяжи!

Медведь посмотрел на охотника и говорит:

— Зимой, когда я спал, ты шумел... А теперь лежи один.

Проходит лиса. Охотник кричит:

— Лиса, развяжи меня, спаси!

Лиса посмотрела, засмеялась и говорит:

— Ты меня травил собаками. Я не забыла. А теперь лежи один, умирай!

Прибежала мышь. Охотник кричит:

— Мышь, спаси меня, развяжи!

Мышь говорит:

— Такой аркан мне, наверное, не перегрызть, но я постараюсь.

Мышь грызла три дня. Перегрызла ремни из оленьей кожи. Охотник встал, положил мышь в карман. Пошёл по следам грабителей. Дошёл до первого чумища. Здесь грабители ночевали. Увидел рога оленя-манщика. [\[109\]](#) Увидел — заплакал. Жаль было охотнику, что грабители съели такого оленя. Это был лучший из его манщиков. Охотник с ним любил ходить на промысел.

Пошёл дальше. Дошёл до второго чумища — там лежат рога второго манщика. Охотник опять заплакал. Дальше побежал. Вот и третье чумище. Лежат рога третьего манщика. Дальше побежал по следу и увидел свой чум. Около чума нашёл свой лук. Вскинул лук и вошёл внутрь. Грабители задрожали и выползли из чума, отвернув шкуры. [\[110\]](#) Охотник побежал за ними. Двоих старших убил. Младшего в чум привёл и говорит:

— Ты не хотел, чтобы в меня стреляли. И я не буду в тебя стрелять.

Охотник дал ему из своих оленей двух манщиков и отпустил:

— Иди, сам добывай себе оленей.

Жене он сказал:

— Готовься к кочёвке. Домой, на свою речку, вернёмся.

Они погнали своих оленей назад, в те места, где раньше стоял их чум.

Охотник ехал на олене, а жену заставил пройти весь путь пешком. Перекочевали они на свою землю, чум поставили. Охотник оленя убил, мышь из кармана достал и говорит:

— Ты меня от смерти спасла, а теперь вот тебе олень, поешь мяса вволю!

ОРОЧСКИЕ СКАЗКИ

СЕРДИТЫЙ УДЯКА

Жил сердитый Удяка. Был у него старший брат. Жили в чуме на берегу реки. Охотились.

Однажды старший брат взял лук и стрелы, сел в берестяной челнок и отправился на охоту. Приплыл в заводь. Стемнело. Кругом ничего нет, никакой дичи. И вот в полночь раздался девичий голос:

— На склоне лось пасётся. Лося не прогляди. Это говорила хозяйка леса, хозяйка тех мест.

Старший брат увидел лося. Выстрелил. Убил. Освежевал, привёз домой. Удяка встретил его, обрадовался: «Мяса поедим!» Когда мясо доели, Удяка говорит:

— Теперь я на охоту пойду. Я хочу подстрелить лося. Расскажи, брат, где охотился. Я в те места пойду.

Брат говорит:

— Ты нетерпеливый. Ты лося спугнёшь.

— Нет, — говорит Удяка, — не спугну, ты только скажи, куда идти.

Старший брат рассказал. Удяка приплыл к заводи. Сидит, ждёт. В полночь раздался девичий голос:

— На склоне лось пасётся. Лося не прогляди. Удяка как закричит:

— Ты что, девушка, болтаешь, лося пугаешь! Лось убежал. Удяка вернулся домой. Старший брат спрашивает:

— Ну что, Удяка, лося видел?

— Видел, но какая-то девушка вдруг забормотала, зверя спугнула.

Старший брат говорит:

— Сиди дома, я пойду на промысел.

Он взял сеть и поплыл в заводь. Поставил сеть. Стемнело. Рыба не идёт. В полночь раздался девичий голос:

— Иди домой, набери берёсты. Вырежь из берёсты хороших рыб — кету, форель, хариуса. Красным и синим камнем их раскрась. А потом приходи, снова сеть поставь и побросай берестяных рыб в воду.^[111]

Старший брат сделал всё, как сказала девушка. Снова поставил сеть. Побросал в воду берестяных рыб. В полночь раздался голос:

— Спать не ложишься. Много рыбы возьмёшь.

Старший брат спать не лёг. Вытащил сеть. Там было полно рыбы: кета, форель, хариус — как раз та рыба, что он вырезал из берёсты. Вернулся домой. Удяка удивляется:

— О, как много рыбы! Какая крупная! Где ты столько наловил?

— В заводи, — отвечал старший брат.

— И я пойду в заводь! И я хочу так много наловить! — кричит Удяка.

Старший брат ничего не сказал. Зачем спорить с Удякой? Пусть ловит.

Удяка сел в челнок, отправился в заводь. Поставил сеть. Стемнело. Рыба не идёт. В полночь раздался девичий голос:

— Удяка, вырежь из берёсты хороших рыб...

Удяка вскочил да как закричит:

— Что за чёрт мешает рыбачить! Замолчи или застрелю! — И он пустил стрелу туда, откуда доносился голос.

Голоса больше не было. Удяка вытащил сеть, она была пустой. Злой, Удяка вернулся домой. Старший брат спрашивает:

— Ну что, Удяка, наловил рыбы?

— Нет, не наловил. Откуда рыба? Кто-то около заводи крик поднял — не то девушка, не то чёрт. Вся рыба разбежалась.

Они съели рыбу, что поймал старший брат. Есть нечего. Опять старший пошёл на охоту. В глухом лесу нашёл одинокий чум. В нём жила девушка. Старший брат взял её в жены, привёл на свою речку. Удяка позавидовал брату, что у него есть жена.

Старший брат на охоту ходит, жена еду варит, воду носит, а Удяка далеко от чума не ходит, дрова в лесу рубит, к чуму носит. Так жили.

Однажды старший брат ушёл на охоту, жена его — за водой на речку. Удяка один в чуме. Думает: «Как бы брата сгубить, а жену его себе взять?» И он выкопал в чуме на том месте, где спит брат, глубокую яму, глубиной до нижнего мира. Сверху он прикрыл яму ветками и травой. Вернулась жена брата, стала варить еду. Вернулся с охоты брат. Говорит:

— Ох, как я устал!

— Ляг полежи, — говорит жена.

Старший брат лёг — и полетел в пропасть, в нижний мир. Упал, ударился, смотрит по сторонам. Видит, речка течёт, по берегу идёт собака. Собака говорит:

— Я есть хочу.

Старший брат вынул нож, заострил ветку, сделал острогу, спустился к

воде, добыл большую кету, дал собаке.

— На, ешь.

Потом пошёл вверх по речке. Видит чум. В чуме старушка. Она спрашивает:

— Зачем пришёл?

— Не знаю, — отвечает старший брат.

— Ты встретил собаку?

— Встретил, дал ей рыбы, — отвечает старший брат.

— Какое место ты ищешь, тёмное или светлое? — спрашивает старушка.

— Светлое, — отвечает старший брат.

А в чуме у старушки две двери открыты. В одной — темнота, в другой — свет. Старушка подвела его к двери, где свет, и вытолкнула наружу. Старший брат полетел и очнулся в светлом мире около своего чума. В это время Удяка в чуме говорит его жене:

— Мой брат, твой муж, пропал. Теперь я займу его место. Теперь я буду твоим мужем.

Женщина говорит:

— Что ж, займи его место, полежи на его месте, пока я сварю еду.

Удяка обрадовался и лёг на место старшего брата, забыл про яму. И полетел в нижний мир. Очнулся. Видит собаку. Собака говорит:

— Я есть хочу.

— Отстань! — крикнул Удяка и ударил её палкой. Потом пошёл вверх по речке. Видит чум. В чуме старушка. Она спрашивает:

— Зачем пришёл?

Удяка говорит:

— Что ты лезешь с расспросами? Отстань!

Но старушка опять спрашивает:

— Ты собаку встретил?

— Встретил, — говорит Удяка, — дал ей как следует палкой!

Старушка снова спрашивает:

— Какое ты место ищешь, тёмное или светлое?

— Ох как вы мне все надоели! — кричит Удяка. — Лучше тёмное, чтобы никого из вас не видеть.

Старушка подвела его к двери, где темнота, и вытолкнула наружу. Не стало Удяки.

А старший брат с женой хорошо жили. Не нужен им сердитый Удяка.

КРАСАВИЦА И ЗЛАЯ ПЭГЭЛИКТУ

На берегу реки жила красавица. Одна жила. Однажды пошла она по воду. Возвращается в чум, а там на почётном месте, против входа, сидит богатырь-охотник. Красавица накормила гостя.

— Буду жить с тобой, — говорит богатырь.

— Я рада тебе, — говорит красавица. — Я живу одна. Нет в моём чуме ни сочного лосиного мяса, ни жирных осетров. Приноси мне рыбу и мясо.

Стали они жить вдвоём. Богатырь к реке ходил — рыбу ловил, в лес ходил — зверя стрелял. Всего у них было вдоволь, крышу чума сделали из лосиного сала. Так и жили.

Однажды неизвестно откуда пришла женщина с коротко обрезанными волосами. Охотник был в тайге. Та женщина подошла к чуму и стала грызть крышу. Голодная была. Красавица вышла, смотрит — женщина из чужой земли. Одежда на ней чужая, не из рыбьей кожи, а из звериной. Красавица пригласила её в чум, накормила. Ту женщину звали Пэгэлиktу, что значит «стриженная». Пэгэлиktу говорит:

— Давай я у тебя в голове поищу.

— Не надо, — говорит красавица.

Но Пэгэлиktу запустила пальцы в её волосы. Тут красавицу на сон потянуло. Заснула она. Тогда Пэгэлиktу расплавила олово и налила ей в уши. Перестала дышать красавица. Пэгэлиktу переделась в её одежду, а тело красавицы оттащила в лес.

Поздно вечером вернулся охотник. Было темно. Он не догадался, что его встретила не жена, а чужая женщина.

— Зачем волосы обрезала? — спросил он.

— Я огонь разводила, волосы загорелись, я их обрезала.

Утром Пэгэлиktу говорит:

— Переедем на тот берег, здесь нечистая сила.

Они переехали на тот берег. Там жили младшие братья охотника, шесть богатырей. Один из братьев пошёл встречать лодку. А потом пришёл

домой и сказал:

— Старший брат нас обманул. Говорил, что жена у него красавица. Говорил, что волосы у неё длинные, блестящие. Я видел его жену. Она совсем не красавица. И волосы у неё коротко обрезаны.

Охотник пришёл к братьям, а они говорят:

— Сами себе стройте чум. С нами жить не будете.

Старший брат и Пэгэликту построили чум. Однажды шестеро братьев поехали на другой берег. Пэгэликту закричала:

— Стойте! Не плывите туда! Там нечистая сила!

Но братья её не послушали. На том берегу они пошли в гору, искать черёмуху. И нашли красавицу. Красавица не дышит. Осмотрели её. Раны нет. И увидели в ушах олово. Ножом олово вытащили. Красавица говорит:

— Вы меня оживили.

Братья завернули её в берёсту, сверху набросали веток черёмухи и понесли домой.

— Что у вас? — кричит Пэгэликту.

— Черёмуха, — отвечают братья.

— Дайте и мне! — кричит Пэгэликту.

Дали ей ветку. Дома братья и красавица стали смеяться над Пэгэликту.

Охотник услышал голос красавицы и пошёл к братьям.

— Зачем пришёл? Живи с Пэгэликту! — говорит красавица.

— Я возьму тебя в мой дом, — говорит охотник. — Ты моя жена. А Пэгэликту будет дрова носить, еду варить.

Красавица снова стала жить у охотника. И вот родила сына. Все обрадовались: и она, и отец, и его братья.

Однажды охотник с братьями пошёл ковать железо, чтобы сделать оружие. Пэгэликту побежала к нему и говорит:

— Твоя жена зовёт меня за черёмухой.

Потом прибежала домой и говорит:

— Твой муж велел нам принести черёмухи. Поедем на ту сторону. И ребёнок возьмём с собой.

Красавица рассердилась. Но не сказала ни слова. Взяла сына, спустилась к лодке. Когда они переехали на тот берег, Пэгэликту говорит:

— Иди ищи черёмуху, а я покачаю ребёнка.

Красавица отдала ей ребёнка и пошла в гору.

А Пэгэликту отъехала от берега. Красавица увидела это и кричит:

— Отдай моего ребёнка!

А Пэгэликту подняла его над головой, засмеялась и сказала:

— Жалко ребёнка! — Сказала и бросила его в воду.

Заплакала красавица. А Пэгэлику приплыла домой, прибежала к охотнику и говорит:

— Твоя красивая жена сгубила ребёнка, утопила его в реке. А теперь боится домой возвращаться.

Рассердился охотник, прыгнул в лодку, поплыл на тот берег. Подошёл к красавице, не сказал ни слова. Вытащил большой нож, отрубил ей руку, бросил её в воду.

Вернулся охотник домой. Узнали братья, что на том берегу случилось, и убежали прочь.

Остался охотник вдвоём с Пэгэлику.

А на том берегу красавица без руки сидит совсем одна. Подошёл к ней козёл, лизнул в плечо, рана зажила. Козёл говорит:

— Старшая сестра, я рыбы наловил, она на берегу лежит, там есть и котёл, пойдём еду варить.

Они пошли, сварили рыбу, поели. На другой день козёл чум построил. Стали они жить в чуме.

— Кто ты, козёл, — спрашивает красавица, — почему ты заботишься обо мне?

— Потом узнаешь, — отвечает козёл.

Несколько лет прошло. Козёл стал редко дома бывать. Утром уходит, вечером возвращается.

— Где ты пропадаешь? Мне одной скучно, — говорит красавица.

— Сестра, — отвечает козёл, — я играю с моим племянником.

— А где твой племянник?

— Он по утрам выходит из воды.

— Завтра я пойду с тобой, посмотрю, — сказала красавица.

Она приготовила вкусную еду из рыбы с ягодами, сварила кашу и пришла с козлом на берег. Еду поставила на маленький столик, а сама спряталась в кустах.

Козёл закричал:

— Мальчик, иди сюда!

Из воды вышел мальчик. Он подошёл к столику, попробовал рыбу с ягодами и сказал:

— Вкусно.

Тут из кустов выскочила красавица, схватила мальчика, прижала к себе одной рукой.

— Папа! Мама! Спасите! — закричал мальчик.

— Я — твоя мама, — сказала красавица.

— Нет, мои папа и мама живут в воде! — закричал мальчик.

Из воды показались два огромных кита. Они сказали:

— Она — твоя настоящая мать. А мы кормили, растили тебя, потому что люди тебя обидели.

Киты оставили на берегу много разной еды и уплыли. Козёл сказал:

— Теперь я ухожу. Еды здесь много. Хватит надолго. Не зря я тебя звал сестрой. Я — твой младший брат. — И козёл ушёл.

Мальчик попросил:

— Мама, свей мне леску.

— Как же я совью леску одной рукой? — говорит красавица.

Мальчик принёс крепкой травы, и вдвоём с матерью они свили леску.

Потом он говорит:

— Мама, сделай мне крючок.

— Как же я сделаю крючок одной-то рукой?

Но всё-таки согнула иголку, сделала крючок. Сын пошёл к реке ловить рыбу.

Закинул удочку. Сидит, ждёт. Вдруг — конгор-р, конгор-р! — загудела леска. Что-то попало на крючок. Потянул мальчик — еле вытянул. Оказалось — рука, а на руке кольцо и браслет.

— Если ты мамина рука, то прирасти к своему месту! — крикнул мальчик. И снова закинул удочку. На этот раз попался большой осётр. Мальчик принёс осетра домой и говорит:

— Мама, нарежь мне рыбы.

— Ты всё смеёшься надо мной, — говорит красавица. — Как же я одной-то рукой нарежу?

Тогда сын говорит:

— Я нашёл твою руку, мама. Теперь у тебя две руки.

Красавица смотрит — глазам не верит: две руки у неё! Обняла она сына двумя руками. Потом рыбы ему нарезала. Стал сын приносить много рыбы.

Так они и жили.

Пришла зима. Красавица сделала сыну лук и стрелы, чтобы он мог зверя бить. Она сказала:

— Сын, вот тебе лук и стрелы, учись охотиться, только не посылай стрелу на ту сторону реки.

Но сын однажды послал стрелу на ту сторону реки. Потом пошёл её искать. Стрела вонзилась в большой чум. Мальчик вошёл в него. Там жил охотник с женой. Охотник говорит:

— Заходи, мальчик, садись, ешь мясо. А потом расскажи нам сказку. Ты знаешь сказки?

— Да, знаю, — отвечает мальчик, — слушайте. У охотника была жена-красавица и была служанка, некрасивая, коротко остриженная. У красавицы родился сын. Служанка однажды говорит охотнику: «Твоя жена зовёт меня за черёмухой». А потом говорит красавице: «Твой муж велел нам принести черёмухи. Поедем на тот берег. И ребёнка возьмём с собой».

Тут охотник прервал мальчика и говорит:

— Старуха, кричи «ке!». [\[112\]](#)

— Сам кричи «ке!», — отвечает старуха.

Мальчик продолжает:

— На том берегу служанка говорит: «Ты пойдёшь поищи черёмуху, а я покачаю твоего сына». Красавица пошла в гору, а служанка прыгнула в челнок и отъехала от берега. Красавица кричит: «Отдай моего ребёнка!» А та бросила малыша в воду и крикнула: «Жалко ребёнка!» Охотнику она сказала, что красавица сама утопила сына. Рассердился охотник, переплыл на тот берег, отрубил красавице руку, бросил её в воду. А мальчика вырастили в реке два огромных кита. Красавица нашла мальчика, сделала ему лук и стрелы. Мальчик стал охотником. Я стал охотником! А теперь я нашёл отца. Здравствуй, отец!

Охотник бросился обнимать мальчика, а жена его, злая Пэгэлику, выскочила из чума и побежала куда глаза глядят. Мальчик с охотником пошли на тот берег за красавицей. И стали они жить втроём.

Охотник научил сына осетров ловить, лосей стрелять. Всего у них стало вдоволь. Так и жили.

ЛИСА И НЕРПЫ

Жила на дереве белка-летяга с бельчатами. Однажды прибежала к ней лиса и кричит:

— Эй, белка, отдай бельчонка!

— Не отдам! — отвечает белка.

— Не отдашь — дерево твоё топором срублю, всех вас на вертеле поджарю! — кричит лиса.

Испугалась белка, отдала бельчонка. Лиса унесла его в лес и съела. И опять прибежала:

— Отдай бельчонка!

— Не отдам!

— Не отдашь — дерево твоё топором срублю, всех вас на вертеле поджарю!

Белка отдала ещё одного бельчонка. Сидит, плачет. Прилетела цапля. Спрашивает:

— О чём, белка, плачешь?

— Да вот повадилась ко мне лиса, бельчат забирает. Грозится, если не отдам, дерево топором срубить, всех нас на вертеле поджарить, — отвечает белка.

Цапля говорит:

— Не плачь. И не верь лисе. Когда она снова придёт, скажи: «Нет у тебя ни топора, ни вертела». А когда спросит, кто тебя научил, скажи: «Цапля научила». — И цапля полетела к морю.

Пришла лиса. Опять кричит:

— Эй, белка, отдай бельчонка! Не отдашь — дерево твоё топором срублю, всех вас на вертеле поджарю!

— Нет у тебя ни топора, ни вертела! — отвечает белка.

— Как это нет топора! Кто тебе это сказал, глупая белка? — растерялась лиса.

— Мне это цапля сказала, — отвечает белка.

— Где эта цапля?

— Полетела к морю.

«Я покажу этой цапле! — рассердилась лиса. — Я с ней расправлюсь!» И побежала к морю. Увидела цаплю и стала тихонько подкрадываться. Близко была лиса, и тут цапля взлетела. Лиса бросилась за ней и успела вцепиться ей в хвост. И поднялась вместе с цаплей над землёй. Цапля полетела над морем. Лиса крепко держится. Внизу показался островок. Устала лиса, разжала зубы, упала на островок. «Что делать? Как на землю перебраться?» — думает она. Но ничего не придумала. Сидит на берегу, плачет:

— О-о! О-о!

Из воды высунул голову нерпёнок.

— О чём ты плачешь? — спрашивает.

— Я не плачу. Это я так пою, — отвечает лиса.

— О чём ты поёшь? — спрашивает нерпёнок.

— Я пою о том, что я — учёная лиса, счёту обучена, пересчитала всех зверей на земле. Только вы, нерпы, не сосчитаны. Да вас, наверное, немного.

— Нет, наш народ большой, — говорит нерпёнок. — Нас много!

— Сколько?

— Сколько — не знаю, а если все всплывём, то от острова до большой земли всё море заполним, — говорит нерпёнок.

— Ну, всплывайте, — говорит лиса. — Я вас пересчитаю.

Нерпёнок нырнул в воду, и вскоре море забурлило, и всплыли все нерпы этого моря. Было их видимо-невидимо! Заполнили всё море до большой земли!

И побежала лиса по головам. Бежит и приговаривает: «Раз, два, три! Раз, два, три! Раз, два, три!» Перепрыгивает с нерпы на нерпу, с головы на голову. Вот и берег. Прыгнула лиса на землю и давай хохотать.

— Ну, сколько нас? — спрашивают нерпы.

А лиса хохочет — остановиться не может.

— Обманула я вас! — кричит. — По вашим головам сухой на землю выбралась! А считать-то я умею только до трёх! Зато хитростей у меня — трижды три!

— Зря ты наш народ побеспокоила, — сказала старая нерпа. — Ты вредный зверь, лиса. Хитростей у тебя и вправду много, однако не хватит, чтобы от человека уйти.

Права была старая нерпа. Голодная лиса кинулась еду искать и тут же угодила в капкан.

НИВХСКИЕ СКАЗКИ

ПАРЕНЁК И ТИГР

Однажды охотник пошёл в лес ставить ловушки на соболя. Взял он с собой сына и соседского паренёка. Им обоим было по шестнадцать лет.

Охотники добрались до своей речки, нарубили жердей, поставили охотничий чум. Потом дров заготовили, рядом с чумом сложили. На дровах уложили свои припасы. Потом лапника нарубили, в чуме постлали, чтобы было на чём спать. Огонь развели, еды сварили, принесли жертву хозяевам огня, воды, леса.^[113] Сами поели.

Сын охотника расхрабрился и говорит:

— Я такой сильный — никого не боюсь! Ни зверя, ни чёрта не боюсь! Пусть приходят! Дубинкой побью!

Отец испугался, шепчет ему:

— Замолчи! Так говорить нельзя! Он^[114] услышит.

А сын не понимает:

— Глаз у меня острый, рука твёрдая, дубинка тяжёлая! Хорошо я дубинкой размахиваю!

Вскоре захотел отец выйти из чума. Шаг шагнул и отпрянул назад: у входа лежал он — огромный тигр.

Люди затаились в чуме. День сидят, другой день. Еды в чуме нет, воды нет, дров нет. Пожгли лапник, на котором спали. Что делать? Неужели смерть пришла? Надо выйти, еды взять, дров взять. Тигр лежит. Третья ночь настала, опять голодные спать легли. Отцу снится, будто он с тигром разговаривает. Он говорит тигру:

— Если вы,^[115] Почтенный, пришли, потому что потеряли кресало,^[116] так прямо и скажите. Если вы, Уважаемый, пришли, потому что у вас нет кремня, так прямо и скажите. Если вы, Высокородный, пришли, потому что у вас нет трута, так прямо и скажите. А может быть, вы, Высокочтимый, пришли, потому что вам нужны дорогие китайские ткани, — так прямо и скажите. У меня у самого их нет, но для вас я выменяю их на собольи шкурки и принесу. А может быть, вам нужны собаки, — так прямо и скажите.

И тогда тигр сказал:

— Мне не нужно твоё добро. А мне нужно сердце твоего сына. Он хвалился, что храбр и силен. Вот мы и посмотрим, кто из нас храбрее и сильнее. Ты с другим пареньком уходи домой. А мы с твоим сыном сразимся. Если он сильный, пусть он меня убьёт. Если я сильный, пусть я его убью.

Охотник проснулся, сына разбудил, тихонько рассказал ему свой сон.

— Я говорил тебе: не надо хвалиться. А ты не послушал. Как тебя спасти?.. Давай обманем Хозяина, давай вместо тебя твоего приятеля оставим.

Сын говорит:

— Ты зря, отец, это придумал. Он нас не выпустит. Делай, как он приказал.

Отец говорит:

— Ты меня не послушал и вот теперь останешься здесь. Прощай.

— Уходи, — говорит сын. — Уходи и не думай, что я буду хвататься за твой пояс и просить: подожди меня!

Отец связал свою постель. Соседский парень связал свою постель. Отец подошёл к двери и тихо проговорил:

— О Почтенный, отверните своё лицо, я боюсь увидеть его вблизи. Пропустите нас! — и открыл дверь.

Тигр отошёл от дверей, отвернулся. Отец, и соседа ский паренёк ушли. Совсем ушли. Сын остался один. Тигр снова, лёг у дверей.

Тогда смелый парень взял топорик, открыл дверь и начал им размахивать. Тигр посторонился — парень в один миг выскочил из чума и вскарабкался на большую старую берёзу. Тигр кинулся за ним, зубами цапнул за сапог, подошву сапога откусил. Потом когтями вцепился в ствол, но сорвался, упал и попал шеей в развилину между стволом и большой веткой. Повис, начал задыхаться.

Тогда смелый парень спрыгнул с дерева, начал быстро ветку рубить, отрубил, тигра освободил. Потом дрова в чум занёс, припасы занёс, воды притащил, стал еду варить. Сварил, поел. Выглянул из чума — тигр стоит, не уходит. Наоборот, подошёл к парню, будто приглашает.

И тогда парень сел на него верхом, и тигр повёз его в горы.

Долго тигр шёл и пришёл на вершину горы. Парень огляделся. Вот на каких вершинах тигры живут! Смотрит, большая юрта стоит, а перед ней на шесте, к которому собак привязывают, много тигровых шкур навешано.

Вдруг тигр встал на задние лапы, стряхнул с себя шкуру и стал человеком. Повесил её рядом с другими шкурами и говорит:

— Друг мой, заходи в дом.

Вместе они вошли в юрту. Там сидели старик и старуха. Рядом с ними — красивая девушка, их дочь. Человек-тигр говорит:

— Я хотел убить этого человека. Я сказал: «Если он сильнее меня — пусть меня убьёт, если я сильнее — я его убью». Он оказался сильнее, но не стал меня убивать. Он подарил мне жизнь. Я задыхался — он спас меня от смерти. Я привёз его к вам, чтобы вы его наградили.

Старый отец говорит:

— Ты мне теперь как брат. Ты подарил мне сына. Что хочешь бери. Хочешь — мою младшую дочь отдам тебе в жёны. А уж соболей — самых чёрных пушистых соболей — я дам тебе полную нарту.

Пришли другие сыновья старика, нагрузили полную нарту соболей, помогли отвезти её в селение. Парень женился на красивой девушке — сестре своего нового друга — тигра.

С тех пор на охоте он был самым добычливым, самым удачливым. А драгоценные шкурки пушистых соболей, что подарили ему тигры, он на другое лето отвёз на лодках в маньчжурское село. Там ему за них дали столько золотых монет и дорогих китайских тканей, что он стал самым богатым человеком в тех местах.

БЕЛЫЙ ХОРЁК

Жили два богатых брата. У них была сестра. Она вышла замуж, сына родила. Когда мальчику было пятнадцать лет, отец его умер. Мальчик с матерью стали голодать, никто их не кормит. Братья богатые, но жадные, есть не дают.

Мать пошла к ним, говорит:

— Возьмите моего сына в лес на охоту, позвольте ему быть вашим слугой. Позвольте ему дрова для вас рубить, еду для вас варить.

— Ну что ж, — говорят братья, — если слугой, то пусть идёт. Мы как раз на соболя собираемся.

Назавтра в лес пошли. К речке своей пришли, охотничий чум разыскали. Поели, спать легли. Утром охотники говорят парню:

— Мы пойдём самострелы ставить, петли ставить. К вечеру вернёмся. Ты нас тут подожди.

И ушли. И все припасы унесли, парню ничего не оставили. День прошёл, смеркается, парень голодный сидит, ждёт, думает: «Сейчас они вернуться, сварю еды, поедим...» Нет, не пришли они. Темно стало. Парень заплакал. Заснул. Утром опять ждёт. Днём ждёт. Вечер подошёл. Опять парень голодный лёг спать. Проснулся. Идёт третий голодный день. Парень мучается. Ждать? Домой идти? Сил нет. Дороги не знает. А те охотники его бросили. На мучения бросили. Охотятся в других местах, о нём не думают. Третий день прошёл. Опять парень заплакал и заснул. И приснился ему белый хорёк. Хорёк говорит: «Вставай, смастери ловушку, поставь её недалеко от чума, сделай около ловушки соболя следы, зайди в чум, немного посиди и выйди, проверь ловушку».

Парень проснулся, сделал всё, как сказал хорёк. Потом пошёл к ловушке, смотрит: там большой хороший соболя. Парень вынул его, а шкурку снимать не умеет. Вошёл в чум, от слабости упал, заснул. Видит во сне: огонь горит, шкурка сушится, мясо соболя жарится. Хорёк говорит: «Вставай, ешь! Потом ловушку ставь». Парень проснулся — мясо поджарено. Обрадовался, начал есть. Наконец-то поел! Потом ловушку

поставил, сделал около неё соболя следы. И опять там вскоре оказался соболя. И опять белый хорёк соболя освежевал, мясо поджарил, шкурку высушил. Парень ещё поел. Стемнело. Парень заснул и увидел сон: много соболей жарится, много шкурок сушится. Проснулся — действительно много мяса жарится, много шкурок сушится. Белый хорёк сидит, смотрит на огонь. Белый хорёк говорит:

— Теперь пора. Вставай, складывай шкурки в мешки. Вот два мешка лежат. Пойдём. Я буду впереди, ты спокойно иди за мной.

Парень уложил соболей — два полных мешка получилось. Завязал мешки, взвалил на плечи, пошёл за хорьком. За два дня хорёк его к селению привёл. Потом говорит:

— Спрячь свои мешки в большое дупло. С собой возьми только двух самых плохих соболей. Отдай их матери, пусть отнесёт своим братьям, обменяет на еду.

Парень сделал, как сказал хорёк. Мешки спрятал в большом дупле и с двумя самыми плохонькими соболями пришёл в селение. Мать его лежала и плакала, думала, что сын погиб в лесу.

— Мне братья сказали, что ты потерялся в лесу.

— Нет, мама, я не потерялся. Вот тебе соболя. Отнеси его братьям, пусть дадут что-нибудь поесть.

Братья дали за соболя немного крупы и одну сушёную рыбину. Мать сварила кашу, нарезала рыбы, согрела чаю. Сын с матерью поели.

Назавтра мать понесла другого соболя, получше. Взяла с собой мешок из рыбьей кожи. Братья насыпали ей мешок крупы, дали две сушёные рыбины и чашку рыбьего жира. Опять сын с матерью хорошо поели. Спать легли. Ночью пришёл белый хорёк. Проснулись, смотрят: в доме полно самой разной, самой вкусной еды. Мать не понимает: откуда это? А сын знает, он во сне разговаривал с хорьком.

— Ешь, мама, всё, что хочешь, ешь! Это всё наше, — говорит сын.

И завтра был полон дом еды, и послезавтра. Ночью хорёк сказал:

— Теперь иди в лес, забирай свои мешки с соболями. А потом носи их в город, к китайскому купцу. Китаец купит всех соболей, только ты продавай сперва тех, что похуже, а получше оставляй напоследок. Под самый конец вынь чёрных пушистых соболей.

Парень принёс из лесу свои мешки. И поехал в китайский город, к большому купцу. Ловко торговал, как научил хорёк. Когда продал один мешок, у купца кончились деньги. А у парня — второй мешок, там соболя самые лучшие. Парень вынимает соболей, глаза у купца горят, он не может отказаться, лодки с товарами отдаёт, дома отдаёт. А парень ещё лучше

шкурки вынимает. Купец слуг своих отдаёт. Парень пушистых чёрных соболей вынимает. Купцу нечем платить, он детей своих отдаёт! Самые красивые шкурки парень вынимает, у купца руки дрожат, он руки к шкуркам протягивает, а денег нет, он обеих жён своих отдаёт! Последнюю, заветную шкурку достаёт парень. Купец говорит:

— Ничего у меня не осталось, но шкурку я беру! Я отработаю! Буду твоим слугой целый год! Только отдай!

Парень согласился. Взял лодки с товарами, приехал в своё селение к матери. А там уже все знают, каким он стал богатым. Дядья к нему пришли и говорят:

— Позволь нам стать твоими работниками, позволь нам колоть для тебя дрова и варить для тебя еду.

Парень отказался. Он взял мать и поехал на лодках в город, где стал вместо купца-китайца хозяином. Ведь дома и слуги там были его, жёны и дети купца теперь тоже были его, да и сам купец на целый год был его слугою.

ИТЕЛЬМЕНСКИЕ СКАЗКИ

БЕСКРЫЛЫЙ ГУСЕНОК

Жил гусь Кисумтальхан. Каждой весной прилетал он со своей стаей в тундру. Гуси опускались возле небольшого озера.

Там Кисумтальхан с гусыней делали гнездо. Гусыня выводила птенцов.

Так было и на этот раз. Гусыня вывела птенцов, начала их кормить. Все они росли быстро, только один гусёнок — медленно, а крылья у него совсем не выросли.

Пришла пора учиться летать. Все гусята летают, только один взлететь не может.

Кончилось лето, задул холодный ветер. Собираются гуси в дальний путь на тёплый юг. Молодые гуси кружат над озёрами, пробуют крылья перед дорогой. Только один их братец, бескрылый гусёнок, плавает в озере и грустно поглядывает вверх.

Гусь Кисумтальхан с гусыней смотрят на сына, не знают, что делать. Мать говорит:

— Давай подождём ещё немного, может быть, вырастут у него крылья.

Назавтра ветер стал ещё холодней. Гуси в стае заговорили:

— Пора улетать! Пора улетать! Чего ждёт вожак Кисумтальхан? Не хочет ли он, чтобы все мы замёрзли?

Кисумтальхан говорит гусыне:

— Ждать больше нельзя. Придётся нам оставить бескрылого сына. Завтра до света улетим.

Ранним утром поднялись гуси. Проснулся гусенок — никого нет, один, совсем один плавает он посреди озера. Горько ему стало, заплакал он и запел:

Самый несчастный на свете — я!

Скрылись за тучей мои друзья.

На юг улетели отец и мать,
Меня оставили зимовать...

Долетели до гусыни эти слова, и она сказала Кисумтальхану:
— Ты слышишь, как плачет наш гусёнок? Больно моему сердцу! Давай
вернёмся.

Гусь Кисумтальхан закричал:

— Гуси, поворачивай назад!

Стая вернулась к озеру. Увидел гусёнок отца и мать, увидел всех
братьев и друзей, обрадовался. Отец сказал:

— Завтра мы улетим. Больше не плачь и не пой так жалобно. Нам надо
лететь.

Ранним утром, до света, опять поднялись гуси. Проснулся гусёнок —
вокруг никого. Один плавает в холодном озере. Не выдержал он, опять
заплакал, запел:

Один на свете бескрылый — я,
На юг улетела моя семья.
Такой не нужен я никому.
Как мне холодно одному!

Далеко была стая, но мать услышала эти слова и говорит
Кисумтальхану:

— Плачет наш бедный гусёнок. Ему так холодно одному! Я вернусь.
Пусть я замёрзну вместе с ним.

Стая опять вернулась. В тот день падал первый снежок.

Гусёнок сказал:

— Зачем из-за меня вернулись? Мне вы не поможете... А с севера
наступают холода.

Гусь Кисумтальхан сказал:

— Завтра улетим, иначе все замёрзнут.

Мать говорит гусёнку:

— Живёт в наших краях добрый волшебник, бессмертный ворон Кутх.
Есть у него сын Эмемкут и дочь Синаневт. Я надеюсь, они не дадут тебе
погибнуть, они возьмут тебя к себе, ты перезимуешь у них в тёплом доме.
Но берегись того, кто одет в яркую рыжую шубку! Запомни, верить ему
нельзя.

Наутро в третий раз поднялись гуси. Гусёнок долго терпел, не плакал, но не выдержал и опять заплакал-запел:

Улетела моя семья
В тёплые солнечные края,
А я остался, меня тут ждёт
Северный ветер, мороз и лёд...

Далеко была стая, до матери эти слова едва долетели. Она сказала:

— Холодно нашему сыну.

Но гуси больше не вернулись.

Прибежала к озеру лиса, увидела гусёнка и говорит:

— Кто это так громко плачет? Оставили гусёнка одного? Иди ко мне, будешь моим сыночком, будем жить вместе.

Но гусёнок помнил, что сказала мать: рыжей шубке верить нельзя. И он сказал:

— Нет, я к тебе не пойду.

— Почему не пойдёшь?

— Я тебе не верю.

— Глупый гусёнок, — говорит лиса, — у меня в тёплом доме тебе будет так хорошо! Я припасла много вкусной еды.

— Это неправда, — говорит гусёнок, — ты хочешь меня съесть.

— Ах вот ты как! — рассердилась лиса. — Ну не уйдёшь, я всё равно тебя съем!

— Как ты до меня доберёшься? — спросил гусёнок. — Я ведь плаваю в воде.

— Скоро озеро замёрзнет, — говорит лиса, — вот я до тебя и доберусь.

Ушла лиса. Гусёнок думает: «Скоро вода замёрзнет. И лиса меня съест».

И тут к озеру пришёл ворон Эмемкут, сын бессмертного Кутха. Он закричал:

— Гусёнок! Почему ты здесь один? Ты ведь замёрзнешь! Иди ко мне жить, будешь моим сыном.

Гусёнок подплыл к берегу. Эмемкут отнёс его домой.

Добрый ворон Эмемкут и его сестра Синаневт накормили и отогрели гостя.

Всю зиму бескрылый гусёнок прожил у них в тёплом доме. Близилась весна. Скоро должны были вернуться гусиные стаи. Стали вороны думать,

как бы сделать гусёнку крылья. Синаневт, сестра Эмемкута, была большой искусницей, большой рукодельницей. Она смастерила крылья из веток и травы. Гусёнок попробовал на них полетать.

— Ну как? — спросила Синаневт.

— Хорошие крылья, — сказал гусёнок, — на них можно летать, но только не высоко и не далеко. Нужны крылья побольше.

Синаневт сделала крылья побольше. Уже и весна пришла. Начали птицы возвращаться в родные края. Синаневт говорит:

— Теперь лети, встречай свою стаю, встречай родителей.

Полетел гусёнок навстречу птичьим стаям. Вот летят гуси.

— Где гусь Кисумтальхан, где его стая? — спрашивает он.

— Они летят за нами, — отвечают гуси. — Завтра будут здесь.

Обрадовался гусёнок, вернулся домой, рассказал обо всём Эмемкуту и его сестре Синаневт.

Назавтра Синаневт подняла его до света:

— Лети встречать свою стаю.

Гусёнок на больших крыльях быстро полетел, высоко полетел. И вот навстречу — родная стая! Гусёнок увидел родителей, так обрадовался! А они его сначала и не узнали. Потом спросили:

— Кто тебя приютил? Где ты перезимовал?

Гусёнок говорит:

— Меня приютили вороны Эмемкут и Синаневт. Всю зиму я прожил у них в тёплом доме, ел их еду. Искусница Синаневт сделала мне крылья.

Гусь Кисумтальхан и гусыня прилетели в дом к Эмемкуту. Они принесли угощения и сказали:

— Спасибо вам, Эмемкут и Синаневт, вы спасли нашего сына. Мы хотим отдать его вам в работники.

Синаневт говорит:

— Он — гусь и должен жить среди гусей. Пусть он живёт с вами. А нам ничего не надо, мы рады, что он жив.

Гуси поклонились воронам, взяли сына и улетели.

Рад был гусёнок, что встретил родителей, что снова живёт в стае, что может летать.

Хорошо гуси летом жили. Тепло было, много было корму. За лето у гусёнка выросли настоящие большие крылья. А когда пришла осень, он вместе со всеми гусями улетел на юг.

ЛЕНИВАЯ, СТРОПТИВАЯ СИРИМ

Жили-были ворон Кутх и жена его Мити. Были у них сыновья Эмемкут и Сисильхан. Были у них дочери Синаневт и Сирим. Брат Эмемкут и сестра Синаневт были работящими, старательными, всё у них ладилось. А Сисильхан и Сирим любили пожирней поесть да подольше поспать, а работать не любили. Сестра Сирим хоть работать не любила, замуж хотела, да никто её не брал.

Однажды с утра Эмемкут с сестрой Синаневт сели за работу. Эмемкут говорит:

— Я буду делать стрелы, а ты вышивай. Прилежно вышивай, на меня не смотри. Если посмотришь, стрела у меня сломается.

Начали работать. Синаневт не смотрит на Эмемкута. Хорошо идёт у них работа. Но вот Синаневт не выдержала и искоса глянула на брата. Стрела у него тут же сломалась. Эмемкут рассердился:

— Из-за тебя я сломал стрелу! Уходи в лес, чтобы я тебя не видел!

Заплакала Синаневт, ушла в лес. Подошла к озеру, села на бугорок, плачет. А села она, оказывается, на землянку, где жили медведи. Дома были две сестры-медведицы. Младшая говорит:

— Кажется, дождь пошёл.

Это она слёзы Синаневт за дождь приняла. Старшая ей говорит:

— Занеси скорей постели в дом, а то намокнут.

Младшая вышла, посмотрела, вернулась. Говорит старшей медведице:

— Это не дождь, это девушка плачет.

— Пусть войдёт, — говорит старшая.

Синаневт вошла. Девушки-медведицы шепчутся:

— Давай испытаем, какая у неё душа, добрая или злая.

Они загасили очаг, так загасили, что он сильно задымил. В землянке дыму полно, дым глаза ест. Синаневт тихо сидит, ни слова не говорит.

Девушки-медведицы шепчутся:

— Нет, она не злая.

— Она терпеливая!

Потом одна из них говорит:

— Сейчас мы тебя, милая девушка, угостим.

Другая принесла на ракушечке комочек жирку с полноготка и боковинку рыбьего малька. Синаневт опять ничего не сказала. Медведица, которая принесла еду, говорит:

— Закрой глаза, начинай есть.

Синаневт закрыла глаза, хотела взять комочек, жирку — рука по локоть в жир погрузилась! Опять Синаневт ничего не сказала. Поела. Сёстры говорят:

— Эта девушка добродушная. Теперь испытаем, работающая ли она.

Они дали ей починить торбаса.^[117] Синаневт хорошо починила. Сёстры и не видели никогда такой чистой работы. Так пришито — швов не видно! Они взяли торбаса и говорят:

— Синаневт и добродушная, и работающая.

Свечерело. Сёстры говорят девушке:

— Сейчас вернутся с охоты наши братья-медведи. Мы тебя спрячем.

Спрятали они девушку. Тут и медведи пришли. Понюхали воздух и говорят:

— Человеком пахнет!

Сёстры отвечают:

— Мы ягоды в лесу собирали, к пепелищу, где был костёр, подходили, вот от нас человеком и пахнет.

Медведи поели, спать ложатся. Сёстры говорят младшему брату:

— Ты сегодня ляг с краю.

Он лёг с краю. Когда все медведи заснули, сёстры говорят девушке Синаневт:

— Вставай, подруга, беги домой!

Синаневт побежала. Сёстры разбудили младшего медведя, который спал с краю, и говорят:

— Догоняй невесту! Вон побежала!

Медведь погнался за девушкой, догнал её, толкнул мордой, девушка упала, медведь стал её обнюхивать. Синаневт молчит. Хоть и страшно ей, а молчит.

И тут медведь обернулся прекрасным парнем, молодым охотником, статным и сильным. Он сказал:

— Ты мне понравилась. Я женюсь на тебе. Завтра утром пойдём к тебе, хочу познакомиться с твоими родными.

Назавтра Синаневт и молодой охотник пришли к Эмемкуту. С собой они принесли много еды — мяса, жиру, ягод, сладких кореньев. Сисильхан увидел всё это, пришёл в свой чум и говорит сестре Сирим:

— Наша Синаневт замуж вышла. Её муж — удалой охотник. А тебя, лентяйку, никто замуж не берёт. Пойди к сестре, узнай, как она мужа нашла, — может быть, и тебе повезёт, может быть, и у тебя так же получится.

Сирим пошла к сестре, а сама сопливая, чумазая, одежда на ней рваная.

— Расскажи, сестра, как ты замуж вышла. Я тоже хочу.

— Я расскажу, — говорит Синаневт, — но что пользы от моего рассказа! Ты ведь испытаний в доме жениха не выдержишь, ты ведь даже дыма едкого не вытерпишь.

— Нет, я всё вытерплю, — говорит Сирим, — только бы муж мне достался такой же хороший, как тебе, — удалой охотник.

Синаневт рассказала всё, что с ней было. Сирим на другое утро говорит брату Сисильхану:

— Давай поработаем. Ты делай стрелы, а я буду штопать.

Сисильхан взял дерево, начал делать стрелы. Сирим взяла его штаны, штопает. Леню ей работать. Немного поштопала, да и глянула на брата. У того стрела сломалась. Он закричал:

— Из-за тебя я сломал стрелу! Уходи в лес, уходи, чтобы я тебя не видел!

Сирим побежала в лес. Пришла к озеру, отыскала землянку, где жили медведи. Села, заплакала. Медведица вышла, пригласила войти. Сирим вошла и говорит:

— Что у вас есть повкусней? Угощайте меня! Да поскорее, очень уж есть охота!

Старшая медведица говорит младшей:

— Сначала испытаем её, посмотрим, какая у неё душа.

Они загасили очаг, и дым от него пошёл такой, что не продохнуть. Глаза ест, нет сил терпеть.

Сирим закричала:

— Что вы наделали! Дыму напустили! Ничего делать не умеете! Лучше бы поесть поскорей принесли!

Старшая медведица тихо говорит младшей сестре:

— Нет, душа у неё не добрая. Злая душа!

Младшая девушка-медведица говорит гостье:

— Сейчас мы тебя угостим.

Старшая принесла на ракушечке комочек жирку с полноготка и боковинку рыбьего малька. Сирим посмотрела да как закричит:

— Что вы мне принесли?! Такую каплю! Да кто ж насытится такой едой?

Старшая медведица говорит:

— Ты, девушка, не сердись, закрой глаза и ешь.

Сирим кричит:

— Не буду закрывать глаза! Кто это ест с закрытыми глазами?

Младшая медведица говорит:

— Ты всё-таки закрой глаза, закрой, не противься. Хорошо будет.

Сирим закрыла глаза, хотела взять комочек жирку — рука по локоть в жир погрузилась! Сирим закричала:

— Что это вы меня обманываете, смеётесь надо мной! Я не для того к вам пришла!

Медведицы между собой шепчутся:

— Ну и ворчливая девица к нам пришла! Ну и бранчливая! Эта девица злого нрава.

Сирим тем временем миску жиру уплела и с юколой^[118] управилась. Та боковинка рыбьего малька стала вкусной юколой. Сирим всё съела до крошки и говорит:

— Я не наелась. Нет ли у вас мяса? Дайте мяса!

Дали ей мяса. И мясо всё съела. Живот погладила и говорит:

— Теперь дайте чаю.

Медведицы между собой шепчутся:

— Ну и ненасытная к нам пришла! Испытаем-ка её, работающая ли она.

Принесли торбаса.

— На, почини.

Сирим все жилки торбасов срезала да съела. Торбаса бросила. Легла. Медведицы говорят:

— Она строптивая и ленивая.

Свечерело. Сёстры говорят:

— Сейчас вернутся с охоты наши братья-медведи Тебя надо спрятать.

Они спрятали гостью. Тут и медведи в дом ввалились. Понюхали воздух и говорят:

— Человеком пахнет!

Сёстры отвечают:

— Сами бродите по лесу, где люди ходят. Это от вас самих человеком пахнет.

Медведи поели, спать ложатся. Сёстры говорят одному медведю:

— Ты не ложись в середину, как любишь. Ляг сегодня с краю.
Медведь лёг с краю. Когда все медведи заснули, сёстры разбудили
Сирим и говорят:
— Вставай, беги домой!
Сирим побежала. Сёстры разбудили крайнего медведя и говорят:
— Догоняй невесту! Вон побежала!
Медведь погнался за девушкой, догнал её, толкнул мордой, девушка
упала, медведь стал её обнюхивать, а она как заорёт:
— Ой, помогите! Ой, меня медведь убивает!
Да так кричит — на весь лес слышно. Медведь повернул назад,
побежал домой. Дома сёстры спрашивают:
— Что, брат, не захотел на ней жениться? Правильно сделал! Она
строптивая и ленивая.
Сирим пришла домой. Брат Сисильхан встретил её и спрашивает:
— Не нашла, значит, себе мужа?
Сирим отвечает:
— Чем расспрашивать, лучше поесть приготовь. Толкуши^[119] сделай.
Меня сейчас медведь до смерти напугал. Я со страху готова целое корытце
толкуши съесть.
Сисильхан приготовил толкушу. Сирим съела целое корытце.
Больше не было у Сирим случая замуж выйти.

УДАЛОЙ ЭМЕМКУТ И ЗАВИСТЛИВЫЙ СИСИЛЬХАН

Жил когда-то очень давно ворон Кутх с женой Мити. Были у них сыновья Эмемкут и Сисильхан. И была у них дочь Сирим.

Сисильхан не любил охотиться, целыми днями дома на шкурах валялся. А Эмемкут целыми днями по лесу ходил, охотился. Много зверей и птиц добывал. Он всегда в одни и те же места ходил: там дичь водилась.

Однажды Эмемкут присел на упавшее дерево, захотел немного отдохнуть. Вдруг до него донеслось пение. Эмемкут подумал: «Кто это в лесу так хорошо поёт? Пойду посмотрю». Он пошёл на голос. А голос приближался к нему. У Эмемкута застучало сердце. Он спрятался в дупло. Появилась поющая женщина. Это была лесная женщина Иянамльцах. Эмемкут посмотрел на неё и понял, что она красивей всех на свете. Он вышел из укрытия и сказал:

— Красавица, я женюсь на тебе.

Иянамльцах сказала:

— Подумай прежде, ведь я лесной человек. У меня ничего нет. Как по лесу хожу, так и замуж пойду.

О чём думать Эмемкуту? Такой красавицы не видел раньше, не увидит после... Он сказал:

— О чём думать? Пойдём ко мне домой. Мне ничего твоего не надо.

Пришли они вдвоём на стойбище. Сирим, сестра Эмемкута и Сисильхана, увидела красавицу. Прибежала она к Сисильхану и говорит:

— Наш Эмемкут женился. Видел бы ты, какая жена у него красавица!

Сисильхан побежал к брату. Посмотрел. Потом спрашивает:

— Где ты, брат, такую красивую жену нашёл?

— В лесу нашёл, — отвечает Эмемкут. — Я охотник, в лес хожу, вот и нашёл.

Сисильхан позавидовал брату. Он подумал: «Я в лес не хожу, мне такой жены не найти. А брату досталась красавица!..» И задумал он забрать себе красивую жену брата. В тот же день послал сестру Сирим к Эмемкуту:

— Пойди скажи брату, что я зову его в лес на медведя. Завтра с утра и пойдём.

Сирим пришла к брату.

— Эмемкут, тебя Сисильхан зовёт в лес на медведя. Пойдёшь?

— Пойду, — отвечает удалой Эмемкут.

Утром они пошли в лес. Пришли к медвежьей берлоге. Сисильхан говорит:

— Загляни туда, брат, посмотри: есть ли там медведи?

Эмемкут заглянул. Сисильхан сзади сильно его толкнул. Эмемкут упал в берлогу, а Сисильхан побежал домой.

Медведи хорошо приняли Эмемкута. Медведица сказала:

— Не трогайте этого человека. Брат хотел погубить его из-за красивой жены. Накормите человека мясом, дайте мясо с собой и отпустите.

Медведи накормили Эмемкута варёным мясом, дали мяса с собой и отпустили.

Сисильхан прибежал домой и сразу послал сестру Сирим к красавице, жене Эмемкута.

— Пойди скажи ей, что мы с Эмемкутом ходили на охоту. А он, бедняга, свалился прямо в медвежью берлогу. Медведи его разорвали. Скажи, что теперь я буду её мужем, пусть она идёт ко мне.

Сирим пришла в дом Эмемкута, кричит:

— Эй, Иянамльцах, иди к Сисильхану, теперь он — твой муж. А Эмемкут погиб, его медведи разорвали.

Красавица говорит:

— Никуда я не пойду от моего мужа.

Сирим смотрит, а Эмемкут-то дома! Сирим хотела убежать, а красавица говорит:

— Подожди, Сирим, не уходи, мяса поешь. Вон Эмемкут сколько мяса принёс!

Сирим очень любила поесть. Села, начала есть. Долго ела, много съела. Тяжело ей стало. Встала и ушла. Сисильхан её заждался.

— Что там случилось? — спрашивает.

— Эмемкут вернулся, — отвечает Сирим.

— Этот Эмемкут, наверное, бессмертный, — сказал Сисильхан.

Назавтра он опять послал сестру Сирим к брату.

— Пойди скажи, что я зову его на охоту к волчьему логову. Спроси:

пойдёт ли?

Сирим пришла к брату:

— Эмемкут, тебя Сисильхан зовёт к волчьему логову. Пойдёшь?

— Пойду, — отвечает удалой Эмемкут.

Они пришли к волчьему логову. Сисильхан говорит:

— Если ты храбрый, загляни туда, посмотри, есть ли там волки.

Эмемкут заглянул. Сисильхан толкнул его в волчье логово. А сам побежал домой.

Волки хорошо приняли Эмемкута. Волчица сказала:

— Не обижайте человека. Брат хотел погубить его из-за красивой жены. Накормите человека мясом, дайте мяса с собой и отпустите.

Волки накормили Эмемкута варёным мясом, дали мяса с собой и отпустили.

Сисильхан прибежал домой и послал сестру к красавице.

— Пойди позови её, уж теперь-то Эмемкут не вернётся. Он упал в волчье логово.

Сирим пришла в дом Эмемкута, кричит:

— Эй, Иянамльцах, иди к Сисильхану, теперь он твой муж. А Эмемкут не вернётся, он упал в волчье логово.

Глядь, а Эмемкут дома сидит, живёхонек, улыбается! Сирим хотела уйти, а он говорит:

— Подожди, Сирим, мяса поешь. Мясо уже сварилось.

Сирим села. Наелась. Домой пошла. Сисильхан сердится:

— Что так долго? Где Иянамльцах, где красавица?

Сирим отвечает:

— Эмемкут вернулся. Мы мясо ели.

— Неужели Эмемкут и вправду бессмертный? — сказал Сисильхан.

Назавтра он снова послал сестру Сирим к брату.

— Пойди скажи, я зову его к проруби ловить гольцов. [\[120\]](#)

Сирим пришла к брату.

— Эмемкут, тебя Сисильхан зовёт к проруби ловить гольцов. Пойдёшь?

— Пойду! — отвечает бесстрашный Эмемкут.

Они поехали к реке. Подошли к проруби. Эмемкут заглянул в прорубь, а Сисильхан толкнул его в воду. Эмемкут пошёл ко дну, а Сисильхан побежал домой. «Наконец я от него избавился, — думал по дороге Сисильхан. — Наконец красавица будет моей!»

Гольцы хорошо приняли Эмемкута. Жареной рыбой накормили. Говорят ему:

— Оставайся жить с нами.

— Нет, — говорит Эмемкут, — мне на землю надо, меня жена ждёт.

Гольцы помогли ему выбраться наверх. Дали с собой много рыбы. Силач Эмемкут еле-еле её до дому дотащил.

Сисильхан в это время послал Сирим за красавицей.

— Скажи ей: теперь уж Эмемкут погиб, теперь ей ждать некого.

Сирим пришла в дом Эмемкута, кричит:

— Иди к моему брату, иди к Сисильхану, теперь уж тебе ждать некого!

Глядь, а Эмемкут опять дома. Сидит, улыбается, рыбы поесть приглашает!

— Сейчас нам жена поджарит рыбы, садись, не спеши, сестра!

Сирим хотела отказаться, но не смогла: такая крупная и жирная рыба, и так много! Красавица поджарила рыбу. Сели есть. Сирим наелась, пошла домой.

— Где ты пропадаешь? — сердится Сисильхан. — Где красавица?

Сирим отвечает:

— Эмемкут вернулся. Много рыбы принёс. Мы жирную рыбу ели.

— Что болтаешь? Я сам видел, как он утонул! — кричит Сисильхан.

— Не веришь — пойди. И тебе рыбы дадут, — говорит Сирим.

— Да, этот Эмемкут и вправду бессмертен, — тихо сказал Сисильхан. — И всё-таки я от него избавлюсь! Пойдём, сестра, в лес. Выкопаем там яму-пропасть. Пусть он в этой яме живёт вечно!

Сисильхан и Сирим пошли в лес. Много дней они копали яму-пропасть, вытаскивали друг друга на длинном аркане. Потом укрыли яму ветками и травой. Снова Сисильхан позвал Эмемкута в лес на охоту. Снова с ним пошёл храбрый и доверчивый Эмемкут. Сисильхан столкнул брата в пропасть. И побежал домой. На стойбище он сказал, что Эмемкут умер в лесу. Красавица Иянамльцах говорит:

— Я его разыщу и оживлю.

Она ушла в лес. Нашла яму-пропасть, в которой лежал её муж. Потом пошла к медвежьей берлоге, позвала на помощь двух медведей. Медведи свалили несколько деревьев и опустили их в яму. Удалой Эмемкут выбрался наверх по деревьям. Они с красавицей сели на медведей и поехали на стойбище. Сисильхан и Сирим встретили их как ни в чём не бывало. Эмемкут говорит:

— Что, хотите покататься на наших медведях?

— Хотим! — говорит завистливый Сисильхан.

Эмемкут и красавица Иянамльцах слезли с медведей. Вместо них на зверей сели Сисильхан и Сирим. Эмемкут сказал медведям:

— Отвезите их так далеко в лес, чтобы они никогда не вернулись.

— Прости нас, храбрый Эмемкут! Пожалей нас, добрый Эмемкут! —
закричали Сисильхан и Сирим.

Эмемкут сказал:

— Живите одни в лесной глухомани, где нет людей. Там некому
завидовать и некого убивать.

Медведи отнесли завистливого Сисильхана и его сестру Сирим в
глухомань. А Эмемкут стал спокойно жить с лесной красавицей
Иянамльцах.

КЕРЕКСКИЕ СКАЗКИ

ЖЕЛЕЗНЫЙ КАЛА

Шёл по земле железный кала.^[121] В руках он держал железный крючок. Вот подошёл к землянке, где живут кереки. А в землянке были только женщины и дети. Все мужчины ушли на промысел. Кала взошёл на крышу землянки, открыл дымник, заглянул внутрь и кричит:

— Эй, кто тут есть? Вы спите?

Старуха из землянки отвечает:

— Нет, не спим. А ты кто?

— Я — тот, у кого есть железный крючок! — кричит кала. — Сейчас буду крючком еду ловить!

— Что ты хочешь поймать? — спрашивает старуха.

— Молодых уток!^[122] — кричит кала.

— Тут нет уток, — отвечает старуха. — Тут люди живут.

— Не зря же я к вам пришёл! — кричит кала. — Что-нибудь поймаю.

Он опустил крючок в землянку, водит им туда-сюда и громко распевает:

На сегодня есть еда,
И на завтра есть еда!
Что поймаю, то и съем,
Как поймаю, так и съем!
На сегодня есть еда,
И на завтра есть еда!
Уток — не пересчитать!
Уток буду я глотать!

— Нет у нас уток, — говорит старуха. — Давно съели.

А женщины, пока старуха с ним разговаривает, времени не теряют, дыру в стене прокапывают, чтобы через неё убежать.^[123] Кала кричит:

— Нет уток — и не надо! Вас буду ловить! Сейчас поймаю!

Он опять начал водить своим железным крючком и напевать:

На сегодня есть еда,
И на завтра есть еда!..

Старуха набила травой старый керкер^[124] и подставила его под крючок.

— О-о! Поймал, поймал! — закричал кала. Он выдернул керкер наверх и начал его терзать-потрошить. Сухая трава полетела ему в глаза.

— О-о! — закричал кала. — Что это такое? Ничего не вижу! Ничего не понимаю! Это не утка. Это не человек. — Кала повертел изорванный керкер и бросил его назад в землянку.

А женщины с детьми тем временем выбрались через дыру в стене и убежали. Кала шарил, шарил своим крючком, ничего не нашарил и закричал:

— Я иду к вам!

Ему не ответили. Кала спрыгнул в землянку. Никого нет.

— Где люди? — кричит кала.

Никто не отвечает. Кала стал рыскать по землянке, разозлился, рвёт шкуры, рвёт подушки, кричит.

А женщины с детьми прибежали к морю. На берегу сидит морская старушка, хозяйка моря. Женщины ей говорят:

— Спаси нас, за нами гонится железный кала! Помоги убежать, помоги на ту сторону моря перебраться!

Морская старушка повернулась к морю и протянула над морем свои ноги. Они достали до той стороны моря. Старушка говорит:

— Бегите по моим ногам.

Женщины с детьми перебежали на ту сторону моря.

А кала в землянке успокоился и увидел дыру в стене.

— Ага! Вот куда они убежали, — сказал он. — Сейчас я их догоню! — И он побежал по следу.

След привёл его к морю, к морской старушке. Она стирала свой керкер из тины.

— Что ты делаешь? — спрашивает кала.

— Керкер стираю, — отвечала старушка.

— Это неправда, — говорит кала. — Какой же это керкер? Моя бабушка железный керкер носила. А это разве одежда?

Он взял керкер из тины и швырнул в сторону. Морская старушка говорит:

— Это одежда. Для меня — одежда. Я в море живу.

Кала говорит:

— Вот следы женщин. Я бегу за ними. Ты их не видела? Где они?

— Они выпили море и перебрались на ту сторону, — ответила старушка.

— Мне тоже надо на ту сторону, — говорит кала.

— Если надо, выпей море, — говорит старушка.

— Я не смогу, — говорит кала.

— Женщины смогли — и ты сможешь, — говорит старушка.

Кала лёг и начал пить. Пил, пил, а море всё не убывает.

— Надо быстрее пить, — говорит старушка.

Кала начал пить быстрее и лопнул. Морская старушка бросила его останки в море и сказала:

— Пусть его железное тело превратится в железные вещи, нужные людям. Пусть голова станет чайником, руки-ноги — ружьями. Пусть туловище, его превратится в ножи, а мозги — в бусы.

И море выбросило на берег вещи, нужные людям.

В то время мальчик Итчим, племянник ворона Кукки, пришёл к своему другу и говорит:

— Пойдём походим по берегу моря, может, чтонибудь найдём.

Друг говорит:

— У бабушки спрошусь.

Пришёл к бабушке, говорит:

— Разреши пойти с Итчимом. Он зовёт на берег моря, поискать там чего-нибудь.

Бабушка говорит:

— Не разрешаю. Это не мужское дело — ходить по берегу моря, собирать, что оно выбросит. Мужское дело — охота.

Итчим ушёл один. Идёт по берегу моря — и вдруг видит складной нож. А потом чайник. А потом ружья, бусы, скребки, ножи, наконечники для стрел, гарпунов! Чего только не получилось из железного чудища! Много добра подобрал Итчим. Еле-еле до дому мешок дотащил. Кричит:

— Сёстры Илынау и Кайклюдану! Выходите, возьмите мой мешок!

Сёстры вышли, спрашивают:

— Почему твой мешок, как железо, гремит?

Итчим говорит:

— Я на берег моря ходил, железные вещи собрал. Богатым стал. Ещё пойду, ещё найду. Ещё железа принесу. Только сначала двоюродному брату Ауппали складной нож подарю.

Он снова пошёл на берег и снова принёс много железных вещей.

Пришёл к нему друг, которого он звал на берег, и ему Итчим подарил складной нож. Тот прибежал домой, показывает бабушке нож:

— Смотри, что Итчим, мой друг, на берегу моря нашёл. Богатым стал.

Бабушка не поверила. Мальчик снова пришёл к Итчиму. А там сёстры Илынау и Кайклюдану примеряют бусы. Да, хорошие вещи принёс с берега моря Итчим!

ЛИСА ЧАЧУЧАНАВУТ И ВОРОН КУККИ

Лиса Чачучанавут была ленивой, на охоту ходить не любила. Поэтому была бедной, жила плохо, дети её, Имынна и Лымнойныткын, голодали. Однажды лиса говорит дочери:

— Имынна, дай-ка мне старую рыболовную сеть, я пойду обману ворона Кукки, утащу у него какой-нибудь еды.

Дочь Имынна говорит:

— Нельзя обманывать, надо добывать еду честно, своим трудом, как все другие.

Лиса смеётся:

— Я не хочу, как другие. Я хитростью проживу. Глупому ворону скажу: «Я замуж вышла, богато жить стала».

Взяла она старую сеть, в мешок её затолкала, дождалась, когда стемнело, и пошла к ворону Кукки. Подошла к его дому. Взяла выбивалку, торбаса от снега отряхивает. Да так выбивает торбаса, будто она не одна, а двое их пришло. Чу-чу-чу-чу! — стучит выбивалкой по торбасам. Ворон услышал, к дверям подошёл, спрашивает:

— Кто пришёл?

— Это мы с мужем пришли.

— Ого! — говорит Кукки. — Наша двоюродная сестрица наконец замуж вышла! Покажи мужа!

Лиса говорит:

— Войти с ним могу, а показать его не могу. Мой муле не выносит света. Предки его жили в темноте. И он привык к темноте. При свете ничего не видит, как слепой.

Ворон Кукки говорит:

— Подождите, скажу, чтобы погасили светильники. — Он крикнул дочерям: — Илынау, Чнилнакут, погасите светильники!

Стало совсем темно. Лиса вошла. Мити, жена ворона, говорит:

— Проходите, гости, садитесь, сейчас я вас угощу.

Она ведь думает, что их двое вошло. Лиса говорит:

— Вот мой муж, Кымывалтын. Я вышла замуж за ночного жителя. Он

очень богатый. У него много оленей, два стада! Я вам в мешке принесла оленьи шкуры. Вот мешок. — И лиса отдала Кукки мешок со старой сетью.

Ворон потрогал мешок — что-то в нём мягкое. Обрадовался ворон: «Какое богатство! Есть у нас теперь шкуры на одежду!»

Мити, жена ворона Кукки, поставила перед лисой много мяса и жира. Лиса не ест, всё тихонько в мешок складывает. Сложила и говорит:

— Ох и наелись мы! Спасибо! — Потом другим голосом говорит, будто это говорит её муж. — Вкусный жир, спасибо!

— Ешьте ещё! — говорит Мити.

Лиса говорит:

— А нет ли у вас яичной колбасы?

Ворон Кукки говорит:

— Мити, сходи в кладовку, посмотри, нет ли яичной колбасы.

Мити принесла колбасу. Кукки старается лисе угодить, говорит:

— Я сам вам нарежу этой колбасы.

А лиса всё в мешок складывает. Да на два голоса разговаривает. То за себя говорит, то за мужа. Сын ворона Ауппали слушает, удивляется, а потом тихонько говорит ворону-отцу:

— Лиса ведь обманывает нас. Она одна к нам пришла. Она одна на два голоса говорит.

Лиса всё это слышит и кричит:

— Что там мальчишка шепчет?

Кукки рассердился:

— Мальчишка, замолчи! Не лезь во взрослые разговоры, во взрослые дела!

Лиса говорит:

— О-о, как мы наелись! Нам пора...

Кукки спрашивает:

— Уже уходите?

Лиса говорит:

— Да, надо уходить. У мужа олени очень пугливые. Как бы не убежали! — А потом чужим голосом, будто бы голосом мужа, добавляет:

— Да, мои олени пугливые. Только ко мне привыкли. Только меня признают, только меня слушают.

— Ну тогда не буду вас провожать, — говорит ворон.

— Не надо, не надо, не провожай, не выходи, — говорит лиса, — мы сами управимся.

Пошла лиса с мешком да ещё в кладовку завернула, всё, что там было, подобрала и побежала к дому. Сын ворона Ауппали говорит:

— Ох, отец, ох, мать, обманула вас лиса. Одна ведь приходила, никакого мужа Кымывалтына у неё нет.

Кукки говорит:

— Не твоё дело отца с матерью учить! Твоё дело помалкивать!

А лиса пришла домой, мешок еле дотащила. Мешок полон всякой всячины. Лиса говорит дочери:

— Имынна, накорми маленького брата Лымнойныткына. Вот, смотри, я полный мешок еды принесла. Обманула ворона Кукки, сказала, что вышла замуж за оленевода. Глупый Кукки старую сеть за оленьи шкуры принял.

Лиса смеётся, очень рада. Ест яичную колбасу. Это её любимая еда.

Дочь говорит лисе:

— Опять всё обманом! Ты бы попросила у ворона по-хорошему, он бы дал.

Лиса говорит:

— Будешь меня учить — есть не дам!

А ворон Кукки рад, что так легко оленьи шкуры добыл. Сын ворона говорит:

— Не радуйся, лучше сперва посмотри, что это за шкуры. Их ведь тебе лиса Чачучанавут принесла.

Кукки развязал мешок. А там — старая мокрая сеть. Он рассердился и говорит:

— Мы проучим обманщицу. Положим эту сеть в мешок из-под жира. А потом затащим мешок на лисьей лапе, крепко завяжем, пусть побегает с тяжёлой сетью! Скоро она снова придёт, ей ведь всегда всего мало.

И правда, скоро лиса опять пришла. Пришла и говорит:

— Мы с мужем Кымывалтыном опять к вам пришли, подарки вам принесли, оленьи шкуры принесли, хорошие шкуры, мягкие. Муж Кымывалтын мне сказал: «Сходим к родственникам, жирку поедим».

Ворон говорит:

— Заходите, садитесь, ешьте жир, светильники я погасил.

Лиса вошла, села. Перед ней поставили на блюде нарезанный ломтиками жир. Лиса много ест, быстро глотает жир, как будто это двое едят. Да ещё успевает на два голоса разговаривать. Говорит:

— Нет ли ещё яичной колбасы? Это наша с мужем любимая еда. — Потом другим голосом добавляет: — Да, да, это моя любимая еда.

Ворон Кукки говорит:

— Вчера была, кажется, последняя яичная колбаса. Но, может быть, ещё в мешке осталась. Пойди, лиса, в кладовку, сама в мешке поищи.

Лиса пошла в кладовку, сунула лапу в мешок. А в кладовке сидел сын ворона Ауппали. Он быстро затянул ремень у горловины мешка. Зажал лисью лапу, крепко зажал! Закричала лиса:

— Ой, что же это вы со мной делаете?! Ай-ай-ай! — И побежала прочь с мешком на лапе.

Ворон Кукки крикнул ей вслед:

— Если уж обманывать, то шла бы к богатой собаке Контытвал!

Лиса прибежала домой, охает, говорит дочери:

— Ой, Имынна, лапа у меня онемела. Вороны её ремнём, как капканом, прихватили! Ой, развяжи скорее, сил нет терпеть!

Дочь говорит лисе:

— Так всегда бывает с обманщиками. Говорила я тебе: надо честно жить.

— Не учи меня, а лапу скорей освободи! — кричит лиса.

Имынна разрешила ремешок, освободила лапу лисы. Проучил её ворон Кукки.

Проучил, да не научил. Назавтра лиса говорит:

— Теперь пойду обману богатую собаку Контытвал.

Дочь говорит:

— Не можешь ты жить без обмана! Надо добывать еду честной охотой.

Лиса говорит:

— Вечером, как стемнеет, вместе пойдём к собакам.

Дочь говорит:

— Ой, с собаками хуже будет. Ворон тебе только лапу ремнём затянул, а собаки могут всю шкуру твою порвать.

Лиса говорит:

— Я с собаками вежливо поговорю, я у них еды попрошу.

Вот пошла лиса к богатым собакам. Подошла к дверям, отряхивает торбаса, так стучит, будто двое пришло. Чу-чу-чу-чу! — стучит выбивалкой.

— Кто там? Кто пришёл? — спрашивает собака Контытвал.

— Мы пришли, — отвечает лиса, — мы пришли!

— Кто это вы?

— Мы с мужем Кымывалтыном. Я замуж вышла за богатого оленевода. У нас два стада оленей. Пока ещё они далековато, у горы Пынаквын, но скоро сюда подойдут. Тогда муж забьёт для вас оленей. Муж мой — ночной гость, света не любит, при свете ничего не видит. Так что светильники надо погасить.

— Как же вы в темноте будете есть? — спрашивает собака Контытвал.

— Мы привыкли к темноте. С большого блюда любим брать еду, — отвечает лиса.

Собака Контытвал приказала сёстрам погасить светильники. Одна собака говорит старшей сестре Контытвал:

— Чую, что лиса одна пришла, лжёт она, что их двое.

Контытвал говорит:

— Пусть войдёт лиса, посмотрим, что будет дальше.

Лиса кричит из-за дверей своим голосом:

— Ну что, можно входить? Погасили светильники? — А потом добавляет чужим голосом: — Я не могу смотреть на свет, я ночной житель, свет глаза мои слепит.

Светильники погасили. Лиса вошла. Говорит чужим голосом:

— Ай, хорошо в темноте! Я могу жить только в темноте.

Собаки поставили перед лисой большое блюдо, полное разной еды. Лиса ест, разговаривает на два голоса и быстро-быстро всё с блюда в мешок складывает. И спрашивает:

— Нет ли у вас яичной колбасы?

Собака Контытвал отвечает:

— Нет, лиса, яичной колбасы нет, у нас тут одни только женщины, по скалам за яйцами лазить некому. Вот жиру у нас много, ешьте жир.

Лиса говорит:

— Давайте жир. Я его сама нарежу, а то ведь вы к темноте непривычны.

Собаки принесли ей много жиру. Одна собака шепчет старшей сестре:

— Поверь, Контытвал, лиса к нам одна пришла, нет с ней никакого мужа.

Собака Контытвал говорит:

— А вдруг есть муж?.. А мы лису зря обидим.

Лиса чутко слушает, весь разговор слышит. И говорит:

— Хотите меня обманщицей назвать? Нет, я не обманываю. Контытвал, побей палкой свою младшую сестру, чтобы она зря про меня такое не говорила.

Контытвал стукнула младшую сестру. А лиса продолжает чужим голосом:

— Скоро мои олени подойдут. Стадо уже совсем близко... — Потом добавляет своим голосом: — Ох как наелись мы с мужем! Теперь пойдём стадо встречать.

Собака Контытвал говорит:

— Я пойду вас провожу. Да и на стадо взглянуть хочу.

— Нет, нет, — говорит лиса, — провожать нас не надо. Олени наши очень пугливые, — того гляди, разбегутся!

Взяла лиса мешок с едой и убежала.

Собака Контытвал говорит младшей сестре:

— Ты права, сестрица, лиса была одна. Когда она снова придёт, я тебя пущу за ней, порви ей шкуру.

А лиса домой прибежала весёлая, смеётся и говорит детям:

— У богатых собак была, жиру много принесла! А в кладовых у них мяса-жиру полно — на два года запасено! Завтра все вместе пойдём. Пока я буду собак разговорами занимать, вы из кладовых еду таскайте!

На другой день лиса с детьми пошла к собакам. Подвела детей к кладовым, говорит:

— Вот тут берите, в мешки кладите, побольше кладите, сколько сможете унести, а я к ним в дом зайду, разговорами развлеку.

Подошла лиса к дверям. Чу-чу-чу-чу! — стучит выбивалкой, торбаса отряхивает.

— Кто пришёл? — спрашивает собака Контытвал. А сама уже знает, что это лиса опять пришла.

— Это мы с мужем Кымывалтыном! — отвечает лиса. — Это мы, ваши вчерашние гости. А наши стада уже совсем близко...

— Заходите! — говорит собака Контытвал.

— А свет погасили? — спрашивает лиса.

— Погасили, заходите.

Лиса вошла и говорит:

— Муж, снимай шапку и дай её мне, я в свой мешок спрячу, чтобы не потерять в темноте.

Собака говорит:

— Садитесь, гости, садитесь. Сейчас мы вас угостим.

Лиса говорит:

— Жир у вас вчера был вкусный. Жирку бы мы поели с удовольствием.

Собака Контытвал говорит:

— Жиру для гостей не жаль, вот вам жир, ешьте. Но ведь ты, лиса, нас обманываешь. Никакого мужа с тобой нет.

Лиса говорит:

— Разве можно так о друзьях говорить? Вместе мы росли, с одного блюда ели. — А сама пятится к выходу. Откинула полог и побежала.

Собака Контытвал пустила за ней вдогонку двух сестёр. Пустила и кричит:

— Только смотрите не загрызите её! Потрепите за шубу и ладно!
Пусть лиса испугается!

Собаки догнали лису. Схватили её за пушистую шубу, кричат:

— Сейчас тебя на куски разорвём!

Лиса просит:

— Пощадите, домой к детям отпустите!

Собаки потрепали её, порвали шубу и отпустили.

Издранная, приковыляла лиса домой, стонет:

— Ой, Имынна, помоги войти, собаки меня изодрали, сил нет, постель
приготовь, полежу...

Дочь Имынна говорит:

— С ворами так бывает.

На другое утро собаки пошли посмотреть свои кладовые. А там
нескольких мешков жиру нет. Контытвал говорит:

— Это лиса-воровка утащила. Ну, мы её проучили, больше не придёт.

Ворон Кукки говорит жене Мити:

— Пора бы мне проведать племянницу Контытвал. Может, и к ней
лиса заходила. Пойду узнаю.

Пришёл ворон, отряхивает торбаса. Одна собака говорит:

— Это дядюшка-ворон к нам пришёл. Это не лиса. Лиса не так торбаса
отряхивает.

Контытвал кричит:

— Кто это?

Ворон отвечает:

— Это я, Кукки!

Контытвал говорит:

— Заходи. Может, свет погасить?

Кукки рассмеялся:

— Нет, я не ночной житель, я света не боюсь. Значит, побывала у тебя
лиса. Ну, рассказывай, что она натворила.

Контытвал говорит:

— Несколько мешков жиру из кладовки лисы унесли. А у тебя?

Ворон отвечает:

— А у меня лисы всё забрали, всю еду, ничего не оставили.

Собака Контытвал говорит:

— Дадим тебе мяса дикого оленя и мяса горного барана. Бери сколько
хочешь.

Собаки стали нагружать ворона припасами. Ворон говорит:

— О-о, достаточно! Так много не надо. Дети мои скоро придут с

добычей.

Пошёл ворон Кукки домой. Медленно идёт, большой груз несёт.
Навстречу — сын.

— Отец, ты медленно идёшь. Давай помогу.

Ворон отдал ему поклажу.

— Отнеси домой матери. Пусть еду для детей приготовит.

Обрадовалась Мити, когда увидела мясо. Тут и Кукки пришёл,
говорит:

— Лиса и у собак побывала, и их обокрала. Но собаки её проучили,
шубу на ней порвали.

КУККИ И МЫШИ

Однажды мыши пошли погулять на берег моря. И вдруг набрали на маленькую пёструю нерпу, которую выбросило волной. Мышонок обрадовался, закричал:

— Какую нерпу мы нашли! Сколько мяса мы нашли!

Мать-мышь говорит:

— Тише! А то дедушка Кукки услышит и опять прибежит, опять мясо отнимет.

Кукки в это время сидел в яранге.^[125] Ничего не делал. Надоело ему сидеть. Он говорит жене Мити:

— Что-то я дома засиделся, пойду-ка на берег, проветрюсь.

Только вышел — услышал писк мышей со стороны моря. «Что это там такое, пойду посмотрю», — решил он.

— Дедушка идёт! Дедушка идёт! — закричал мышонок.

— Я ведь говорила, что услышит, — сказала мать. — Тише! Не говорите ему ничего! Скорее накройте нерпу морской травой!

Мыши накрыли нерпу. Подошёл Кукки.

— Что нашли? — спрашивает.

— Ничего, дедушка, не нашли, — отвечают мыши.

— Но ведь что-то тащили по берегу! Вон след тянется! — говорит Кукки.

— Это мы корневище из моря вытащили. Дрова будут, — отвечают мыши.

Кукки говорит:

— Давайте я вас прокачу. Хватайтесь за мои волосы.

Мыши схватились за его волосы. Самая маленькая мышка вцепилась в волосы у затылка. Тут Кукки встал и тряхнул головой — все мыши полетели в воду, удержалась только самая маленькая. Она заплакала:

— Зачем ты головой тряхнул? Зачем ты мышей в воду сбросил?

Кукки говорит:

— Не утонут, выплывут. А ты теперь давай показывай, что от меня спрятали. Что там под травой?

— Корневище, тебе же сказали, — отвечает маленькая мышка.

Кукки сбросил морскую траву и увидел нерпу.

— Ай-ай-ай! От дедушки нерпу спрятали! — смеётся Кукки. — Так не годится. Давай-ка мы её поровну разделим. Одну половину — мне, другую половину — вам. Согласна?

Маленькая мышка глупая была. Говорит:

— Согласна.

Кукки вынул нож, разрезал нерпу вдоль. Взял половину и потащил домой. Тут и мыши выплыли из воды. Видят, лежит половина нерпы. Потащили её к себе.

Кукки подошёл к дому. Навстречу — сын Ауппали.

— О, отец! Что это ты такое тяжёлое несёшь?

— Вот, посмотри, нерпу добыл! — с гордостью говорит Кукки.

Ауппали закричал:

— Отец нерпу добыл! Надо благодарственный обряд исполнить!

Мити посмотрела на нерпу, начала танцевать и петь, хозяина моря благодарить. Она пела:

Удачливый Кукки

Убил нерпу

С одним ластом,

С одной почкой!

Кукки услышал эту песню и говорит:

— Хватит, хватит петь! Лучше свари поскорее мясо да выставь его в котле наружу.

Мити сварила мясо и вынесла котёл из яранги. Кукки говорит:

— Теперь все пойдём спать.

Мити хотела мяса поесть. Дети тоже хотели мяса. Но раз Кукки говорит спать, значит, надо спать. А Кукки думал: «Когда все заснут, я встану, выйду из яранги и съем мяса сколько влезет». Но он тоже заснул, когда все заснули.

А мыши притащили домой половину нерпы. Говорят бабушке:

— Мы нашли на берегу нерпу, да дедушка Кукки половину отобрал.

Бабушка-мышь говорит:

— Когда Кукки заснёт, сходим к нему и всё наше заберём назад.

Стемнело. Мыши пошли к яранге Кукки, увидели котёл с варёным мясом, взяли мясо и убежали. Кукки проснулся и говорит жене Мити:

— Принеси-ка мяса, очень мяса хочется.

Мити заглянула в котёл:

— Там пусто!

Кукки говорит:

— Это мыши утащили! Сейчас я им покажу!

Он пришёл к яранге мышей и давай её трясти. Вот-вот упадёт яранга.

Бабушка-мышь выглянула, говорит:

— Ты что детей пугаешь! Заходи!

Мыши говорят:

— Садись, дедушка, сейчас мы тебя вкусными корешками угостим, толкушей угостим.

Кукки начал есть. Наелся. Откинулся назад. Заснул. Бабушка мышатам говорит:

— Приклейте ему на ресницы красные лоскутки.

Мышата приклеили. Кукки проснулся, пошёл домой. Подходит к дому, опустил глаза вниз, красные лоскутки ему глаза прикрыли. Кукки закричал:

— Пожар! Земля горит! Мити! Где ты! Беги скорей! Туши огонь!

Навстречу ему выскочил сын Ауппали. Кукки схватил его и давай им размахивать, направо-налево бить — огонь тушить. Ауппали кричит, выскочила Мити, еле вырвала сына из рук Кукки.

— Ты что делаешь? — кричит Кукки. — Разве не видишь? Пожар! Всё горит!

Мити сорвала красные лоскутки с его ресниц. Смеётся:

— Это мыши над тобой подшутили.

Кукки говорит:

— Пойду к мышам опять. Я им покажу!

Пришёл к мышам. Опять трясёт ярангу. Вот-вот яранга упадёт.

Бабушка-мышь говорит:

— Опять детей пугаешь! Перестань трясти, заходи!

Мыши говорят:

— Садись, дедушка, ешь. Вкусные корешки, вкусная толкуша.

Кукки взялся за еду. Забыл, что пришёл ругаться. Много съел. Наелся. Заснул. Бабушка-мышь говорит:

— Разрисуйте ему нос.

Мыши разрисовали ему нос — провели на нём три полоски. До утра проспал Кукки. Рано утром встал, пошёл домой. Идёт — пить захотел. К речке подошёл, наклонился, чтобы попить, и увидел своё отражение. «О, какая там красивая женщина живёт! — подумал он. — С тремя полосками на носу! Вот на ком я женюсь! Хватит мне жить с Мити!»

— Подожди меня! Сейчас я вернусь! — крикнул он отражению в воде и побежал домой.

Дома он взял кроильную доску, деревянный пестик, каменный пестик и полог [\[126\]](#) со стойками. Прибежал к воде. Смотрит. А красавица с тремя полосками на носу смотрит на него. Кукки бросил ей кроильную доску. Доска поплыла вниз по течению. «Не берёт доску, — думает Кукки. — Есть у неё доска». Бросил деревянный пестик. И пестик поплыл. Бросил каменный пестик. Пестик утонул. Кукки обрадовался: «Взяла мой подарок!» Он завернулся в полог и прыгнул в воду. Река вынесла его в море. А море выбросило на берег.

По берегу шла Мити. Видит, полог. Развернула его, а там — Кукки. Вскочил Кукки и говорит:

— Ты что за мной следишь?

Мити отвечает:

— Я за тобой не слежу. Я и не знала, что ты здесь.

Смотрит на него Мити и видит: разрисован нос у Кукки. Кто-то провёл на нём три полоски. Смеётся Мити и говорит:

— Это всё мышата над тобой потешаются. Пойдём-ка домой.

Пошли они вместе домой.

КОРЯКСКИЕ СКАЗКИ

МЛАДШИЙ БРАТ ОЁ

Жили в наших краях семь братьев. Все были умные. Только младший был дурачок. Звали его Оё. Все братья были не женаты. Старший говорит:

— Пора нам пойти по белу свету жён себе поискать. Мы пойдём вшестером. А ты, Оё, дома посиди.

Оё говорит:

— Нет, я дома не останусь, я тоже хочу пойти, мне тоже нужна жена. Да к тому же без меня вы только зря проходите.

Старший брат говорит:

— Нельзя тебе с нами. Говорить ты не умеешь, язык у тебя неповоротливый. Одежда у тебя старая, латаная, лыжи твои не подбиты, а зимних торбасов у тебя и вовсе нет, ходишь в летних. Замерзнешь. Лучше дома сиди.

Оё говорит:

— Я не замёрзну. Я к морозу привык.

Старший брат говорит:

— Ладно, иди с нами. Но когда будешь мёрзнуть, пеняй на себя.

Встали братья на лыжи и пошли на юг. У старших лыжи хорошие, подбиты камусом,^[127] а у младшего, Оё, лыжи плохие, неподбитые. Торбаса у него летние, холодные. Как вышли, Оё сразу отстал. Вечером братья большое стойбище увидели. Тут вдруг Оё их догнал. Легко идёт, будто кто-то его на ремне тащит. Братья говорят:

— А наш Оё, оказывается, вон какой быстрый!

Так они сказали. А раньше всё ругали его, говорили: «Оё — дурачок, Оё — парень совсем никудышный!» Догнал Оё своих братьев, обогнал, вперёд ушёл, первым на стойбище пришёл.

Встретил парня хозяин стойбища Кагынкан. Вместе с ним был его помощник. Они спрашивают:

— Ты один или с товарищами?

— Я с братьями. Нас семеро, — отвечает Оё.

— Зачем приехали?

— Мы свататься приехали, — отвечает Оё.

Хозяева говорят:

— Пусть братья твои здесь останятся. Дальше нельзя. У нас такое правило.

Подъехали братья. Кагынкан сказал:

— Вон там — место для борьбы. Каждый жених, кто к нам приходит, сначала борется с нашим силачом.

Посмотрели братья туда, куда показал Кагынкан, и обмерли. Там была ледяная площадка, вся в крови.

Кагынкан пошёл к ярангам, закричал:

— Эй, борец, выходи! К нам женихи пришли! Надо встретить их как следует!

Пришёл борец-богатырь. Самый сильный из сильных. Он был такой толстый, что обхватить его было невозможно. Помощник хозяина говорит:

— Его ещё никто не победил!

Борец говорит:

— Кто первый, кто смелый, выходи!

Старший брат говорит:

— Я старший, я буду первым. — И снял кухлянку.

— Подожди, брат. Ты — самый старший, а я — самый сильный, — говорит Оё.— Хоть и плохие у меня лыжи, а я вас обогнал. Тебя этот толстяк уьёт. А со мной ему придётся туго. Давай я сперва попробую.

Старший брат говорит:

— Ладно, пробуй. Надень только мои торбаса и мои борцовские штаны.

— Нет, братья, я в своих торбасах и в своих штанах вас обогнал. В них и бороться буду.

Братья говорят:

— Глупый наш младший брат. Да что с него взять! Пусть делает как знает.

Оё приготовился, кухлянку снял. Богатырь ждёт. Оё говорит:

— Нападай первый.

Богатырь напал. Схватил младшего брата. Крутил его, крутил, свалить не смог. Выдохся. Говорит:

— Силы наши равны. Не могу побороть.

Оё говорит:

— Нет, не равны! Теперь моя очередь нападать! Теперь держись!

Напал Оё на богатыря. Схватил его, перевернул вверх ногами, через

плечо своё перекинул и бухнул головой об лёд. Богатырь крикнул и затих. Люди говорят:

— Хозяин Кагынкан! Что же это творится! Наш непобедимый богатырь убит! Убил его какой-то замухрышка в старых штанах, в летних торбасах!

Кагынкан говорит:

— Проклятый Оё! Моего непобедимого богатыря убил! Ну, держись... Завтра — состязания в беге на лыжах. Придёт бегун, который догоняет диких оленей!

Утром пришёл бегун-скороход. Самый быстрый из быстрых, самый проворный из проворных. Старший брат говорит:

— У меня лыжи самые лучшие. Я побегу.

Оё говорит:

— Подожди, брат. Твои лыжи самые лучшие, а мои ноги самые резвые. Тебе не обогнать скорохода, который догоняет оленей. Давай уж я попробую.

Старший брат говорит:

— Ладно, пробуй, но возьми хотя бы мои торбаса и мои лыжи, подбитые камусом.

— Нет, брат, — отвечает Оё, — я в своих торбасах, на своих лыжах вас обогнал. И теперь на них пойду.

Братья говорят:

— Глупый наш младший брат. Ну да что с него взять! Пусть идёт как знает.

Кагынкан говорит:

— Бежать надо до моря и обратно. К вечеру обернётесь. Прибежать надо к этому роднику. Кто придёт первым — берёт вот эту дубинку, кто придёт вторым — должен начать пить из родника. В это время первый бьёт по голове второго. Такой у нас обычай. А теперь бегите!

Бегун-скороход сразу ушёл далеко вперёд. Оё отстал. Идёт медленно, будто не торопится. Полдня прошло. Вдруг Оё начал нагонять. Ходко идёт, будто его кто-то на ремне тащит. К морю вместе подошли. А как пошли назад — тут уже скороход отстал. Как он ни старался, не смог догнать резвого парня.

К вечеру на снегу чёрная точка показалась. Народ стоит у ручья. Народ кричит:

— Это идёт наш скороход! Разве кто-нибудь его обгонит? Он быстроногого оленя догоняет! Куда до него этому замухрышке!

Вот чёрная точка приблизилась. В человека превратилась. И все

поняли: это бежит Оё. Народ снова кричит:

— Хозяин Кагынкан! Что же это получается? Наш непобедимый скороход побеждён! Сейчас этот замухрышка Оё его убьёт.

Оё прибежал к роднику. Братья ему говорят:

— Бери дубину. Скоро их скороход придёт. Убьёшь его.

Кагынкан говорит:

— Проклятый Оё! Опять победил! Сейчас убьёт моего любимого скорохода.

Пришёл скороход. Пришёл без сил. Чуть жив. Дышит тяжело. Начал пить из родника. Подставил, значит, голову. Бей, Оё.

— Бей, Оё! — кричат братья.

Оё говорит:

— Я не хочу его убивать. Одно дело — убить в честной борьбе, другое — бить по склонённой голове. Мне не нравится ваш обычай! Бить не буду. Мы пришли жён себе искать, а не людей ваших убивать. Говори, хозяин, какое у вас тут последнее состязание.

Скороход, которого победил Оё, поднял голову, заплакал.

Кагынкан посмотрел на него, отвернулся. Потом говорит:

— Последнее состязание — прыжки. Будете прыгать вон с той скалы вниз. А под скалой будут стоять мои люди с копьями остриями вверх. Кто прыгнет слабо — упадёт на копья. Такой у нас обычай... Позовите-ка моего прыгуна, ловкого из ловких, прыгучего из прыгучих, вёрткого, как горноста́й!

Пришёл прыгун — низенький, быстрый, лёгкий. Старшие братья стали между собой совещаться, кому прыгать. Оё говорит:

— Это самое трудное состязание. Недопрыгнул — и верная смерть. А если так, то пусть я погибну, самый плохой среди вас, не зря же вы говорите обо мне: «Оё — дурачок, Оё — никудышный». Если я погибну, никто жалеть не станет, никто не скажет: «Погиб наш славный, наш умный Оё».

Братья говорят:

— Оё правильно сказал. Если он погибнет, его не жаль. Пусть прыгает. А мы посмотрим.

Оё и прыгун взобрались на скалу. Под скалой встали люди Кагынкана с копьями остриями вверх. Оё посмотрел вниз: много людей, много копий. Очень далеко надо прыгнуть, чтобы через них перелететь.

— Ну, прыгай первым, — говорит Оё прыгуну.

Прыгун ловкий, как горноста́й, напряжился, собрал все силы и прыгнул. Но Кагынкан поставил слишком много людей с копьями. Не смог

перелететь через них его прыгун, ловкий, как горноста́й. Упал на копья. Теперь очередь Оё. Он видел, как прыгал тот прыгун, понял, что такого прыжка мало. Прыгнул дальше. Упал на чистый снег, упал туда, где не было людей с копьями.

Народ кричит:

— Хозяин Кагынкан! Что ж это творится! Погиб наш непобедимый прыгун, ловкий, как горноста́й! И опять его победил этот замухрышка!

Кагынкан заплакал:

— Проклятый Оё! Ты всех нас победил! Что ж, придётся дать вам жён! Он подозвал своего помощника и сказал:

— Возьми семь стрел. Пусти их в семь сторон. Где они упадут, там пусть братья берут себе девушек в жёны.

Помощник Кагынкана говорит:

— Братья, подойдите ко мне. Я буду пускать стрелы, а вы пойдёте за ними по старшинству. Первая стрела — для старшего брата. Вторая — для второго. Последняя — для Оё, победителя состязаний. Стрелы упадут около яранг. Там — ваши невесты.

Помощник Кагынкана выпустил семь стрел. Первым за стрелой пошёл старший брат. Видит, хорошая яранга. Зашёл — там красивая девушка одежду шьёт. А возле яранги — стадо оленей, это её приданое. Остальные братья по очереди пошли за стрелами, каждый нашёл ярангу, а в ней девушку. И у каждой приданое — стадо оленей. А самая красивая девушка досталась младшему брату, удалому Оё. И приданое у неё самое богатое — яранга самая хорошая, в ней много одежды, посуды, и стадо у неё самое большое.

Все братья были очень рады. Оё оделся в новую хорошую одежду, стал таким красивым парнем — любо смотреть! Братья говорят:

— Всё это богатство для нас добыл наш младший брат Оё. Наш умный, наш сильный Оё. Пусть отныне он будет над нами старшим. Мы будем его слушать. Завтра откочуем в наши места.

Утром они спросили у Кагынкана:

— Можно нам откочевать в наши места?

Кагынкан ответил:

— Вы сами себе хозяева. Что хотите, то и делайте. Хотите домой — кочуйте домой.

И семеро братьев с жёнами, ярангами и стадами откочевали в родные места. Хорошо стали жить. Еды у них всегда было вдоволь. Старшим у них был младший брат Оё.

КАК СТАРУХА КЫТНА ВЕРНУЛА ДОМОЙ СВОЮ ДОЧЬ

Жили в Кичиге старуха Кытна со стариком. Была у них дочь Ралинавут, взрослая дочь. А недалеко от их селения жила волчья стая, двадцать восемь волков.

Однажды Ралинавут гулять пошла и пропала, не вернулась домой. Везде её искали, во всех окрестных посёлках, но никто её не видел. Тогда решили: заблудилась, замёрзла, занесло её снегом. А не подумали люди, что в тот день, когда пропала Ралинавут, и волчья стая из тех мест ушла. Не догадались люди, что волчья стая к себе её приняла, что волки её увели...

Но мать не верила, что дочь умерла, всё ждала, что вернется. Три года прошло. Не вернулась Ралинавут. Тогда Кытна пошла к шаману. Шаман погадал и говорит:

— Дочь твоя жива. Она в волчьей стае, далеко на севере. То место зовётся Талкап. Три года назад жила в наших краях волчья стая, двадцать восемь волков. Это они увели твою дочь.

Кытна вернулась домой, говорит мужу:

— Наша дочь Ралинавут жива. Шаман сказал, она живёт в волчьей стае на севере, в Талкапе.

Старик говорит:

— О, это очень далеко. Тебе туда не дойти. Заблудишься в тундре.

Кытна говорит:

— Не заблужусь. Я знаю, как надо туда идти.

— Тогда готовь дорожные припасы, — сказал старик.

Они приготовили дорожные припасы, и наутро, чуть свет, Кытна отправилась в путь. Пешком по снегу пошла. А как сто шагов прошла, волчицей обернулась. Волки быстро по снегу ходят. И Кытна пошла быстро, как волк. Скоро стойбище оленеводов показалось. Кытна свой облик приняла, к стойбищу подошла. Оленевод говорит:

— Здравствуй, старушка, куда идёшь? Почему пешком?

— Иду на север, в Талкап, — отвечает Кытна.

— Зачем?

— Там дочь моя живёт у волков. Волки её увели, — отвечает Кытна.

— Далеко туда идти! — говорит оленивод. — Пешком очень далеко. Очень трудно. Дам тебе оленей. Хорошие олени!

Кытна говорит:

— На оленях боюсь, могу их потерять. Пешком спокойнее. Пойду пешком.

Оленивод говорит:

— Как знаешь. Олени у нас есть. Хорошие олени.

Наутро, чуть свет, Кытна пошла. Как сто шагов прошла — волчицей обернулась. Рысью побежала волчица. Оленивод смотрит вслед и говорит:

— Вот почему от оленей отказалась!

По дороге Кытна встретила волка. Начала его расспрашивать:

— Скажи, брат, не встречал ли в северных краях в какой-нибудь стае необычного волка. Такого волка, что это сразу и волк и человек.

Волк стал рассказывать:

— Далеко на севере, за Талкапом, живёт сейчас большая стая, двадцать девять волков. Я к ним в гости ходил. Заметил, что есть среди них необычный волк. По-моему, это не настоящий волк. Похоже, этот волк — человек.

Кытна говорит:

— Наверное, это и есть моя дочь Ралинавут.

Волк говорит:

— Её зовут Ралинавут? Я слышал это имя. В той стае живёт волчица, которую так зовут.

Кытна побежала на север. Добежала до большого стойбища чукчей-олениводов. Чукчи рады госте. Хозяин угощает мясом, жиром, а потом спрашивает:

— Откуда и куда ты идёшь, пешая старушка?

— Я издалека, с юга, из Кичиги, — отвечает Кытна.

Чукча говорит:

— О, это очень далёкие места! Я был в твоём селе. Зачем же ты пешком в такой дальний путь пошла?

Кытна говорит:

— Скажи мне: не живёт ли тут поблизости большая стая волков? Не нападают ли они на ваши стада?

Чукча говорит:

— О, тут живёт большая стая, двадцать девять волков! Ох и надоели

они мне! Нападают на наши стада.

Кытна говорит:

— Эти волки увели мою дочь. Теперь она живёт в стае. Три года прошло. Не знаю, смогу ли её домой вернуть.

Хозяин говорит:

— Пора спать.

Кытна говорит:

— Встать надо рано.

Встали рано. Поели, чаю попили. Кытна пошла. Она туда пошла, где волки ели оленей, которых зарезали ночью. Кытна увидела стаю, обернулась волчицей, пошла по кругу и запела, протяжно запела:

Лишь волки в этих местах живут.

С ними, наверное, Ралинавут.

Волчица Ралинавут вздрогнула, перестала есть, подумала: «Кто это в тундре меня ищет?»

А старуха Кытна ближе подобралась, ещё один круг делает и поёт:

Волки разбойниками слывут.

И с ними дочка Ралинавут.

Волчица Ралинавут думает: «Мать меня ищет. Кто же ещё? Конечно, мать». Она тихонько пошла на голос и запела:

Мама, как ты меня нашла?

Мама, зря ты за мной пришла.

Я давно волчицею стала.

Приняла меня волчья стая.

А Кытна делает третий круг и поёт в ответ:

Ты — человек, и тебя зовут

Как человека — Ралинавут.

Не выдержала Ралинавут, подбежала к матери:

— Мама, зачем ты здесь?

— Сердце моё замёрзло, — отвечает Кытна. — Я за тобой пришла. Без тебя не уйду. Я ведь мать. Давай убежим, пока волки не заметили. Тут недалеко стойбище оленеводов. Там отдохнём. Я очень устала. Я ведь пешком пришла.

Волчица Ралинавут говорит:

— Что ж, пойдём.

Пришли к стойбищу, обернулись людьми, вошли в ярангу. Чукча-хозяин говорит:

— Ого, какая смелая старушка! Не только сама вернулась, но и дочь у волков отняла!

Отдохнула Кытна на стойбище. Отдохнула и говорит:

— Пора домой.

Чукча-хозяин говорит:

— Очень далеко твоя Кичига. Давай я вас на оленях отвезу.

Кытна говорит:

— Не надо оленей. Пешком дойдём. Завтра пораньше отправимся.

Назавтра очень рано Кытна с дочерью ушли. Чукчи посмотрели им вслед. А старуха с дочерью прошли сто шагов — и уже нет их, а вместо них два волка бегут, быстро бегут. Чукчи говорят:

— Вот почему она от оленей отказалась! Волки-то скорее дойдут.

Кытна с дочерью добежали до Кичиги. Старик, муж Кытны, смотрит: два волка бегут к селению. Рядом бегут. Он думает: «Наверное, это моя старуха с дочерью».

А люди вышли и кричат:

— Волки к нам бегут, волки!

Старик им говорит:

— Это не волки. Это люди. Зачем волки среди бела дня прямо в селение побегут?

И тут волков вдруг не стало. Идут по снегу Кытна с дочерью. Домой пришли.

МИВИТ

Жил когда-то очень давно наш предок, необыкновенный силач. Звали его Мивит. Он был таким быстроногим, что охотился без лука и стрел. Увидит стаю гусей — бежит к ним. Гуси только-только вздумают взлететь — а Мивит уже их всех похватал за шеи, всех к поясу привязал.

Привяжет он так гусей к поясу и бежит домой. Очень быстро бежит — быстрейшем надо. Прибежит домой — одни головы гусиные на поясе, тела истрепались от такого бега.

Придёт Мивит в горы за горным бараном и сядет: смотрит, высматривает. Лук ему не нужен. Как увидит барана — бегом за ним. Догоняет, хватает за рога. Такой силач.

Он и на ту сторону бухты ходил. За один день туда приходил и обратно возвращался. У нас в горах его следы сохранились: в некоторых местах отпечатки в камне. Я сам их видел и сам измерил его шаг. Десять моих шагов укладывается в один его шаг!

Никто не мог одолеть нашего Мивита.

Пошёл он однажды в горы за дровами. Не заметил, как зашёл далеко в чужие земли, в чуванские^[128] земли.

Нарубил он много дров, связал огромную вязанку и понёс её домой. Вдруг появились чуванцы. У всех в руках луки и стрелы, все кричат... Что делать? Остановиться? Они окружают, начнут стрелять. Придётся их поубивать. Мивит подумал: «Не хочу я их убивать. Пусть живут глупые чуванцы». И он пошёл от них широким шагом в горы с вязанкой на плечах. Чуванцы подбежали к его следам, начали их рассматривать.

— Ого! — сказали они. — Человека, который оставляет такие следы, не убить. Пусть уходит. Такого не догнать.

Да, это было как раз тогда, когда он возвращался из чуванской земли через горы к нашей речке, к нашему Алюту. Он бежал с тяжёлой ношей на плечах, ноги его погружались в землю — тогда и оставил он те следы, которые мне довелось увидеть. А вязанку он до дому не донёс. Тело его от

быстрого бега так разогрелось, что вязанка вспыхнула. Пришлось её сбросить.

Не было на нашей земле силача, подобного Мивиту. Ни раньше не было, ни после.

ЧУКОТСКИЕ СКАЗКИ

БЕЛАЯ МЕДВЕДИЦА

Жил когда-то мальчик-сирота. Была у него бабушка. И ещё был дядя, который их с бабушкой кормил. Он в море охотился, нерпу добывал.

Парень подрос, начал охотиться вместе с дядей. А потом и сам стал ходить за зверем. Привозил нерп, бабушка их разделывала.

Однажды он долго ходил, долго искал — не мог зверя найти. Далеко по льду ушёл, оглянулся — страшно стало. Назад поспешил. Пурга поднялась. Льдину оторвало, понесло в открытое море. Бегают бедный парень по льдине туда-сюда. Смотрит во все стороны. А что толку? Кто поможет? Вдруг белая медведица вынырнула. Залезла на льдину, пошла к парню.

— Откуда ты? — спрашивает.

— Откуда я? Сам не знаю откуда. Земли не видно. Не знаю, в какой стороне дом, — говорит парень.

Медведица говорит:

— Я тебя спасу. Домой отвезу. Хочешь?

— Хочу, — говорит парень-сирота. — Но как ты спасёшь?

Медведица говорит:

— Садись ко мне на спину. Крепко за уши держись. А глаза зажмурь.

Медведица спустилась в воду. Парень сел к ней на спину, ухватился за уши, зажмурил глаза. Медведица поплыла, быстро поплыла. Вот и берег близко. Парень открыл глаза и увидел свою землянку. Подошли к прибрежному льду, выбрались на него, пошли к берегу. Медведица провела когтем по льду. Лёд треснул, высыпали нерпы. Как много! Парень никогда столько не видел.

Медведица говорит:

— Здесь охоться. Здесь всегда будет нерпа. А ты не мог зверя взять, потому что бабушка твоя нерпу не уважает, не даёт зверю ни поест, ни попить. [\[129\]](#)

Парень убил нерпу и пошёл к дому. Медведица идёт рядом. А когда ступили со льда на землю, медведица вдруг сняла белую шкуру и стала

красивой девушкой. Шкуру она свернула и спрятала в трещине во льду.

Парень пришёл домой вместе с девушкой.

— Бабушка, — говорит он, — теперь у меня будет жена.

Старуха спрашивает:

— Откуда ты её привел?

— Не знаю откуда, — говорит внук.

Девушка стала жить с ними в землянке. Парень-сирота, как и прежде, ходил на охоту, нерпу добывал, но теперь он стал самым удачливым охотником на побережье. Никогда без добычи не возвращался. Мяса и жиру впрок заготовили надолго.

Прошло время. Молодая жена родила сына. Хорошо они живут, много едят. Вот однажды парень-сирота ушёл на охоту, жена его дома сидит, еду готовит. Старуха смотрит. Молодая жена еду готовит, а сама жир ест. Большими кусками ест. Старуха говорит:

— Ты что это такими большими кусками жир ешь? Разве так можно? Ты ешь, как медведица! Да ты, наверное, не человек. Ты белая медведица.

Опустила голову женщина. Ничего не сказала. Сына позвала, стала его одевать. Сын спрашивает:

— Куда мы пойдём?

— Мы уходим навсегда, — отвечает мать.

Пришли они к берегу моря. Подошли ко льду.

Мать сунула руку под лёд, достала белую медвежью шкуру. Встряхнула она шкуру, надела на себя и стала медведицей. И пошла с сыном по льду в открытое море.

В это время муж её с охоты вернулся, нерпу принёс. Кричит:

— Бабушка, напои нерпу, плесни ей на морду не много воды!

Старуха молчит.

— Где вода? — спрашивает охотник.

Старуха молчит. Потом говорит:

— Я ведь тут одна.

— А где жена, где сын? — спрашивает охотник.

— Они ушли, — отвечает старуха.

— Куда ушли?

— По льду ушли, в море ушли, совсем ушли, — отвечает старуха.

— Ты, наверное, жену мою обидела, что-нибудь ей сказала?

— Ничего такого я не сказала, — говорит старуха, — сказала только, что жир она ест, как медведица. Сказала, что она, наверное, белая медведица. Ну, она обиделась и ушла.

Сирота стал собираться в дорогу. Положил в мешок лук, стрелы, копье,

гарпун. И пошёл за женой и сыном по следу, быстро пошёл.

Скоро он их нагнал. Медведица говорит:

— Зачем ты здесь?

Сирота говорит:

— Я за тобой пришёл. Хочу тебя вернуть.

Медведица говорит:

— С людьми жить не хочу. Люди грубые. Пойду к своему народу.

Сирота говорит:

— Я пойду с тобой.

Медведица говорит:

— Медведи не любят людей. Они тебя убьют.

Сирота говорит:

— Без тебя я давно бы умер. Я не боюсь.

Медведица говорит:

— Если так, пойдём.

Они дошли до конца льдины, подошли к разводью. Медведица перевезла их на другую льдину. Опять долго шли. Опять разводье. Опять медведица перевезла. На третьей льдине она сказала:

— Здесь мой дом.

Дом был огромный. Вошли. А там медведей — не сосчитать! Когда медведицу увидели — все обрадовались, закричали. Встретил их у входа старик медведь, отец медведицы.

— Заходите, гости, — пригласил он.

Мальчика окружили медвежата. Старик медведь им крикнул:

— Прочь! Прочь! Держитесь от них подальше! Кочкоголовые^[130] — хитрый народ!

Потом он сказал сироте:

— Зять мой, зачем ты здесь? Медведи тебя убьют.

Сирота говорит:

— Я не боюсь.

Старик медведь говорит:

— Тебя позовут состязаться: кто больше еды добудет. Ты проиграешь, и тебя убьют.

Сирота говорит:

— Я не боюсь.

Тут медведи пришли, зовут состязаться. Старик медведь говорит сироте:

— Надень мою шкуру-кухлянку.

Сирота говорит:

— Спасибо, я в своей пойду.

Он вышел, пошёл к воде. А там его уже ждёт огромный медведь. Медведь говорит:

— Пришёл? Не боишься?

Сирота говорит:

— Пришёл, не боюсь.

Медведь говорит:

— Давай состязаться: кто первый пять нерп добудет.

Пришли на место охоты — к краю льдины. Медведь лёг на живот, смотрит в воду, ждёт нерпу. А зверь не идёт. Вот сирота нерпу уже добыл. А у медведя нет. Сирота вторую взял. А у медведя нет. Сирота третью берёт! А медведь только первую. Вот у медведя уже вторая. А у сироты четвёртая. У медведя третья. А сирота пятую вытащил! Победил матёрого медведя! Удивил весь медвежий народ! Пошли домой. Дома медвежата обрадовались, обступили его.

Старик медведь кричит им:

— Подальше, подальше от него! Очень хитры кочкоголовые! Он победил нашего лучшего охотника!

Потом говорит сироте:

— Ты хороший зять, хорошо еду добываешь. Но завтра состязание будет потрудней. Завтра медведи тебя убьют.

Сирота говорит:

— Чего мне бояться? Я давно должен был умереть.

Назавтра опять за ним пришли медведи. Зовут на состязание. Старик медведь говорит:

— Надо будет нырять в море. Надень мою шкуру-кухлянку.

Сирота говорит:

— Теперь надену.

Он надел медвежью шкуру и пошёл с медведями. Огромный медведь ждал его у воды. Сирота подошёл к нему. Медведь прыгнул в воду. Долго его не было. Но вот он вынырнул и положил на лёд большой камень. Сироте он сказал:

— Запомнил этот камень? Теперь вытащи его сам.

И медведь столкнул камень в воду.

Нырнул сирота. На дне моря увидел два камня. Один — поменьше, который медведь только что вытаскивал на лёд, а другой камень — в три раза больше! Лево́й рукой сирота взял маленький камень, а право́й рукой — большой. И начал с ними всплывать. Медленно всплывал, долго всплывал. Огромный медведь смотрел, смотрел в воду и сказал:

— Пропал кочкоголовый. Утонул.

И тут всплыл сирота с двумя камнями в руках и положил их на край льдины. Все медведи ахнули. Все увидели: опять человек победил. Медвежата обрадовались, побежали домой — обо всём рассказать старику медведю. Старик говорит:

— Я это знал: кочкоголовые — очень хитрый народ.

Сирота пришёл домой. Старик медведь говорит:

— Ты хороший зять, ты силач. Но ты не медведь. И медведя тебе не победить. Завтра будет борьба, завтра медведь тебя задерёт.

Утром опять пришли медведи, зовут сироту на последнее состязание. Сирота спрятал под кухлянку лук с тремя стрелами и пошёл. Смотрит, на льдине собрался весь медвежий народ. Все хотят посмотреть борьбу. Огромный медведь стоит, ждёт. Сирота подошёл к нему. Медведь бросился вперёд, сирота отскочил в сторону, медведь пролетел мимо. Кидается на него медведь, а человек ловко увёртывается. Никак медведь не может его схватить. Медведь устал, дышит тяжело. Тут сирота выхватил лук и пустил в медведя стрелу. Медведь снова бросился — опять мимо. Сирота пустил вторую стрелу. А за ней и третью. Медведь тяжело задышал, сел на лёд и говорит:

— Почему всё вокруг потемнело?

Упал медведь, замолчал навсегда. А медвежий народ обрадовался. Друг другу все говорят:

— Спасибо кочкоголовому! Злого нашего хозяина больше нет.

Медвежата побежали домой, рассказать деду. Старик говорит:

— О, я так и знал! Они такие хитрые, эти кочкоголовые! Я всего раз в жизни ходил на землю. Увидели они меня — всей гурьбой побежали за мной. Еле-еле голову спас — в воду прыгнул. Очень плохой народ кочкоголовые! Очень хитрый народ!

Сирота пришёл домой. Старик медведь говорит:

— Ты вышел победителем. Медведи тебя не убьют. Но жить с нами тебе всё равно нельзя. Уходи на землю и сына забирай. Он не медведь, он твой сын. Идите на землю, к своему народу. Моя дочь вас проводит.

Медведица посадила их к себе на спину и отвезла к берегу. Когда сирота с сыном сошли на берег, медведица заплакала.

Сирота не пошёл в землянку к бабушке, которая прогнала его жену. «Пусть живёт как знает», — подумал он. На берегу он сделал землянку для себя и для сына. Вдвоём стали жить. Сирота в море ходил, нерпу добывал, сына кормил. Так и жили.

ОЛЕНЕВОД И КЭЛЕ

Жил в тундре богатый человек. Он пас своё огромное стадо. Всегда был возле оленей, в яранге мало бывал. В яранге жила бабушка.

Вот однажды пасёт он оленей и видит, как один олень вдруг головой замотал. «Что с ним?» — думает человек. Он подошёл к оленю, а тот тряхнул головой, и выпал у него из уха маленький ребёнок. «Как хорошо! — подумал человек. — Не было у меня сына, а теперь будет сын». Поднял он ребёнка, завернул в шкуру и побежал домой. Говорит бабушке:

— Радуйся! Смотри, кого я принёс! Не было у меня сына, а теперь он есть! Он выпал из оленьего уха! Корми его хорошенько, пусть он скорее растёт! Когда вырастет, будет помогать мне пасти оленей.

Бабушка стала кормить ребёнка. Названный отец каждый день прибегал домой и всё спрашивал:

— Ну как, хорошо растёт мой сын?

Бабушка отвечала:

— Растёт очень быстро, ест очень много!

— Пусть ест побольше, пусть растёт побыстрее!

Ушёл однажды человек к стаду и вскоре услышал громкий плач. Это плакал ребёнок. Человек забеспокоился, стадо к дому погнал. Оказалось, яранги нет, бабушки нет — всё ребёнок съел. А сам плачет и кричит:

— Есть хочу! Дай мне мяса!

Человек заколол оленя, из уха которого выпал этот ребёнок. Мальчик быстро съел оленя и кричит:

— Ещё хочу! Дай поесть!

Тут только оленевод понял, что этот ребёнок был кэле.^[131] А кэле, сколько ни ест, сытым не бывает. Стал оленевод резать одного оленя за другим. Скоро всё стадо кончилось. Всех оленей съел ребёнок-кэле. Всех съел и погнался за оленеводом. Но оленевод был сильным, бегал хорошо. Четыре дня бежал — за четыре дня не мог догнать его кэле. Оленевод прибежал к огромной стае волков и говорит им:

— Волки, спасите меня, спрячьте меня. За мной гонится ребёнок-кэле.

Волки говорят:

— Вон расщелина в скале. Прячься туда. Мы тебя защитим.

Оленевод спрятался в расщелине. Прибежал ребёнок-кэле. И началась битва. Как убьёт кэле волка — тут же его проглотит. Много волков проглотил. Но и его силы пошли на убыль, со всех сторон его покусали волки. И вот он провалился в глубокий снег. Тут волки набросились на него и разорвали.

Охотник выбрался из укрытия. Смотрит, волков стадо вдвое меньше. Он сказал:

— Спасибо, волки, вы меня спасли. Но что мне теперь делать? Был у меня дом, было стадо. Ребёнок-кэле всё сожрал. Что мне делать без оленей?

Волки говорят:

— А ты иди по земле, как мы, куда глаза глядят.

Оленевод пошёл куда глаза глядят — и вдруг превратился в волка. Стал он жить в стае. Хорошо ему стало. Был он быстроногий, сильный, поэтому волки вскоре выбрали его своим вожаком.

ВАПЫРКАН

Жил мальчик-сирота с бабушкой. Был он весь покрыт волдырями. И тело и лицо — всё в волдырях. Было у мальчика имя, но никто в селении его не знал. Все звали его Вапыркан, что значит «волдырь».

Мальчик вырос, стал крепким парнем, но волдыри у него не прошли. Стадо оленей он караулил всегда один. Всюду один, никто с ним не разговаривал.

Вот однажды дремлет он ночью, за оленями присматривает. Вдруг мышь к нему в рукав забралась, бежит по руке, щекочет. Вапыркан сказал:

— Я и без того всё время чешусь, а тут ещё мышь меня щекочет!

А мышь говорит:

— Потерпи, я тебя вылечу. Лежи и не шевелись.

И начала мышь облизывать все его волдыри. Через два дня все они подсохли и пропали. Он вернулся с пастбища домой и сказал бабушке:

— Ты уже совсем старая, бабушка. Скоро и ходить не сможешь. Когда плохо тебе станет, кто воды подаст? Мне жена нужна, тебе помощница нужна. Пойди к соседям, посватай мне девушку. Ведь много у нас соседей и у всех много дочерей.

Пошла бабушка в первую ярангу. У её хозяина было десять дочерей. Но каждая сказала:

— За Вапыркана? Фу! Он противный! Кто пойдёт за Вапыркана? На него и смотреть-то страшно!..

Те же слова говорили девушки и в других ярангах. «Не найти мне невесты внуку», — думает бабушка. В самой последней яранге самая младшая из девушек сказала отцу:

— Отец, наверное, мне надо пойти за Вапыркана. Он парень тихий, трудолюбивый... Я пойду. Всё равно мне хороший муле не достанется.

Отец сказал:

— Правильно, дочка. Он работающий человек. Нельзя от такого отказываться.

Пришла пора забирать невесту. Вапыркан надел чистую новую одежду,

запряг оленей, сел с бабушкой в нарты, и они поехали к невесте. Люди смотрят — не узнают его, таким парень красивцем стал. Повёз он невесту домой. Тогда только люди поняли, что это Вапыркан. Девушки из первой яранги рассердились на невесту, говорят:

— Ни за что ни про что такого хорошего жениха получила! А ведь сначала он сватался к нам. Кому-нибудь из нас он должен был достаться! А к ней он сватался после всех и вот — ей достался!

Жалеют они, горюют, да ничего не вернёшь.

Вапыркан женился. Хорошо они с женой жили. И детей у них было много.

ЭСКИМОССКИЕ СКАЗКИ

КИЦИНИКУ

Было это давно. Жил в тундре Кицинику с женой и маленьким сыном.

Было у него семь оленей. Пас Кицинику в тундре своих оленей. Так и жили. Однажды сильный ветер задул. Долго дул. Что делать? Идти нельзя. Буран с ног валит. Кицинику зарезал оленя. Ели. Жили. Шесть оленей осталось. Буран не утихает. Еда кончилась. Кицинику зарезал второго оленя. Пять оленей осталось. Доели оленя. Буран не утихает. Пришлось третьего оленя зарезать. Осталось четыре... Когда четвертого оленя зарезал Кицинику, осталось их только три. А бурану нет конца. Надо жить, надо есть. Надо зарезать ещё оленя. Осталось два. Воет ветер, гонит снег. Ничего не видно. Хотел пару оленей сохранить бедный Кицинику. Хотел, чтобы дали они приплод. Да какохранишь? Сын плачет, есть хочет. Кицинику зарезал ещё оленя. Последняя важенка осталась. И ей пришёл черёд. Заплакал Кицинику, зарезал последнюю. Когда зарезал, утих ветер.

Утих ветер, ясно стало. Кицинику говорит жене:

— Если здесь теперь останемся, с голоду умрём. Где взять еды? Нет у нас соседей. Надо ярангу разобрать, надо идти туда, где много яранг, туда, где большое селение. Пойдём к тому, у кого много оленей. Будем их пасти, будет у нас еда.

Сказал так Кицинику и замолчал. Молча ярангу разобрал, на нарту погрузил. Потом на нарту жену и сына посадил. Потом впрягся в лямку и потянул нарту.

Потянул по белой тундре, потянул на юг. По дороге сын заплакал: пить хочет. Кицинику остановился.

— Ох и наелись мы! Спасибо! — Потом другим голосом жене:

— Налево — берег. Направо — может быть болото. Пойду туда. Поищу воды.

Жена согласилась, сказала:

— Иди, Кицинику.

И он пошёл. Когда он скрылся, вдруг откуда-то появилась женщина. Она подошла к нарте, жена Кицинику её спрашивает:

— Ты откуда?

— Откуда? Издалека, — отвечает та и говорит: — Подойди-ка ко мне.

Жена Кицинику оставила ребёнка, слезла с нарты, подошла к той женщине. А та взяла её за голову и потёрла своё лицо о её лицо. А когда потёрлась, стало её лицо точь-в-точь такое, как лицо жены Кицинику. Потом говорит:

— Я постерегу ребёнка, а ты тоже воды поищи, пойди вон туда.

Жена. Кицинику поверила ей, пошла искать воду. А когда ушла, скрылась, та женщина к нарте подскочила, на нарту села, ребёнка на руки взяла. Скоро Кицинику вернулся. Вернулся и говорит:

— Не нашёл я воды. Нет воды.

Не понял он, что это не жена его на нарте сидит, потому что лицо у той женщины было точь-в-точь такое, как у его жены.

Та женщина говорит:

— Поедем поскорее!

Кицинику впрягся в лямку. Двинулись.

А жена его воды не нашла и вернулась туда, где они остановились. Вернулась — нет нарты, нет сына, никого нет. И тогда закричала она:

— Кицинику! Кицинику! Почему ты оставил меня, Кицинику?!

Услышал Кицинику голос жены. Услышал, остановился, сказал:

— Тише!.. Будто голос моей жены...

Та женщина говорит:

— Уйдём поскорее из этих мест. Там тень моя ходит по снегам и кричит.

Кицинику тронулся в путь. И вот добрались до селения, подошли к большой яранге. Вошли. Яранга тёплая, очень чистая. Хозяева — богатые оленеводы — хорошо их встретили, в дом пригласили. Кицинику говорит:

— Мой сын пить хочет. Давно, ещё в дороге захотел. Дайте ему воды.

Девушка, хозяйская дочь, подала мальчику воды. Мальчик начал пить.

А когда напился, хозяева стали гостей кормить.

Кицинику скоро наелся. А когда наелся, глянул на затылок своей жены. Случайно глянул. А как глянул — так и замер: на затылке у неё был ещё один рот!

«Нет, это не моя жена», — подумал Кицинику. И сказал тихонько девушке, хозяйской дочери:

— Давай-ка выйдем, я что-то тебе скажу.

Они вышли из яранги. Когда вышли, сказал:

— Добавь в костёр побольше топлива. Когда огонь большой станет, скажи той женщине: «Сядь поближе к огню, замёрзла ведь».

Сказал так и замолчал Кицинику. Молча вошли они в ярангу. Девушка добавила топлива. Костёр разгорелся, огонь стал большим. Девушка той

женщине говорит:

— Сядь поближе к огню, замёрзла ведь.

Та женщина пересела к самому огню. А когда пересела, Кицинику толкнул её в костёр. Женщина в тот же миг превратилась в большого чёрного жука.^[132] Жук загудел, ринулся вверх, в дымник, но огонь был высокий, крылья жука опалило. Он упал, сторел с треском.

Кицинику пошёл жену искать. Пошёл назад в тундру, туда, где она осталась. И нашёл её. А когда нашёл, в большую ярангу привёл.

Стали они тут жить. Кицинику хозяйских оленей пас, в своей яранге жил, еда у него была.

А потом Кицинику получил за работу оленя и важенку. Важенка приносила каждый раз по два оленёнка. Своё стадо стало у Кицинику. Хорошо он стал жить.

СИЛАЧ КАКАЛЯХАК

Было это, говорят, очень давно. Жил на берегу, в Сивукаке, мальчик Какаляхак. Были у него отец и мать, была старшая сестра. Она была замужем за сивукакским старшиной. А он был плохой человек. Добычу у людей отбирал. Между собой охотники звали его грабителем. Но спорить с ним боялись: старшина был силён, как белый медведь.

Однажды мальчик Какаляхак пошёл на берег. Пошёл на берег собирать морскую капусту, которую выбросило приливом. Собрал он капусты, и тут подошёл старшина. Подошёл и говорит:

— Отдай капусту, она моя, я её съем!

— Не отдам! — говорит Какаляхак. — Я сам её собрал, а теперь домой отнесу. Мой отец будет есть, мать будет есть.

Тогда старшина отнял капусту и съел её. Какаляхак в слезах вернулся домой.

— Что плачешь? — спрашивает отец.

— Я на берегу капусты набрал, а старшина всю отнял, — говорит Какаляхак.

— Не плачь, — говорит отец. — Он отнял у тебя капусту, чтобы ты стал силачом. А пока нам придётся поскорее откочевать на север. Иначе старшина нас убьёт. — Так сказал отец. Сказал и надолго замолчал.

Когда наступила ночь, спать легли. Когда настало утро, проснулись. Когда проснулись, поели. Когда поели, ярангу разобрали. Ярангу разобрали, на север откочевали, в бухту за мысом. Там ярангу поставили. Там жить стали.

Какаляхак решил стать силачом. Каждый день он упражнялся: бегал, камни поднимал. В бухте зиму перезимовали. Прошла зима. Какаляхак уже такие камни поднимал, что и двум мужчинам не поднять. Лето пришло. Однажды Какаляхак силу свою испробовать захотел. К матери пришёл и говорит:

— Мама, ты мяса свари, а я за капустой сбегаю в Сивукак.

Какаляхак сухого топлива принёс, мать костёр разожгла. Какаляхак побежал в Сивукак. На мыс прибежал, капусты набрал, обратно побежал. Когда к яранге вернулся, мясо ещё не сварилось. Отец говорит:

— Ты бегаешь быстрее меня!

Мясо сварилось. Сначала капусты поели, потом мяса поели. Потом спать легли. Утром к ним старичок пришёл. Пришёл и говорит:

— В Сивукаке кита добыли.

— Кто добыл? — спросил отец.

— Старшина добыл. Наш силач, — сказал старичок.

— Я пойду в Сивукак, мяса попрошу, — сказал Какаляхак.

— Не ходи, старшина тебя убьёт, — сказал отец.

— Я его не боюсь, — сказал Какаляхак.

Когда поели, старичок ушёл в Сивукак. Отец говорит сыну:

— Когда придёшь в Сивукак, зайди к моей сестре, к своей тётке.

Какаляхак побежал в Сивукак. Старичка догнал, старичка обогнал, дальше побежал.

В селении он к тётке не пошёл. К своей сестре пошёл, к жене старшины. Когда вошёл, сестра испугалась и говорит:

— Зачем ты пришёл, Какаляхак? Мой муж на тебя сердит, он тебя убьёт!

— Я его не боюсь, — говорит Какаляхак. — А ты лучше несколько жилок мне дай, верёвку хочу свить.

Сестра дала ему несколько жилок. Какаляхак начал верёвку вить. Сестра говорит:

— Скорее работай и уходи. Муж тебя застанет — убьёт.

И вот старшина вернулся домой. Посмотрел на гостя и говорит:

— Это ты к нам пришёл, Какаляхак?

— Да, это я, — отвечает паренёк.

— Ты осмелел, — говорит старшина.

— Да, осмелел, — отвечает паренёк.

Старшина закричал жене:

— Ну-ка дай ему кухлянку для борьбы!

Какаляхак говорит:

— Твоя кухлянка никуда не годится, пусть даст дождевик.

Сестра дала дождевик. Какаляхак надел. Старшина говорит:

— Выходи-ка на середину, сейчас тебя поборю.

Какаляхак вышел на середину, прыгнул, увернулся, на ногах устоял. Как ни старался старшина, не мог его ухватить. Старшина устал, сел, дышит тяжело. Тогда Какаляхак говорит:

— Теперь ты выходи на середину, теперь я тебя поборю.

Старшина не пошёл. Но Какаляхак его схватил, крутанул и бросил. Голова у старшины подвернулась вниз. Умер он. Какаляхак сестре говорит:

— Мужа тебе жаль? У тебя ведь много детей.

Сестра говорит:

— Хоть и жаль, а что я смогу сделать?

— Если жаль, дай мне его ремень, — говорит Какаляхак. — Посмотри, как мужа твоего сейчас оживлю.

Сестра дала ему ремень. Какаляхак начал им бить старшину. И тот вдруг встал. Встал и говорит:

— Оказывается, ты силач, Какаляхак.

Какаляхак помолчал, потом говорит сестре:

— Теперь я уйду и твой нерпичий мешок с собой возьму.

Старшина говорит жене:

— Пусть возьмёт, а ты этот мешок китовым мясом наполни.

Она наполнила мешок мясом. Какаляхак взял его и ушёл. Когда уходил, сказал:

— Я китового уса возьму.

Старшина не ответил, промолчал. У берега Какаляхак увидел тушу кита. Рядом два сторожа сидят. Один говорит:

— Смотри, к нам Какаляхак пришёл!

Какаляхак говорит:

— Да, я пришёл. Я старшину победил. Теперь китового уса возьму. — Так он сторожам сказал и в воду вошёл! Подошёл к голове кита, ус начал дёргать.

Сторож говорит:

— Хватит, Какаляхак, много не бери, старшина рассердится.

Не послушал Какаляхак, два куска взял, в трубки свернул, в мешок положил. Потом мешок завязал, на спину взвалил, домой пошёл. В бухту пришёл, к яранге своей пришёл. В яранге мешок снял. Отец говорит:

— Я думал, ты уже убит.

Какаляхак улыбнулся:

— Кто меня убьёт?

Отец помолчал. Какаляхак помолчал. Молча кожаный мешок развязал. Китовый ус из мешка достал, потом китовое мясо достал. Мать говорит:

— Где же ты всё это взял?

Какаляхак говорит:

— Я старшину победил. Он сам мне всё это дал. Вот китовый ус. Из одного куска сделайте ведро, из другого — сачок.

Сказал он так и замолчал. Мать начала китовое мясо варить. Потом они стали есть. Когда поели, легли спать. Проснулись — опять стали есть. Какаляхак говорит:

— Теперь мы все вернёмся в Сивукак. Старшины я больше не боюсь.

Они разобрали ярангу, откочевали в Сивукак. Там ярангу поставили. Хорошо стали жить. Зиму перезимовали. Снова лето пришло. Из разных селений гости в Сивукак приехали. На байдарах приехали. Байдары на берег вытащили. По ярангам разошлись. Хозяева гостей хорошо встречали, хорошо угощали. Когда поели, говорят:

— Теперь состязания устроим.

Гости говорят:

— Мы тоже хотим состязаться.

Началась борьба. Многие боролись. А когда бороться кончили, старшина говорит:

— Какаляхак, выходи, давай поборемся. Давай на свежем воздухе, на воле поборемся!

Какаляхак говорит:

— Нет, с тобой бороться я не хочу.

Старшина говорит:

— Тогда мы боролись в тесной яранге, а теперь сразимся на воле, чтобы все нас видели.

Какаляхак говорит:

— Если ты так хочешь, буду бороться, но, если ты умрёшь, я тебя оживлять не стану. Не стану, потому что ты хочешь меня убить, не стану, потому что ты затаил на меня зло.

Старшина на середину вышел. Какаляхак на середину вышел. Старшина не смог даже схватить Какаляхака. Паренёк прыгал, увёртывался, уходил. Старшина устал, сел. Когда он сел, Какаляхак его схватил. Схватил, крутанул, на землю швырнул, убил. Кричит:

— Жену его позовите!

Её позвали, она пришла, Какаляхак говорит:

— Отвечай, сестра: мужа тебе жаль?

Она ответила:

— Нет, не жаль. Он грабитель. Он плохой человек. — Так она сказала и замолчала. Помолчала и пошла в ярангу.

Какаляхак сказал народу:

— Я теперь самый сильный.

Все согласились. Силача Какаляхака выбрали старшиной.^[133] Все хорошо стали жить.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Слово «этнография» в переводе на русский язык означает «описание народов», «народоведение». Эта наука изучает происхождение и расселение народов мира, а также особенности их материальной и духовной культуры.

В наших этнографических справках говорится о местах обитания народов, об их численности, а также даются краткие сведения о языке и письменности, фольклоре, литературе народов. Учёные объединяют языки в группы, а группы — в семьи. Основные языковые семьи, к которым принадлежат языки народов нашей страны, это: индоевропейская, алтайская, уральская, иберийско-кавказская и палеоазиатская. Алтайская семья делится на три группы: тюркскую, монгольскую и тунгусо-маньчжурскую. Уральская — на финно-угорскую и самодийскую группы, палеоазиатская — тоже на две группы: чукотско-камчадальскую и эскимосско-алеутскую. Из многочисленных индоевропейских языков нас интересуют только две группы: восточно-славянская и иранская. Из иберийско-кавказских — три группы: абхазо-адыгская, нахская и дагестанская.

В этой классификации мы называем языки только тех народов РСФСР, сказки которых представлены в книге.

Итак, русский язык относится к восточнославянской группе; к иранской группе — осетинский; к тюркской — татарский, ногайский, карачаево-балкарский, якутский, тувинский, тофаларский; к монгольской группе — калмыцкий и бурятский; к тунгусо-маньчжурской — эвенкийский, орочский; к финно-угорской группе — карельский, мордовский, коми, мансийский, саамский; к самодийской группе — ненецкий, энецкий, нганасанский, селькупский; к абхазо-адыгской группе — адыгейский, кабардино-черкесский; к нахской группе — чеченский, ингушский; к дагестанской — аварский; к чукотско-камчадальской группе — чукотский, ительменский, корякский, керекский; к эскимосско-алеутской группе — эскимосский. Кроме того, три языка — нивхский, кетский и юкагирский — называются изолированными, то есть они не примыкают ни к одной из этих групп.

РУССКИЕ

Русские — самый многочисленный из народов Советского Союза, один из самых больших народов мира. В 1979 году из 264 миллионов человек в СССР было 137,5 миллиона русских. [\[134\]](#)

Предки русских — древнеславянские племена — в начале нашей эры жили на территориях от Вислы до Днепра. Древнерусское государство — Киевская Русь — сложилось в IX веке. За время существования Киевской Руси (IX–XII века) славянские племена объединились в древнерусскую народность, которая стала основой для формирования трёх братских народов — русского, украинского и белорусского.

В XIV–XV веках сформировалась русская нация, вокруг Москвы сложилось централизованное Русское государство. В XVI–XVII веках русские начали заселять Нижнее Поволжье, Урал, Северный Кавказ, Сибирь, в XVIII–XIX веках — Прибалтику, Причерноморье, Закавказье, Казахстан, Среднюю Азию, Дальний Восток. Русские всюду вступали в тесный контакт с местными жителями, оказывали на них культурное и экономическое влияние, сами воспринимали их культуру. После Великой Октябрьской социалистической революции все отсталые, угнетённые народы российских окраин благодаря помощи русского народа смогли в короткий срок стать развитыми социалистическими нациями.

Русский язык — язык межнационального общения. Более 10 миллионов человек, принадлежащих к разным народам СССР, родным языком назвали русский. Остальные — почти все двуязычны, то есть наряду с родным языком хорошо знают русский. Всё большее значение приобретает русский язык как язык международный. За рубежом его изучают более 20 миллионов человек.

КАРЕЛЫ

Карелы (138 тысяч человек) живут в основном в Карельской АССР (столица — город Петрозаводск). Кроме того, около 40 тысяч карел живут в Финляндии.

Всемирно известен карело-финский эпос «Калевала», составленный финским учёным Э. Лёнротом из карельских и финских рун (эпических песен), которые он записал от нескольких рунопевцев и опубликовал в 1835 году.

По происхождению и языку карелы близки к финнам, пользуются финским литературным языком. Все карелы знают русский. Карельская советская литература, таким образом, развивается на двух языках — на

финском и на русском. Известны писатели Ялмари Виртанен (1889–1939), Антти Тимонен (родился в 1915 году), Яакко Ругоев (родился в 1918 году), Тайсто Сумманен (1931–1988).

СААМЫ

Саамы в СССР живут на Кольском полуострове (1900 человек). В Норвегии, Швеции и Финляндии живут около 30 тысяч саамов. Прежнее название — лопари. Язык бесписьменный, употребляется в быту. Все саамы двуязычны.

НЕНЦЫ

Ненцы — самый большой из народов Севера (30 тысяч человек). Прежнее название — самоеды, юраки. Ненцы живут на огромных пространствах Европейского и Азиатского Севера нашей страны — в автономных округах Ненецком (центр — город Нарьян-Мар), Ямало-Ненецком (центр — город Салехард) и Таймырском — Долгано-Ненецком (центр — город Дудинка). Письменность создана в 1931 году, в 1937 году переведена на русскую графику.

Из среды ненцев ещё до войны выдвинулся крупный общественный деятель, писатель и художник Илья Константинович Тыко Вылка (1883–1960). Антон Петрович Пырерка (1905–1941) был первым учёным, создателем русско-ненецкого словаря. Известны писатели Иван Истомин (родился в 1917 году), Леонид Лапцуй (1932–1982), Василий Ледков (родился в 1933 году).

КОМИ

Под названием коми объединяются два близкородственных народа: коми и коми-пермяки. Первые живут в Коми АССР (столица — город Сыктывкар), вторые — в Коми-Пермяцком автономном округе Пермской области (центр — город Кудымкар). Всего коми 478 тысяч человек.

Древнепермская письменность появилась ещё в XIV веке, но была забыта. Нынешняя письменность была создана в 20-х годах.

Зачинателем коми литературы был выдающийся поэт и просветитель

Иван Куратов (1839–1875). У истоков советской коми литературы стояли М. Н. Лебедев (1877–1951), В. А. Савин (1888–1943), В. И. Лыткин (1895–1981). Лыткину принадлежат исследования коми языка. Фольклорист А. К. Микушев (родился в 1926 году) издал собрание народных песен в 3-х томах.

МОРДВА

Мордва — крупнейший из уралоязычных народов нашей страны (1 миллион 192 тысячи человек). Состоит из двух групп племён: эрзя и мокша. Существует два мордовских языка: эрзя-мордовский и мокша-мордовский. Мордовское население рассредоточено по всему Поволжью, а также по областям Оренбургской, Кемеровской и по Красноярскому краю. В 1934 году образована Мордовская АССР (столица — город Саранск). Мордовские языки получили письменность в 20-х годах. Известны писатели Никул Эркай (1906–1978), Артур Моро (родился в 1909 году), Яков Пинясов (1913–1984).

ТАТАРЫ

Татары живут в Татарской АССР, а также в Башкирии, Чувашии, Мордовии, во всех областях Поволжья и во многих областях Западной Сибири. Татары — второй по численности народ Российской Федерации (6 миллионов 317 тысяч человек). Татарский язык сформировался в XV–XVI веках в период Казанского ханства. Уже в ту пору татары пользовались письменностью на основе арабской графики. Перед революцией много сделали для развития литературного языка татарские классики Габдулла Тукай (1886–1913), Галимджан Ибрагимов (1887–1938), Маджит Гафури (1880–1934).

В мае 1920 года была образована Татарская АССР (столица — город Казань). В 1927 году татарский алфавит был переведен на латинскую графику, а в 1939 году — на русскую. Гордость татарской литературы — поэт Муса Джалиль (1906–1944), погибший в фашистском концлагере. Написанная в застенках «Моабитская тетрадь» удостоена Ленинской премии (1957). Поэту посмертно присвоено звание Героя Советского Союза (1956). Известны писатели Кави Наджми (1901–1957), Хасан Туфан (1900–1981), Гумер Баширов (родился в 1901 году).

КАЛМЫКИ

Калмыки (147 тысяч человек) живут в Калмыцкой АССР (столица — город Элиста), а также в прилегающих областях — Астраханской, Ростовской и в Ставропольском крае.

Предки калмыков — ойраты — жили в Центральной Азии. В конце XVI века ойраты перекочевали в Россию, 40 лет двигались на Запад и остановились в степях на правом берегу Волги. В 1609 году вошли в состав Русского государства. До середины XVII века калмыки пользовались монгольским вертикальным письмом. В 1648 году учёный-просветитель Зая-Пандит создал калмыцкую письменность на основе монгольской. Но она не имела широкого распространения, её знало только буддийское духовенство. В 1924 году был создан новый алфавит на основе русской графики. Основоположники калмыцкой советской литературы — Антон Амур-Санан (1888–1940), Баатр Басангов (1911–1944). Вся страна знает поэта Давида Кугультинова (родился в 1922 году), лауреата Государственной премии СССР (1976). Калмыцкий народ создал и сохранил богатейший фольклор. Его вершина — монументальный героический эпос «Джангар» (XV век). Любимый фольклорный жанр — сказки. Академик Б. Я. Владимирцев назвал Калмыкию второй родиной сказок после Индии.

АДЫГЕЙЦЫ

Адыгейцы (109 тысяч человек) живут в основном в Адыгейской автономной области (центр — город Майкоп), которая входит в состав Краснодарского края. Адыгейцы — один из трёх адыгских народов. К этой группе относятся кабардинцы и черкесы. Письменность адыгейцы получили сразу после революции. Уже в 1918 году был составлен первый адыгейский букварь. Богата народная поэзия адыгейцев. Это героические сказания о нартах,^[135] а также многочисленные песни. Основоположник адыгейской литературы — народный поэт Адыгеи Цуг Теучеж (1855–1940). Известны писатели Т. Керашев (родился в 1902 году), Мурат Паранук (1912–1970), Киримизе Жанэ (1919–1983).

НОГАЙЦЫ

Ногайцы (60 тысяч человек) живут в основном в Карачаево-Черкесской автономной области, которая входит в состав Ставропольского края, а также в Астраханской области и в Дагестанской АССР. Язык близок к каракалпакскому и казахскому языкам.

До революции ногайцы пользовались арабской письменностью. Это был узкий круг грамотных людей, в основном духовенство. Общенациональный литературный язык ногайцы получили лишь после революции, в 30-х годах. В 1938 году алфавит был переведён на русскую графику. Известны ногайские писатели Фазиль Абдулжалилов (1913–1974), Суюн Капаев (родился в 1927 году).

КАБАРДИНЦЫ

Кабардинцы (322 тысячи человек) живут в основном в Кабардино-Балкарской АССР (столица — город Нальчик).

В 1557 году при правителе Темрюке Кабарда добровольно вошла в состав Русского государства. Кабардинцы говорят на кабардино-черкесском языке (два близкородственных адыгских народа говорят на одном языке). Письменность создана в 1924 году, в 1936 году переведена на русскую графику.

Зачинателем кабардинской литературы был поэт и просветитель Шора Ногмов (1801–1844). Известен мастер народной поэзии Бекмурза Пачев (1854–1936). У истоков советской кабардинской литературы стоял выдающийся поэт Али Шогенцуков (1900–1941). Известны писатели, народные поэты Кабардино-Балкарии Алим Кешоков (родился в 1914 году) и Адам Шогенцуков (родился в 1916 году).

БАЛКАРЦЫ

Балкарцы (66 тысяч человек) живут в основном в Кабардино-Балкарской АССР. Язык — карачаево-балкарский (два близкородственных народа говорят на одном языке). Письменность создана в 1924 году, в 1939 году переведена на русскую графику. Основоположником балкарской литературы был народный поэт Кязим Мечиев (1859–1945). Гордость балкарской литературы — выдающийся мастер слова, народный поэт Кабардино-Балкарии Кайсын Кулиев (1917–1985). Известны поэты — народные поэты Кабардино-Балкарии — Максим Геттуев (1916–1985),

Танзиля Зумакулова (родилась в 1934 году).

ОСЕТИНЫ

Осетины (542 тысячи человек) живут в Северо-Осетинской АССР (столица — город Орджоникидзе), а также в Юго-Осетинской автономной области Грузинской ССР. Древнее название — аланы. Письменность у алан на основе греческой графики существовала ещё в X веке, но потом была утрачена. В середине XIX века русские академики А. М. Шегрен и В. Ф. Миллер создали осетинскую письменность на основе русского алфавита. Шегрен в 1844 году опубликовал «Осетинскую грамматику» в 2-х томах, Миллер в 1881–1887 годах — «Осетинские этюды» в 3-х томах. Зачинателем осетинской литературы и создателем литературного языка был выдающийся поэт, просветитель, общественный деятель, революционный демократ Коста Хетагуров (1859–1906). Из советских писателей известны Г. Кайтуков (родился в 1911 году), М. Цагараев (родился в 1916 году), Н. Джусойты (родился в 1924 году).

ЧЕЧЕНЦЫ

Чеченцы (756 тысяч человек) живут в Чечено-Ингушской АССР (столица — город Грозный), а также в соседних республиках и областях. Самоназвание — нахчо. Письменность создана в начале 20-х годов, в 1938 году переведена на русскую графику. Литература возникла в советское время, её зачинатели — А. Нажаев (1895–1937), С. Бадиев (1904–1943). Известны писатели Магомед Мамакаев (1910–1973), Раиса Ахматова (родилась в 1928 году).

ИНГУШИ

Ингуши (186 тысяч человек) живут в основном в Чечено-Ингушской АССР. По происхождению и языку ингуши родственны чеченцам. Письменность, как и у чеченцев, создана в начале 20-х годов, в 1938 году переведена на русскую графику. Основоположники ингушской советской литературы — Т. Беков (1873–1938), З. Мальсагов (1894–1934). Известны поэты Хаджи-Бекир Муталиев (1910–1964), Джемалдин Яндиев (1916–

1979).

АВАРЦЫ

Дагестанская АССР — самая многоязычная из наших республик. В ней насчитывается около 30 языков. Из них литературных языков — 7 (аварский, лезгинский, даргинский, кумыкский, лакский, табасаранский, татский), остальные — бесписьменные.

Аварцы — самый многочисленный из народов Дагестана (483 тысячи человек). В первые годы Советской власти аварцы получили письменность. Сначала она была на основе арабской графики, что затрудняло обучение. В 1938 году был принят алфавит на основе русской графики.

Основоположник аварской литературы — выдающийся поэт Гамзат Цадаса (1877–1951). «Избранное» поэта в 1951 году отмечено Государственной премией СССР. Вся страна знает сына Гамзата Цадасы — Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, народного поэта Дагестана Расула Гамзатова. Стихи его переведены на многие языки народов СССР и на иностранные языки.

МАНСИ

Манси (7,6 тысячи человек) живут в Ханты-Мансийском автономном округе (центр — город Ханты-Мансийск). Прежнее название — вогулы. Письменность создана в 1931 году, в 1937 году переведена на русскую графику. Около половины манси родным языком назвали русский. Богат мансийский фольклор. Излюбленный герой сказок — удалец Эква-Пырьсь, побеждающий богачей. Из мансийских писателей широкую известность получил Юван Шесталов (родился в 1937 году).

НГАНАСАНЫ

Нганасаны — небольшая народность (900 человек), живущая в Таймырском автономном округе. Прежнее название — тавгийцы, самоеды-тавгийцы. Нганасаны — самые северные жители нашей страны. Язык бесписьменный.

ЭНЦЫ

Энцы — небольшая этническая группа (300 человек), родственная ненцам. Живут в Таймырском автономном округе. Язык бесписьменный. Энецкий и нганасанский фольклор изучал Б. О. Долгих.

СЕЛЬКУПЫ

Селькупы (3,6 тысячи человек) живут на севере Томской области, Красноярского края и в Ямало-Ненецком автономном округе. Прежнее название — остяко-самоеды. Письменность создана в 1932 году. Селькупы двуязычны, половина назвала русский родным языком. Традиционные занятия — рыболовство, оленеводство.

КЕТЫ

Кеты — небольшая народность (1100 человек). Кеты живут отдельными группами по Енисею от впадения в него реки Сым на юге до Курейки на севере. Прежнее название — енисейцы, енисейские остяки. Язык бесписьменный. Профессор А. П. Дульзон (1900–1973) за труд «Кетский язык» удостоен Государственной премии СССР (1971). Кеты двуязычны.

ТУВИНЦЫ

Тувинцы (166 тысяч человек) живут в верховьях Енисея, в Тувинской АССР (столица — город Кызыл). После окончания гражданской войны, после изгнания из Тувы белогвардейцев и интервентов была провозглашена Тувинская Народная Республика, прочно связавшая свою судьбу с Советским государством. В 1944 году Тува вошла в состав Советского Союза. В 1930 году с помощью советских учёных была создана национальная письменность. Основоположник тувинской литературы — выдающийся писатель и государственный деятель Салчак Тока (1901–1974). Его повесть «Слово арата» удостоена в 1951 году Государственной премии СССР. Широко известны тувинские поэты Степан Сарыг-оол

(1908–1983), Сергей Пюрбю (1913–1975), Юрий Кюнзегеш (родился в 1927 году).

ТОФАЛАРЫ

Тофалары — небольшая тюркоязычная этническая группа (620 человек), близкая по языку тувинцам. Живут тофалары в Иркутской области, в верховьях рек Бирюсы, Уды, Ии. Их соседи — восточные тувинцы, тоджинцы. Тофалары близки тоджинцам по происхождению, культуре.

Они хорошие охотники и так же, как тоджинцы, разводят северных оленей. Центр, где сосредоточено тофаларское население, — село Алыгджер (215 человек) на реке Уде.

Язык бесписьменный. Тофалары грамотны, знают русский язык.

Известный русский востоковед, выдающийся сын хакасского народа Н. Ф. Катанов (1862–1922) в конце XIX века первым записал образцы тофаларского фольклора. Они были включены в 10-томное собрание «Образцы народной литературы тюркских племён», подготовленное крупнейшим русским востоковедом-тюркологом академиком В. В. Радловым (1837–1918).

ЭВЕНКИ

Эвенки (28 тысяч человек) живут на обширных территориях Крайнего Севера от Енисея на западе до Охотского моря на востоке. На севере Красноярского края образован Эвенкийский автономный округ (центр — посёлок Тура). Прежнее название эвенков — тунгусы.

Предки эвенков жили в Прибайкалье. Отсюда они распространились на север, северо-запад и северо-восток по всей лесной зоне. В середине XVII века эвенки вошли в состав Русского государства.

Эвенки живут раздробленно в окружении якутского, русского, бурятского населения. Большая часть эвенков говорит по-якутски, по-русски, по-бурятски. Меньшая часть пользуется родным языком. В 1931 году эвенки получили письменность. Эвенкийский язык и фольклор изучали ленинградские учёные — крупнейший советский тунгусовед Глафира Макаровна Василевич (1895–1972), совершившая 13 длительных экспедиций в Сибирь и на Дальний Восток для изучения языков, записи

текстов, издавшая фундаментальный труд «Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору» (1936), и профессор Михаил Григорьевич Воскобойников (1912–1980), записавший множество эвенкийских текстов... Известен поэт Григорий Чинков (1915–1970), поэт и прозаик Алитет Немтушкин (родился в 1939 году).

Эвенки занимаются охотой, рыболовством, на севере — оленеводством, в Забайкалье — земледелием.

БУРЯТЫ

Буряты (353 тысячи человек) живут в Бурятской АССР (столица — город Улан-Удэ), в Читинской и Иркутской областях.

На территориях, где сейчас живут буряты, в XVII веке обитало множество племён. Слившись, они образовали бурятскую нацию. В XVII веке буряты вошли в состав Русского государства.

До революции буряты пользовались монгольским письмом. В 1931 году была создана собственная письменность. Основоположник бурятской литературы — выдающийся писатель Хоца Намсараев (1889–1959). Известны поэты Николай Дамдинов (родился в 1932 году), Дондок Улзытуев (1936–1972). Богат бурятский фольклор, широко известен героический эпос — «Аламжи-Мерген», «Гэсэр».

Первым исследователем бурятской этнографии и фольклора был ссыльный декабрист Николай Бестужев (1791–1855), художник и писатель, живший с 1839 года на поселении в Селенгинске.

ЯКУТЫ

Якуты (328 тысяч человек) живут на огромной территории Якутской АССР (столица — город Якутск), а также небольшими группами в областях и краях, граничащих с Якутией.

В начале XVII века Якутия вошла в состав Русского государства. Фольклор якутов богат и разнообразен, народ любит героический эпос — олонхо. Олонхо подобно былинке, это сказание в стихах о подвигах богатырей. До революции бытовало несколько сотен олонхо, исполняемых народными певцами — олонхосутами.

Якутская письменность появилась фактически после революции. Основоположником якутской советской литературы стал революционер,

писатель и общественный деятель П. А. Ойунский (1893–1939). Известны писатели С. Кулачиков-Элляй (1904–1976), Д. Сивцев (Омоллон) — родился в 1906 году, поэт Семён Данилов (1917–1978).

ЮКАГИРЫ

Юкагиры (800 человек) — один из малых народов Севера, потомки самых древних обитателей Северо-Восточной Сибири. Одна группа юкагиров живёт на реке Колыме, другая кочует в тундре в районе реки Алазеи. Язык бесписьменный. Все юкагиры хорошо знают русский. На русском языке писал замечательный писатель, летописец юкагирского народа Семён Курилов (1935–1980). Известен поэт Улуро Адо (Гавриил Курилов) — родился в 1938 году.

ОРОЧИ

Орочи — небольшая этническая группа (1200 человек), живущая в Хабаровском крае по рекам Тумнин и Хунгари. В устье реки Тумнин расположено орочское село Уська Орочская.

Язык бесписьменный, употребляется лишь в домашнем обиходе. Все орочи знают русский язык.

Традиционные занятия — рыболовство, охота, морской зверобойный промысел.

НИВХИ

Нивхи — один из малых народов Дальнего Востока (4,4 тысячи человек) — живут в устье Амура и на Сахалине.

До революции язык, фольклор и этнографию нивхов изучал ссыльный революционер Л. Я. Штернберг (1861–1927), в советское время — Е. А. Крейнович (1906–1985), В. З. Панфилов (родился в 1927 году) и первый учёный нивх Чунер Михайлович Таксами (родился в 1931 году), доктор исторических наук.

Письменность для нивхов создана в 1932 году. Широко известен нивхский писатель и общественный деятель Владимир Санги (родился в 1935 году). Он пишет на русском языке. Произведения его переведены на

многие иностранные языки. В. Санги — секретарь правления Союза писателей РСФСР.

Нивхская легенда, рассказанная Владимиром Санги, послужила Чингизу Айтматову основой для повести «Пегий пёс, бегущий краем моря».

ИТЕЛЬМЕНЫ

Ительмены — небольшая народность (1400 человек), живущая на западном побережье Камчатки, в Корякском автономном округе. Язык бесписьменный. Все ительмены двуязычны, грамотны, в обиходе пользуются русским языком. Своеобразны ительменские сказки: в каждой из них участвуют ворон Кутх или члены его семьи.

КЕРЕКИ

Кереки — небольшая этническая группа (около 400 человек), родственная корякам и чукчам. Кереки живут смешанно с чукчами в Анадырском районе Чукотского автономного округа. Язык бесписьменный. Кереки трёхязычны, то есть кроме керекского знают чукотский и русский.

КОРЯКИ

Коряки (7,9 тысячи человек) живут в основном в Корякском автономном округе (северная половина Камчатской области), а также в пограничных областях. Центр округа — посёлок Палана. Письменность создана в 1932 году. Изучением корякского и ительменского языков и фольклора занимался Сергей Николаевич Стебницкий (1906–1941).

Он погиб, защищая Ленинград. Основоположник корякской литературы Кецай Кеккетын (1918–1942) также погиб на фронте. Известен писатель Владимир Коянто (Косыгин) — родился в 1933 году.

ЧУКЧИ

Чукчи (14 тысяч человек) — коренное население Чукотки. Они живут

в основном в Чукотском автономном округе (центр — Анадырь). Слово «чукчи» происходит от самоназвания тундровых оленеводов — чаучу (оленный). Береговые чукчи звали себя анкаланами. Тундровые чукчи были кочевыми оленеводами, береговые — оседлыми охотниками на морского зверя. Между собой они поддерживали натуральный обмен.

До революции чукотский язык и фольклор изучал политический ссыльный, писатель и учёный В. Г. Богораз (1865–1936). Письменность создана в 1931 году. Всемирное признание получил писатель Юрий Рытхэу (родился в 1930 году). Известны поэты Виктор Кеулькут (1929–1963), Антонина Кымытваль (родилась в 1938 году).

ЭСКИМОСЫ

Слово «эскимосы» происходит от индейского слова «эскиманцик» — «питающиеся сырым мясом». Эскимосы живут в арктических зонах Канады, на Аляске и в Гренландии. Всего на земле около 80 тысяч эскимосов. В 1861 году создана эскимосская письменность. Существует эскимосская литература.

В Советском Союзе на побережье Берингова моря в Чукотском автономном округе живут азиатские эскимосы (1500 человек). Советские эскимосы получили письменность в 1932 году. На родном языке дети обучаются в первых двух классах, потом — на русском. Эскимосы живут среди чукчей, знают чукотский.

До революции эскимосский язык и фольклор изучал В. Г. Богораз, в советское время — учёные Е. С. Рубцова, Г. А. Меновщиков. Известен поэт Юрий Анко (1930–1960).

Традиционное занятие — морской зверобойный промысел.

notes

Примечания

1

В РСФСР, кроме того, живут, конечно, и представители народов всех остальных союзных республик.

Обжи — рукоятка сохи.

3

Изрядный — хороший, немалый.

4

Давеча — недавно, незадолго.

Колодезная соха — столб с развилкой, в которую вкладывается журавль, служащий для подъёма воды из колодца.

6

Сноха — жена сына.

Дьякон — помощник священника, попа.

Погост — кладбище.

9

Отказа**т**ь — завеща**т**ь.

Урядник — унтер-офицер, низший полицейский чин.

Пристав — начальник полицейского участка.

Холодная — арестантская при полицейском участке.

Архйерей — старший священник в церковном ведомстве.

Исправник — начальник уездной полиции.

Уезд — уездный город, центр уезда (района).

Полова — шелуха, лузга.

Полка — выступ для насыпки пороха у старинного кремнёвого ружья.

Мякина — шелуха, колос, из которого выбиты зёрна.

Заваруха — каша из ржаной муки.

Вежа — лёгкое летнее жилище из жердей, покрытых хворостом, мхом, дёрном.

Чудь — общее название для всех врагов-пришельцев.

Кережа — небольшие сани.

Тупа — зимнее жилище, бревенчатая изба.

Дымник — отверстие в крыше чёрной избы для выхода дыма.

Печок — верхняя меховая одежда.

Сокуй — дорожная одежда с капюшоном из оленьих шкур.

Пимы — тёплые сапоги, сшитые из шкурок с ног оленя.

Важенка — самка оленя.

Ворса — леший.

Нодья — особым образом разведённый костёр: два кряжа кладут друг на друга, между ними — сухие ветки. Огонь горит медленно, всю ночь, и жар идёт в стороны, обогревая охотников.

Лесова**а**ть — промышлять в лесу, охотиться.

Йома подобна Бабе-Яге, но живёт в подводном мире.

Карий — тёмно-гнедой, почти вороной конь.

Во всех языческих погребениях (надземных и подземных) рядом с покойником ставили съестные припасы для путешествия в загробный мир.

Шурале — леший.

Кошма — войлочная подстилка, коврик.

Бай — богач.

Курай — духовой музыкальный инструмент, род флейты.

Караван-башу — хозуин каравана.

Шайтан — чёрт.

Каллиграфия — искусство красиво писать пером.

Мус — человекоподобное чудовище, великан.

Таваг — глубокое деревянное блюдо для мяса.

Наран-Арслан — Солнце-Лев.

Лама — монах-священник.

Чётки — шнурок с бусами для отсчитывания прочитанных молитв.

У хана могло быть много жён.

Нойон — князь.

Ятха — струнный музыкальный инструмент.

Абреки — разбойники.

Алып — сказочный неутомимый конь.

Джигит — ловкий, искусный наездник; молодой парень; удалец.

Шейх — старейшина племени, селения; глава мусульманской религиозной общины. В понятии горцев Северного Кавказа шейх — святой.

Мюрид — последователь, ученик, приверженец шейха.

Мавзолей — монументальное надгробное сооружение. Слово происходит от названия знаменитой гробницы карийского царя Мавзола в Малой Азии (IV в. до н. э.).

Паломник — человек, идущий поклониться святым местам.

Гарбаш — человекоподобное чудовище.

Ростовщик — человек, который даёт деньги в долг под проценты.

Туман — золотая монета, десять рублей.

Отыр — богатырь.

Калым — выкуп за невесту.

Парка — верхняя зимняя одежда из оленьих шкур мехом наружу.

Ягушка — верхняя женская одежда.

Баруси — чёрт, нечистая сила. Баруси всегда одноногий, однорукий, одноглазый.

Сокуй надевают поверх парки. Когда входят в чум, сокуй снимают.

Строга**а**ть — здесь: есть настроганную сырую мороженую рыбу, одно из любимых кушаний нганасан.

Юраки — по-нганасански, по-энецки — немцы.

Хорей — длинный шест, которым погоняют оленей.

Банга**й** — самка оленя, ещё не телившаяся. Банга**и** — самые быстрые ездовые олени, поэтому очень ценятся.

Моррэдэ — охотник на диких оленей.

Поколка — охота с копьями на диких оленей при переправе их через реку.

Сказки, предания о безголовых людях часто встречаются у народов Севера. Глухая одежда с капюшоном, которую носят коренные жители тундры, делает их похожими на безголовых.

Согуда**а**ть — есть мясо или рыбу сырыми.

Самату — одно из энецких племён.

Тунгусы — эвенки, тавги — нганасаны.

Рожни — заострённые палочки.

Сарана — вид лилии, луковицы которой съедобны.

Лоз — чудовище, леший.

Кайгусь — лесной дух; может принимать облик людей и животных.

У лесного духа — лесной женщины — собакой служит соболь.

Фыргынь — ведьма, нечистая сила, злой дух.

Костный жир из оленьих ног — самая лакомая пища у всех народов Севера.

Аал — селение, группа юрт, кочующих вместе.

Танец орла — ритуальный танец, который исполняют борцы перед состязанием, а победитель — и после состязания.

Горловое пение — особое двухголосное пение, бытующее у некоторых тюркских народов.

Акый — вежливое обращение к старшим.

Ширэ — низкий столик.

Бора-быда — буквально: серый крупяной суп.

Божа — отходы после перегонки араки (молочной водки).

Хойтпак — снятое кислое молоко.

Монгун-Тайга — Серебряный горный хребет.

Алдын-Тайга — Золотой горный хребет.

Шаман — колдун-знахарь, служитель культа у некоторых народов, религия которых основана на вере в духов.

Туру — шаманское дерево.

Лабаз — сарай для хранения съестных припасов в лесу. Его ставят на сваях.

Чумище — место, где недавно стояли чумы. «Бросить на чумище» — оставить кого-нибудь на стойбище, а самим откочевать. Так поступали богатые оленеводы с бедными родственниками, сиротами, с неугодными им людьми. Оставляли обычно без средств для кочёвки.

Пальма — большой широкий нож, насаженный на рукоятку-шест; эвенкийское копье.

Среди эвенков встречались племена людоедов. Этот мотив нашёл широкое отражение в сказках.

Дэвордыбгин — непереваемое слово-закливание.

Чангит — бродяга, разбойник, враг.

Лесенкой служило длинное бревно с зарубками-ступеньками.

Бурбул**и**н — непереваемое слово-припев.

Хоймор тэнги — столб в юрте за очагом.

Тусок, тус — берестяная коробка с крышкой.

По-якутски «тойон» означает и «орёл», и «господин».

Халцедон — полудрагоценный камень. Бывает разных цветов.

Абаасы — злой дух, нечистая сила, страшное человекоподобное чудовище.

Хариус — рыба сибирских рек.

Хозяин оленей — дух-покровитель оленей. По верованиям юкагиров, всякий предмет, всякое место, всякое животное имеет своего «хозяина».

Нинба — доска для кройки шкур.

Олень-манщик — олень, с помощью которого охотятся на диких оленей. Манщика на длинном ремне подпускают к стаду, он отвлекает внимание оленей, охотник в это время подкрадывается к ним, прячась за другим оленем.

Из чума можно выйти не только в дверь, то есть отвернув полог, но и в любом месте чума, отвернув шкуру, которой он покрыт.

Охотники, рыболовы, чтобы им повезло, рисовали зверей и рыб или вырезали их из дерева.

Ке — возглас, которым слушатели подбадривают рассказчика.

Чтобы задобрить силы природы, охотники по прибытии на новое место делали жертвоприношения хозяевам огня, воды, леса, то есть бросали немного еды в огонь, в воду, в лес.

Он — значит тигр. Тигр — обожествляемое животное, хозяин леса, хозяин гор, его запрещалось называть по имени.

К тигру обращались на «вы», как к самому почётному лицу. Когда встречали в лесу следы тигра, бросали на след, то есть тигру, огниво и трут — дорогие, необходимые охотнику вещи.

Кресало — железная зазубренная плашка для высекания искры из кремня.

Торбаса — высокие сапоги из шкур.

*Ю*кола — вяленая рыба.

Толкуша — кушанье, приготовленное из рыбы, ягод и жира.
Распространено у народов Севера.

Голец — речная рыба из семейства карповых.

Кала — злое чудовище, людоед, дух-оборотень.

Кереки весной и летом заготавливали на зиму пищу, в основном уток. Их вялили над костром и вешали на балках.

123

Входили в землянку сверху, через дымное отверстие.

Керкер — меховой женский комбинезон.

Яранга — жилище в виде шатра из жердей, крытых оленьими или моржовыми шкурами.

Полог — шкуры, натянутые на стойки в спальном помещении.

*Ка*мус — шкура с ног оленя или лося.

Чуванцами коряки называли, соседние народы.

Древние охотники верили, что зверь приходит к ним в гости, оставляет им свою плоть, а душа его возвращается в море, обретает там новую плоть. Добытого морского зверя перед свеживанием «кормили» крошками мяса и «поили» пресной водой.

Кочкоголовые — так в чукотских сказках животные называют людей.

Кэ́ле — зло́й дух, оборо́тень, чудови́ще, людо́ед.

Злой дух в эскимосских сказках часто принимает вид жука.

Старшиной в селении становился силач, который побеждал в борьбе старшину-предшественника.

Здесь и далее — данные Всесоюзной переписи населения 1979 года.

Сказания о богатырях-нартах бытуют у многих народов Северного Кавказа.